

ҚАЗАҚСТАН
ТӘУЕЛСІЗДІГІНЕ

30 ЖЫЛ

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІ
Ә. Х. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ

МАРҒҰЛАН ОҚУЛАРЫ – 2021:

Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 30 жылдығына
және Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының
30 жылдығына арналған
«Этномәдени зерттеулер контекстіндегі Ұлы Дала»
атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары

Алматы қ., 26–27 қазан 2021 ж.

1-том

Алматы
2021

Жинақ Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру, ЖТН OR11465466 жобасы аясында шығарылды

Баспаға Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Ғылыми кеңесі ұсынған

Бас редактор

А. Оңғар, тарих ғылымдарының кандидаты,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының бас директоры

Жауапты редакторлар:

Б.Ә. Байтанаев, тарих ғылымдарының докторы, ҚР ҰҒА академигі
Т.Б. Мамиров, тарих ғылымдарының кандидаты

Рецензенттер:

З. Самашев, тарих ғылымдарының докторы, профессор
М.Қ. Хабдулина, тарих ғылымдарының кандидаты, доцент
В.Г. Ломан, тарих ғылымдарының кандидаты

Редакциялық алқа:

И.В. Мерц, тарих ғылымдарының кандидаты, философия докторы (PhD); З.М. Төлєнова, тарих ғылымдарының кандидаты, доцент; А.Е. Рогожинский, тарих ғылымдарының кандидаты;
Г.С. Жұмабекова, тарих ғылымдарының кандидаты; Ж.Қ. Мықтыбаева, тарих ғылымдарының кандидаты; А.А. Горячев; Ә.М. Манапова, тарих ғылымдарының кандидаты;
Ғ.А. Базарбаева, тарих ғылымдарының кандидаты; Т.Н. Лошакова; Д.А. Байтілеу, тарих ғылымдарының кандидаты; Е.Ш. Ақымбек, философия докторы (PhD); Ж.Р. Утубаев, тарих ғылымдарының кандидаты, философия докторы (PhD); А.К. Айтқали, философия докторы (PhD);
М.С. Шағырбаев, Я.С. Шаяхметова

М 21 Марғұлан оқулары–2021: Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 30 жылдығына және Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының 30 жылдығына арналған «Этномәдени зерттеулер контекстіндегі Ұлы Дала» атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары (Алматы қ., 26–27 қазан 2021 ж.). 3 томдық. Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2021. 1-том. 256 б.

ISBN 978-601-7312-85-5

ISBN 978-601-7312-88-6

Жинақтың бірінші томына еліміздің археологиялық зерттеулерінің тарихы бойынша, тұлғалардың ғылымдағы рөлі, сонымен қатар Қазақстан археологтарының далалық зерттеулері мен шетелдік ғалымдармен біріккен зерттеулерінің материалдары кірді. Ғылыми айналымға жаңа деректер енгізілуде. Зерттеулер хронологиялық жағынан тас ғасырынан бастап кейінгі қола дәуіріне дейінгі ескерткіштерді қамтиды.

Шығарылым археологтар мен тарихшыларға, сонымен қатар ежелгі және ортағасырлық Қазақстан мәдениеті тарихына қызығушыларға арналған.

ӘОЖ 902/904

КБЖ 63.4

ISBN 978-601-7312-85-5

ISBN 978-601-7312-88-6

© Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2021

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КОМИТЕТ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМЕНИ А. Х. МАРГУЛАНА

МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2021:

материалы международной научно-практической конференции
«Великая степь в контексте этнокультурных исследований»,
посвященной 30-летию Независимости Республики Казахстан
и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана

г. Алматы, 26–27 октября 2021 г.

Том 1

Алматы
2021

УДК 902/904
ББК 63.4
М 21

Сборник издается в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта OR11465466

Рекомендовано к печати Ученым советом Института археологии им. А.Х. Маргулана
Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Главный редактор
А. Онгар, кандидат исторических наук,
генеральный директор Института археологии им. А.Х. Маргулана

Ответственные редакторы:
Б.А. Байтанаев, доктор исторических наук, академик НАН РК
Т.Б. Мамиров, кандидат исторических наук

Рецензенты:
З. Самашев, доктор исторических наук, профессор
М.К. Хабдулина, кандидат исторических наук, доцент
В.Г. Ломан, кандидат исторических наук

Редакционная коллегия:
И.В. Мерц, кандидат исторических наук, доктор философии (PhD); З.М. Толенова, кандидат
исторических наук, доцент; А.Е. Рогожинский, кандидат исторических наук;
Г.С. Джумабекова, кандидат исторических наук; Ж.К. Мыктыбаева, кандидат исторических
наук; А.А. Горячев, А.М. Манапова, кандидат исторических наук; Г.А. Базарбаева, кандидат
исторических наук; Т.Н. Лошакова, Е.Ш. Акымбек, доктор философии (PhD);
Д.А. Байтлеу, кандидат исторических наук; Ж.Р. Утубаев, кандидат исторических наук, доктор
философии (PhD); А.К. Айткали, доктор философии (PhD); М.С. Шагирбаев, Я.С. Шаяхметова

М 21 Маргулановские чтения–2021: материалы международной научно-практической конференции
«Великая степь в контексте этнокультурных исследований», посвященной 30-летию
Независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана
(г. Алматы, 26–27 октября 2021 г.). В 3-х томах. Алматы: Институт археологии
им. А.Х. Маргулана, 2021. Т. 1. 256 с.

ISBN 978-601-7312-85-5

ISBN 978-601-7312-88-6

В первый том сборника вошли материалы по истории археологического изучения страны,
о роли личности в науке, а также результаты полевых исследований археологов Казахстана, в том
числе и совместных с зарубежными коллегами. В научный оборот вводятся новые источники.
Исследования посвящены памятникам, датируемым в хронологическом диапазоне от эпохи камня
до поздней бронзы.

Издание адресовано археологам и историкам, а также всем интересующимся историей
культуры древнего и средневекового Казахстана.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-601-7312-85-5
ISBN 978-601-7312-88-6

© Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2021

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
COMMITTEE OF SCIENCE
A. Kh. MARGULAN ARCHAEOLOGY INSTITUTE

MARGULAN READINGS – 2021:

Proceedings of the International scientific and practical conference
“The Great Steppe in the Context of Ethnocultural Research”,
dedicated to the 30th anniversary of Independence
of the Republic of Kazakhstan
and the 30th anniversary
of the A.Kh. Margulan Archaeology Institute

Almaty, October 26–27, 2021

Volume 1

Almaty
2021

UDC 902/904

LBC 63.4

M 21

The is published within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science
of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan,
URN of the project is OR11465466

Recommended for press by the Scientific Council of the A.Kh. Margulan Archaeology Institute
of the Committee of Science
of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Editor-in-chief

A. Onggar, Candidate of Historical Sciences,
Director General of the A.Kh. Margulan Archaeology Institute

Executive editors:

B. Baitanayev, Doctor of Historical Sciences,
Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan
T. Mamirov, Candidate of Historical Sciences

Reviewers:

Z. Samashev, Doctor of Historical Sciences, Professor
M. Khabdulina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
V. Loman, Candidate of Historical Sciences

Editorial board:

I. Merz, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Philosophy (PhD); Z. Tolenova, Candidate of
Historical Sciences; A. Rogozhinskiy, Candidate of Historical Sciences; G. Jumabekova, Candidate of
Historical Sciences; Zh. Myktybayeva, Candidate of Historical Sciences; A. Goryachev, A. Manapova,
Candidate of Historical Sciences; G. Bazarbayeva, Candidate of Historical Sciences; T. Loshakova,
D. Baitileu, Candidate of Historical Sciences; Ye. Akymbek, Doctor of Philosophy (PhD); Zh. Utubayev,
Candidate of Historical Sciences, Doctor of Philosophy (PhD); A. Aytqaly, Doctor of Philosophy (PhD);
M. Shagirbayev, Ya. Shayakhmetova

- M 21** Margulan readings–2021: proceedings of the International scientific and practical conference
“The Great Steppe in the Context of Ethnocultural Research”, dedicated to the 30th anniversary
of Independence of the Republic of Kazakhstan and the 30th anniversary of the A.Kh. Margulan
Archaeology Institute (Almaty, October 26–27, 2021). In 3 volumes. Almaty: A.Kh. Margulan
Archaeology Institute, 2021. Vol. 1. 256 p.

ISBN 978-601-7312-85-5

ISBN 978-601-7312-88-6

The first volume of the proceedings included materials on the history of archaeological study of the
country, on the role of the individual in science, as well as the results of field studies of archaeologists of
Kazakhstan, including joint ones with foreign colleagues. New sources are being introduced into scientific
circulation. Research is devoted to monuments dating from the chronological range from the era of Stone
to late Bronze.

The publication is addressed to archaeologists and historians, as well as all interested in the history
of the culture of ancient and medieval Kazakhstan.

UDC 902/904

LBC 63.4

ISBN 978-601-7312-85-5

ISBN 978-601-7312-88-6

© A.Kh. Margulan Archaeology Institute, 2021

Құрметті әріптестер!

Биылғы Қазақстан Республикасы үшін мерейтойға толы жылы Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының құрылғанына 30 жыл толып отыр. Тәуелсіздіктің құрдасы – Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты елдегі археологиялық зерттеулердің үйлестіруші орталығы болып табылады. Институтқа ресми түрде 30 жыл толғанымен, оның қалыптасуында археология ғылымының дамуымен байланысты бай тарихы бар.

1991 жылы дербес Институттың құрылуы әлемдік өркениеттің бір бөлігі ретінде қазақ халқының этногенезі мен мәденигенезі, Қазақстанның мәдени мұрасы мәселелерін шешу қажеттілігімен тығыз байланысты болды. Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты осы жылдары отандық және әлемдік ғылымда мойындалған ғылыми беделге ие ірі ғылыми орталыққа айналды.

Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты мен Әл-Фараби ат. ҚазҰУ бірлесіп «Ғылым ордасы» базасында PhD докторанттарды дайындау мақсатындағы оқу бағдарламасын табысты жүзеге асыруда. 2018 жылдан бастап далалық зерттеулердің нәтижелері, Қазақстанның ежелгі және ортағасырлық тарихы және мәдениеті мәселелері бойынша теориялық әзірлемелер мен тұжырымдамалары көрініс табатын «Қазақстан археологиясы» журналы шығарылуда. Қазіргі таңда аталмыш журналды халықаралық дәйексөз базаларына енгізу бойынша жұмыстар атқарылуда. 1991 жылдан бастап Институт қызметкерлері тарапынан 239 монография мен 18 жинақ және 1000-нан астам ғылыми, ғылыми-танымдық жұмыстар жарияланды.

Институт қабырғасында Қазақстанның ежелгі тарихының тың беттерін ашуға зор үлес қосқан және еліміздің бірегей мұрасын әлемге паш еткен ғалымдар еңбек етті және еңбек етуде. Тас дәуірінен бастап кейінгі орта ғасырға дейінгі кезеңді қамтитын еліміздің барлық өңірлерінен ашылған бірегей археологиялық жаңалықтардың бірнешеуін атап қөтсек, олар Тәуелсіз Қазақстанның символы болып табылатын «Алтын адам», ЮНЕСКО Әлемдік мұра тізіміне Қазақстаннан екінші болып енгізілген жартас суреттерінің бірегей ескерткіші – Таңбалы және атақты Отырардан бастап, Ұлы Жібек жолындағы ортағасырлық қалалар желісі және т. б. Археология институтының археологтар тобы қазіргі Қазақстан территориясын ежелгі адамдардың қоныстануы мәселелерін шешуде (Homo Sapiens өкілдері), металлургия өндірісінің толық циклімен, Қазақ даласында металлургияның пайда болуын көрсететін Орталық Қазақстанның тау-кен металлургиялық қоныстарында (Талдысай, Атасу) зерттеулер жүргізуде. Шығыс Қазақстан аумағындағы ерте темір дәуірінің ескерткіштеріндегі жұмыстар Берелдегі тоң басқан обалар феноменінің әлемдік мәдениетте мойындалуына алып келді. Көне түркі мәдениеті дамуын айғақтайтын бірегей мәдени-мемориалдық кешендер зерттелді.

1991 жылдан бастап Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты Қазақстанның қазіргі археология ғылымы дамуының басым бағыттарын айқындайтын іргелі зерттеулер бағдарламасын әзірлеуге қатысып келеді. Қазақстан Республикасының Тұңғыш Президенті – Елбасы Н.Ә. Назарбаевтың бастамасымен жүзеге асырылған «Мәдени мұра» ұлттық стратегиялық жобасын орындауға тікелей атсалысты Институттың ғылыми-ұйымдастырушылық қызметіндегі маңызды

ҚАЗАҚСТАН
ТӘУЕЛСІЗДІГІНЕ

30 ЖЫЛ

Фото О.В. Белялова

бағыттардың бірі болды. Нәтижесінде жүйелі негізде алғаш рет, бүкіл ел бойынша кең ауқымды археологиялық зерттеулер жүргізілді. Қазақстан тарихын барынша түсінуге және оны жұртшылыққа кеңінен жария етуге мүмкіндік беретін жаңа материалдар алынды.

Қазіргі таңда Мемлекет конкурстан тыс нысаналы-бағдарламалық, гранттық жобалар есебінен қаржыландыру, сонымен қатар, ғылыми мекемелерді материалдық-техникалық қамтамасыз етуді нығайту арқылы Қазақстан ғылымына қолдау көрсетуде. Әлемнің жетекші ғылыми ұйымдарында ғалымдарды тағылымдамадан өткізу бойынша жаңа бағдарламалар қабылданып, жас ғалымдарды қолдау мәселесі жекелеген бағыттар бойынша жүзеге асырылуда. Ғалымдарға қолайлы жұмыс жағдайларын жасау үшін нормативтік-құқықтық құжаттар жетілдірілуде. Жақында Мемлекет басшысы – Қ.-Ж. Тоқаевтың халыққа Жолдауында ғалымдардың еңбегіне тұрақты және лайықты ақы төлеуді қамтамасыз ету; іргелі зерттеулермен айналысатын әлеуметтік-гуманитарлық бағыттағы ғылыми-зерттеу институттарын (ҒЗИ) тікелей қаржыландыруды енгізу; гранттық жобаларды қаржыландыру мерзімдерін бес жылға дейін ұлғайту үшін 2021 жылдың соңына дейін Ғылым туралы заңға өзгерістер енгізу туралы тапсырма берді. Президент атап өткендей, қазақстандық білім мен ғылымның алдында жаңа белестерді бағындырып қана қоймай, бір қадам алға басып, трендтер қалыптастыруда ауқымды, кезек күттірмейтін міндеттер тұр.

Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі басшылығының ерекше назары Қазақстанның археология ғылымын дамытуға да бағытталған. Пәнаралық зерттеулердің кең спектрін қолдану арқылы, соңғы жылдары адамның пайда болу мәселелері, мәдени ошақтардың қалыптасуы, жануарлардың қолға үйретілуі, металды игеру мен металлургияның дамуы және т. б. салаларда үлкен ғылыми ашылымдар орын алды.

Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты Қазақстан тарихын көне заманнан бастап кейінгі орта ғасыр және Жаңа заманға дейін, ғылымның қазіргі заманғы талаптарына сай зерделеуді жүзеге асыра отырып, өзінің дамуының жаңа кезеңіне қадам басты.

Елбасы Н.Ә. Назарбаевтың «Ұлы Даланың жеті қыры» және «Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру» атты бағдарламалық мақалалары Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты қызметкерлерінің басшылыққа алатын негізгі құжаттардың бірі болып табылады. Халықтың өз тарихын білуі және мақтан тұтуы – еліміздің жетістігінің басты кепілі екендігі айқын.

Ғалымдар алдында Қазақстанның бай тарихын зерттеуде жаңа белестер күтіп тұр, ғылымдағы өзекті мәселелерді шешуде Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты ұйымдастырған, отандық, жақын және алыс шетелдің жетекші археолог ғалымдары қатысып отырған «Марғұлан оқулары – 2021» конференциясының талқылау алаңдары ерекше рөл атқарады. Бұндай конференцияларда өзінің сүйікті ісіне адал, нағыз ғалымдар далалық және лабораториялық-талдамалық зерттеулері барысында алынған жаңа ашылымдары, тәжірибелері және білімдерін әріптестері ортасына талқыға салуға, бөлісуге мүмкіндік алады.

Конференцияның дәстүрлі түрде ұйымдастырылуы Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институтының Қазақстан археологтары үшін «Қара шаңырақ» екендігін тағы бір айғақтаса керек.

Конференцияның барлық қатысушыларын құттықтай отырып, Қазақстан ғылымының игілігі үшін жемісті жұмыс пен жетістіктер тілеймін!

*Құрметпен,
Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі
Ғылым комитетінің төрағасы Жанна Құрманғалиева*

Уважаемые коллеги!

В этом году, юбилейном для Республики Казахстан, исполняется 30 лет Институту археологии им. А.Х. Маргулана. Ровесник Независимости – Институт археологии им. А.Х. Маргулана является по праву координирующим центром археологических исследований в стране. Несмотря на то, что формально Институту исполнилось 30 лет, его становление и дальнейшая деятельность имеют более длительную и богатую историю, связанную с развитием археологической науки в целом.

Создание в 1991 г. самостоятельного Института было объективно связано с необходимостью решения вопросов, этногенеза и культурогенеза казахского народа, культурного наследия Казахстана как части мировой цивилизации. Институт археологии им. А.Х. Маргулана за годы своего существования сформировался в крупный научный центр, имеющий признанный научный авторитет в отечественной и мировой науке.

Институтом успешно реализуется совместная с КазНУ им. аль-Фараби на базе «Ғылым ордасы» образовательная программа по подготовке докторантов PhD, с 2018 г. издается журнал «Қазақстан археологиясы», что является требованием времени. Журнал отражает результаты полевых исследований, теоретические разработки и концепции по вопросам древнейшей и средневековой истории Казахстана, его культуры. В настоящее время ведется работа по продвижению журнала в международные базы цитирования. В период с 1991 г. сотрудниками Института издано 239 монографий и 18 сборников, опубликовано свыше 1000 научных и научно-популярных работ.

В стенах Института работали и работают ученые, внесшие огромный вклад в понимание древней истории Казахстана и явившие Миру уникальные археологические открытия во всех регионах страны, охватившие период от каменного века до позднего средневековья. Это и «Золотой человек» – символ независимого Казахстана, уникальный памятник наскальной живописи Танбалы, второй из включенных в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО памятников Казахстана, сеть средневековых городов на Великом Шелковом пути во главе со знаменитым Отраром. Командой археологов Института археологии решаются вопросы заселения территории современного Казахстана древним человеком (представителями Homo Sapiens), ведутся исследования на горно-металлургических поселениях Центрального Казахстана (Талдысай, Атасу), отражающие зарождение металлургии в степях Казахстана с полным циклом металлургического производства. Работы на памятниках эпохи железа на территории Восточного Казахстана привели к тому, что феномен берельских курганов стал общепризнанным в мировой культуре. Были исследованы уникальные памятники, свидетельствующие о развитии древнетюркских культово-мемориальных комплексов, реконструкция урбанизации от эпохи древних тюркских государств до Золотой Орды и Казахского ханства. Перечислять все открытия Института можно долго, что выйдет за рамки моего приветственного слова.

Начиная с 1991 г. Институт археологии им. А.Х. Маргулана участвовал в разработке программ фундаментальных исследований, определивших приоритетные направления развития современной археологической науки Казахстана. Одним из важнейших направлений в научно-организационной деятельности Института стало участие в реализации Национального стратегического проекта «Культурное наследие» инициированного Первым Президентом

Республики Казахстан – Елбасы Н.А. Назарбаевым, в результате которого впервые на системной основе были проведены широкомасштабные археологические исследования по всей стране, получен абсолютно новый и уникальный материал, который позволил в большей степени понять историю Казахстана и широко его осветить общественности.

В настоящее время Государством оказывается всемерная поддержка науки Казахстана посредством увеличения финансирования за счет программно-целевых, в том числе и внеконкурсных, грантовых проектов, а также укрепления материально-технического оснащения научных учреждений. Принимаются новые программы по стажировке ученых в ведущих организациях науки Мира, отдельным направлением реализуется поддержка молодых ученых. Совершенствуются нормативно-правовые документы для создания благоприятных условий работы ученым. В недавнем Послании народу Главы государства К.-Ж. Токаевым поручено до конца 2021 г. внести изменения в законодательство о науке для обеспечения стабильной и достойной оплаты труда ученых; введение прямого финансирования НИИ, занимающихся фундаментальными исследованиями; увеличение сроков финансирования грантовых проектов. Как отметил Президент, перед казахстанским образованием и наукой стоит масштабная, неотложная задача – не просто поспевать за новыми веяниями, а быть на шаг впереди, генерировать тренды.

Особое внимание руководства Министерства образования и науки РК направлено и на развитие археологической науки Казахстана. Науки, которая благодаря применению широкого спектра междисциплинарных исследований, в последние годы получила революционные открытия в области проблем происхождения человека, возникновения зачатков культуры, процессов доместикации животных и освоения металла и развития металлургии и т. д.

Институт археологии им. А.Х. Маргулана вступает в новый этап своего развития, осуществляя изучение истории Казахстана с древнейших времен, отвечающее современным требованиям науки.

Один из основных документов, которыми руководствуются сотрудники Института археологии им. А.Х. Маргулана – программные статьи Елбасы Н.А. Назарбаева «Семь граней Великой степи» и «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания», где в центре внимания поставлена история страны. Необходимо, чтобы народ знал и гордился своей историей – это залог успеха нашей страны.

Перед учеными стоят новые вызовы в изучении богатой истории Казахстана и организуемая Институтом археологии им. А.Х. Маргулана конференция «Маргулановские чтения – 2021», где принимают участие ведущие археологи Казахстана, ближнего и дальнего зарубежья, способствует этому. На таких конференциях настоящие ученые, верные своей любимой работе, имеют возможность обсудить и поделиться с коллегами новыми открытиями, опытом и знаниями, полученными в ходе полевых и лабораторных исследований.

Организация Институтом археологии им. А.Х. Маргулана традиционной конференции еще раз показывает, что он является настоящим «Қара шанырақ» для археологов Казахстана.

Хочу поприветствовать всех участников конференции, пожелать плодотворной работы и достижений во благо казахстанской науки!

*С уважением,
Председатель Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан,
Жанна Курмангалиева*

Редакциялық алқадан

Ұсынылып отырған басылымға Қазақстанның Нұр-Сұлтан, Алматы, Айыртау, Ақтөбе, Есік, Жезқазған, Қарағанды, Қостанай, Қызылорда, Петропавл, Түркістан, Орал, Шымкент және алыс-жақын шет елдердің Ресей (Мәскеу, Санкт-Петербург, Астрахань, Барнаул, Кемерово, Миасс, Новосибирск, Ор, Уфа, Челябинск), Болгария (София, Пловдив), Германия (Тюбинген), Қытай (Нанкин), Румыния (Мангалия), Түркияның (Анкара) ғылыми-зерттеу орталықтарының мамандары ұсынған 69 мақала енгізілді.

Жинақтағы мақалалар хронологиялық тәртіп бойынша және зерттеу ерекшеліктеріне сәйкес бөлінген. Алғашқы томның бірінші бөлімін отандық археологияның негізін қалаушы Ә.Х. Марғұланның қызы Д.Ә. Марғұланның мақаласы ашады. Одан кейін, 2010 ж. желтоқсанынан 2021 ж. шілде айына дейінгі аралықта Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының директоры қызметінде болған Б.Ә. Байтанаевтың Институттың соңғы 10 жылда жеткен негізгі жетістіктері туралы қысқаша баяндалған жұмысы берілген. Бірінші бөлімді Институттың 1991 жылы құрылуынан бастап, 2011 жылға дейінгі қалыптасуында жетекшілік еткен – К.М. Байпақовқа арналған материалдар жалғастырады. Жалпы, томның бірінші бөлімінде Қазақстанның археологиялық зерттеу тарихы бойынша, сондай-ақ, тұлғаның ғылымдағы рөлі туралы еңбектер қамтылған.

Бірінші томның екінші бөлімінен бастап екінші томның соңына дейін, тас дәуірінен бастап Жаңа заманға дейінгі хронологиялық тәртіпке сәйкес Қазақстанның әр аймағында, сонымен қатар, жақын шетелдерде жүргізілген далалық зерттеулердің нәтижелері жарияланды.

Үшінші томда әртүрлі теориялық мәселелер бойынша, оның ішінде пәнаралық (керамология, трасология, нумизматика, радиокөміртекті мерзімдеу) және қолданбалы (консервациялау және реставрациялау, геоақпараттық жүйелер, бағдарламалық қамтамасыз ету) сипаттағы тақырыптар біріктірілген.

Мақалалар түрлі-түсті сапалы суреттермен безендіріліп, кестелермен толықтырылған.

Жинақта берілген тұжырымдар, пікірлер және ұсынылған материалдар авторлардың жеке жауапкершілігінде.

Үш томдық басылымда жарияланған мақалалар қазіргі археология ғылымының маңызды мәселелерін қамтумен қатар, археологияның дамуына айтарлықтай үлес қосады.

Басылымның шығуына үлес қосқан авторларға шын жүректен алғыс білдіреміз!

От редколлегии

В настоящем сборнике сосредоточено 69 статей, предоставленных для публикации авторами из различных научно-исследовательских центров Казахстана – Нур-Султана, Алматы, Айыртау, Актобе, Есика, Жезказгана, Караганды, Костаная, Кызылорды, Петропавловска, Туркестана, Уральска, Шымкента, стран ближнего и дальнего зарубежья – Россия (Москва, Санкт-Петербург, Астрахань, Барнаул, Кемерово, Миасс, Новосибирск, Орск, Уфа, Челябинск), Болгария (София, Пловдив), Германия (Тюбинген), Китай (Нанкин), Румыния (Мангалия), Турция (Анкара).

Статьи в сборнике организованы в разделы по хронологическому принципу, а также согласно специфике исследований. Первый раздел тома I открывает статья Д.А. Маргулан – дочери основоположника отечественной археологии А.Х. Маргулана. Затем следует статья Б.А. Байтанаева, занимавшего в период с декабря 2010 г. по июль 2021 г. пост генерального директора Института археологии им. А.Х. Маргулана, в которой кратко изложены основные результаты деятельности Института за последние 10 лет. Продолжение первого раздела – материалы, посвященные К.М. Байпакову – руководителю Института с момента его становления в 1991 г. по 2011 г. В целом, первая часть тома содержит материалы по истории археологического изучения Казахстана, а также о роли личности в науке.

Начиная со второй части первого тома и завершая последним разделом второго тома, последовательно, в хронологическом порядке – от эпохи камня до Нового времени следуют статьи, которые знакомят с результатами полевых исследований, проводившихся в основном в разных уголках Казахстана, а также в ближнем зарубежье.

В третьем томе сборника объединены статьи по различным теоретическим вопросам, в том числе междисциплинарного (керамология, трасология, нумизматика, радиоуглеродное датирование) и прикладного (консервация и реставрация, геоинформационные системы, программное обеспечение) характера.

Статьи сопровождаются качественными цветными иллюстрациями и таблицами.

Выводы и мнения, изложенные в настоящем сборнике, а также предоставленный материал остаются на персональной ответственности авторов.

Таким образом, публикуемые в трехтомнике работы охватывают различные аспекты современной археологической науки и, несомненно, вносят существенный вклад в развитие археологии.

Выражаем искреннюю благодарность авторам за участие в издании!

ҚАЗАҚСТАН
ТӘУЕЛСІЗДІГІНЕ

30 ЖЫЛ

Фото О.В. Белялова

ОТАНДЫҚ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ
ЗЕРТТЕУЛЕР ТАРИХЫНАН

ҒЫЛЫМДАҒЫ ТҰЛҒАНЫҢ РӨЛІ

*Из истории археологического
изучения Казахстана*

Роль личности в науке

Д.А. МАРГУЛАН

Маргулан Данель Алькеевна,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан, dmargulan@list.ru

А.Х. МАРГУЛАН и его ВКЛАД в ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ УЛЫТАУ-ЖЕЗКАЗГАНСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. В 1946 г. А.Х. Маргулан возглавил Центрально-Казахстанскую археологическую экспедицию (ЦКАЭ), перед которой стояли задачи исследования археологических памятников в Центральном Казахстане. Объектом его особенного интереса были древние памятники Улытау-Жезказганского региона.

Ключевые слова: археология, А.Х. Маргулан, Улытау-Жезказганский регион

Марғұлан Дәнел Әлкейқызы,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан, dmargulan@list.ru

Ә.Х. МАРҒҰЛАН және ОНЫҢ ҰЛЫТАУ-ЖЕЗҚАЗҒАН АЙМАҒЫНДАҒЫ ЕСКЕРТКІШТЕРДІ ЗЕРТТЕУДЕГІ ҮЛЕСІ

Аннотация. Ә.Х. Марғұлан 1946 жылы Орталық Қазақстандағы археологиялық ескерткіштерді зерттеуді алдына мақсат етіп қойған Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясын басқарды. Ұлытау-Жезқазған аймағының ежелгі ескерткіштері оның аса қызығушылығын тудырды.

Түйін сөздер: археология, Ә.Х. Марғұлан, Ұлытау-Жезқазған аймағы

Danel Margulan,
A.Kh. Margulan Archaeology Institute,
Almaty, Kazakhstan, dmargulan@list.ru

A.Kh. MARGULAN and his CONTRIBUTION to the STUDY of MONUMENTS of ULYTAU-JEZKAZGAN REGION

Abstract. Academician A.Kh. Margulan in 1946 led the Central Kazakhstan Archaeological Expedition, which faced the tasks of exploring archaeological sites in Central Kazakhstan. The object of his special interest was the ancient monuments of the Ulytau-Jezkazgan region.

Keywords: archaeology, A.Kh. Margulan, Ulytau-Jezkazgan region

Улытау для казахов - священная земля. Памятники оседлой культуры этого региона, в основном, кыпчакские. Кыпчаки и родственные им огузы, карлуки, канглы появляются на исторической арене после распада древнегуннского союза в V–VI вв. н.э. Эти племена играли ведущую роль в сложении Западно-Тюркского каганата – первого раннефеодального государства на территории Центральной Азии и Казахстана. После распада Тюркского каганата (VIII в.) кыпчаки обособляются и в X в. создают политическое объединение Дешт-и-Кыпчак. По арабским и персидским ис-

точникам Дешт-и-Кыпчак делился на западную и восточную части. В период прихода ислама в Центральную Азию кыпчаки обитали на территории от Тургайской степи до Иртыша.

Вблизи от оседлых поселений находились погребения преимущественно в виде курганных насыпей. Курганы – наиболее многочисленные памятники древности. Они встречаются по всей территории Казахстана. Особенно много курганов в Семиречье/Жетысу, в Центральном и Восточном Казахстане. Традиция возведения курганов была чрезвычайно устойчивой. Возникнув в конце средней бронзы, она просуществовала до V в. н.э.

Курганные насыпи представляют собой надгробные сооружения племенным вождям, представителям знати, выдающимся воинам. В некоторых курганах есть камеры с конским погребением. Древние курганы относятся к истории племенных союзов саков, гуннов, усуней, кангюй. Приверженность этих народов курганной культуре свидетельствует об общности их ритуалов, традиций и быта. Курганы с катакомбами, обнаруженные в Центральном Казахстане, свидетельствуют об обитании в этих краях гуннов. Гуннские курганы занимают горные и речные долины, они тянутся широкой полосой от Улытау, верховьев рек Тургай и Терсаккан на восток до Каркаралы и Чингистау. Особенностью гуннских погребений являются деформированные черепа погребенных.

Памятники древнего искусства – наскальные гравюры – встречаются по всей территории Казахстана, но их особенно много в местности Байконур, в горах Улытау, на скалах по берегам р. Буланты. Удивительно, как древние художники создавали картинные галереи под открытым небом. Творения древних художников сравнимы с поэтическими мифами и являются своеобразным проявлением мироощущения древних жителей Сарыарки. На юго-западных склонах Улытау, на отвесных гранитных скалах, расположена серия петроглифов, нанесенных точечной техникой, изображающих кочевой быт, караваны верблюдов, табуны пасущихся лошадей. Галерея петроглифов протянулась на несколько километров по берегу р. Буланты и состоит из множества рисунков животных, сцен охоты. Некоторая часть петроглифов расположена в недоступных в наше время местах, на отвесных скалах на высоте до 200 м.

К кыпчакской культуре относятся многочисленные каменные изваяния, встречающиеся по всей территории Центрального Казахстана: в горах Улытау, Арганаты, в горных долинах, прилегающих к бассейнам рек Атасу, Нура, Ишим. О сооружениях кыпчаков писал Рубрук: «Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую в руке перед пупком чашу».

*А.Х. Марғұлан. Середина 1950-х гг.
Фото из Научного архива «Ғылым ордасы»,
ф. 11, оп. 1 л/д, д. 112, л. 89*

Памятниками культуры доисламской эпохи древних обитателей Сарыарки - кыпчаков являются самобытные памятники архитектуры дынги, дынгеки и уйтасы. Уйтасы разной степени сохранности, нередко в комплексе с каменными изваяниями, встречаются в долинах рек Атасу, Сарысу, Жезды, Терсаккан, в предгорьях Улытау, в верховьях рек Кенгир и Тургай. Из преданий известно, что в уйтасах в древности поддерживался огонь. Известно также, что в условиях суровых зим XVII–XVIII вв. уйтасы для чабанов были спасительным убежищем. Доисламские памятники архитектуры несут в себе черты зодчества древних эпох и совершенно отличаются от среднеазиатских. Дынги, дынгеки, уйтасы представляют собой конические сооружения, по своей форме напоминающие юрту, и отличаются простотой конструкции и отсутствием декора. В этих памятниках реализована идея «ложного» свода как результат закономерного сочетания композиций пирамидально-ступенчатого перекрытия эпохи поздней бронзы и свода «шанырак» войлочной юрты. В сооружениях «дынги», «дынгеки», «уйтас» свод со стенами толщиной до 3 м предстает монолитом без выраженной границы перехода от основания к куполу. Монолитные конструкции создавались из горизонтальных рядов камней, слегка нависающих один над другим. Для этого использовались сланцевые плиты, дающие четкую композицию круглого или конического свода.

Кыпчаки составили основное население Ак-Орды или Восточного Дешт-и-Кыпчака. На протяжении ряда столетий культурно-экономическая жизнь государства Дешт-и-Кыпчак, основанная на скотоводстве, горном деле и металлургии, а также земледелии, была сосредоточена в районе Улытау, в бассейнах рек Сарысу, Тургай, Кенгир, Жыланшык, Жезды. В этой культурной полосе особенное историческое значение принадлежит Улытау и Жезказгану – кузнице Дешт-и-Кыпчака, как крупнейшим центрам древней металлургии, население которых, наряду со скотоводством, занималось добычей и плавкой руды. Медь, железо, золото, серебро, а также цветные камни были предметом торговли Дешт-и-Кыпчака с Римом, Хорасаном, Арменией, Китаем, т. е. со всем культурным миром того времени. Впервые эти вопросы были освещены в трудах аль-Идриси.

Основную часть Дешт-и-Кыпчака составлял Центральный Казахстан, широко известный в те времена под названием Сарыарка. В арабских и персидских источниках Дешт-и-Кыпчак представлен одним из культурных центров раннего средневековья.

Улытау, бассейны рек Тургай, Сарысу, Жыланшык, Кенгир, Жезды с их превосходными пастбищами для скота были благоприятны для появления здесь крупных очагов оседлой культуры – укрепленных поселений Болган-ана, Орда-Базар, Хан-Ордасы, Аяккамыр, Баскамыр, Топрак-Корган. Вниз по течению р. Сарысу расположены следы укрепленных поселений Жубан-ана, Аманбай-дуал, крепостные стены Айбас-Дарасы, Ногербек-Дарасы.

По р. Кара-Кенгир в устье р. Аксай, в 65 км выше мавзолея Джучи-хана, расположен грандиозный холм с руинами крепости Хан-Ордасы, где была ставка Джучи-хана. К сожалению, раскопки на этом важном объекте еще не проводились.

Как писали Джувейни Рашид-ад-дин, это место было избрано Джучи-ханом для своего пребывания. Джучи нашел, что «во всем мире не может быть земли приятней этой, воздух лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих».

Мавзолей Джучи-хана, находящийся в 70 км от Жезказгана на р. Кара-Кенгир, сооружен из обожженного кирпича, хорошо сохранился и представляет в плане прямоугольную постройку. С его юго-западной стороны возвышается прямоугольный портал со стрельчатой аркой и невысокий купол на многогранном барабане. Судя по остаткам декоративных плиток, портал мавзолея был отделан бирюзовой глазурью и орнаментом из резной терракоты. Об этом свидетельствуют следы орнаментального пояса вокруг порталной арки и фриз парапета. По преданиям, на порталном поясе была надпись и дата постройки.

К средневековым поселениям Центрального Казахстана относится укрепление Алаша-хана, которое расположено в северной долине Улытауских гор, на левом берегу р. Каратал. Предполагается, что возникновение этого укрепления связано с именем Алаша-хана.

Мавзолей Алаша-хана сооружен из обожженного кирпича. Мавзолей находится в 60 км к востоку от г. Сатпаева, на правом берегу р. Каракенгир. Построен в XI в. Своеобразие этого мавзолея заключается в том, что он двухъярусный, имеет галерею, по которой можно пройти на второй ярус. Стены мавзолея Алаша-хана декорированы ковровым орнаментом, что делает его необычным и очень красивым.

В завершении можно сказать, что сакральность Улытау подтверждается еще одним событием, состоявшимся в годы образования Казахского ханства. В долине р. Сарысу, на ее левом берегу, в районе, где в древние времена располагались крепости Белен-ана и Алатеге, по легендам, связанным с именем Алаша-хана, находится историческое для казахского народа место. Здесь в 1467 г. у Тамгалы-таса состоялся съезд представителей трех жузов. От Старшего жуза – усунь, от Среднего – аргыны, каракесеки, кыпчаки и найманы, от Младшего – алшыны и табыны. Представителями трех жузов на скале Тамгалы–тас была высечена надпись на кыпчакском языке арабским шрифтом об объединении казахских племен в единый казахский народ. Это место официального провозглашения казахского народа. Надпись об объединении казахских племен в единый казахский народ гласит: «Кипчаки, найманы, алшыны, аргыны (каракесеки), усунь и табыны, о, дай благоденствие этим шестерым». Против каждого рода была выбита тамга. В народе это место называют «Қазақтың ұран шақырап Қазақ біріккен жері».

ЦКАЭ во главе с А.Х. Маргуланом впервые обследовано и описано множество памятников Улытау-Жезказганского региона. Открытие древних памятников и их описание явилось бесценным вкладом в отечественную науку для понимания сакрального характера этого региона и его роли в истории казахского народа.

Б.А. БАЙТАНАЕВ

Байтанаев Бауыржан Абишевич
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан;
baytanaev@mail.ru

**К ЮБИЛЕЮ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ им. А.Х. МАРГУЛАНА:
основные итоги деятельности за 2011–2021 гг.**

Аннотация. 2021 год – юбилейный для Института археологии им. А.Х. Маргулана. Флагману отечественной археологии исполнилось 30 лет. В статье изложены основные итоги деятельности Института археологии им. А.Х. Маргулана за период с 2011 по 2021 годы. Обзор достижений, полученных творческим коллективом Института, региональными научными центрами за предыдущие 25 лет – с 1991 по 2016 гг., освещен в ряде изданий, опубликованных ранее.

Ключевые слова: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Независимость Республики Казахстан, культура, охрана памятников, результаты, реконструкция, раскопки, цивилизация, сакральная география

Байтанаев Бауыржан Әбішұлы
Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан;
baytanaev@mail.ru

**Ә.Х. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫНЫҢ
МЕРЕЙТОЙЫНА:
2011–2021 жж. қызметінің негізгі қорытындылары**

Аннотация. 2021 жыл – Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты үшін мерейлі жыл. Отандық археологиялық зерттеу жұмыстарын жүргізу жолындағы басты мекемеге 30 жыл толды. Мақалада Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институтының 2011 жылдан 2021 жылға дейінгі кезеңдегі қызметінің негізгі қорытындылары баяндалған. 25 жыл ішіндегі (1991–2016 жж.) Институттың шығармашылық ұжымына, өңірлік ғылыми орталықтардың жетістіктеріне, шығарылған бірқатар басылымдарға шолу жасалды.

Түйін сөздер: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, Қазақстан Республикасының Тәуелсіздігі, гранттық қаржыландыру, мәдениет, ескерткіштерді қорғау, нәтижелер, қайта құру, қазба жұмыстары, өркениет, киелі география

Bauyrzhan Baitanayev,
A.Kh. Margulan Archaeology Institute,
Almaty, Kazakhstan;
baytanaev@mail.ru

**To the ANNIVERSARY of the A.Kh. MARGULAN ARCHAEOLOGY INSTITUTE:
the main results of work for 2011–2021**

Abstract. 2021 is an anniversary year for the A.Kh. Margulan Archaeology Institute. The leader of national archaeology turns 30 years old. The article presents the main results of the activities of the A.Kh. Margulan Archaeology Institute for the period from 2011 to 2021. A review of the achievements received by the creative staff of the Institute and regional scientific centers over the previous 25 years – from 1991 to 2016, was covered in a number of publications previously published.

Keywords: A.Kh. Margulan Archaeology Institute, independence of the Republic of Kazakhstan, grant financing, culture, protection of monuments, results, reconstruction, excavation, civilization, sacred geography

Институт археологии им. А.Х. Маргулана был создан Постановлением Кабинета министров Казахской ССР № 496 от 28 августа 1991 г. и Постановлением Президиума АН КазССР № 73 от 6 сентября 1991 г. на базе Археологического центра Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР [Постановление...].

Истоки отечественной археологии уходят в уже такой далекий 1946 г., когда практически одновременно с созданием Академии наук Казахской ССР, инициированным первым президентом главного научного подразделения страны Канышем Сатпаевым, стартует и первая археологическая академическая экспедиция – Центрально-Казахстанская. Руководителем ее долгие годы был Аликей Маргулан, чье имя с честью носит Институт [Байтанаев, 2011а].

Научная деятельность Института археологии им. А.Х. Маргулана направлена на разработку и реализацию фундаментальных и прикладных научных исследований в области археологии и изучение закономерностей исторического процесса на территории Казахстана на основе комплексного исследования археологических культур и памятников от эпохи палеолита до позднего средневековья.

Разрабатываемая Институтом тематика научных исследований представляет собой развитие приоритетных направлений археологии Казахстана, в изучении которых достигнуты значительные результаты, признанные не только в нашей стране, но и за рубежом, а также новые направления, получившие развитие в последние годы, объединяющие весь научный потенциал Института, дающие возможность выйти на новый уровень осмысления проблем древней и средневековой истории и культуры Казахстана.

За 30 лет археология Казахстана прошла достойный путь развития. С 1991 по 1997 гг. - период адаптации к новым условиям рыночной экономики, с 1997 по 2004 гг. - годы стабилизации, с 2004 по 2011 гг. - период общего подъема науки, обеспеченного экономическим ростом Республики Казахстан и Государственной программой «Культурное наследие».

В феврале 2011 г. был принят Закон РК «О науке», поэтому дальнейший - третий этап развития археологии с 2011 по 2021 гг. - проходил в рамках этого Закона РК. Он определил развитие археологической науки по двум направлениям - фундаментальному и прикладному.

Подробные обзоры деятельности Института освещались практически к каждой памятной дате, известны они по изданиям первого директора нашего научного подразделения академика НАН РК К.М. Байпакова [Байпаков, 1992; 1993; 2001], по моей публикации 2011 г. [Байтанаев, 2011б] в сборнике, посвященном 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана и 20-летию Независимости Республики Казахстан [Мыңжылдықтар куәлары..., 2011], трехтомному изданию материалов конференции, приуроченной к этому же событию [Байтанаев, 2011в]. Ввиду этого в данной статье основное внимание будет сосредоточено на рассмотрении главных достижений, полученных за последние 10 лет, где годы деятельности Института за 2011-2016 гг. повторяются в новой редакции [Байтанаев, 2016].

Институт археологии им. А.Х. Маргулана за 2011-2016 гг.

За годы существования в Казахстане археологической науки учеными была воспроизведена относительно целостная картина развития древней истории Казахстана, в том числе и история культуры.

Если отметить наиболее существенные достижения казахстанской археологии, выводящие ее на уровень общемировой проблематики, следует выделить следующие: в области антропогенеза получены материалы, позволяющие считать территорию Казахстана одним из центров становления *homo sapiens* и включения палеолитических культур Казахстана в систему развития древнего человека.

Установлено, что в IV–III тыс. до н.э. в степной зоне Евразии прогрессировало увлажнение климата, происходили качественные изменения, проявляющиеся в переходе к производящим формам хозяйства – скотоводству и земледелию. Формируется культура коневодов, известная по раскопкам поселений Ботай, Кожай, Кумкешу.

Еще в начале 1980-х годов были обнаружены памятники протогородской цивилизации в степной зоне. Относятся они к XVIII–XIV вв. до н.э. – эпохе ранней бронзы. Для открытой археологами цивилизации характерны памятники, схожие с Аркаимом и Синташты. В Казахстане это поселение Кент. Такие поселения, точнее, протогорода имели фортификацию, систему коммуникаций – улицы, систему водосборников. Рядом находились и храмовые комплексы. Обитателями протогородов были земледельческо-скотоводческие общины. Люди занимались земледелием, знали ирригацию, разводили породистый скот. Высокого уровня достигли добыча, плавка и обработка металла – меди и бронзы. Именно металлургия бронзы лежала в основе экономики этой цивилизации. Следует отметить, что уже в это время начинают складываться основы будущего Шелкового пути, соединившего Запад и Восток.

К эпохе поздней бронзы относится открытая А.Х. Маргуланом бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана с ее монументальной архитектурой и многочисленными поселениями, ориентированными на плавку меди. Центральный Казахстан становится одним из крупнейших центров производства меди и бронзы, орудий и оружия из них в масштабах Евразии. Металл, выплавляемый древними металлургами Сарыарки, Казахского Алтая и Жетысу, экспортировался на Запад до Балкан, а на Восток до Синьцзяня.

Уже в эпоху бронзы в Казахстане происходит сложение культуры ранних кочевников, изучение которой остается приоритетной задачей казахстанской археологии. Сейчас выделена и обоснована степная цивилизация с рядом присущих ей признаков: наличие государственности, регулярные торговые, культурные и политические связи, культурно-мировоззренческая общность, которая выражалась в наличии монументальной погребальной архитектуры, идеологии, социальной стратификации общества.

Выявлены процессы возникновения кочевого скотоводства, по своей значимости приравняемые в мировой истории к формированию древнеземледельческих цивилизаций.

С эпохой ранних кочевников, как установили археологические исследования, связан политогенез народов, населяющих Казахстан: формирование древних государств саков, усуней, сюнну (хунну), кангюев, сарматов и их выход на арену мировой истории.

Таким образом, начало государственности на территории Казахстана отодвигается почти на 1000 лет вглубь истории, и сейчас необходимо судить о нем в контексте с такими древними государствами, как Хорезм, Бактрия, Ахеменидский Иран, древняя Греция, Ханьский Китай.

Экономические связи между кочевым и оседлым населением, как установлено, носили самый разносторонний характер: регулярный обмен продуктами животноводства и земледелия, ремесленными изделиями. Так, из степи в оазис распространялись достижения в области военного дела, вооружения, конского снаряжения, тогда как из городских центров – оазисов в степь шли предметы роскоши, ткани, благовония, драгоценная утварь. Ряд поселений, расположенных на границах оазисов в степи, специализировался на поставке тех или иных ремесленных изделий кочевникам.

Взаимоотношения кочевников и земледельцев осуществлялись зачастую в рамках единой социально-экономической структуры, т. е. скотоводы и оседлые жители составляли базу конкретного политического или этнополитического объединения.

В период раннего средневековья в рамках древнетюркских государств происходит формирование городов, которые складываются на базе оседлых кангюйских и усуньских поселений. Городская культура здесь впитала в себя традиции местных оседлых культур и инновации стоящей на более высоком уровне развития городской культуры Согда. В то же время на развитие культуры городов сильное воздействие оказывала культура тюрков, оседавших в оазисах и городах Жетысу, юга Казахстана, Средней Азии – в Чаче, Уструшане, Фергане, Тохаристане.

В период развитого и позднего средневековья процессы взаимодействия скотоводов, оседлого населения и горожан реконструируются в тех же закономерных явлениях, которые отмечены и для более ранних периодов истории: экономические, культурные связи в рамках такого политического объединения, как Караханидское государство. Город и степь составляли не два антагонистических мира, а его экономическую базу. Рост городов Центральной Азии в IX – начале XIII в. во многом был связан с процессом оседания кочевников. Они привнесли в городскую культуру много степных элементов, и в целом в это время сформировалась своеобразная городская культура.

Археологами Казахстана изучены города на Великом Шелковом пути, проходившем через территорию страны, определены их локализация, застройка, культура, хозяйство, связи с соседними городами и странами. Наиболее крупные исследования и раскопки были проведены в Отыраре, Таразе, Туркестане, Каялыке, Ахыртасе.

Культурные и экономические связи кочевников и горожан прослеживаются и в более позднее время – при выяснении истории развития Ак-Орды, Могулистана и Казахского ханства. Позднесредневековые города Сайрам, Сауран, Сыгнак и Сузак служили в Казахском ханстве центрами экономических связей кочевников и земледельцев, где осуществлялись культурный обмен и торговля не только горожан Южного Казахстана и кочевников Сырдарьи, но и Средней Азии, Поволжья и Восточного Туркестана.

Таким образом, изучение археологических памятников в Казахстане позволило реконструировать процессы взаимоотношений различных культурных традиций, расширило базу доказательств того, что территория Казахстана была одним из центров историко-культурного синтеза, а взаимодействие кочевого и оседлого населения привело к взаимообогащению культур. Именно в недрах такого синтеза лежат многие достижения культуры народов Казахстана.

Результаты научных исследований Института находят свое отражение в статьях, содержащих информацию о новых археологических открытиях, и монографиях, представляющих теоретические исследования по моделированию и реконструкции отдельных этапов исторического процесса, затрагивающих широкий круг проблем: экономику, социальную сферу, культуру, религию и т. д.

За 2011-2016 гг. сотрудниками Института опубликовано более 500 научных и научно-популярных работ, издано около 40 книг, в том числе сборников материалов научных конференций. В Институте традиционно издавались «Известия НАН РК. Серия общественных и гуманитарных наук».

Археологическими изысканиями Института практически была охвачена вся территория Казахстана, насыщенная разноплановыми памятниками, выявлены основные этапы культурогенеза, истоки и пути развития цивилизации кочевников и городской культуры. Благодаря этому обобщен и проанализирован, вводится в научный оборот масштабный по насыщенности информацией и охвату исторических проблем материал. На основе изучения материалов, полученных при исследовании археологических памятников различных ландшафтных зон Казахстана, разрабатываются вопросы по палеоэкологии, геоморфологии и палеогеографии Центрального Казахстана.

Произведено обобщение материалов по памятникам мустьерского периода Центрального Казахстана. Карта палеолитических памятников Казахстана отражает как степень изученности

территории, так и определенные закономерности расселения древнего человека. В таких районах, как побережье залива Сарыташ на полуострове Мангышлак, окрестности озер Кудайколь и Карасор в Северном Казахстане, часть Казахского мелкосопочника, горы Каратау в Южном Казахстане, представлены материалы практически всех палеолитических эпох. Произведено обобщение материалов по памятникам мустьерского периода Центрального Казахстана.

Рассмотрены вопросы, связанные с жилищно-производственными комплексами Улытау-Жезказганского региона, изученные на поселении древних металлургов Талдысай. Предпринята попытка проследить эволюцию жилищ в разные периоды эпохи бронзы и, особенно, на завершающем этапе. Произведены систематизация и структурный анализ полученных материалов, составивших многочисленные и важные коллекции с поселения. Подготовлены характеристика технической культуры древних племен, уровень и этапы экономического развития Жезказган-Улытауского региона в эпоху бронзы [Артюхова и др., 2013].

Изучаются аспекты по проблемам культовой архитектуры Южного Казахстана. Проводится цикл архитектурно-археологических исследований памятников позднего ислама Южного Казахстана. Особое внимание уделяется изучению мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави.

По вопросам изучения культурогенеза населения Урало-Иртышского междуречья от эпохи бронзы до средневековья анализировались конкретные археологические комплексы. Исследования включали в себя анализ материалов из памятников эпохи палеометалла до позднего средневековья. Произведен анализ военного дела ранних кочевников Казахстана, а также классификации и типологии изобразительного материала. Так, на местонахождении Теректы Аулие изучались способы нанесения изображений на поверхность, проводился анализ сюжетов, композиций и отдельных образов.

Говоря о памятниках наскального искусства, нужно отметить, что петроглифы Казахстана входят в обширный ареал древних изобразительных памятников Евразии, образуя при этом несколько «внутренних» зон, предопределенных орографическими условиями горных систем Тянь-Шаня и Алтая, а также Мугалжар и Казахским мелкосопочником, расположенных в глубине степного пространства.

В рамках реализации проектов Института важным является исследование вопросов урбанизации – развитие городов и городской культуры в средневековых городах второй половины VIII – начале XIII в., а также центров, расположенных на Великом Шелковом пути. Очередной, условно названный третьим, этап урбанизации связан с эпохой Мусульманского ренессанса, наступившего после вхождения государств и населения средневекового Казахстана в культурное пространство, охватывающее территорию от Багдада до Жетысу и Восточного Туркестана на востоке и северо-востоке, до Приаралья и Сарыарки на севере. Этот период длился с IX до начала XIII в.

Изучение памятников средневековой археологии и архитектуры в Средней Азии и Казахстане в значительной части было связано с изучением памятников, относящихся к мусульманской культуре, которая утверждается здесь в VIII–IX вв. и получает бурное развитие в IX – начале XIII в.

В IX – начале XIII в. на территории Казахстана возникли новые города в Жетысу и на юге Казахстана, в Сарыарке складываются новые районы городской культуры, а также в долине реки Иле. Имелись различия в домостроительстве, фортификации. На юге и в Приаралье города были тесно застроены домами. Застройку разряжали узкие улочки. Группы домов объединялись в городские кварталы. В отличие от кварталов европейских городов, где границами служили улицы, здесь границы кварталов определялись по задним стенам домов, а каждый такой квартал имел свою улочку, которая отходила от магистральной улицы. Города были, как и раньше, центрами ремесла и торговли, в том числе и международной. Активно функционирует Великий Шелковый путь, выделяются такие его участки, как Семиреченский/Тянь-Шанский, Южно-Казахстанский/

Сырдарьинский, Сарыаркинский, Урало-Прикаспийский. На торговых трассах и в городах строятся караван-сарай.

Из последних сенсационных открытий можно назвать исследования курганов раннесакского времени в Центральном Казахстане, где благодаря плодотворным многолетним исследованиям в научный оборот вводятся данные, полученные на таких ярких комплексах, как Талды-2, Нуркен, Карашоки, Байке и др. [Бейсенов, 2011; 2013; 2014; 2016; 2017; Beisenov et al., 2016]. Корпус данных по искусству древних кочевников Сарыарки обогатился новыми экземплярами, поистине представляющими шедевры древнего искусства номадов. Эти памятники по праву занимают нишу опорных в системе раннесакских объектов. Новые открытия позволяют определить аспекты дальнейших перспективных исследований в области культуры древних саков Казахстана и Центральной Азии.

Среди интересных находок, полученных недавно, также можно назвать уникальные золотые диски из могильника Кайтпас. На их поверхности изображены синкретические животные, отдельные содержательные элементы которых находят параллели в искусстве племен Алтая, Ахеменидского Ирана, Китая. Датировка памятника определена в рамках IV-II вв. до н.э.

В 2013 г. экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана на территории городища Сайрам/Древний Испиджаб была сделана сенсационная находка двух кладов средневекового периода [Байтанаев, 2013; Байтанаев и др., 2014; 2015], которая в будущем позволит решить отраслевую проблему, заключающуюся в исследовании вопросов экономики Казахстана в эпоху средневековья. Предметы из Сайрама заняли достойное место в Национальном музее Республики Казахстан.

Практически все работы Института по прикладным и фундаментальным исследованиям носят междисциплинарный характер. Археологи активно привлекают специалистов как естественнонаучного направления, так и гуманитарных наук. В настоящем сборнике отражены некоторые результаты работ, выполненных в рамках реализации тем проектов, финансируемых Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Проекты, выполняемые по линии Комитета по культуре Министерства культуры и спорта Республики Казахстан, в первую очередь нацелены на спасение объектов историко-культурного наследия от разрушения.

В 2016 г. по инициативе аппарата акима Восточно-Казахстанской области на востоке нашей страны были проведены широкомасштабные исследования, ознаменовавшиеся новыми открытиями в области изучения памятников от эпохи бронзы до средневекового времени [Алтай..., 2016].

Исследования археологов актуальны и востребованы научной общественностью и населением страны. Сотрудники Института популяризируют свои достижения науки через средства массовой информации – активно выступая на TV, радио, а также публикуя интервью в различных журналах и газетах.

Полученные находки после обработки и систематизации дополнили экспозиции и фонды Национального музея РК г. Астане, открытого в 2014 г. Организуются выставки археологических находок по городам Казахстана, в ближнем и дальнем зарубежье с целью пропаганды культуры и истории Казахстана.

В 2012 г. в крупнейших городах США – Нью-Йорке и Вашингтоне с большим успехом прошла выставка, посвященная древней культуре номадов Казахстана.

В германском музее горного дела г. Бохум с 25 января по 20 июня 2013 г. работала выставка под названием «Неизвестный Казахстан – Археология в сердце Азии». Организаторами выставки являются Фонд прусского культурного наследия и Институт археологии им. А.Х. Маргулана.

Институт археологии им. А.Х. Маргулана за 2017–2021 гг.

В 2017 г. специалисты Института археологии им. А.Х. Маргулана занимались разработкой проекта, связанного с подготовкой реестра по сакральным объектам Казахстана. Данная работа проводилась на междисциплинарном уровне с привлечением как археологов, так и историков, этнографов. Руководством к действию послужило обращение главы государства Н.А. Назарбаева в программной статье «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания». Тогда Президент страны определил задачи, стоящие перед общественностью Казахстана: *«Нам нужен проект “Духовные святыни Казахстана” или, как говорят ученые, “Сакральная география Казахстана”»*.

Сакральные объекты Казахстана имеют древнюю историю, среди них культовые архитектурные сооружения, города, поселения, курганы, некрополи, святилища, наскальные рисунки, исторические ландшафты и объекты природы.

Особую популярность у жителей Казахстана, как и многих других стран мира, имеют культовые архитектурные памятники, как правило, лучше сохранившиеся до наших дней. Эти памятники наиболее почитаемы.

Археологические памятники, составляющие основной объем историко-культурного наследия, разбросаны по всей территории страны. В силу различных причин – природного, временного, антропогенного характера – они наиболее уязвимы. Объектов археологии огромное количество, они охватывают громадный хронологический период: от глубокой древности, каменного века до позднего средневековья. Они беззащитны перед временем и требуют серьезных научных исследований, работ по консервации, реставрации и особого, продуманного подхода к эксплуатации.

Другой вид сакральных мест – объекты природы, сакрализация которых уходит в глубокую древность. Среди них встречаются и те, которые объявлены святыми в недавнее время, стихийно. Они стали объектами паломнического туризма, но требуют серьезного изучения, проведения научной экспертизы.

В целом, сложившаяся ситуация такова, что наряду с хорошо известными сакральными объектами, вошедшими в историческую и археологическую науку, появляются новые, называемые иногда религиозными памятниками, святыми местами.

В связи с назревшим вопросом учеными была проведена гигантская работа по определению сакральных объектов Казахстана и выработаны критерии отбора по составлению их реестра.

Составленный реестр включал многочисленные значимые объекты природы и историко-культурного наследия. Он подготовлен на основе коллегиального отбора научными коллективами трех организаций: Института археологии им. А.Х. Маргулана, Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Института истории государства. Предварительный список сакральных мест Казахстана включает 574 наименования, из них в первом выпуске (2017 г.) описано 279 объектов. Сотрудники институтов, основываясь на своей специализации, материалах архивно-библиографического характера, полевых исследований, сформировали реестр с характеристикой объектов от древнейших времен до современности [Сакральная география..., 2017].

В ноябре 2018 г. Н.А. Назарбаев выступил с программной статьей «Семь граней Великой степи», в которой он по-новому предложил взглянуть на прошлое Казахстана. В данной статье Президент РК приводит перечень историко-культурного и природного наследия, которое было подарено человечеству Казахстаном. «В их числе: Всадническая культура; Древняя металлургия Великой степи; Звериный стиль; Золотой человек; Колыбель тюркского мира; Великий Шёлкового путь; Казахстан – родина яблок и тюльпанов». Во второй части статьи Президент указал на необходимость создания шести новых проектов, направленных на изучение истории,

публикацию и популяризацию историко-культурного наследия, что явилось продолжением программы «*Рухани жаңғыру*».

Статья Президента РК «Семь граней Великой степи», охватывающая по сути все направления археологии Казахстана, стало программой дальнейшей работы Института в последующие годы. Проекты сотрудников Института в рамках грантового и программно-целевого финансирования готовились и реализовывались в русле данного государственного документа.

В этой связи среди достижений наших ученых следует отметить работы палеолитоведов по обработке и переосмыслению накопленных в XX в. археологических коллекций [Артюхова и др., 2020; Osipova, Artyukhova, 2019], что позволило внести корректировки в культурно-хронологическую принадлежность ряда памятников (Шакпаката, Экибастуз и др.) [Артюхова, Мамиров, 2020].

Эпоха палеометалла – один из крупных периодов в истории человечества, который ознаменовался разработкой рудных месторождений, производством меди и бронзы, развитием земледелия и скотоводства, сложением протогородов как политических, экономических и культурных центров. Специалистами Института проведена большая работа по выявлению структуры и системы хозяйственно-экономического и духовного развития населения.

Систематизированы материалы ключевых памятников наскального искусства Южного Казахстана и Жетысу (Тамгалы, Ешкиольмес, Баянжурек, Кулжабасы, Терс, Жуземды, Арпаузен, Койбагар), а также свыше 20 малых святилищ с петроглифами гор Каратау, Хантау, Айтау, Киндыктас, Иле и Жетысу Алатау, выявлена их взаимосвязь с древними поселениями и могильниками эпохи бронзы. Произведена археологическая разведка новых комплексов бронзового века в горах Каратау, Шу-Илейских горах и у северных склонов Иле Алатау. Выявлено, картировано и документировано свыше 50 новых поселений, могильников и скоплений петроглифов эпохи бронзы и раннего железа.

Систематизированы результаты исследований на территории Северного Притяньшаня и в Шу-Илейских горах, где выделены шесть историко-географических микрорайонов и выявлена система хозяйственно-культурного развития древнего населения в эпоху бронзы, составлены полные археологические карты, которые позволят проанализировать характер заселения и освоения предгорной и горной зоны региона. По результатам исследований в верховьях ущелья Киши-Тургень (Иле Алатау) была составлена карта археологических памятников, в которую вошли около 50 комплексов от эпохи бронзы до Нового времени. Выявлены закономерности взаиморасположения поселений и могильников различных эпох, произведены раскопки поселений, реконструкции устройства жилищ древних скотоводов бронзового века. Собран материал по топографии и планиграфии около 500 памятников эпохи палеометалла Жетысу и Центрального Казахстана, произведены раскопки и систематизированы материалы 15 могильников алакульско-федоровской культурной традиции эпохи бронзы [Горячев, Сараев, 2018; История и археология Семиречья, 2020].

Особый интерес представляют результаты исследования жилищно-производственных комплексов с полным циклом металлопроизводства на поселении Талдысай (II тыс. до н.э.), расположенном в Жезказган-Улытауском горно-металлургическом центре, базировавшемся на разработке богатейших месторождений окисленной и сульфидной медной руды. В результате комплексных полевых и лабораторно-аналитических исследований, а также экспериментального моделирования определен процесс освоения древними металлургами производства меди и медных изделий. Открытие плавки меди из сернистых руд явилось качественным скачком в технике древнего металлургического производства, что позволило древней металлургии шагнуть на высокую технологическую ступень [Талдысай, 2020].

Изучение эпохи ранних кочевников на территории Казахстана направлено на такие аспекты, как культура предсакского (предскифского) времени, характеристика раннего железного века как особой культурно-технологической эпохи в истории Казахстана, как части культурной области «Скифо-сибирский мир», социально-экономические и культурные перемены в I тыс. до н.э. и др. Именно это направление исследований связано с обозначенной первой «гранью» Великой степи - Всаднической культурой.

В контексте изучения «звериного» стиля – искусства древних кочевников как отражения «мировоззрения и ценностей народов Великой степи» - усилена информационная база для изучения религиозно-мифологических представлений ранних кочевников Казахского Алтая [Джумабекова, Базарбаева, 2019а]. Исследованы элементы костюма (Тасарык, ВКО), дополняющие и расширяющие представления об образе женщины эпохи раннего железа. Они свидетельствуют о том, что древнему населению Восточного Казахстана и Алтая был известен образ фантастической птицы, связанный с представлениями о вечной жизни и обновлении, со статусом женщины-жрицы, выявлен синтез традиций саков Жетысу и Горного Алтая [Джумабекова, Базарбаева, 2020].

Интересная находка была сделана археологами нашего Института в ходе охранных мероприятий в Уржарском районе Восточно-Казахстанской области. Здесь в одном из курганов, оказавшемся в зоне реконструкции автодороги, выявлено не потревоженное захоронение женщины знатного происхождения. Материалы, полученные с погребения, исследовались на междисциплинарном уровне последующей реконструкцией одежды, головного убора и пластической антропологической реконструкции. Были проведены также палеокарпологические и геоботанические исследования.

Антропологические исследования скелета урджарского погребения определили наличие у захоронения монголоидного облика, связанного своим происхождением с территорией Южной Сибири и Алтая. Подобные краниологические особенности в последнее время часто фиксируются на краниологических материалах из могильников сакского периода из различных регионов Казахстана с тенденцией усиления монголоидных особенностей к северу, где ключевую роль в становлении облика ранних кочевников Великой степи всегда играла территория Алтая.

Результаты антропологических исследований в какой-то мере перекликаются с анализом митохондриальной ДНК костных останков, установившем принадлежность к гаплотипу D4, относящемуся к «азиатской ветке», оставившей широкий след в Восточном Алтае, Сибири и Крайнем Севере Евразийского континента и, возможно, среди коренного населения Америки.

Радиоуглеродный анализ фрагмента сохранившегося дерева, полученного из погребального инвентаря, подтвердил предполагаемую датировку, что составляет в календарных годах до современности 408-383 гг. до н.э. с вероятностью 68,2% (калиброванное значение), с вероятностью 94,5%-486–360 гг. до н.э.

Итоги исследования урджарского захоронения поставили ряд вопросов относительно социальной принадлежности погребенного человека. Возможно, человек с кургана Урджар при жизни имел особый общественный статус. Вероятно, поэтому его могила была устроена в отдалении от родового некрополя без насыпи. Наличие в погребении массы лечебных трав, специально уложенных, наводят на мысль, что погребенный человек мог быть при жизни лекарем-жрецом [Курган Урджар, 2018; Байтанаев, 2019].

Огромная территория Западного Казахстана, занимающая особое геостратегическое положение в степной и горно-долинной части Евразии, подтверждает свою значимость результатами археологических исследований. В этом регионе изучены курганы (Лебедевка I-Сегизсай), типичные для Южного Приуралья конца VI–V в. до н.э.; погребальные памятники элиты кочевников в Актюбинской обл. (мог. Таскопа I), относящиеся к раннесарматской археологической культуре

[Байтанаев и др., 2020]. Результаты исследований памятников Илекского микрорайона Приаральско-Мугалжарского региона позволили говорить о значительной концентрации населения и элитарном характере кочевых групп, о иерархизированности кочевого общества середины I тыс. до н.э. Новые памятники подчеркивают особую роль территории, выраженную как в насыщенности микрорайона памятниками, так и в их яркости и оригинальности [Бисембаев и др., 2019]. Общий анализ выявленных объектов позволяет говорить о выделении элитарных групп памятников, являвшихся консолидирующими центрами более мелких племенных группировок в рамках пастбищно-кочевой системы восточной части Западного Казахстана – Приаральско-Мугалжарского региона.

Экспедиции Института, работавшие по нижнему течению Сырдарьи в Приаральском регионе, изучили поселение Бабиш-Мола 7, жители которого специализировались на производстве гончарной продукции. В результате исследования памятника получены новые материалы, свидетельствующие о специализации гончарного производства, ремесленных мастерских, устройстве печей для обжига изделий, установлен факт специализации на определенном виде керамических изделий. Также рассмотрены сельские усадьбы чирикратской культуры – поселенческие памятники типа хуторов, которые располагались на всем протяжении ирригационного канала, обслуживающего оазис. Новые материалы с городища Чирик-рабат были сравнены с материалами других поселений чирикратской культуры. В результате установлено, что фортификационные сооружения подвергались перестройкам, ремонту и усилению (например, на городищах Бабиш-мулла, Баланды и Инкар-кала) [Курманкулов и др., 2021].

Определены факторы природно-географического характера, представляющие собой исторический фон, обусловивший расположение, количественный состав и специфику памятников населения раннего железного века [Бисембаев и др., 2019]. Изучение одного из крупных некрополей эпохи поздних сарматов (II–IV вв. н.э.) в бассейне р. Уил показало, что степи запада Казахских земель были территорией сосредоточия крупных племенных объединений, исследованные памятники являются свидетельством миграции населения. В этот период Западный Казахстан вплоть до Тургайского прогиба стал территорией значительного скопления населения перед основным походом на запад в гунно-сарматский период. Исследования показали значимость территории региона для выяснения культурогенеза кочевых сообществ эпохи Великого переселения народов [Бисембаев, 2020; Бисембаев, Хаванский, 2019].

Сотрудники Института изучали памятники раннего железного века Юга Казахстана. Масштабная разведка в предгорной зоне Каратау, западных отрогов Тянь-Шаня – Каржантау и среднего течения р. Арысь выявила более 150 новых, ранее не известных памятников. Публикуемые материалы существенным образом расширяют представления о характере расселения и жизнедеятельности племен раннего железного века. Вводятся новые данные об использовании в структуре хозяйственной деятельности древнего населения таких объектов, как пещеры. Анализ хозяйственно-культурного развития племен раннего железного века Южного Казахстана дает основание говорить о высоком уровне экономических отношений [Байтанаев и др., 2017].

Подтверждение и дальнейшее развитие получило положение о такой «грани» Великой степи, как Великий Шелковый путь (ВШП). Так, установлено, что существование мангышлакского ответвления ВШП (Каракабак) имело важное значение для восстановления каспийско-понтийского торгового сообщения в конце IV – начале V в. Товары проходили транзитом в Византию, изготавливались на Мангышлаке для нужд кочевых племен Арало-Каспия, Поволжья и Приуралья в гуннское и постгуннское время. Свое значение территория Западного Казахстана сохранила и в период XIII–XIV вв., являясь одним из политических центров Улуса Джучи. Материалы погребальных памятников социальной элиты периода Золотой Орды (Уркач I, Булак III, Салтак I)

указывают на перемещения самых различных групп кочевого населения, в дальнейшем принявших участие в этногенезе современных тюркоязычных народов [Бисембаев, Ахатов, 2019].

Для Жетысу систематизированы материалы полевых исследований памятников эпохи бронзы и раннего железного века в высокогорной зоне Иле Алатау по хозяйственно-культурному развитию древнего населения. Данные позволили выявить структуру поселений бронзового и раннего железного веков, особенности погребальной практики на раннем этапе развития культуры древних усуней, выделить кулсайский тип памятников бронзового века, обобщить материалы погребальных и поминальных традиций племен раннего железного века горной зоны Иле Алатау [Горячев, 2020].

Материал курганов Жетысу и Западного Казахстана позволяет ставить вопрос о статусе женщины и постпогребальных действиях на элитарных захоронениях ранних кочевников. Можно сказать об исполнении жреческих функций женщины. У сармат огромное значение имел вопрос распределения пространства на женскую и мужскую зону. Такая система пространственного разделения соблюдалась в традиционном жилище казахов вплоть до начала XX в. [Джумабекова, Базарбаева, 2019б; Лукпанова, 2020]. Среди аспектов культуры кочевников уделялось внимание женским украшениям, элементам костюма, вопросам социальной стратификации древнего общества – характеристике, составляющей образ женщины на протяжении веков. Исследованиями охвачены различные эпохи: современность, Новое время, средневековье, ранний железный и бронзовый века Большого Тургая и сопредельных регионов [Образ женщины..., 2020].

Все большее значение приобретают исследования в области этноархеологии. Сопоставление памятников эпохи ранних кочевников и Нового времени в Жетысу Алатау позволяет установить систему расположения поселений кочевников в различные периоды, выявить особенности адаптации населения к ландшафту и изменяющимся природно-климатическим условиям [Джумабекова и др., 2018; Дуйсенбай и др., 2020].

Антропологические исследования костных останков раннего железного века сакского и савромато-сарматского населения, усуньской культуры и подбойно-катакомбных памятников позволили выявить основные миграции, происхождение и особенности составных элементов в антропологическом составе населения для реконструкции этногенеза населения Казахстана. Были изучены антропологические особенности населения позднего этапа эпохи бронзы алакульской культуры Волго-Уралья и Западного Казахстана. Предполагается на территории Прикаспия и Западного Казахстана в эпоху энеолита – бронзы существование местного очага расогенеза. Были изучены краниометрические, остеометрические серии раннего железного века сакского и савромато-сарматского облика. Сделано предположение, что сакские группы Приаралья играли непосредственное участие при сложении физического облика ранних кочевников Западного Казахстана и Волго-Уралья. Установлено, что на раннем этапе раннего железного века происходит выплеск значительного количества населения сакской культуры с территории Восточного Казахстана и Алтая на территорию Приаралья, следующей волной фиксируется значительный приток смешанного населения на территорию Южного Казахстана, Жетысу и Киргизии [Китов, Хохолов, 2018; Китов, 2020].

Государство и город являются важными признаками цивилизации, поэтому следует отметить первостепенную важность роли городов в вопросах формирования государственности, в структуре общества, в его политике, экономике и культуре. В исследованиях применялась методика раскопок широкими площадями городской территории, что особенно актуально для Жетысу, где наземных архитектурных построек эпохи древности и средневековья почти не сохранилось; аксиологический (ценностный) и историко-типологический методы в осмыслении культурных явлений в жизни тюркских каганатов на территории Юго-Восточного Казахстана VI-XIII вв. Для конкретно–

исторического исследования применяется системный подход, структурно-семиотический анализ фольклора Золотой Орды на предмет архетипических этно-знаковых символов, интеграция обнаруженных и исследованных социокультурных архетипов на территории средневековых городов Юго-Восточного Казахстана в кросс-культурные теоретические системы, семиотический анализ уникальных религиозных систем, распространенных на территории Юго-Восточного Казахстана («народный ислам», несторианство и т.д.). Были исследованы письменные сведения Г. Рубрука и П. Карпини.

Активные археологические исследования позволили выявить в Алакольском регионе 16 средневековых городищ, изучить их топографию, типологию и генезис. Проводится сравнительный анализ керамических и остеологических материалов средневековых памятников, типологической структуры памятников (караван-сарай Шенгельды, городище Талгар). Систематизированы материалы, собранные исследователями о памятниках, начиная с XIX в. и до настоящего времени: анализ письменных источников о площади, топографии, атрибуции, функциональности торткулей, исследованы материалы по стратиграфии средневековых торткулей, расположенных в Шуской долине [Акымбек, Шагирбаев, 2019]. Проанализирован состав поливной керамики средневековых памятников в долинах рек Шу и Талас. Определена хронология появления и технология ее производства, впервые произведен химический анализ глазури на керамике (Актобе, Аспара, Кулан, Нижний Барсхан, Бектобе, Тамды) [Савельева, Камалдинов, 2019а; 2019б].

Средневековый город Кастек много веков являлся одним из центров Западно-Тюркского каганата, Карлукского каганата и Караханидского государства. Материалы, полученные в результате историко-археологических исследований, доказывают, что в этом регионе существовал оазис городской культуры тюркских государств. В целом проведенные исследования свидетельствуют о высоком уровне развития металлопроизводства и металлообработки в районах Жетысу в X-XIII вв., которое не уступало технологиям соседних регионов Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока, Поволжья, Руси. Был проведен анализ металлических изделий с городища Кастек. В способе сплава чугуна древние тюрки опередили Китай на 100 лет (X в. н.э.) [Нуржанов, 2018; 2020; Нуржанов, Терновая, 2020а; 2020б; Нуржанов, Савельева, 2020].

Специалистами Института изучалось кузнечное ремесло на обширной территории Евразии с эпохи средневековья до настоящего времени с целью реконструировать историю изучения черной металлургии и металлообработки в рамках широких временных и территориальных границ. Рассмотрены способы производства чугунных изделий ремесленниками средневековых городов Северо-Восточного Жетысу: высокое содержание серистого компонента и низкого углерода свидетельствует об использовании ремесленниками специального высокотемпературного режима плавки для достижения графитизации и получения ковкого чугуна [Савельева и др., 2020]. Объектом исследований являлось развитие торговых отношений средневековых городов Илейской долины, расположенных на основной трассе Великого Шелкового пути, уровень развития торговли и маршруты поступления товаров [Савельева, Камалдинов, 2020]. Первостепенное значение имеет локализация городов - коридоров Великого Шелкового пути, проходивших через Северо-Восточное Жетысу и отождествление их с конкретными городищами X-XIV вв. (эпоха Караханидов, Великой Монгольской империи и государства Чагатаидов). Города Илейской долины локализованы и отождествлены с конкретными городищами, получены материалы об их устройстве. Проведен анализ находок женских украшений и предметов бытового и ритуального назначения из раскопок городища Куюк-Мардан в Южном Казахстане [Савельева, Камалдинов, 2020].

Изучены основные аспекты вопроса, связанного с древнетюркской рунической надписью в долине р. Чу (Шу). Прочтена надпись, важная для общего представления о письменной культуре населения региона раннего Средневековья [Тишин и др., 2020].

В Центральном Казахстане экспедициями Института выявлялись и изучались каменные изваяния, занимавшие широкие хронологические рамки. Они охватывают более чем двухтысячелетний период, начиная с конца эпохи бронзы до начала II тыс. н.э. Это огромный пласт материала был скрупулезно изучен, освоен и понят. Были установлены отличия и особенности каждой категории памятников. Кроме раскопочных работ и регистрации археологических объектов, была составлена подробная карта распространения каменных изваяний [Курманкулов и др., 2021].

На юге Казахстана планомерно изучались города и поселения Испиджабского и Туркестанского историко-культурных районов. Исследовалось раннесредневековое городище Торкултобе, типология которого сходна с городищами юга Казахстана того же хронологического периода. Исходя из полученных в результате археологических работ нумизматических данных и керамического комплекса, можно утверждать о появлении городища в первых веках нашей эры и эпизодическом обживании в IV-VI вв. н.э. Материалы городища Торкултобе находят свои аналогии в комплексах керамики городища Шымкент и поселения Кайтпас, Каратобе, Алтынтобе, Караултобе, Актобе, Бургулюк и др. [Байтанаев и др., 2017].

Изучались сторожевые башни – Караултобе по долинам рек Арыс, Келес и гор Каратау. Данные объекты археологии являлись важнейшими элементами фортификационной системы раннесредневековых поселений и средневековых городов региона. В ходе исследовательских работ были установлены типологические особенности стратиграфии, хронологии возведения и функционирования Караултобе. Выявлено два типа сторожевых «башен»: базовые и дозорные. Археологические материалы, обнаруженные на памятниках Караултобе, в большинстве датируются X–XII вв. н.э. В небольшом количестве обнаружены и более ранние находки на базовых Караултобе, которые располагались в непосредственной видимой близости к раннесредневековым городищам и поселениям, датирующиеся I-IV вв. н.э. [Байтанаев и др., 2020].

В Туркестанском историко-культурном районе на протяжении многих лет под руководством Е.А. Смагулова проводились археологические работы на средневековых городах и поселениях. Итогом многолетних работ ученого явился фундаментальный труд, позволивший по-новому взглянуть на ряд вопросов по истории сакрального Туркестана, отдельных его памятников [Смагулов, 2017]. Е.А. Смагулов считает, что средневековый город Шавгар, бывший в X-XIII вв. культурным и политическим центром Туркестанского оазиса, соответствует городищу Шойтобе. Этому свидетельствуют новые нумизматические материалы, которые показали, что верхний строительный горизонт шахристана Шойтобе датируется второй половиной XIII – началом XIV в. [Смагулов, 2019; Смагулов, Ержигитова, 2019].

Масштабные исследования по нумизматике, проведенные за последние пять лет, связаны с двумя направлениями: изучение монет, надписей, метрологии; денежное обращение и характеристика товарно-денежных отношений. Системным исследованиям подверглись нумизматические объекты Южного Казахстана, проведены изучение и атрибуция монет и составление научных каталогов: атрибутированы редкие чагатайские монеты Отрава XIV в., установлена смена направлений денежных потоков в 709 г.х. из Отрава [Петров, 2019; Петров, Белтенев, 2020]. Введены в научный оборот серебряные монеты Берке, битые на монетном дворе Сарай [Петров и др., 2018]. Анализ собранной информации ставит весьма актуальные вопросы о месте расположения Сараев Берке и Бату. Систематизированы монеты Тимура и Тимуридов из Южного Казахстана (конец XIV – XV в.) и из городища Сарайчик [Байтанаев и др., 2019]. Применены естественнонаучные исследования: изучение изменений качества монетного серебра при хане Кепеке методами рентгено-флуоресцентного анализа и оптического атомно-эмиссионного спектрального анализа (конец XIII – начало XIV в.) позволило получить выводы по реформированию монетного дела [Петров и др., 2020]. Серьезные результаты

были получены при изучении нумизматических находок из золотоордынских погребений XIV в. [Петров, Смагулов, 2018; Бисембаев и др., 2019]. Одним из важнейших результатов нумизматических исследований явилось обнаружение территории, на которой в XIII–XIV вв. располагался город Ыанги Тараз [Петров, Камышев, 2019]. Монетные находки из городищ Туркестан и Культобе позволили оценить этапность товарно-денежных отношений, что крайне важно для понимания динамики состояния экономики [Петров, 2020].

Резюмируя сказанное, как руководитель Института археологии им. А.Х. Маргулана в 2010–2021 гг., хочу отметить десятилетнюю работу коллектива, основу которого составляют преданные своему делу специалисты и ученые, только с позитивной стороны. Они несмотря ни на что двигали казахстанскую археологию к высотам научных достижений. И хотя в соответствии с Законом РК «О науке», Институт, как и многие НИИ Казахстана, был вовлечен в конкурентную среду, участвуя в конкурсах Комитета науки МОН РК и различных ведомств, по грантовому и программно-целевому финансированию, выходил победителем, имея высокий рейтинг и оценку экспертов.

Итогом любого НИИ являются его научные публикации. И здесь Институт на высоте. Только за последние пять лет опубликовано 528 научных работ, в том числе в международных рецензируемых научных журналах, входящих в 1, 2 и 3 квартиль по данным Journal Citation Reports компании Clarivate Analytics или имеющих в базе данных Scopus показатель процентиля по CiteScore не менее 35 хотя бы по одной из научных областей, в области социальных и гуманитарных наук, в журналах, индексируемых в базе данных Web of Science Core Collection (Arts and Humanities Citation Index, Science Citation Index Expanded, Social Sciences Citation Index) компании Clarivate Analytics – 33, в научных журналах, индексируемых РИНЦ, и других международных базах с ненулевым импакт-фактором – 70, в научных изданиях, рекомендованных ККСОН МОН РК – 87, в материалах конференций, форумов, конгрессов – 118, публикаций в журналах, газетах и электронных изданиях – 220. Издано 40 монографий и сборников.

Если суммировать публикации Института за 10 лет – 2011–2021 гг., то количество опубликованных статей превышает 1000 единиц, монографий и сборников – более 80.

В 2018 г. вышел в свет первый номер журнала «Археология Казахстана», издателем-учредителем которого является Институт археологии им. А.Х. Маргулана. В первом номере журнала известные казахстанские и зарубежные ученые – К.М. Байпаков, З. Самашев, В.Ф. Зайберт, А.И. Мартынов, А.М. Хазанов, А. Наглер, С.А. Скорый, А. Оутрам, С. Кунитаке выразили пожелание и надежду, что журнал займет достойное место и признание на международном уровне. И как результат, журнал «Археология Казахстана» вошел в базу научных журналов, индексируемую РИНЦ, получив совсем недавно высокую оценку публикуемых работ. Журнал активно продвигается в международную рецензируемую, индексируемую и цитируемую базу данных Scopus.

Важной вехой в развитии Института стало образование еще одной структурной единицы. На заседании Ученого совета в 2015 г. было принято решение о создании в Институте археологии им. А.Х. Маргулана целевой научно-исследовательской лаборатории палеоантропологического изучения Казахстана (рук. Е.П. Китов) [Китов, 2016]. На базе лаборатории создано хранение палеоантропологических коллекций, в которых в настоящее время насчитывается более 600 единиц. Они будут являться основой для проведения исследований не только по различным направлениям антропологии, но и для исследований по палеогенетике, радиоуглеродному датированию (C14), анализу изотопов азота, углерода, кислорода и серы. Все вышеперечисленные анализы широко внедряются в научно-исследовательские проекты в международных исследованиях и позволяют делать широкомасштабные реконструкции о миграционных процессах на территории Евразии, выводы об образе жизни индивида.

За время работы антропологической лаборатории было написано более 40 антропологических работ по материалам региона, в том числе и монографии, обобщающие данные не только больших регионов, но и значительный период времени – «Палеоантропология сакских культур Притяньшанья (VIII – 1 пол. II в. до н.э.)» и «Палеоантропология подбойно-катакомбных культур Притяньшанья (2 пол. II в. до н.э. – V в. н.э.)» [Китов и др., 2019; 2020].

В рамках различных программ Институт археологии им. А.Х. Маргулана работает в тесном взаимодействии с Лабораторией популяционной генетики (Институт общей генетики и цитологии КН МОН РК). В Лаборатории популяционной генетики (рук. Л.Б. Джансугурова) проведены аналитические исследования по этногенезу казахов, определены объекты для палеогенетических исследований, характеризующие раннюю историю Казахстана.

Коллектив Института археологии им. А.Х. Маргулана, определяя направления научных поисков, не только отвечал требованиям современной науки, но и развивал традиции отечественной науки. В Институте в 2018 г. была организована Лаборатория археологических технологий, являющаяся преемницей Лаборатории археологических технологий Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии наук КазССР, возглавляемой в свое время известным ученым М.К. Кадырбаевым.

Деятельность вновь созданной лаборатории в составе Института археологии им. А.Х. Маргулана направлена на археозоологические и технико-типологические исследования керамики, а также начато изучение трасологии изделий из камня и кости. Молодые исследователи, сотрудники лаборатории, учатся, совершенствуют профессиональные навыки, работают в постоянном сотрудничестве с учеными из ведущих научных центров мира (Институт геологических наук им. К.И. Сатпаева МОН РК – Б.У. Байшашов, С.А. Нигматова; лаборатория палеоэкологии Института экологии растений и животных УрО РАН – П.А. Косинцев, Д.О. Гимранов; Казанский Федеральный университет; Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара – И.Н. Васильева; Самарский государственный университет – Н.П. Салугина; АО «ВолгоНИИгипрозем», г. Самара – И.П. Горашук и др.).

Невосполнимой утратой за последнее пятилетие стала потеря наших коллег, создававших Институт и основу коллектива. Безвозвратно ушли Б.Н. Нурмуханбетов, К.М. Байпаков, А.Н. Марьяшев, Ю.А. Мотов, З.Ж. Шарденова, Е.А. Смагулов, А.А. Нуржанов. На смену им пришло достойное молодое поколение. В Институте совместно с КазНУ им. аль-Фараби открыта докторантура. В ней готовят соискателей ученой степени доктора PhD. Первым, защитившим PhD диссертацию, сотрудником Института стал Е. Акымбек, блестяще защитив ее в 2015 г. [Акымбек, 2015].

Подготовлены диссертации и готовы к защите А.Е. Ержанова, тема «Қола дәуіріндегі Сарыарқа тұрғындарының тас құралдары (Атасу мен Талдысай микроаудандары бойынша)»; А. Айтбаева, тема «Қазақстан археологиясы А.Н. Бернштам зерттеулерінде»; Е.В. Дубягина, тема «Керамический комплекс эпохи финальной бронзы по материалам поселения Бозшаколь»; Б.А. Железняков, тема «Религии средневекового Казахстана по археологическим источникам».

Многие сотрудники Института проходят аспирантуру и получают ученую степень в различных городах Российской Федерации. В 2018 г. в Кемеровском государственном университете на специализированном совете по присуждению ученой степени кандидата исторических наук защитил диссертацию по специальности 07.00.06 «Археология» Ж. Утубаев [Утубаев, 2019]. На этом же совете в 2019 г. диссертацию защитила А.Д. Касенова [Касенова, 2020].

В настоящее время в аспирантуре Самарского государственного социально-педагогического университета проходят обучение сотрудники нашего Института А.Н. Отар и Р.Ж. Жанузак. Под

руководством профессора А.А. Хохлова по направлению «Этнография, этнология и антропология» готовят диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук А.Н. Отар по теме: «К проблеме этногенеза казахского народа по материалам Южного Казахстана эпохи средних веков», Р.Ж. Жанузак по теме: «Динамика физического сложения популяций эпохи бронзы и железа в ареале Урало-Казахстанских степей (по данным палеоантропологии)». Надеюсь, что данные аспиранты и докторанты в будущем станут крупными учеными и основателями научных школ Казахстана.

Такова в общих чертах деятельность Института археологии им. А.Х. Маргулана за 2011-2021 гг.

ЛИТЕРАТУРА

Ақымбек Е.Ш. Ортағасырлық Ақтөбе қаласының керамикасы (VI ғ.—XIII ғ. басы) / Философия докторы (PhD) ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған диссертация. Алматы, 2015. 208 б.

Ақымбек Е., Шагирбаев М. Итоги исследования тортукуля Коскудук в Чуйской долине 2018 году // Абай атындағы ҚазҰПУ-нің Хабаршысы. «Тарих және саяси-әлеуметтік ғылымдар» сериясы. 2019. № 1(60). 322-334 бб.

Алтай – түркі әлемінің алтын бесігі: үшінші халықаралық форум аясындағы ғылыми-тәжірибелік конф. матер. Өскемен, 2016. 294 б.

Артюхова О.А., Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е. Комплекс памятников в урочище Талдысай. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. Т. I. 400 с.

Артюхова О.А., Мамиров Т.Б. К вопросу о палеолите Мангыстау (леваллуа-ашель или микок?) // Самарский научный вестник. Т. 9, № 3. 2020. С. 180-188.

Артюхова О.А., Мамиров Т.Б., Осипова Е.А. Палеолит Мангыстау по материалам А.Г. Медоева. Алматы, 2020. 240 с.

Байпаков К.М. Организация Института археологии в Республике Казахстан // Маргулановские чтения: тез. докл. Петропавловск, 1992. С. 3-7.

Байпаков К.М. Итоги и перспективы развития казахстанской археологии // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 1993. № 5. С. 3-7.

Байпаков К.М., Петенева Г.Г. Институту археологии им. А.Х. Маргулана – 10 лет // Известия МОН РК. НАН РК. Сер. обществ. наук. 2001. № 1. С. 3-31.

Байпаков К.М., Савельева Т.В., Камалдинов И. Средневековые города Илийской долины (Северо-Восточное Жетысу-Семиречье) на Великом Шелковом пути в VIII–XIV вв. // Народы и религии Евразии. 2020. № 3 (24). С. 7-34.

Байтанаев Б.А. Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: матер. междунар. научн. конф., посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011а.

Байтанаев Б.Ә. Тәуелсіздік кезеңіндегі Қазақстан археологиясы: негізгі қорытындылары мен келешегі // Мыңжылдықтар куәлары: Қазақстан археология ғылымы 20 жылда (1991–2011): ғылыми мақалалар жинағы / бас ред. Б.Ә. Байтанаев, жауапты ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2011б. Б. 4-15.

Байтанаев Б.Ә. Тәуелсіздік кезеңіндегі Қазақстан археологиясы: қорытындылары мен келешегі: Қазақстан Республикасы тәуелсіздігінің 20 жылдығына және ҚР БҒМ ҒК Ә. Марғұлан атындағы Археология институтының 20 жылдық мерейтойына арналған халықаралық ғылыми конференция материалдары / бас ред. Б.Ә. Байтанаев, жауапты ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2011в.

Байтанаев Б.А. Сайрамский клад: средневековое золото. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 238 с.

Байтанаев Б.А. Флагману отечественной археологии - 25 лет // Актуальные проблемы археологии Евразии: м-лы науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию Независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, 18–19 октября, 2016). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 10-19.

Байтанаев Б.А. Курган Урджар: История открытия и итоги исследования // Археология Казахстана. 2019. № 2 (4). С. 9-22.

Байтанаев Б.А., Бисембаев А.А., Хаванский А.И., Жамбулатов К.А., Уразова А. Исследование элитных памятников ранних кочевников в Актыобинской области // Маргулановские чтения-2020: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований». Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Т. 2. С. 162-171.

Байтанаев Б.А., Брагин А.О., Петров П.Н. Сайрамский клад тимуридских монет. Каталог: кн. 1. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 812 с.

Байтанаев Б.А., Брагин А.О., Петров П.Н. Сайрамский клад тимуридских монет. Каталог: кн. 2: Надчеканы. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. 372 с.

Байтанаев Б.А., Горячев А.А., Сараев В.В., Шаяхметов А.Х., Ергешибаев А.А., Бейсенов Н.Б. Новые памятники раннего железного века Южного Казахстана. Алматы, 2017. 344 с.

Байтанаев Б.А., Ергешибаев А.А., Сулейменова Ж.Ж., Шаяхметов А.Х., Бейсенов Н.Б. Ертеортағасырлық Төрткүлтөбе қалашығындағы архитектуралы-археологиялық зерттеулер // Отан тарихы. 2017. № 2. С. 94-105.

Байтанаев Б.А., Ергешибаев А.А., Шаяхметов А.Х., Бейсенов Н.Б., Сулейменова Ж.Ж., Байтанаева А.Б., Байтанаев Е.Б. Исследования фортификационных сооружений Испиджабского округа в 2019 году // Маргулановские чтения-2020: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований». Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Т. 2. С. 320-335.

Байтанаев Б.А., Петров П.Н., Брагин А.О. Монеты династии Тимуридов на территории Южного Казахстана. Каталог. Алматы, 2019. 202 с.

Байтанаев Б.А., Петров П.Н., Шайхутдинова Е.Ф. Монетная реформа Кепек хана в свете результатов исследования состава монетного серебра методом РФА // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 43-54.

Бейсенов А.З. Талды-2 и памятники раннесакского времени степной Евразии // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: тез. докл. Круглого стола, посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан. Караганды: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011. С. 14-20.

Бейсенов А.З. Предметы искусства ранних саков Сарыарки как свидетельства взаимодействия культур // Вестник КемГУ. Сер. История. 2013. № 3 (55). Т. 4. С. 13-17.

Бейсенов А.З. Древние сокровища Сарыарки. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 196 с. (на каз., рус., англ. яз.).

Бейсенов А.З. Дромосные курганы сакской эпохи на реке Жарлы (Центральный Казахстан) // Самарский научный вестник. 2016. № 3 (16). С. 77-86.

Бейсенов А.З. Тасмолинская культура Сарыарки // Сакская культура Казахстана. Коллективная монография / отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 59-100.

Бисембаев А.А. Новые памятники эпохи Великого переселения народов степного Приуралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Великое переселение народов: диалог культур: м-лы VIII междунар. науч. конф. / ред. кол.: В.И. Богдановский (предс.) и др.; отв. ред. С.Г. Боталов. Челябинск, 2020. С. 116-125.

Бисембаев А.А., Ахатов Г.А. Элитные погребения периода улуса Джучи, изученные в Актыобинской области // Поволжская археология. 2019. № 2 (28). С. 61-77.

Бисембаев А.А., Петров П.Н., Ахатов Г.А. Захоронение воина с кошельком джучидских дангов XIV в. из могильника Жайлаусай (Сарытау II) // Stratum plus. 2019. № 6. С. 155-166.

Бисембаев А.А., Хаванский А.И. Гунны у границ Европы // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV Междунар. конгресса археологии евразийских степей. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2019. Кн. 1. С. 98-101.

Бисембаев А.А., Хаванский А.И., Ахатов Г.А., Дуйсенгали М.Н., Мамедов А.М., Бидагулов Н.Т., Уразова А.Б., Амелин В.А., Баиров Н.М. Работы последних лет на памятниках ранних кочевников Илекского микрорайона (предварительные итоги) // Археология Казахстана. 2019. № 1 (3). С. 99-115.

Бисембаев А.А., Хаванский А.И., Мамиров Т.Б. Бассейн Илека как один из центров кочевых объединений середины I тысячелетия до н.э. // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV Междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвящ. 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16-21 сентября 2019 г.). В 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 102-106.

Бисембаев А.А., Хаванский А.И., Уразова А.Б. Исследование памятников ранних кочевников среднего Илека (некоторые итоги и перспективы) // Маргулановские чтения-2019: м-лы междунар. археолог. научно-

практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева. Нур-Султан, 2019. С. 234-242.

Горячев А.А. Древний археологический комплекс верховьев ущелья Киши-Турген / отв. ред. Г.С. Джумабекова. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. 260 с.

Горячев А.А., Сараев В.В. Древние археологические комплексы южной части гор Хантау // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7, № 2 (23). С. 45-50.

Джумабекова Г.С., Ахияров И.К., Дуйсенбай Д.Б., Джуманазаров Н.Ш., Базарбаева Г.А. Предварительные итоги археологических исследований бассейна реки Быжы (участок «Каспан», Жетысуский Алатау) // Отан тарихы. 2018. № 3 (83). С. 43-57.

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. «Яростные птицы с огненными перьями» // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 2 (30). С. 95-110.

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Высокохудожественная вышивка в декоре конского снаряжения из элитного погребения Казахского Алтая // Поволжская археология. 2019а. № 3 (29). С. 115–127.

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Нарушенные женские погребения сакского времени в Жетысу: по материалам могильника Каспан-6 // Маргулановские чтения–2019: м-лы междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева. Нур-Султан, 2019б. С. 260-270.

Дуйсенбай Д. Б., Джуманазаров Н.Ш., Ахияров И.К. Археологические исследования на поселении Балакунгей-2 // Марғұлан оқулары–2020: «Ұлы Дала археологиялық және пәнаралық зерттеулер аясында» атты халықар. ғыл.-тәж. конф. м-ры (Алматы қ., 17–18 қыркүйек 2020 ж.). Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2020. 2 т. 223-232-бб.

История и археология Семиречья («Хантауский транзитный коридор в эпоху палеометалла»). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, 2020. Вып. 7. 224 с.

Касенова А.Д. История изучения древних и средневековых каменных изваяний Сарыарки: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2019. 30 с.

Китов Е.П. Новое структурное подразделение в Институте археологии им. А.Х. Маргулана – научно-исследовательская лаборатория палеоантропологического изучения Казахстана // Актуальные проблемы археологии Евразии: сб. материалов междунар. научно-практ. конф., посвящ. 25-летию Независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 18–19 октября 2016 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 659-665.

Китов Е.П. Миграционные процессы на территории Казахстана в раннем железном веке // История и культура Великой степи: матер. междунар. науч.-практ. конф. / под ред. М.Х. Абусеитовой. Алматы: «Шағыс пен Батыс», 2020. С. 123-131.

Китов Е.П., Тур С.С., Иванов С.С. Палеоантропология сакских культур Притяньшанья (VIII – 1-ая половина II в. до н.э.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2019. 300 с.

Китов Е.П., Тур С.С., Иванов С.С. Палеоантропология подбойно-катакомбных культур Притяньшанья (2-ая пол. II в. до н.э. – V в. н.э.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. 200 с.

Китов Е.П., Хохлов А.А. Краниологические материалы раннебронзового века долины р. Уил Западного Казахстана // Известия Самарского научного центра РАН. 2018. Т. 20, № 3 (20). С. 510-516.

Курган Урджар / Книга-альбом. Сост. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2018. 120 с.

Курманкулов Ж., Болелов С.Б., Утубаев Ж. Древние земледельцы низовьев Сырдарьи. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулан, 2021. 320 с.

Курманкулов Ж., Ермоленко Л.Н., Касенова А. Статуарные памятники Сарыарки. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2021. 150 с.

Қазақстан киелі орындарының географиясы: Табиғат, археология, этнография және діни сәулет өнері нысандарының тізілімі / Жалпы редакциясын басқарған ҚР ҰҒА академигі Байтанаев Б.Ә. Алматы: Ә.Х.Марғұлан атындағы Археология институты, 2017. 1- шығарылым. 904 б.

Лукпанова Я.А. Женские погребения из кургана № 1 могильника Жайык-1 в Западном Казахстане // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 2. С. 111–127.

Мыңжылдықтар куәлары: Қазақстан археология ғылымы 20 жылда (1991–2011): ғылыми мақалалар жинағы. Алматы: Ә. Марғұлан ат. Археология институты, 2011. 400 б., + 64 б. түрлі-түсті сур. / Свидетели

тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991–2011): сб. науч. ст. / гл. ред. Б.А. Байтанаев, отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. 400 с., +64 с. цв. ил.

Нуржанов А.А. К вопросу о семантике пространства средневекового городища Кастек: функциональный анализ артефактов // Археология Казахстана. 2018. № 1–2. С. 190–200.

Нуржанов А.А. Средневековые города Казахстана: урбанистический ландшафт степной цивилизации // X Всерос. науч. симпозиум «Проблемы культуры городов России: культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики)» (г. Омск, 30 сентября 2020 г.). Омск: Омский госуниверситет им. Ф.М. Достоевского, 2020. С. 225–238.

Нуржанов А.А., Савельева Т.В. Средневековые городища Кастек и Талгар на Великом Шелковом пути // Промышленность Казахстана. 2020. № (4). С. 95–98.

Нуржанов А.А., Терновская Г.А. К вопросу о распространении и влиянии ислама в городах юго-западного Жетысу во второй половине VIII – XII в. (по материалам археологии) // Поволжская археология. 2020а. № 4(34). С. 99–112.

Нуржанов А.А., Терновская Г.А. Керамика с зооморфными и антропоморфными признаками с городища Кастек-1 // Народы и религии Евразии. 2020б. № 1(22). С. 7–28.

Образ женщины в отражении веков: по материалам из Большого Тургая и сопредельных регионов. Коллективная монография / отв. ред. Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. 160 с.

Петров П.Н. Монетные находки на городищах Туркестан и Культобе в 2019 году // Материалы исследований городища Культобе: итоги и перспективы. Сб. науч. трудов. Алматы: КазНИИИ, 2020. С. 68–86.

Петров П.Н. О новых отарских монетах XIV в. Чагатайского государства // XI Оразбаевские чтения: м-лы междунар. науч.-метод. конф. «Семь граней Великой степи и актуальные вопросы археологии и этнологии Евразии» (г. Алматы, 26–27 апреля, 2019 г.). Алматы: «Казак университеті», 2019. С. 161–163.

Петров П.Н., Байтанаев Б.А., Шайхутдинов Е.Ф. Квантитативный анализ монетного серебра денежной реформы хана Кепека методом ОЭСА // Археология Казахстана. 2020. № 3 (9). С. 107–121.

Петров П.Н., Белтенев Ж.М. Важные особенности монетного дела и денежного обращения Параб в правление чагатайского хана Тармаширина // Историко-культурное наследие древних и традиционных обществ Центральной Азии: проблемы изучения интерпретации и сохранения: м-лы междунар. научно-метод. конф. «XII Оразбаевские чтения» (г. Алматы, 17–18 мая 2020 г.). Алматы: Казак университеті, 2020. С. 217–220.

Петров П.Н., Камышев А.М. Янги Тараз XIII–XIV вв. и открытие его географического местонахождения по нумизматическим данным // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 2. С. 266–282.

Петров П.Н., Кравцов К.В., Гумаюнов С.В. Монеты Сарая первой половины 660-х гг.х. / 1260-х гг. // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 145–158.

Петров П.Н., Смагулов Т.Н. Нумизматические находки XIV века из некрополя у озера Аулисколь // Stratum plus. 2018. № 6. С. 167–184.

Постановление Кабинета министров КазССР от 28 августа 1991 г. № 496 «Об организации Института археологии им. А.Х. Маргулана».

Савельева Т.В., Камалдинов И. Торговля и денежное обращение в средневековых городах Илийской долины // Промышленность Казахстана. 2020. № 2. С. 95–98.

Савельева Т.В., Зиняков Н.М., Камалдинов И. Кузнечное ремесло средневековых городов Илийской долины (историография и датирование чугунных изделий) // Археология Казахстана. 2020. № 3(9). С. 60–81.

Савельева Т.В., Камалдинов И. Великий Шелковый путь: маршруты и караван-сарай в Северо-восточном Жетысу (по археологическим источникам) // Казахская цивилизация. 2020. № 2 (83). С. 5–15.

Савельева Т.В., Камалдинов И. Караван-сарай Шенгельды // Промышленность Казахстана. 2019а. № 3 (107). С. 94–98.

Савельева Т.В., Камалдинов И. Искусство гончаров средневекового городища Талгар // Промышленность Казахстана. 2019б. № 4 (108). С. 94–98.

Сакральная география Казахстана: Реестр объектов природы, археологии, этнографии и культовой архитектуры / Под общ. Ред. академика НАН РК Байтанаева Б.А. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. Вып. 1. 904 с.

Смагулов Е.А. Древний Туркестан: штрихи к историческому портрету. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. 341 с.

Смагулов Е.А. Городище Шойтобе – средневековая столица Туркестанского оазиса // Вестник КазНПУ имени Абая, серия «Исторические и социально-политические науки». 2019. № 1 (60). С. 398-409.

Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Новые данные к истории культуры средневекового Шавгара (Туркестанский оазис) // Маргулановские чтения–2019: м-лы междунар. археолог. научно-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева. Нур-Султан, 2019. С. 567-583.

Талдысай – поселение древних металлургов позднебронзового века в Улытауской степи: Коллективная монография. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. 240 с.

Тишин В.В., Акымбек Е.Ш., Железняков Б.А. Древнетюркская руническая надпись из Тоспалы (долина реки Чу (Шу), Казахстан) // Народы и религии. 2020. № 2 (23). С. 37-53.

Утубаев Ж. Зарождение и становление оседло-земледельческой культуры Восточного Приаралья (2 половина I тыс. н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2018. 30 с.

Beisenov A.Z., Syiatko S.V., Kassenalin A.E., Zhambulatov K.A., Duisenbai D., Reimer P.J. First radiocarbon chronology for the early iron age sites of Central Kazakhstan (Tasmola culture and Korgantas period) // Radiocarbon. 2016. Vol. 58, no. 2. P. 179-191.

Osipova E.A., Artyukhova O.A. Le site paléolithique de Sémizbougou XI au Kazakhstan: nouvelle approche de l'étude techno-typologique // L'Anthropologie. Avril 2019. Vol. 123, no. 2. P. 319-332.

**Б.Е. КӨМЕКОВ,
Е.Ш. АҚЫМБЕК**

Көмеков Болат Ешмұхамбетұлы,
Л.Н. Гумилёв ат. Евразия Ұлттық университеті,
Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан, bkumek@mail.ru;
Ақымбек Ералы Шардарбекұлы,
Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы қаласы, Қазақстан, eraly_a@mail.ru

**АКАДЕМИК К.М. БАЙПАҚОВТЫҢ
«ҚАЗАҚСТАННЫҢ ЕЖЕЛГІ ЖӘНЕ ОРТА ҒАСЫРЛАРДАҒЫ УРБАНИЗАЦИЯСЫ
(Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясының зерттеу
материалдары бойынша)» атты еңбегіне шолу**

Аннотация. Мақалада т.ғ.д., ҚР ҚҒА академигі Карл Молдахметұлы Байпақовтың жарты ғасырдан астам уақыт Қазақстанның ежелгі және орта ғасырлар ескерткіштеріне жүргізген зерттеулері қарастырылады. Алынған нәтижелері 2012–2016 жылдарда жарық көрген 3 кітаптан (4 том) тұратын монографиясында көрініс тапқан. Бұл хронологиялық тұрғыдан бірнеше археологиялық дәуірлерді қамтитын аймақтағы қалалық мәдениеттің тарихы туралы жалпылама еңбек. Зерттелген проблемалардың ауқымдылығы, қола дәуірінен бастап Қазақ хандығының құрылуына дейінгі бірнеше даму кезеңнен өткен урбанизация үдерісінің тарихи тұжырымдамасы ұсынылып, негізделгендігін көрсетеді. Қазба жұмыстарының заманауи әдістерін сауатты пайдалану және алынған материалдарды тіркеу бірқатар археологиялық ескерткіштердің эталонды және тарихи маңыздылығын арттырды. Жүйелі қазба жұмыстарының нәтижесінде Қазақстандағы археология ғылымының одан әрі дамуына негіз болған бай материал алынды. Алынған және толыққанды құжатталған археологиялық материалдар Қазақстан тарихы мен шектес аумақтар бойынша ғылыми проблемаларды әзірлеу үшін сенімді дереккөздер болып табылады. Материалдар урбанизацияның тарихи үрдістерге әсері туралы теориялық мәселелерді әзірлеу кезінде, жоғары оқу орындары мен орта мектеп оқушылары үшін Қазақстан тарихы бойынша оқулықтар мен әдістемелік құралдарды жазу үшін негіз бола алады.

Түйін сөздер: К.М. Байпақов, Қазақстан, археологиялық қазба жұмыстары, қоныстар, қалалар, қалалық мәдениет, ежелгі және орта ғасырлар урбанизациясы

Кумеков Болат Ешмұхамбетович,
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва,
г. Нур-Султан, Казахстан, bkumek@mail.ru;
Ақымбек Ералы Шардарбекұлы,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан, eraly_a@mail.ru

**ОБЗОР ТРУДА АКАДЕМИКА К.М. БАЙПАКОВА
«ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ УРБАНИЗАЦИЯ КАЗАХСТАНА
(по материалам исследований Южно-Казахстанской
комплексной археологической экспедиции)»**

Аннотация. В статье дана краткая характеристика исследования академика НАН РК, д.и.н. Карла Молдахметовича Байпакова, проводившимся под его руководством на протяжении более чем полувека

на памятниках древности и средневековья Казахстана. Полученные результаты были опубликованы в монографии, изданной в 2012–2016 гг. в трёх книгах (4-х томах). Это обобщающий труд по истории городской культуры, хронологически охватывающий несколько археологических эпох. Широта изучаемых проблем отражает предложенную и обоснованную историческую концепцию процесса урбанизации, прошедшую в развитии несколько этапов от эпохи бронзы до создания Казахского ханства. Грамотное использование современных методик раскопок и фиксации полученного материала сделали целый ряд археологических памятников эталонными и исторически значимыми. В результате систематических раскопок был получен богатейший материал, ставший основой для дальнейшего развития археологической науки в Казахстане. Полученные и полноценно документированные материалы являются надежными источниками для разработки научных проблем по истории Казахстана и сопредельных территорий. Они могут стать основой при разработке теоретических вопросов о влиянии урбанизации на исторические процессы, для написания учебников и методических пособий по истории Казахстана для учащейся молодежи.

Ключевые слова: К.М. Байпаков, Казахстан, археологические раскопки, поселение, городище, городская культура, древняя и средневековая урбанизация

Bolat Kumekov,
Eurasian National University,
Nur-Sultan, Kazakhstan, bkumek@mail.ru;
Eraly Akymbek,
A.Kh. Margulan Archaeology Institute,
Almaty, Kazakhstan, eraly_a@mail.ru

REVIEW of the WORK of ACADEMICIAN K.M. BAIPAKOV
“ANCIENT and MEDIEVAL URBANIZATION of KAZAKHSTAN
(on materials of researches of the South Kazakhstan complex archaeological expedition)”

Abstract. The article presents the research of Dr. Karl M. Baipakov, Academician of the National Academy of Sciences of Kazakhstan, conducted by him more than half a century on the monuments of antiquity and the Middle Ages of Kazakhstan. The results were published in a monograph in 2012–2016 in 3 books (4 volumes). This is a generalizing work on the history of urban culture in the region, chronologically covering several archaeological eras. The breadth of the studied problems reflects the proposed and substantiated historical concept of the process of urbanization, passed in the development of several stages from the Bronze Age to the creation of the Kazakh Khanate. Competent use of modern methods of excavation and fixation of the received material has made a number of archaeological monuments reference and historically significant. As a result of systematic excavations the richest material which has become a basis of the further development of archaeological science in Kazakhstan was received. The received and fully documented archaeological materials are reliable sources for working out of scientific problems on history of Kazakhstan and the adjacent territories. Materials can become a basis for development of theoretical questions about influence of urbanization on historical processes, for writing of textbooks and manuals on history of Kazakhstan for students of institutes of higher education and secondary schools.

Keywords: K.M. Baipakov, Kazakhstan, archaeological excavations, settlement, settlement, urban culture, ancient and medieval urbanization

Тарихи өткеннің объективті, идеологиялық конъюнктурасыз көрінісін жаңғырту халықтың тарихи жадын жандандырудың негізі, ұлттық бірлікті қалыптастырудың, азаматтық пен патриотизмге тәрбиелеудің маңызды факторларының бірі болып табылады.

Қазақстанның ежелгі және орта ғасырлардағы урбанизациясының тарихи үдерісін қайта жасаудың негізі отырықшы қоныстар мен қалаларға кең көлемде археологиялық зерттеулер жүргізу. Көптеген зерттеушілердің күшімен іргелі тарихи мәселе – Қазақстанның ежелгі дәуірден кейінгі орта ғасырларға дейінгі урбанизациясының динамикасы бойынша сапалы жаңа жалпылама мәлімет дайындауға мүмкіндік беретін қомақты археологиялық материал жинақталып, жарияланды. Оны дайындап, жарыққа шығарған, осы мәселемен жарты ғасыр бойы айналысқан ғалым Қазақстан Республикасы Ұлттық ғылым академиясының академигі – Карл Молдахметұлы Байпақов.

К.М. Байпақов 1960-шы жылдардың басында ортағасырлық археология бойынша зерттеу жұмыстарын бастап, жарты ғасырдан астам уақыт үздіксіз жүргізген зерттеулерінің барысында, негізінен Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясының зерттеу материалдары бойынша өмірінің соңғы он жыл көлемінде 3 кітаптан тұратын 4 томдық «Қазақстанның ежелгі және орта ғасырлар урбанизациясы» («Древняя и средневековая урбанизация Казахстана») еңбегін оқырманға ұсынды:

1. Қазақстанның қола дәуірі – ерте орта ғасырлар урбанизациясы. Алматы, 2012. I кітап. 390 б., түсті илл.
2. Қазақстанның IX–XIII ғ. басындағы урбанизациясы. Алматы, 2013. II кітап. 516 б., түсті илл.
3. XIII–XV ғ. бірінші жартысындағы урбанизациясы. Алматы, 2013. III кітап, 1 бөлім. 596 б., түсті илл.
4. XV ғ. екінші жартысы – XVIII ғ. Қазақ хандығының урбанизациясы. Алматы, 2013. III кітап, 2 бөлім. 534 б., түсті илл.

Карл Молдахметұлы аталған еңбектерінде археологиялық материалдарды, ескерткіштерді есепке алу мен қорғау, оларды консервациялау мен музейге айналдыруды талдау мен қорытуды жаңа деңгейге көтерген құжаттаудың жаңа әдістерін кеңінен қолданды.

Қазақстанның ежелгі және орта ғасырлардағы қалалық мәдениеті немесе отырықшылану мәселесі бойынша көп жылдық зерттеулер жүргізудің нәтижесінде жазылған жұмысында Қазақстан урбанизациясын бірнеше кезеңдерге бөледі:

Протоурбанизация кезеңі Қазақстан аумағында б.д.д. II мыңжылдықтан б.д.д. I мыңжылдықтың басына дейін созылды. Бұл – қола дәуірі, андрон мен беғазы-дәндібай мәдениеті.

Урбанизацияның бірінші кезеңі Кент, Атасу, Мыржық протоқалалар мен қоныстарды, ерте дәуірдегі мемлекеттер: Жетісу сақтарын, Арал маңы сақтарын, Жетісудағы үйсіндерді, Сырдария

К.М. Байпақовтың «Қазақстанның ежелгі және орта ғасырлардағы урбанизациясы (Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясының зерттеу материалдары бойынша)» монографиясының 4 томдық басылымы

орталығындағы қаңлыларды, Шығыс және Орталық Қазақстандағы Батыс динлиндер мемлекетін (Тасмола мәдениеті) зерттеумен байланысты.

Іле және Жоңғар Алатауы баурайынан, орталық Тянь-Шань шатқалдарынан К.М. Байпақов ашып, зерттеген сақтар мен үйсіндердің көптеген қоныстары белгілі болды. Олар сақтар мен үйсіндердің отырықшы болғандығын куәландырады. Үйсіндердің астанасы – Чигучэн қаласы.

Сырдариядағы Қаңлы мемлекетінің (қауыншы, отырар-қаратау, жетіасар мәдениеті) б.д.д. III ғ. – б.д. VI ғ. басындағы қоныстары мен қалалары зерттелді. Бірқатар қалаларда отқа, күнге арналған храмдарда алтарь мен діни нишалы биік орындар орналастырылған. Үлкен храмдардың айналасына қалалар қалыптасқан жағдайлар да кездеседі. Олар Көкмардан, Отырар жазирасындағы Күйікмардан, Түркістан жазирасындағы Күлтөбе, Ташкент жазирасындағы Ақтөбе мен Шардара қалаларына, Сырдарияның төменгі ағысындағы Жетіасар жазирасындағы қалаларға жүргізілген қазбалар бойынша жазылған ғылыми әдебиеттерден белгілі. Есіл алқабындағы қала типіндегі Ақтау қонысы зерттеліп, Батыс Қазақстандағы сарматтардың қоныстары зерттеле бастады.

Урбанизацияның екінші кезеңі – ерте орта ғасырлар дәуірі, VII–IX ғ. бірінші жартысы. Саяси қатынасы жағынан бұл Ұлы Жібек жолының негізгі трассасындағы Жетісу мен Оңтүстік Қазақстан аумағында орналасқан Түрік, Батыс Түрік, Түргеш және Қарлұқ қағанаттарының уақыты. VII ғ. Жетісуда Суяб пен Навакет қалалары пайда болып, Тараз, Қазақстанның оңтүстігінде – Испиджаб, Сырдарияның орта ағысында – Отырар мен Шауғар дами түсті. Автор осы уақыттың қалаларын дәлелді түрде баламалап, олардың топографиясын, құрылысын, қорғаныс жүйесін, қалалық үй-жайлардың түрін зерттеді. Сарай құрылыстары, будда храмдары мен христиандық шіркеулер зерттелді. Қалалар халқының этникалық құрамдары анықталды – олар түріктер, түргештер, қарлұқтар, шігілдер, соғдылықтар.

VII–IX ғғ. сәулет өнері туралы жарқын материалдарды автордың Шу өңіріндегі Навакет, Құлан; Талас өңіріндегі Қостөбе мен Тараз; Сырдария өңіріндегі Жуантөбе, Отырар, Құйрықтөбе, Алтынтөбе қалаларына жүргізген қазба жұмыстары берді. Сарай құрылыстары Құйрықтөбе мен Қостөбе қалаларының орталығынан ашылды; Құлан қаласы аумағындағы сарайдың архитектурасы мен өрнекті сылағы; Қызылөзен, Тараз қалаларының қамалы мен үй-жайлары; Қызылөзен қаласындағы будда храмы зерттелді.

Құйрықтөбе қаласының орталығындағы салтанатты сарай залынан оймышты тақтай; Құлан мен Қостөбе сарайларынан өрнекті сылақтар; Бөріжар қорымынан наустар – кесенелер зерттелді. Бұл материалдар VII – IX ғ. бірінші жартысындағы қалалық мәдениет, архитектура мен өнердің жоғарғы деңгейде болғандығын дәлелдейді. Отырар-Фараб, Тараз, Навакет, Суяб қалаларында теңге сарайлары жұмыс істеді.

К.М. Байпақовтың дәлелдеуі бойынша VII–IX ғғ. соғдылықтар мен түріктердің синтезі болған, осы екі мәдени кешеннің – соғды және түрік мәдениетінің кең таралғандығы айтарлықтай анық байқалады. Бұл үдерісті Жетісудан, Қазақстанның оңтүстігі мен Орта Азиядан көруге болады. Автор осы кезеңнің қалаларын тек соғдылықтардың қаласы немесе түріктердің қаласы ретінде ғана емес, оларды даму сатысына қарай соғдылықтар мен түріктердің, түріктер мен соғдылықтардың қаласы деп сипаттайды. Дегенмен, ол Жетісудағы ерте ортағасырлық мәдениеттің қалыптасуына осы уақытта Іле мен Шу өңірлерінде Үйсін мәдени кешенінің, Талас өңірі мен Оңтүстік Қазақстанда – Үйсін мен Қаңлы мәдениетінің қатысы барын дәлелдейді. Сонымен бірге, Қаңлы мәдени кешенінің Соғды мәдениетінің қалыптасуында байқалатынын атап өтеді. Сақтар мен үйсіндердің дәстүрі ортағасырлық қалалық ортада жалғасқандығы айқын байқалады. Мысалы, Жетісудың «көркемдік қола» дәстүрі ортағасырлық қалалар мен қоныстардың діни керамикаларынан байқалады.

Зерттеуші осы уақыттағы қалалық мәдениет пен урбанизацияның дамуына көшпелілер мен отырықшы халықтар, дала мен қала қатысқан деп түсіндіреді. Онда да, этникалық жоспарда мал өсірушілер мен қала халқы бір рудан немесе этносаяси құрылым – Батыс Түрік, Түргеш және Қарлұқ қағанаттары шеңберіндегі бірлестіктегілер болды. Осыдан маңызды қорытынды шығаруға болады: отырықшы және көшпелі мәдениеттің өзара әрекеттесуі мен бір-біріне толықтыруы ілгерілеудің басты жолы болып табылды. Мұндай синтездің қойнауында өркениеттің көптеген жетістіктері, Қазақстан мен Орта Азия халықтарының қалыптасуы, сонымен қатар олардың этногенез бастауы жатыр.

Урбанизацияның үшінші кезеңі - Қазақстандағы ортағасырлық мемлекеттер мен халықтар Бағдаттан Шығыс Түркістанға дейінгі аралықты қамтитын мәдени кеңістікке кіргеннен кейін туған Мұсылман ренессансы дәуірімен байланысты. Бұл кезең К.М. Байпақовтың анықтауы бойынша IX ғ. – XIII ғ. басына дейін созылады.

Ғалымның бастамасымен қазақстандық археологияда ортағасырлық қалаларды зерттеу барысында ислам архитектурасына – мешіт, кесене, медресе мен ханакалардың қазбасына көп көңіл бөліне бастады. Мұндай ескерткіштердің саны арта түсті. Карл Молдахметұлының жарияланымдарында «жалпы мұсылмандық стандарт пен эталонды мәдени кешен», «түрік-мұсылмандық мәдени мұра» деген анықтамалар көбірек қолданылады.

Автор діни құрылыс – кез-келген өркениеттің маңызды элементі екенін атап көрсете отырып, өзіне үй мен храм тұрғызған адам, сонында өзінің ұлттық кодын жасайды деген тұжырымға тоқтайды. Сондықтан архитектуралық құрылыстардың қалдықтарын анықтау өте маңызды, себебі оның негізінде рухани мәдениетті түсіну жатқандығы белгілі. Жоғарыда келтірілгендерге байланысты ғылымда дінді «әлемдік діндер» – ислам, христиан, иудаизмді жалпы зерттеудің бірыңғай жолы қалыптасқандығы туралы үрдістің пайда болғандығын айта кеткен жөн.

Археологтар, оның ішінде К.М. Байпақов көрсеткендей, IX–XIII ғ. басында Қазақстан аумағында, атап айтсақ Жетісу мен Қазақстанның оңтүстігінде жаңа қалалар пайда болып, Іле өңірінде, Орталық Қазақстанда жаңа қалалық мәдениет аудандары қалыптасты. Іле өңірінде Талхир, Екіоғыз, Қойлық, Жыланбалық қалалары пайда болды. Орталық Қазақстанда Диз-и-Руин қаласы бой көтерді. IX–XI ғғ. жазба деректер Ертіс бойынан қимақтардың әлі де табылмаған 16 қаласын, олардың ішінен Имакия, Карантия, Гаган, Дамурия, Сараус, Дахлан, Ханауш, Астур қалаларын атап өтеді. Батыс Қазақстанда осы уақытта Маңғыстауда Маңғышлақ қаласы, Жайықта Сарайшық қаласы өмір сүрген. Осы кезеңдегі қалалардағы қоғамдық құрылыстардың арасынан рухани өмірдің орталығы мен қалалық құрылыстың басында мешіт тұрғанын атап өту керек. Біршама ерте кезеңнің мешітін Ақыртастан, Кердері қаласынан, Талас өңіріндегі Өрнек қаласынан анықтап, зерттеді.

Қалаларда осы кезеңде өзінің негізгі қызметін орындаудан басқа, кездесу, әңгіме құру, сауда келісімдерін жасауда өзіндік рөл атқарған моншалар салынды. Қалаларда бұрынғысынша ішкі ауалары және малта тастар, тас тақталар мен қыш кірпіштер төселген көшелері бар орамдар салынды. Қалаларда су құбырлары, канализация болды. Ошақтар, сыпалар, санитарлық-гигиеналық құрылғы – әжетханалар орналасқан үйлердің бірнеше түрлері пайда болды.

Зерттеушілер Қазақстан қалаларының топографиясы бір-бірінен ерекшеленетінін атап өтеді. Іле өңіріне төртбұрышты «төрткүлдер» тән болса, Шу мен Талас өңірлерінде бұрынғысынша қаланың орталық бөлігінің сыртын қабырғалар қоршаған шаруашылық аймағы жалғасқан «ұзын қорғанды» қалалар кең тарады. Үй құрылысында, қорғаныс жүйесінде ерекшеліктер болды. Іле өңіріндегі ірі қала – Талғардың үй құрылысында тас пен ағаш кеңінен пайдаланылған. Үйге мал қора жалғасып, кейбір үйлердің ауласында киіз үйлер болды. Бұл, К.М. Байпақовтың пікірінше

қала халқы қалаға далалық дәстүрді алып келген мал өсірушілердің отырықшылыққа өтуі есебінен толыққанды деп түсіндіріледі.

Арал маңының оңтүстігіндегі қалаларда үйлер тығыз салынған. Құрылысты тар көшелер бөлген. Үйлер топтамасы қалалық орамдарға біріккен. Көшелері шекара қызметін атқарған еуропалық қалалардағы орамдардан ерекшелігі, мұнда орамдардың шекарасын үйлердің артқы қабырғасы анықтап, осындай әрбір орамның бас көшеге шыққан өзіндік кішкентай көшелері болды.

Табылған көптеген жаңа материалдар қалалар бұрынғысынша қолөнер мен сауданың халықаралық орталықтары болғандығын дәлелдей түсті. Испиджабтан мата, қару, мыс пен темір тасылып әкетілді. Тараздан – ешкі терісі, Шелжіден – күміс, Түркістаннан – жылқы мен қашыр тасылды. Қалалардың базарларында көшпелілерге астық пен мата сатылды. Қалаларда ұсталық пен мыс қолөнері, көзешілік, шыны жасау ісі, зергерлік қолөнер, тоқымашылық дамып, құрылыс ісі жоғарғы деңгейге жетті. Көпжылдық зерттеулерді қорытудың маңызды нәтижесі қалаларды баламалау мәселесін шешу болып табылатынын атап өткен жөн.

К.М. Байпақов IX–XIII ғ. басындағы қалалардың орналасу картасын дайындады. Қалалардың топографиясы сипатталып, олардың типологиясы берілді, қалалық орамдар мен баспаналардың даму жолдары көрсетіліп, қалалардың әлеуметтік құрылымындағы бірқатар сұрақтар, оның ішінде демографиясы қарастырылды. Аймақтардағы қалалардың топографиясы, құрылысындағы жалпылық пен ерекшеліктері белгіленді. Оның сіңірген еңбегі қаңлы дәуірінен қарахандықтарға дейінгі қалалық баспананың даму сабақтастығын қадағалады.

Қалаларға қолөнер мен сауда шоғырланған әкімшілік орталық ретінде сипаттама беріледі. Қазба барысында және көмбелерден табылған тиындарды сараптайтын болсақ, теңге сарайлар жұмыс істеп, көп мөлшерде теңге өнімдерін шығарғандығы анықталып, белгілі болды. Тиындар Отырар, Испиджаб, Будухкет, Женд, Тараз, мүмкін Талғарда да басылды.

Ұлы Жібек жолы белсенді қызмет етіп, оның Жетісулық (Тянь-Шаньдық), Оңтүстік Қазақстандық (Сырдариялық), Орталық Қазақстандық (Сарыарқалық), Орал-Каспийлік секілді тармақтарын бөліп көрсетуге болады. Сауда трассасы мен қалалардан керуен-сарайлар салынды. Қалалардың аграрлық болғандығы, әсіресе оңтүстік-батыс Жетісудан анық байқалады, онда қалалардың қабырғалар қоршаған ауылшаруашылық аймағы бар, ал олардың «рабады» ауылшаруашылық аймағына қосылып кеткендіктен, рабад екеуінің аралығында нақты шекаралар жоқ.

Қалалықтардың негізгі діні ислам болды, бірақ онымен бірге христиандық, буддизм, тәңіршілдік пен зороастризмнің сарқыншақтары сақталды. Археологиялық материалдар бойынша от, жануар мен құс, өсімдік культі ерекше көрінеді. Мұның барлығы қалалық мәдениет сабақтастығының тереңдеп кетуін дәлелдейді, сонымен бірге оның дәстүрлігін, байланыстылығын, оның ішінде этникалық үдерісті сипаттайды. Қала халқы көп этникалық болғанымен, түріктер мен түрік тілі урбанизацияның осы уақытында басымдыққа ие болды. Мұны жазбаша деректер, оның ішінде Махмұд Қашқаридың еңбегі дәлелдейді. Жалпы урбанизацияның осы кезеңі Қазақстан аумағында ортағасырлық қалалық мәдениеттің гүлденген уақыты болды.

Урбанизацияның төртінші кезеңі монғол шапқыншылығымен басталады. Көптеген қалалар осы шапқыншылықтың барысында зардап шеккендігі туралы жазба деректер «жар салады».

Отырартөбенің орталық бөлігіндегі 1000 м² болатын алаңға жүргізілген қазба жұмыстарының төменгі горизонтының XIII ғ. басына жататын 5 қабатынан анықталған күйген қабатты автор 1220 ж. өртпен байланыстырады. Бұл мәдени горизонт XII–XIII ғ. басына жататын тиындар кешенімен жақсы мерзімделеді.

Жетісу өлкесіндегі қалалардан моңғолдардың жорықтарымен байланысты өрттің және қиратушылықтың іздері байқалмайды. Қарлұқ мемлекеті астанасы болған Қойлық қаласы Моңғол империясы құрамына Қарахан мемлекетінің астанасы – Баласағұн сияқты өз еркімен кірген.

Тараз қаласын тұрғындары Хорезмшах Мұхаммедтің бұйрығымен тастап кеткендіктен, XIII ғ. шурфтар мен қазбалардан белсенді өмірдің іздері кездеспейді. Шамасы, XIII ғ. Тараз орнын басқа жерге ауыстырған, мұны қазіргі қала құрылысынан анықтау қиындық туғызып отыр. Бірақ қала Жаңа Талас, Жаңабалық, Кенджек қалаларымен бірге өмір сүруін жалғастырған. Моңғолдардың жаулап алу салдарынан қалалық өмірдің құлдырағанын дәлелдейтін археологиялық материалдар аз.

Жалпы жазбаша деректер мен археологиялық зерттеулерге археологиялық талдау жұмыстарының нәтижесін сараптасақ, онда Қазақстан аумағындағы отырықшы қалалық мәдениеттің қарқынды дамуын моңғол шапқыншылығы мен оның салдары тоқтатқан деп есептеуге болады.

Оңтүстік Қазақстан аумағындағы қалаларға жүргізілген археологиялық қазбалар қалалық құрылыс ғимараттарын қалалық қақпа біріктірген бас көшелер қиып өтетіндігін анықтады. Олардан тұйық кіші көшелер өтіп, оның айналасына орам үйлері топтасқан.

Отырардың орталық бөлігіндегі тұрғындардың иелігінде болған және пайдаланған қала түбіндегі аумақта қолөнершілері мен диқаншылары, жекелеген үй-жайлар құрылысы болды. Барлық егіншілікпен айналысатын қоныстар каналдармен байланыса орналасты. Бұған Отырар жазирасы мысал бола алады, XIII–XV ғғ. Отырар–Құйрықтөбе–Алтынтөбе–Күйікмардан қалаларының аралығындағы, шамамен 50 шаршы шақырым келетін төртбұрышты алаңдағы құрылыстардың көптеген каналдардың бойында орналасқандығы анықталды.

XIII ғ. екінші жартысы – XV ғ. бірінші жартысында қалалық баспананың жаңа типтері пайда болғандығын академик К.М. Байпақов атап өтеді. Оның негізінде бір бөлмелі құрылыстар жатыр.

Бірінші типке жататын бір, екі немесе үш бөлмелі қоймасы бар үйлер бір осьте орналасқан – бұл линиялы жоспардағы үйлер. Екінші типтегі үйлерге қиып өтетін осьте орналасқан төрт бөлмеден тұратын баспаналар жатады. Бұл крест үлгісіндегі немесе төрт жақтамалы үлгідегі, шаршылы жоспардағы үйлер, онда қойма айванның сол және оң жағында, аула немесе тұрғын бөлмелер тандырымен бірге орналасты. Үшінші типке екі немесе бірнеше секциядан тұратын үйлер жатады. Үйдің әрбір секциясы екі-үш бөлмеден, оның бірі міндетті түрде тұрғын бөлмеден тұрды. Мұндай үйлерде 15-ке дейін бөлмелер болуы, алаңы 200 м² құрауы мүмкін. Баспаналардың ішкі жабдықтарынан бұрынғы уақыттармен салыстырғанда түбегейлі өзгерістер байқалады. Қабырға бойындағы сыпаларды «Г» немесе «П» үлгісіндегі тар сыпалар ауыстырып, бүкіл бөлмені алып жатты. Тандыр алдындағы кірпіш төселген шағын алаң (1,5–2 м²), тәртіп бойынша еденнің деңгейін анықтайды. Сыпаны жағалай бөлменің ортасында жаңқа, ағаш, кірпіш қаландысы немесе тас тақтаның қалдықтарының болуы төбе жабындысын бөлме ортасында тұрған бір ғана ағаш бағана тіреп тұрғандығын куәландырады. Бұрынғысынша тікбұрышты өңірлі ашық түрдегі ошақ кездескенімен, олар еденнен сыпаның шетіне ауыстырылады. Оларда тандырға арналған қызған көмірлер сақталды. Тандырдың өзі еденге қойылып, оған қыш кірпіш төселген еден алаңы жалғасады. Алаңның ортасында еденнен төмен лас су ағып кететін ыдыс орналасады. Әдетте, олар түбі сынған, төңкеріліп қойылған хұмдар болды. Су ағып кетер орын, ортасында тесігі бар науалы кірпіштермен жабылды.

Тандырлар әмбебап ошаққа айналып, үй жылыту және ас дайындап, нан пісіретін қызметтер атқарды. Тұрғын бөлмелерді жылыту жүйесі жетілдірілді. Тандырларда түтін шығар тесіктер пайда болып, түтін мен жылу солар арқылы сыпаға орналастырылған түтіндік каналы – «кан» бойымен тік құдық болып жасалған үй қабырғасына шығып, соның ішімен түтін үйдің төбесіне шығып сыртқа кеткен. Қалалардың осылай жоспарлануы, ондағы орамдық құрылыстар, үй салу ісі Отырар, Ясы, Сауран, Құмкент және Оңтүстік Қазақстанның барлық қалаларына тән. Қаратөбе деген атпен белгілі моңғол дәуіріне дейінгі Сауран қаласы XIII ғ. орнын басқа жерге, солтүстікке қарай ауыстырған. Жаңақент қаласы да орнын ауыстырып, батысқа қарай Мыңтөбе деген қалаға сай келетін жерге орналасқан.

XIII–XV ғ. бірінші жартысындағы қалалардың қоғамдық құрылыстар қатарына мешіт, медресе, ханака және моншалар кіреді. Қала құрылысына, әдетте рабад аумағындағы қала түбі бөлігіне көзешілер, кірпіш күйдіретін шеберханалар, қыш өндірісі орындары, ұста шеберханалары орамдары орналасатындығы Отырар қаласынан анықталған болатын.

XIII ғ. ортасы – XV ғ. бірінші жартысында қалалық мәдениет қалпына келтірілгендігін айта кету керек. Отырар, Сауран, Сығанак, Жанкент-Баршынкент, Жент қалалары, Кендже аймағында теңге сарайлары болған.

К.М. Байпақовтың Жетісу өлкесіндегі ортағасырлық қалаларға жүргізген археологиялық зерттеулері қаланың топографиясы, қалалық баспана, қоғамдық және діни құрылыстар, қорғаныс жүйесі туралы түсінік алуға мүмкіндік береді.

Қойлық солтүстік-шығыс Жетісудағы археологиялық тұрғыдан біршама жақсы зерттелген қалалардың бірі болып табылады. Қаланың жалпы алаңы 800 гектар, оны қабырғалар қоршаған, бекіністі цитаделі, әр түрлі тығыздықтағы құрылыстары, көшелер торабы, су құбыр жүйесі бар. Қала құрылысы осы уақытта үй-жайлы болды, ал үйлер мен телімдерді көшелер тармағы бөліп жатты. Құрылыстарға жақын, қабырға ішінен каналдарды жалғастырған тоған ойпаттары байқалады. Монғол уақытындағы Қойлық (Қаялық) баспаналары IX–XIII ғғ. тұрғызылған үйлерден ерекшеленетіні анықталды. Бұл бір-біріне жақын орналаспаған екі, үш және көп бөлмелі үйлер, ортасында еден үсті ошағы және оймышталып өрнектелген алтары орналасқан ені 0,5 м дейінгі «П» және «Г» үлгісіндегі сыпалары бар мұндай үйлер X–XII ғғ. «соғдылық орамдардан» кездескен. Үй-жайлар құрылысы бытырап орналасқандығы анықталған. Үйлер енді еден астына орналастырылған кан жүйесімен жылытылды. Үйлер сырты қабырғалармен қоршалған телімдерде тұрды. Олардың алаңы 200–500 м² жетті. Аулаларында тоған-әуіздер болды.

Қазба барысында халықаралық сауданы куәландыратын керамикалар, оның ішінде импорттық – түрлі түсті эмальда әшекейленген ирандық аспадам, қытай керамикасы мен фарфоры, сириялық шыны жиналды. Қойлық – VIII–IX ғғ. пайда болып, XI–XII ғғ. даму кезеңін басынан өткізген Іле өңіріндегі басқа да ірі Талхир қаласынан ерекшеленеді.

Талхир XIII ғ. басында өмір сүргенімен, Талғарда кан түріндегі жылыту жүйесі жоқ. Үйлердің қабырғалары тас іргетастарға тұрғызылған. Қабырғалар ағаштан сейсмикалық белдеу бойынша қам кірпіштен тұрғызылған. Дегенмен, Талғар XIII ғ. басында өмір сүруін тоқтатқандығы, XIII ғ. тиындарының жоқтығымен толық дәлелденеді. Талғардан 25 шақырым батыста Алматы қаласы орналасқан, онда шағатайлық күміс дирхем басылып шықты. Тиынның түсіндірме жазуында шекілген орны – Алматы деп көрсетілген.

Сарыарқа өлкесінде жүргізілген зерттеулер мұнда алтынордалық кезең қоныстарын анықтауға мүмкіндік берді. Өзінің типі бойынша олар ордаларға жатады. Хан-Ордасы қонысына жүргізілген қазба барысында алаңы 300 м² болатын «үлкен үй» ашылды. Онда бес тұрғын және шаруашылық бөлмелер болды. Бір тұрғын бөлменің қабырғасына, кіреберістің оң жағына «Г» үлгісіндегі сыпа орналастырылған. XX ғ. аяғы – XXI ғ. басында ортағасырлық Бұзық (Бозоқ) қаласына зерттеулер жүргізілді.

Карл Молдахметұлының жетекшілігімен Батыс Қазақстанда Орал қаласынан оңтүстікке қарай 8 шақырым Ысқырық таудың етегіндегі, Жайық өзенінің оң жағасында орналасқан Жайық қаласы қазылды. XIII–XIV ғғ. Жайық пен Отырар қалаларындағы қалалық баспаналардың жоспарлануының бір-біріне жақын келуі көңіл аудартады. Жайық қаласынан анықталған және зерттелген қоғамдық құрылыстардың бірі, крест үлгісінде жоспарланған және еден асты жылыту жүйесі бар монша-хамам құрылысы ерекше көзге түседі.

Сарайшық қаласына да кең көлемдегі қазба жұмыстары жүргізілді. Қала маңына орналасқан үйлердің жоспары, керамикалық кешені, кесенелердің архитектурасы Оңтүстік Қазақстанның материалдық мәдениеті мен құрылысына өте ұқсас келеді.

Қазақстанның XIII ғ. – XV ғ. бірінші жартысындағы халықтардың мәдениетінде бұрынғысынша отырықшы-егіншілік пен қалалықты құрайтын жағдайлар маңызды рөл атқарды. Ғылымда етек алып келген, негізінде екі шаруашылық пен мәдени салттар, көшпелі және отырықшы халықтардың өзара әрекеттесуі мен дамуы, дала мен қаланың синтезі жатқан «далалық өркениет» мәселесі қойылып, шешімін тауып келеді.

Ұлы Жібек жолы трассасы бойында орналасқан қалалар Қазақстанның барлық аймағын байланыстырушы, қолөнер мен сауда орталығы болды. Көзешілік қолөнерді ұйымдастыру мәселесін шешуге мүмкіндік беретін жаңа материалдарды Отырар қаласы түбіндегі көзешілер орамына жүргізген К.М. Байпақовтың қазба жұмыстары берді. Дәуірдің негізгі тұлғалары қолөнершілер – өндіріс орнының иесі және өнімді тікелей өзі өндіруші болды. Отырарлық шеберханалар өзіндік тауар өндірудің жеке өндірушісі – үй маңындағы өзінің шеберханасында жұмыс істеген көзеші туралы түсінік береді. Қаланың орталық бөлігінде өмір сүрген жекелеген көзешілер орамы сияқты, қала түбінде де қолөнершілердің шоғырлануы байқалады.

Қолөнершілердің арасында мүліктік жіктелушілік байқалады, мұны шеберхананың көлемі, пештердің саны, қымбат құрылыс материалдарын үй жабдығында, мысалы, қыш кірпіштерді пайдалану деңгейінен көруге болады. Ауқаттылар қатарына Отырардың орталық бөлігі аумағынан тазаланған шеберхананың көзешісін жатқызамыз. Отырардың керамикалық өнім шығарған шеберхана өндірісін, бастысы ақауы бар және сынған керамикалар толған шұңқырлар, сонымен қатар белгілі жағдайлармен күймей қалғандар, күйдіру камерасындағы керамикаларды талдау шеберлердің мамандануы жолға қойылғандығын анықтауға мүмкіндік береді. Олар бірқатар зерттеушілердің пікірі бойынша монғолдар уақытына дейін болған. Мұны мамандандырылған көзешілік пештердің бөлінуі, қолөнершілердің бұйымның тек қана белгілі бір түріне көңіл аударуы және ірі шеберханалардың ішінде еңбек бөлінісінің болуы дәлелдейді. Шыны бұйым өндірісімен байланысты қолөнер де зерттелді. Қызықты мәліметтер зергерлік өнерден алынды. Күмістен жасалған көркем әшекейлер Отырардың XIII ғ. жататын заттай көмбесінен анықталды.

Қорытындылай келе, монғол шапқыншылығы уақытында қалалардың қирауы, егіншілік белдеулер мен көшпелі даланың босап қалуы Ұлы Жібек жолы бойындағы халықаралық және аймақаралық саудаға, қала мен оның айналасының, қала мен даланың саудасына қатты әсер еткендігі дәлелденді. Дегенмен сауда байланысы артынша қалпына келтірілді. Қазақстан аумағы арқылы өтетін Ұлы Жібек жолы бойындағы сауда Батыс Еуропаның әсерінен қарқынды дамыды: Италия, Франция, Қырым мен Польша арқылы, Қара теңіз маңы далаларымен, Еділ бойы, Хорезм мен Арал маңы, Орталық Қазақстан мен Жетісу арқылы керуен Моңғолия мен Қытайға қатынады.

Халықаралық сауданың көрнекті белгісі Отырардан табылған ақшалай-заттай көмбе, көмбеден бай саудагердің жинаған Отырар, Алмалық, Қарақорым, Еміл, Пулад, Орда-ал-Азам, Женд, Сивас, Тебризде жасалған зергерлік бұйымдары, күмістен жасалған заттары мен тиындары табылды. Көмбелердің жиналуы XIII ғ. 60-жылдарына жатады. Ол, шамасы, бай көпестің жол шығындары сомасын құраған. Осы кезеңде көптеген теңге сарайлары жұмыс істеген.

Сауда жолдарының бойына тәртіп бойынша керуен-сарайлар орналасты. Сарайшық пен Хорезм аралығындағы керуен жолы сақталып, оның бойында құдығы бар 15-тен астам керуен-сарай тұрды. Керуен-сарайлар Тараз маңынан, Ақыртас, Алматыдан алыс емес жердегі Шеңгелдіден зерттелді.

XIII ғ. – XV ғ. бірінші жартысы исламның ары қарай даму уақыты болғандығын қалаларға жүргізілген қазба барысында ашылған мешіттер, ханакалар мен кесенелер дәлелдейді. Сәулет өнерінің көрнекті туындысы Қожа Ахмет Ясауи кесенесі мен сақталған қолданбалы өнер заттары – бұл Тайқазан, қола шырақ, есіктің тоқылдатқышы, тудың ұшы болып табылады.

Халықтың арасында исламмен қатар буддизм, христиандық, несториандық, манихейлік өмір сүруін жалғастырғандығын Қойлықтан ашылған будда және манихей храмдары, Қойлыққа жақын

жердегі христиан шіркеуі, Жыланбалықтағы крест және сириялық жазуы бар қайрактар (қабір тастары) дәлелдейді.

К.М. Байпақовтың белгілеуі бойынша Қазақ КСР-і Ғылым академиясынан Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясының (1971 ж.) ұйымдастырылуы Қазақстанның кейінгі ортағасырлық қалаларына кең көлемді археологиялық зерттеулер жүргізудің бастауы болды. Ол қазақстандық және ортаазиялық археологияның жаңа бағыты – кейінгі ортағасырлық кезең археологиясының дамуын жолға салды. Зерттеу материалдары XV ғ. екінші жартысы – XVIII ғ. Қазақ хандығы тұсындағы урбанизация мен XVIII ғ. аяғы – XIX ғ. бірінші жартысындағы урбанизация туралы түсінік алуға мүмкіндік берді.

XV–XVIII ғғ. картаға жазбаша деректерде белгілі барлық қалалар мен қоныстардың қазіргі нақты орындарын анықтап орналастыруға мүмкіндік туды. Түркістанның урбанизациялық шекарасы белгілі тарихшы Ибн Рувзиханның келтірген мәліметтері бойынша жаңаша анықталуда. Аймақ ретінде Дәшті Қыпшақ маңызды рөл атқарғандығы айқындалды. Қала мен дала, олардың өзара әрекеттесуі далалық өркениеттің қалыптасуында маңызды рөл атқарды. Оның негізінде егіншілік пен мал шаруашылығының, кең түрде қала мен даланың экономикалық селбесуі жатыр. Дәшті Қыпшақ Түркістан урбанизациясының барысын түрлендірді.

Карл Молдахметұлы Қазақ хандығының қалалары кең хронологиялық шеңбердегі қола дәуірінен сақтарға дейінгі, одан кейінгі түрік қағанаттары мен ерте және дамыған орта ғасырлардағы мемлекеттерден Ақ Орда, Алтын Орда, Моғолстан қалаларына дейінгі қалалардың дәстүрлі дамуының жалғасы болып табылады деген қорытындыға келеді.

Дәстүрлілік қалалардың топографиясы, баспанасы, материалдық мәдениеті, ескі дәстүрлі наным-сенімдердің сақталуынан байқалады. Қалалық құрылысты зерттеу ондағы тұрғын үй орамдарын бөліп қарастыруға мүмкіндік берді. Бірқатар қалалардан, ең алдымен Отыртөбеден барлық қалаларға тән көше жүйесінің дамуы, қалалық қабырға ішін бойлай өткен «айналма» көше анықталды. Қалалық баспаналардың түрі, оны құраушы бөліктер, санитарлық-тұрмыстық құрылғылар, қабырғада тік құдығы мен сыпаға орналастырылған түтіндікті эмбебап тандырмен жылыту тәсілдері белгілі болды. Орамдардың құрамында тек байлардың немесе кедейлердің үйлері жоқ, онда орташа мүлктік молшылықтағы тұрғындар иеленген үйлер бар. Археологиялық зерттеулер қалалардың биік қабырғалары, қабырғалардағы мұнаралар, су толтырылған орлары, бекіністі кіреберіс жүйесіндегі қақпалары, екі жағынан мұнаралар қорғаған, орлары арқылы өткен көпірлері туралы түсініктер береді.

Қазақ қалалары тұрғындарының қорғаныс жүйесі өнерінің жарқын үлгісі Сауран қаласының осы күнге дейін жақсы сақталған қабырғасы мен оры, Түркістан, Отырар қалаларының қабырға қалдықтары, Отырар, Сығанақ және Сауран қалаларының кіріп-шығу кешендері болып табылады.

Ерекше дәстүрлілік сырсыз керамикаларынан, бастысы Қаңлы мемлекеті негізін құраған қауыншы мәдениетінің ыдыстарында пайда болған таңба үлгісіндегі белгілерден анық көрінеді. Таңба үлгісіндегі белгілер кейінірек қанғар, оғыз және қыпшақ керамикаларында, дамыған ортағасырлық қалалардың, тіпті Қазақ хандығы қалаларында кездеседі. Керамикалардағы таңба қалалардың кімдерге, дұрысында, шеберге немесе шеберхана шеберіне, не болмаса қазақтың нақты бір руының шеберхана өкілі иесіне қатыстылығын куәландырады.

Қазақ хандығындағы кейінгі ортағасырлық қалалар – Отырар, Сауран, Сығанақ, Сайрамнан мешіттер, Саураннан – медресе мен ханака ашылып зерттелді. Түркістан Қожа Ахмет Ясауи кесенесінің арқасында Қазақ хандығының идеологиялық орталығы болды. Ислам идеологиясының ірі орталықтарына, сонымен қатар Сайрам, Сауран мен Сығанақ жатты. Қалалар саяси және әкімшілік орталықтар қызметін атқарып, хандардың және қазақ мемлекеті элитасы өкілдерінің резиденциясына айналды.

*Ертіс өзені, паром. Солдан оңға қарай: К.М. Байпақов, Б.Е. Көмеков, С.Г. Кляшторный.
16 шілде 2003 ж. Суретті түсірген В.К. Мерц*

Қалаларға жүргізілген қазба барысында бай керамикалық өнімдерді шығарған көзешілердің қолөнер шеберханалары табылып, зерттелді. Темір жасайтын өндіріс, мыс ісі, зергерлік қолөнер, тас пен сүйек өңдеу, тоқымашылық пен кілем тоқудың дамуы жоғарғы деңгейге жетті.

Қазба барысында жиналған бай нумизматикалық материалдар – Түркістан, Отырар, Сайрам, Сауран, Сығанақ, Жезді, Сарайшық қалаларында шекілген тиындар қалаларда сауда-ақша қатынасының дамығандығын дәлелдейді. Қалалар қала мен даланың, қала мен ауылдың, өңір ішіндегі және халықаралық сауданың орталығы болғандығын Түркістан, Сайрам, Отырар және басқа да қалалардан табылған тиындар дәлелдейді. Саудада Бұхара, Самарқанд, Андижанның күміс тиындары маңызды рөл атқарды.

Қалалар мен оның төңірегінде егіншілік дамыды, олар төңірегіне қыстауға келген көшпелілермен тығыз байланыста болды. Көптеген қыстаулар, тек маусымдық қана емес, стационарлық қоныстарға айналғандығы Сығанақ, Сауран, Отырар, Түркістан, Сырдарияның сол жағалауындағы Аркөк, Куджан, Аққорған қалаларынан байқалады. Қала тұрғындары нан, мата, қолөнер өнімдерін саудалады. Отырардың әрбір бесінші үйінде астық қоры қоймасының болуы, қала халқының қажеттілігінен асып кеткендігін білдіреді, шамасы оны сатуға дайындаған. Дамыған егіншіліктің куәсі Отырар, Түркістан қалалары маңынан жақсы зерттелген суландыру жүйесінің тармақтары, Аркөк, Аққорған сияқты Сырдарияның сол жағалауындағы қалалар айналасындағы телім алабы болып табылады.

Қалалардағы халықтың этникалық құрамы туралы мәселе өте күрделі. Деректер оларда қазақтар, сарттар, қарақалпақтар тұрған деп жазады. Қалаларда қазақтардың тұрғандығын сырлы және сырсыз керамикалардағы таңбалардың қазақ таңбаларына ұқсас келуімен, ал қалалық баспаналар бұрынғы тарихи кезеңдердегі дәстүрлі қалалық баспаналардан келіп шығуы, оның қазақтардың дәстүрлі баспаналарымен ұқсастығымен дәлелденеді.

Қала халқы қоныстанған қазақтардың есебінен үнемі толығып отырды. Бұл көшуге мүмкіндігі жоқ кедейлер, бір жағынан жатақтар – халық, екінші жағынан – қазақ қоғамының

басшылығы: қала басшылары, хандар, сұлтандар, қалалық жерлерді иеленуге тырысқан, онда табысты қалалық құрылыстар – базарлар, керуен-сарайлар, қолөнер шеберханаларын тұрғызуға тырысқан тайпа ақсүйектері болды. Олай болса, қазақ кедейлері – жатақтар мен қазақ элитасы Қазақ хандығының қала тұрғындарының санына кіріп, этникалық құрам мен ерекше қалалық менталитетті қалыптастырды.

Шолу жұмыстарын қорытындылай келе, К.М. Байпақовтың «Қазақстанның ежелгі және орта ғасырлардағы урбанизациясы» монографиялық зерттеуін тек көлемділігімен ғана емес, автордың Қазақстанның ежелгі және орта ғасырлардағы аумағындағы урбанизацияның толық және күрделі көрінісін алғандығын айта кеткен дұрыс. Автор қала мен қалалық мәдениеттің дәстүрлі даму жолын, дамудың үздіксіздігін, сонымен қатар әр кезеңге тән жаңарудың пайда болуын қалпына келтірген. Қазақстан мен Орта Азия археологиясында алғаш рет урбанизацияның дамуының толық көрінісін және оның ежелден (қола дәуірінен) Қазақ хандығына дейінгі динамикасын зерттеді және көпшілікке жан-жақты жеткізе алды.

Автордың тыңғылықты жасаған қорытындысы Қазақстанның барлық аймағынан жиналған қомақты, жинақталған, талданған нақты материалдарға сүйенеді. Бұл қалалардың топографиясын, баламалануын, қолөнер, сауда, мәдениетті зерттеуге негізделген зерттеулердің алғашқысы екенін айта кету керек. VI – IX ғ. бірінші жартысы; IX ғ. екінші жартысы – XIII ғ. басы; XIII – XV ғ. бірінші жартысы; XV ғ. екінші жартысы – XVIII ғ.; XIX ғ. бірінші жартысындағы қалалар орналасқан аймақтық карталары жасалынды.

Сонымен қатар автор Қазақстанның оңтүстігінен, солтүстік-шығыс Жетісудан жаңа қалаларды анықтап, Отырар жазирасынан Кедері, Бұзық, Арыс алқабынан Йаканкент, Түркістан жазирасынан – XI–XIII ғ. басындағы Сауран, Қаратаудың солтүстік баурайынан Йунка, Уросохан, Қаракорым, Арал маңынан Хора-Джувара, Іле өңірі аймағының астанасы Қойлық, Жыланбалық, Шу өңірінен Навакет, Талас өңірінен Жамұқат қалаларының қазіргі орындарын анықтады.

Орам құрылысының дамуы мен қалалық баспананың дамуын қадағалады. К.М. Байпақовтың тікелей атсалысуымен Кедері, Құлан, Ақыртас, Жамұқат, Қойлық қалаларынан сарай кешендері ашылып, салтанатты культтік бөлмелердің ішкі жабдықтарынан бірегей материалдар алынды. Бұл Кедерідегі өртенген оймышты тақтай, Құлан, Жамұқат пен Қойлықтағы оймышты сылақ. Ол Қойлықтағы будда храмын, Кедері, Ақыртас, Өрнек, Қойлықтағы мешітті, Саурандағы медресені, Қойлық пен Саурандағы ханаканы зерттеп, ғылыми айналымға енгізді. Зерттеуші тапқан қалалық қоғамдық құрылыстардың арасында Отырар мен Қойлықтағы моншалар бар. Отырар рабадындағы көзешілер орамын алғаш рет зерттеді. Ашылған жекелеген шеберханалар, жиналған бай материалдар XIII–XIV және XV–XVII ғғ. керамика өндірісін ұйымдастыру, көзе шеберханаларының мамандануы, көзешіліктің даму деңгейі мәселелерін шешуге мүмкіндік берді.

Көптеген ақ-қара түрлі түсті суреттер, жоспарлар, қалалардың аэрофотосы, қазба нысандары, Ұлы Жібек жолы мен оның бойындағы қалалар көрсетілген карталардан тұратын иллюстрациялар қатары берілген еңбектерде бар екенін айта кету керек.

Жалпы, Қазақстан Республикасы Ұлттық ғылым академиясының академигі Байпақов Карл Молдахметұлының монографиялық зерттеулері Қазақстан, Орталық Азия мен Еуразияның археологиясы мен тарихына құнды үлес қосып отыр. Өзінің маңыздылығы бойынша К.М. Байпақовтың Қазақстан урбанизациясы мәселесін шешуге арналған іргелі еңбегі болашақ зерттеушілер мен осы мәселеге қызығушылар үшін таптырмайтын құнды ғылыми дүние екендігі сөзсіз.

Н.М. ЗИНЯКОВ

Зиняков Николай Максимович,
Кемеровский государственный университет,
г. Кемерово, Россия, nmzinyakov@rambler.ru

**ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА и УРБАНИЗАЦИЯ
СРЕДНЕВЕКОВОГО КАЗАХСТАНА
в НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ К.М. БАЙПАКОВА**

*«Лестница в будущее
стоит на фундаменте прошлого»*
Восточная пословица

Аннотация. Целью настоящей статьи является историографический обзор работ К.М. Байпакова, посвященных средневековой городской культуре Казахстана. В последней фундаментальной работе, основанной на обширных источниках, автором показан высокий уровень достижений археологии Казахстана, что является незаурядным событием. Благодаря археологическим исследованиям, выяснилось, что древняя история Казахстана значительно богаче и многограннее известных письменных источников. К.М. Байпаков убедительно продемонстрировал, что археология дает исторически верное представление о существовавших городах, их жизнедеятельности – зарождении и упадке; об архитектуре и жилой застройке города; о городских ремеслах и древней технологии; о торговых связях и денежном обращении; о религиях и культах; о датировках археологических объектов. Все это дало основание К.М. Байпакову обосновать важное научное положение о существовании единой экономической системы, охватывающей оседлое и кочевое население Казахстана.

Ключевые слова: археология Казахстана, средневековье, городская культура, жилая застройка, ремесла, оседлое население, кочевое хозяйство, духовная культура, торговля

Зиняков Николай Максимович,
Кемеров мемлекеттік университеті,
Кемерово, Ресей, nmzinyakov@rambler.ru

**К.М. БАЙПАҚОВТЫҢ ҒЫЛЫМИ МҰРАСЫНДАҒЫ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ
ҚАЗАҚСТАННЫҢ ҚАЛАЛЫҚ МӘДЕНИЕТІ мен УРБАНИЗАЦИЯСЫ**

*«Болашақтың баспалдағы
өткеннің іргетасында тұр»*
Шығыс мақалы

Аннотация. Мақаланың мақсаты К.М. Байпақовтың Қазақстанның ортағасырлық қалалық мәдениетіне арналған жұмыстарына тарихнамалық шолу жасау болып табылады. Кең көлемді дереккөздерге негізделген соңғы іргелі жұмысында автор бірегей оқиға болып табылатын Қазақстан археологиясы жетістіктерінің жоғары деңгейін көрсетті. Археологиялық зерттеулердің арқасында Қазақстанның ежелгі тарихы белгілі жазба дереккөздеріне қарағанда әлдеқайда бай және көп қырлы екені анықталды. К.М. Байпаков археология

қалалардың өмір сүруі, олардың тіршілігі – пайда болуы мен құлдырауы; қаланың сәулеті мен тұрғын үй құрылысы; қалалық қолөнер және ежелгі технологиялар; сауда байланыстары мен ақша айналымы; діндер мен культтер; археологиялық нысандардың мерзімі туралы тарихи тұрғыдан дұрыс түсінік беретінін сенімді түрде көрсеткен. Осының бәрі К.М. Байпақовқа Қазақстанның отырықшы және көшпелі халқын қамтитын бірыңғай экономикалық жүйенің болуы туралы маңызды ғылыми ережені негіздеуге тірек болды.

Nikolay Zinyakov,
Kemerovo State University,
Kemerovo, Russia, nmzinyakov@rambler.ru

URBAN CULTURE and URBANIZATION of MEDIEVAL KAZAKHSTAN in K.M. BAIPAKOV'S SCIENTIFIC HERITAGE

*“The ladder to the future
stands on the foundation of the past”.*
Eastern proverb

Abstract. The purpose of this article is a historiographical review of K.M. Baipakov's works devoted to the medieval urban culture of Kazakhstan. In the last fundamental work based on extensive sources, the author showed a high level of achievements of archaeology of Kazakhstan, which is an extraordinary event. Thanks to archaeological research it became clear that the ancient history of Kazakhstan is much richer and more multifaceted than the known written sources. K.M. Baipakov convincingly showed that archaeology gives historically true representation about existed cities, their vital activity - origin and decline; about architecture and inhabited building of city; about city crafts and ancient technology; about trade relations and monetary circulation; about religions and cults; about dating of archaeological objects. All this allowed K.M. Baipakov to substantiate an important scientific statement about the existence of a unified economic system covering the sedentary and nomadic population of Kazakhstan.

Keywords: archaeology of Kazakhstan, the Middle Ages, urban culture, residential development, crafts, sedentary population, nomadic economy, spiritual culture, trade

Неординарные успехи, достигнутые в развитии археологии Казахстана за последние 30 лет в разработке проблем средневековой археологии региона, отражает внушительный комплекс опубликованных К.М. Байпаковым научных работ. Среди монографий, статей, археологических отчетов и докладов различного уровня доминируют две ведущие темы, связанные между собой проблематикой, взаимным дополнением, идейным и сюжетным содержанием. Эти темы – процесс урбанизации и становление городской культуры средневекового Казахстана, что являло собой целую эпоху в историческом развитии региона. Историографический обзор работ К.М. Байпакова, посвященных данной проблематике, является целью настоящей статьи.

Научная деятельность К.М. Байпакова, как археолога, началась в статусе аспиранта Института истории, археологии и этнографии АН СССР. Первые опубликованные им работы («Раскопки средневековой мастерской в Семиречье»; «Поливная керамика Семиречья»; «Городища и поселения Семиречья») посвящены изучению средневековых археологических памятников Семиречья – одного из очагов развития городской культуры в Казахстане [Байпаков, 1964; 1965; 1966а]. С этого времени и до конца жизни К.М. Байпаков увлеченно и плодотворно работал в этой области, показав историю средневекового города во всем ее многообразии. В его работах получили отражение: археологические раскопки городов и поселений; топография городов; городская застройка; дворцы, жилища и общественные постройки; культура, архитектура и искусство; ремесло, торговля и денежное обращение; социальная структура и демография; религия и культы; согдийская колонизация; взаимоотношение города и степи; историческая география и природная среда; археологическое культурное наследие; персоналии. Пожалуй, нет ни одного составного элемента темы, который не нашел бы освещения в его многочисленных работах.

Необходимо отметить, что до начала археологических работ К.М. Байпакова города и поселения в долинах рек Аксу, Баскана, Сарканда, Лепсы и в низовьях р. Или/Иле почти не исследовались. Отсутствовали систематические раскопки на многочисленных памятниках городской культуры в казахстанской части Юго-Западного Семиречья/Жетысу. Именно первые три полевых сезона молодого аспиранта (1963-1965 гг.) стали началом изучения городищ и поселений указанных районов. Археологические раскопки проводились на городищах Луговое, Мирки, Сумбе, Кегень, Антоновское.

Были обнаружены и исследованы городища в Южном Прибалхашье. На двух из них – городищах Актам и Агашаяк – были заложены стратиграфические раскопы [Байпаков, 1966, с. 3]. В предгорьях Джунгарского Алатау экспедиционным отрядом открыто порядка 20 новых городищ, также изученных стратиграфическими шурфами. Аналогичные шурфы были заложены на городищах Аспара и Актобе в Юго-Западном Семиречье [Байпаков, 1966б, с. 4].

Материал, полученный К.М. Байпаковым в процессе разведочных работ и стационарных раскопок, явился основной источниковой базой для написания кандидатской диссертации. В 1966 году К.М. Байпаков блестяще защитил кандидатскую диссертацию по теме «Средневековые города и поселения Семиречья (VII-XII вв.)», показав себя уже состоявшимся ученым. Автором был введен в научный оборот обширный новый материал по оседло-городской культуре Семиречья и осуществлена его тщательная систематизация. Сравнительный анализ археологических комплексов Юго-Западного и Северо-Восточного Семиречья привел К.М. Байпакова к важному заключению, что, несмотря на тесную взаимосвязь регионов, каждый из них отличался своеобразными признаками развития оседлой средневековой культуры, обусловленными особенностями хода исторического процесса в каждом из регионов [Байпаков, 1966, с. 20].

Ряд заслуживающих внимания наблюдений, сделанных автором в процессе написания кандидатской диссертации, разрабатывались в последующих публикациях более развернуто, с расширением территориальной базы исследований и привлечением новых источников. Это позволило сделать выводы о роли согдийской цивилизации в становлении городов Семиречья, выявить особенности развития казахстанских городов, расширить топографию городищ Юго-западного Семиречья, уточнить локализацию городских поселений, доказать факты проживания ремесленников в шахристане.

После защиты кандидатской диссертации К.М. Байпаков главное внимание направляет на изучение археологических памятников Отрарского оазиса и прилегающих районов, справедливо полагая, что данная территория являлась древнейшим центром оседлости населения, развития поливного земледелия и становления городской цивилизации Казахстана. Центральным объектом научных исследований был избран Отрар-тобе – крупнейшее городище в оазисе. Первым этапом полевых исследований, обычно предшествующим масштабным раскопкам крупных археологических объектов, стало изучение исторической топографии и стратиграфии памятника, осуществленное в 1969-1970 гг. В 1971-1975 гг. проводились раскопки верхних слоев Отрара (конец XVI – начало XVII в.). Вскрытая площадь составила 7 га. В 1970-1982 и 1982-1985 гг. изучались участки городской застройки XIII–XVI вв. В эти же годы были обнаружены кирпичеобжигательные мастерские XIII-XVI вв.; керамические мастерские в двух строительных горизонтах (конца XIII – первой половины XIV в. и второй половины XIV – первых трех десятилетий XV в.); две бани XII-XV вв.; соборная мечеть XV в.; городская застройка XII – начала XIII в. [Байпаков, 2012, с. 32]. И в последующие годы исследование Отрара занимало важное место в творческой деятельности К.М. Байпакова.

Важно отметить, что многолетние планомерные раскопки городища Отрар-тобе представляют собой яркую страницу в археологии Казахстана. Благодаря им, получен огромный и многоплановый фонд археологических источников, проливающих свет на топографию средневекового

*К.М. Байпаков на раскопках Отрара. 1981 г.
Фото из архива Института археологии им. А.Х Маргулана*

города, застройку его цитадели, районов шахристана и рабада, развитие ремесла и торговли, социальный состав населения, хозяйство, культуру и быт горожан.

Научная значимость полученных материалов явилась побудительной причиной их публикации. В результате было издано три монографии К.М. Байпакова в соавторстве с К.А. Акишевым и Л.Б. Ерзаковичем, посвященные исследованиям Отрара. Первая из них – «Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы)» основывалась на материалах работ Семиреченской и Отрарской экспедиций (1966-1967 гг. и 1969-1970 гг.) [Акишев,

Байпаков, Ерзакович, 1972]. В книге представлены стратиграфические слои Отрара с первых веков нашей эры до XVII-XVIII вв. Выявленные культурные страты (семь культурных слоев) тщательно описаны и обоснованы. Помимо этого, в ходе экспедиций были произведены теодолитная и аэрофотосъемка, позволившие создать и уточнить топографические планы всех городищ и поселений Отрарского оазиса.

Весомым вкладом в разработку проблемы развития городской культуры явилась археологическая характеристика 80 ранее неизвестных или малоизвестных городищ и поселений Отрарского оазиса и предгорий Каратау. Указанная книга, посвященная первым результатам исследования Отрара, получила высокую оценку видного российского археолога, одного из руководителей раскопок древнего Пенджикента, А.М. Беленицкого [Беленицкий, 1973].

Во второй монографии – «Позднесредневековый Отрар», продолжавшей исследование городища, подведены итоги последующих шестилетних раскопок, вскрывших около трети территории шахристана XVI-XVIII вв. Были впервые опубликованы и описаны планы городских кварталов и жилищ, а также интерьеры последних. Введены в научный оборот новые содержательные археологические, нумизматические, палеоботанические, палеозоологические материалы, проливающие свет на ключевые проблемы истории средневекового города: городская топография и архитектура, планировка и внутреннее убранство жилищ, материальная и духовная культура, бытовой уклад, экономика, численность жителей, социальная и ремесленная стратификация населения и др. [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981]. Обращает на себя внимание, что авторы использовали новейшую методику раскопок и фиксации и обработки материала, сформировавшуюся с учетом мнений и советов ведущих археологов Средней Азии, в разное время посещавших раскопки Отрара: В.М. Массона, А.М. Беленицкого, Ю.А. Заднепровского (Ленинград), А. Аскарова (Самарканд), Л.М. Левиной (Москва), Н.Б. Немцовой (Ташкент), В.М. Плоских, В.Д. Горячевой, Д.Ф. Винника (Фрунзе) [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, с. 8].

Третья книга – «Отрар в XIII-XV вв.» – основана на публикации археологических материалов из слоев монголо-тимуридского времени. До этого подобные материалы никогда не были предметом специального научного исследования в Казахстане. В монографии приведены данные о застройке шахристана и рабада, их особенностях, типах жилых и общественных сооружений. Значительное внимание уделено исследованию городских ремесел, в особенности, – производства силикатных материалов – керамики, кирпича, стекла. Среди опубликованных археологических материалов особо ценны находки 11 мастерских керамистов из «квартала гончаров» с находившимися в них обжигательными печами, закромами для глины, производственными вымостками, обожженной и необожженной посудой – всем тем, что необходимо для научной реконструкции процесса производства керамики [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, с. 129-146]. Научная значимость данной публикации усиливается еще и тем, что опыт исследования культурных слоев Отрара XIII-XV вв. послужил отправной точкой изучения всей совокупности городов монгольской империи [Байпаков, 2012, с. 46].

Важным этапом в творческой деятельности К.М. Байпакова явилось написание и защита докторской диссертации на тему: «Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья в VI – начале XVIII в. (Динамика и основные этапы развития)» [Байпаков, 1985]. В научном мире факт появления и успешной защиты докторской диссертации принято считать признаком научной зрелости ученого. Докторская диссертация, подводившая итог двадцатилетних научных изысканий автора, отличалась широтой и актуальностью проблематики, обилием использованных источников, обоснованностью выводов. Она представляла собой практически первую обобщающую работу, в которой на современном методическом уровне был систематизирован обширный накопленный материал, сформулированы и глубоко исследованы проблемы развития средневековой городской культуры Южного Казахстана и Семиречья на протяжении почти полутора тысяч лет.

Источниковую базу исследования составили археологические материалы, полученные автором в ходе полевых работ Семиреченской, Отрарской, Южно-Казахстанской и Таразской экспедиций. В результате были изучены левобережье и правобережье Сырдарьи, предгорья Каратау, Таласская долина, среднее течение р. Чу/Шу, Илийская/Илейская долина, предгорья Заилийского/Иле и Джунгарского/Жетысу Алатау, Алакольская долина.

Богатый материал дали дальнейшие раскопки городищ: Куйрыктобе, Отрар, Кок-Мардан, Луговое, Актобе, Красная Речка, Талгар, Сумбе, Жаксылык, Антоновское [Байпаков. 1985].

Итогом огромной изыскательской и аналитической работы ученого стало решение фундаментальных вопросов истории урбанизации Казахстана:

- 1 – сопоставление и идентификация городов, известных по письменным источникам, с выявленными и обследованными городищами;
- 2 – определение территориальных ареалов исследуемых археологических комплексов;
- 3 – выявление динамики роста числа городов в соответствии с хронологическими этапами;
- 4 – характеристика типологии городищ во времени и пространстве;
- 5 – исследование архитектуры (пространственной среды) средневековых городских поселений;
- 6 – изучение эволюции городских жилищ;
- 7 – определение вероятной численности городского населения и его стратификации по роду занятий;
- 8 – повременная характеристика уровня развития городских функций – ремесла, торговли, культуры [Байпаков, 1985, с. 3].

При работе К.М. Байпакова над докторской диссертацией многое было сделано впервые:

- 1 – впервые комплексно систематизирован объемный археологический материал, полученный в результате планомерных раскопок средневековых городищ на широких площадях;

- 2 – впервые в регионе проведены широкомасштабные разведки по обнаружению и фиксации средневековых городов и поселений с использованием аэрофотосъемки;
- 3 – исследован процесс развития городов и городской культуры огромного региона: территории Южного Казахстана, Юго-Западного и Северо-Восточного Семиречья;
- 4 – история городской культуры Южного Казахстана и Семиречья прослежена на протяжении всей эпохи средневековья;
- 5 – впервые выделена и охарактеризована раннесредневековая городская культура;
- 6 – впервые изучены пути формирования и развития городского квартала;
- 7 – иначе, чем ранее, и точнее локализованы около 40 городов области;
- 8 – впервые сформулировано и дано теоретическое обоснование общих закономерностей и локальных особенностей развития средневековой городской культуры Южного Казахстана и Семиречья.

Ряд изложенных положений диссертации К.М. Байпакова по-новому рассматривает некоторые узловые вопросы, связанные с формированием городов: о составных компонентах в культуре раннесредневекового города; о традициях и новациях в городской культуре развитого и позднего средневековья; о причинах отсутствия рабадов в ряде городов Юго-Западного Семиречья; об особенностях семиреченских городов с длинными стенами; открытие же ремесленных мастерских в шахристане вообще изменило бытующие представления о наличии и размещении ремесел, уровне их развития и значимости в экономической структуре города.

Защита диссертации К.М. Байпакова проходила в диссертационном Совете Института археологии СССР в г. Москве, под председательством широко известного и авторитетного академика Б.А. Рыбакова, славившегося своим крутым характером. Оппонентами выступали компетентные специалисты в области средневековой археологии Средней Азии и Поволжья – О.Г. Большаков, Е.Е. Неразик, Г.А. Федоров-Давыдов. В начале заседания председатель, обращаясь к диссертанту, сказал буквально следующее: «Я хотел бы узнать, как можно больше о казахстанской археологии в свете Ваших исследований. Пожалуйста, расскажите мне, как стороннему наблюдателю, так, чтобы я составил полное представление и о Ваших исследованиях, в том числе. Времени у нас, я думаю, достаточно. Говорите столько, сколько Вам потребуется». Произнесенные Б.А. Рыбаковым слова поразили всех присутствующих в зале как гром среди ясного неба, настолько они были неожиданны. Карл Молдахметович, до этого державшийся напряженно, взял в руки указку, спокойно подошел к развешанным иллюстративным материалам и начал выступление. Говорил он свободно, без бумажного текста, без заметных пауз, ровно полтора часа. Новизна и неординарность положений диссертации, изложенных автором, нередко расходящихся с мнением оппонентов, вызвали оживленную дискуссию. Особенно остро и продолжительно (почти два часа) проходила дискуссия с первым оппонентом, О.Г. Большаковым. Аргументированно отвечая на все прозвучавшие вопросы и возражения, Карл Молдахметович с честью вышел из этого «сражения умов» и заслуженно получил всеобщую высокую оценку как докторской диссертации, так и своей защиты. В заключение заседания диссертационного Совета Б.А. Рыбаков сказал: «Это была беспрецедентная защита в истории Совета по времени (заседание продолжалось около 7 часов, закончившись лишь к 21 часу вечера. – Н.З.). Представленная к защите работа уникальна по глобальности решения многих вопросов. Она закрывает белое пятно в центре азиатского континента». Он тепло поблагодарил Карла Молдахметовича и оппонентов за полученное удовольствие от процесса защиты (Из личного архива Т.В. Савельевой).

Успешно защитив докторскую диссертацию, К.М. Байпаков оказался в кругу тех блестящих ученых, которые внесли собственный, весьма значительный, вклад в науку, имея обширный и оригинальный круг научных интересов. Большая часть материалов диссертационного исследования была опубликована отдельной книгой и вызвала закономерный интерес со стороны научного сообщества [Байпаков, 1986].

С обретением независимости Казахстана в молодом государстве достаточно остро встала проблема формирования национального самосознания. Значительная роль в этом важном деле отводилась археологической и исторической науке. В связи с этим разрабатывались и принимались специальные государственные программы. Так, в 1998 г. была утверждена государственная программа республики Казахстан «Возрождение исторических центров Шелкового пути, сохранение и преемственное развитие культурного наследия тюркоязычных государств, создание инфраструктуры туризма». В 2004 г. принята государственная программа «Культурное наследие». Названные программы включали в себя комплекс мероприятий по исследованию, музеефикации, консервации и восстановлению памятников историко-культурного наследия Казахстана.

Сознавая всю масштабность поставленных перед археологической наукой задач, К.М. Байпаков активно включился в работу по их выполнению. Судя по имеющимся публикациям, Карл Молдахметович разработал конкретный план реализации проектов. Археологические объекты, предлагаемые для изучения и популяризации, выбирались, прежде всего, с учетом их исторической и социальной значимости, наличия в них важной историко-культурной составляющей и особой ценности для исторической памяти народа [Байпаков и др., 2011, с. 7.]. Публикации теперь имели не только научную, но и социальную направленность, ориентировались на широкий круг читателей, излагались доступным языком, с использованием большого числа показательных иллюстраций. В таком жанре К.М. Байпаковым было опубликовано более десяти авторских и коллективных монографий. Одна из них – «Городище Куйрыктобе – город Кедер» посвящена характеристике одного из крупных средневековых городов Казахстана, столицы Отрарского оазиса в X в. В работе использованы наиболее яркие материалы многолетних раскопок, осуществленных Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедицией. Среди них – археологические артефакты дворца VII – первой половины IX в., соборной мечети X-XII вв., городских кварталов VI-XII вв., богатые коллекции глазурованной и неглазурованной посуды, стекла, монет, предметов прикладного искусства [Байпаков, 2005]. Необходимо подчеркнуть, что раскопки на городище Куйрыктобе, в особенности открытие дворцового комплекса, благодаря своей неординарности, получили большой научный резонанс.

В том же году вышла еще одна книга, в соавторстве с Е.А. Смагуловым, – «Средневековый город Сауран», также предназначенная для всех интересующихся историей и культурой Казахстана. В публикации представлена топография городища Сауран, приведена характеристика хорошо сохранившейся фортификации города, описаны предварительные результаты раскопок и обоснована хронология Саурана. Несомненный интерес для читателей представляет Приложение, в котором собраны выдержки из арабских, персидских, тюркских, армянских и русских источников, содержащих сведения о Сауране. Издание текста на трех языках – казахском, русском и английском – безусловно, повышает ее научную и социальную значимость [Байпаков, Смагулов, 2005].

Еще одна книга подобного формата посвящена городищу Антоновка, расположенному в предгорьях Джунгарского Алатау и отождествляемому со средневековым городом Каялык. В монографии рассмотрены выразительные объекты археологических исследований: усадьба богатого горожанина, буддийский храм, баня-хаммам, мечеть, мавзолей и ханака, охарактеризованы топография и стратиграфия городища, обоснована хронология комплекса. Книга богато иллюстрирована чертежами, цветными и черно-белыми фотографиями, что, без сомнения, добавляет убедительности выраженным авторским сентенциям [Байпаков, Воякин, 2007].

Наконец, самым объемным сочинением стала книга «Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области», посвященная исследованию археологических памятников Таласской и Чуйской долин, датируемых эпохами камня, бронзы, раннего железного века и средневековья. Опубликовано три отдельных издания на русском, казахском и английском языках [Байпаков, Капекова, Воякин, Марьяшев, 2011; Baipakov, Kapenkova, Voyakin, Maryashev, 2011; Байпаков,

Капекова, Воякин, Марьяшев, 2013]. В разделах книги, посвященных городам Таласской долины, дана развернутая характеристика материалов раскопок Тараза и Джамуката (городище Костобе). Особое внимание уделено характеристике планировки городов, их архитектуры, номенклатуры изделий городских ремесленников. Среди последних наиболее ярко богатыми иллюстрациями представлена разнообразная керамика. Материалы раскопок давали читателям представление о сложных процессах тюрко-согдийского синтеза, протекавших в Семиречье в эпоху раннего средневековья. Среди памятников Таласской долины своей исключительностью и неповторимостью выделялись артефакты Акыртаса. В названной монографии им отведено особое достойное место. По результатам исследований К.М. Байпаковым была выдвинута интересная собственная гипотеза постройки Акыртаса как предполагаемого дворца карлукского кагана [Байпаков и др., 2011, с. 399-407].

При изучении средневековых городов Чуйской долины, располагавшихся на семиреченском участке Великого Шелкового пути, К.М. Байпаков особое внимание уделял источникам, представлявшим интерес не только для археологической науки, но и для широкого круга читателей, подчеркивая самобытность и уникальность многих из них. В Навакете – это храмовые комплексы и замки, в Актобе Степнинском – остатки замка VI-X вв. и дворцового комплекса X-XIII вв., в его пригороде – три винодельни, в Аспаре – лопаточная кость с надписью на тюркском языке, в Кулане – замок, архитектура и техника строительства которого были характерны для Средней Азии VI-VIII вв., а также резной штук, украшавший центральный зал и входной коридор жилой постройки [Байпаков и др., 2011, с. 373, 418-424, 452-477].

В целом, масштабные работы К.М. Байпакова по культурному наследию не только расширили представления о средневековых городах Казахстана, их материальной и духовной культуре, ремесленном производстве и социальном составе проживавшего населения, но и сформировали фундаментальную источниковую базу для дальнейших исторических построений.

Отдельный пласт исследований представляла проблема взаимосвязи и взаимовлияния степи-города-государства. История изучения этой темы имела в науке давнюю традицию, однако некоторые важные вопросы долгое время оставались вне внимания исследователей или были недостаточно убедительно обоснованы. В ходе изучения урбанизационных процессов на территории Казахстана К.М. Байпаков неоднократно обращался к проблеме взаимодействия города и степи, а также роли государства в становлении и развитии городов. Решение им фундаментальных задач по истории городов восполнило пробел в историографии средневековой урбанизации Казахстана. Накопление новых археологических, нумизматических и эпиграфических материалов позволило вплотную подойти к теме взаимовлияния степь-город-государство, что стало целью специальной монографии «Западнотюркский и Тюркешский каганаты: тюрки и согдийцы, степь и город» [Байпаков, 2010]. В монографии рассмотрена история Западно-тюркского и Тюркешского каганатов и их роль в социально-экономических процессах средневекового Казахстана. Известно, что в конце VI – VII в. в Среднюю Азию, на юг Казахстана и в Семиречье переселились значительные группы древнетюркского населения, а сами территории вошли в состав Тюркского, Западно-тюркского и Тюркешского каганатов. Автор убедительно показал, что на завоеванных территориях тюрки неизбежно становились участниками политических, экономических и культурных процессов. Под воздействием факторов имущественной дифференциации, разложения родовых структур, влияния местного населения и т.п. часть из них перешла к оседлости и городской жизни. Другая часть сохранила кочевое скотоводство, освоив окраины оазисов, удобные для ведения скотоводческого хозяйства [Байпаков, 2010, с. 44, 374]. Другим участником исторических процессов в регионе явились согдийцы, проникавшие в Семиречье, Центральную Азию и Китай по трассам Великого Шелкового пути. Отражением совместного проживания тюрков и согдийцев представлены два культурных комплекса, квалифицированные К.М. Байпаковым таковыми на основе археологических источников.

Древнетюркский культурный комплекс характеризуется погребениями с конем, поминальными ритуальными сооружениями, наскальными изображениями, деталями поясных наборов, украшениями конского снаряжения, серебряными и золотыми сосудами, амулетами, древнетюркскими руническими надписями, ювелирными изделиями [Байпаков, 2010, с. 135]. Главными компонентами согдийского комплекса являются семиреченский город, его планировка, топография и архитектура, имевшие аналогии в Согде, Уструшане и других городах Средней Азии. Довольно выразительно представлены «согдийские» формы керамики: кружки, кувшины, столики, погребушки, светильники, двуручные широкогорлые сосуды. К согдийскому культурному комплексу относятся также сосуды с антропоморфными и зооморфными признаками, антропоморфные изображения, металлическая посуда из Тараза, Алтынтобе, Навакета, Куйрыктобе. В коллекциях городищ Красная Речка, Кысмычи, Тараза, Актобе выразительно представлена согдийская эпиграфика. По свидетельству археологических материалов, обе культуры – тюркская и согдийская, вошли в тесное взаимодействие в рамках древнетюркских каганатов. Взаимодействие культур, как показал К.М. Байпаков, представляло собой сложное культурологическое, этническое, историческое явление, состоявшее из заимствований, подражаний, диффузий и интеграции. Представленные в монографии археологические материалы свидетельствовали, что оседлое население заимствовало у кочевников типы вооружений, украшений, посуду из драгоценных металлов, а переходившие к оседлому образу жизни кочевники воспринимали традиции строительного дела и домостроения. Одним из последствий интеграционных процессов и оседания кочевников, как аргументированно подчеркивал автор, стало развитие старых и возникновение новых городов и поселений [Байпаков, 2010, с. 374, 375, 377].

*К.М. Байпаков на раскопках городища Талгар. 2005 г.
Фото О.В. Кузнецовой*

Заслуживает внимания тезис К.М. Байпакова об изменении характера согдийской колонизации на протяжении второй половины I – начала II тысячелетия. В ранний период (V-VI вв.) происходило появление первых поселений и установление контактов с окружающим кочевым населением. На втором этапе (VII-VIII вв.) констатирован рост и развитие тюрко-согдийских городов. Третий этап (IX-XII вв.) характерен ассимиляцией согдийцев тюрками, полностью завершившейся в XI в., и формированием своеобразной городской культуры [Байпаков, 2010, с. 7]. В целом, труд К.М. Байпакова «Западнотюркский и Тюркешский каганаты: тюрки и согдийцы, степь и город», с его безукоризненной аргументацией, подтвержденной археологическими источниками, явился крупным вкладом в изучение актуальной научной проблемы.

Важное значение в научной деятельности К.М. Байпакова имело участие в международных конференциях. Он выступал с докладами в Анкаре, Берне, Вашингтоне, Гранаде, Риме, Берлине, Лахоре, Пекине, Сеуле, Сиане, Токио и Киото, Париже, Тайбее, Тель-Авиве, Беэр-Шеве, Иерусалиме, Исламабаде, Баку, Душанбе, Ашхабаде, Ташкенте, Бишкеке, Киеве и других городах. В своих выступлениях автор выносил

на суд зарубежной научной общественности волновавшие его проблемы: города Казахстана в эпоху саманидов и караханидов; город и степь; города Казахстана на Великом Шелковом пути; тюрки и иранцы в Евразии и вопросы взаимодействия; буддийские памятники Семиречья; проблемы археологии Казахстана и другие. К этому необходимо добавить многочисленные публикации в зарубежных изданиях разнообразной тематики, в их числе: проблема Кангюя; согдийский комплекс в средневековых городах Казахстана; средневековые города Южного Казахстана и Семиречья; археологические исследования Акыртаса, Кулана, Отрара, Кедера, Кескен Куюк-Калы; глиняная архитектурная орнаментика Жетысу; взаимодействие земледельческой и кочевой культур; Шелковый путь: культурный контакт стран и народов; распространение религий в Казахстане и др.

Доклады на конференциях, зарубежные и республиканские публикации, безусловно, получали научное признание, приобретали заслуженную международную известность и оказали благотворное влияние на развитие и обогащение археологической науки в Казахстане и укрепление ее международных связей [Baipakov, 1986; 1987; 1990; 1992; 1995; 1997; 1998; 2000; 2001; 2008].

На заключительном этапе творческой деятельности основное внимание Карла Молдахметовича было сосредоточено на подготовке и издании фундаментального труда «Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции)», в 3-х книгах (4-х томах) [Байпаков, 2012; 2013; 2014; 2016]. Выход в свет данной публикации, без всякого сомнения, явился крупным научным событием не только в археологии Казахстана, но и мировой археологии и медиевистике. Научная значимость труда многогранна. В изданных книгах освещены и обобщены фундаментальные проблемы древней и средневековой археологии Казахстана:

- 1 – периодизация урбанизационных процессов на территории Казахстана;
- 2 – динамика, степень развития урбанизации на каждом конкретном этапе;
- 3 – локализация и идентификация городов, известных ранее только по письменным источникам;
- 4 – особенности развития урбанизационных процессов в отдельных регионах Казахстана;
- 5 – топография, типология и застройка различных городов;
- 6 – уровень и характер развития городского ремесла и торговли;
- 7 – роль городов в истории тюркских каганатов;
- 8 – взаимоотношения города и кочевой степи;
- 9 – развитие религии и культов, их овеществление в культуре и архитектуре древнего Казахстана.

В целом, своими трудами и книгами К.М. Байпаков убедительно показал, что археология является ведущей наукой в изучении древностей и имеет свои, во многом специфические, средства и методы воссоздания картины истории. Археология имеет возможность перенести нас в прошедший мир. Для республики Казахстан археологические исследования тем более актуальны в связи со скудностью сведений, содержащихся в письменных источниках. Благодаря работам ученого, стало очевидным, что средневековая история Казахстана значительно богаче, многограннее и ярче, чем о том повествуют письменные свидетельства. К.М. Байпаков, оперируя фактами археологии, дал наглядное, исторически верное, представление о существовавших ранее в регионе городах, их зарождении и упадке; об архитектуре, планировке жилой застройки городов и социальной структуре их обитателей; о торговых путях, торговых связях и денежном обращении в регионе; о религиях и культах городского населения; о датировках археологических объектов.

Важнейшую часть изыскательской работы ученого составили археологические раскопки культурных слоев ныне действующих городских поселений, что позволило восстановить общую канву их исторического развития. Археологические материалы, полученные в результате многолетних раскопок поселений и городов оседлого населения, а также временных стоянок и

курганых могильников кочевников, стали основой реконструкции взаимосвязи и характера отношений местных земледельцев и скотоводов. Такая реконструкция позволила К.М. Байпакову обосновать важное научное положение о существовании в регионе времен средневековья единой экономической системы, охватывавшей оседлое и кочевое население Казахстана.

Личный вклад Карла Молдахметовича в дело разработки и накопления археологического материала огромен. В течение длительного времени он был руководителем крупнейших археологических экспедиций, производивших поиски и широкомасштабные раскопки археологических памятников в различных районах Казахстана. Умелое использование современных методик раскопок, фиксации и интерпретации полученного материала сделали значительное число изученных памятников эталонными и исторически значимыми. В результате планомерных систематических исследований был получен богатейший археологический материал, ставший основой перспективного развития археологической науки в Казахстане.

Научная и общественная деятельность К.М. Байпакова, его колоссальный итоговый труд «Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции)», в трех книгах (4-х томах), были высоко оценены руководством Республики Казахстан, присудившим выдающемуся ученому Государственную премию в области науки и техники имени аль-Фараби-2017.

Богатое научное наследие Карла Молдахметовича Байпакова, вошедшее в сокровищницу археологии Казахстана, является фундаментальным фондом археологических источников, предметом всестороннего изучения современных исследователей, базой для новых научных концепций и научных направлений.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1972. 214 с.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар (XVI-XVIII вв.). Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1981. 343 с.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV веках. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1987. 256 с.
- Байпаков К.М. Раскопки средневековой мастерской в Семиречье // Вестник АН КазССР. 1964. № 7. С. 88-91.
- Байпаков К.М. Поливная керамика Семиречья // Вестник АН КазССР. 1965. № 9. С. 77-81.
- Байпаков К.М. Раннесредневековые города и поселения Семиречья // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1966а. № 2. С. 68-84.
- Байпаков К.М. Средневековые города и поселения Семиречья (VII-XII вв.) / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1966б. 21 с.
- Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья в VI – начале XVIII в. (динамика и основные этапы развития): автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1985. 48 с.
- Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – нач. XIII в.). Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1986. 256 с.
- Байпаков К.М. Городище Куйрыктобе – город Кедер. Алматы: Изд-во «Баур», 2005. 183 с.
- Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Средневековый город Сауран. Алматы: Изд-во «Credo», 2005. 201 с.
- Байпаков К.М., Воякин Д.А. Средневековый город Каялык. Алматы: Print-S, 2007. 224 с.
- Байпаков К.М. Западнотюркский и Тюркешский каганаты: тюрки и согдийцы, степь и город. Алматы: Археологическая экспертиза, 2010. 398 с. с ил. (на каз., рус. яз.).
- Байпаков К.М., Капекова Г.А., Воякин Д.А., Марьяшев А.Н. Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области. Тараз: Археологическая экспертиза, 2011. 620 с. с ил.

Байпаков К.М. Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы – раннем средневековье / Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Алматы: Институт археологии МОН РК; Казахстанское археологическое общество, 2012. Кн. 1. 390 с.

Байпаков К.М. Урбанизация Казахстана в IX – начале XIII в. / Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Алматы: Институт археологии МОН РК, 2013. Кн. II. 516 с.

Байпаков К.М., Капекова Г.А., Воякин Д.А., Марьяшев А.Н. Ежелгі және ғасырлардағы Тараз бен Жамбыл облысының қазыналары. Алматы Археологическая экспертиза, 2013. 320 б.

Байпаков К.М. Урбанизация Казахского ханства во второй половине XV – XVIII в. / Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Алматы: Институт археологии МОН РК; Казахстанское археологическое общество, 2014. Кн. III, ч. 2. 534 с.

Байпаков К.М. Урбанизация в XIII – первой половине XV в. / Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Алматы: Институт археологии МОН РК; Казахстанское археологическое общество, 2016. Кн. III, ч. 1. 596 с.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973. 390 с.

Baipakov K. Study of Medieval Relicts of Kazakhstan // Journal of Central Asia. Islamabad, 1986. Vol. IX. № 2. P.15-21.

Baipakov K. Medieval urban culture in Otrar oasis // Information bulletin of international association for study of the cultures of Central Asia. Moscow, 1987. P. 24-27.

Baipakov K. La Ville et la steppe a Moyen Age // Nomads et Sedentarias en Asia Centre. Paris, 1990. P. 49-52.

Baipakov K. Nouvelles la culture Sogdienne dans les villes Medievales du Kazakhstan // Studia Iranica F.1. 1992. Vol. 21. P. 33-45.

Baipakov K. Silk Road and spread of religions in Kazakhstan // Religion and Culture. Seoul. 1995. Vol. I. P. 179-194.

Baipakov K. Silk Road: Cultural Contact of the countries and peoples // Comparative Korean Studies. Seoul, 1997. P. 61-66.

Baipakov K. Donne'es re'centes sur le proble'me de Kangju // Recherches arche'ologdiques au Kazakhstan / Me'moires de la mission arche'ologique Francaise en Asie Centrale. Paris, 1998. Tome X. P. 27-37. Co-author: Smagulov E.A.

Baipakov K. Les villes du Moyen Age du Kazakhstan du sud et du Semirech'e // Recherches arche'ologdiques au Kazakhstan / Me'moires de la mission arche'ologique Francaise en Asie Centrale. Paris, 1998. Tome X. P. 13-25.

Baipakov K. Les peuples Turcophones et de l' Asia Centrale // History des Peuples Turks a l' Epoque Pre-Islamique. Berlin, 2000. P. 34-37.

Baipakov K. Religion in the medieval towns of southern Kazakhstan and Semirechye // Collection of materials UNESCO International Forum «Cultural and Religion in Central Asia» / UNESCO, National Commission of Kyrgyz Republic. UNESCO, 2001. P. 55-63.

Baipakov K. La civiltà' delle steppe del Kazakhstan: internarivne fra culture agricole e pastorali // Popoli della Yurta. Kazakhstan tra le origini e la modernità a cura di Fiorenzo Facchini. Milano, 2008. P. 85-98.

Baipakov K.М., Капекова Г.А., Воякин Д.А., Марьяшев А.Н. Treasure of Ancient and Medieval Taraz and Zhambyl Region. Taraz: Археологическая экспертиза, 2011. 619 p.

О.А. АРТЮХОВА

Артюхова Ольга Анатольевна,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан, paleo_artuhova@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ А.Г. МЕДОЕВА в ПАЛЕОЛИТОВЕДЕНИИ КАЗАХСТАНА

Аннотация. Алан Георгиевич Медоев закончил аспирантуру в Институте истории, археологии и этнографии АН КазССР. Работая в Институте геологических наук им. К.И. Сатпаева, открыл и исследовал разнообразные памятники палеолита. На основе их изучения составил геохронологическую схему эволюции палеолитических культур на территории Казахстана, наметил основные пути развития и ареалы. Однако ни одна коллекция не была полностью опубликована, что лишало эти научные построения обоснованности. В статье приводятся попытки заполнить этот пробел, предпринятые в последние десятилетия с учетом достижений мирового палеолитоведения и антропогенеза.

Ключевые слова: Казахстан, палеолит, палеолитические стоянки, геохронология, ареалы, каменные артефакты

Артюхова Ольга Анатольевна,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан, paleo_artuhova@mail.ru

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ПАЛЕОЛИТТАНУЫНДАҒЫ А.Г. МЕДОЕВТЫҢ НЕГІЗГІ ИДЕЯЛАРЫ

Аннотация. Алан Георгиевич Медоев Қаз КСР ҒА Тарих, археология және этнография институтының аспирантурасын аяқтады. Қ.И. Сатпаев ат. Геологиялық ғылымдар институтында жұмыс жасап жүріп, палеолиттің әр түрлі ескерткіштерін ашып, зерттеген еді. Олардың зерттеуі негізінде Қазақстан территориясында палеолиттік мәдениеттердің эволюциясының геохронологиялық схемасын жасап, мәдениеттердің негізгі даму жолдары және олардың таралу ареалдарын көрсетті. Алайда бірде-бір коллекция осыған орай ғылыми байланыс қазір байқалмайды. Мақалада соңғы онжылдықтағы әлемдік палеолиттанудағы және антропогенездегі жетістіктерді ескере отырып, аталмыш байланысты орнатуға талпыныс жасалған.

Түйін сөздер: Қазақстан, палеолит, палеолиттік тұрақтар, геохронология, ареалдар, тас жәдігерлер

Olga Artyukhova,
A.Kh. Margulan Archaeology Institute,
Almaty, Kazakhstan, paleo_artuhova@mail.ru

The MAIN IDEAS of A.G. MEDOEV in the PALEOLITHIC STUDIES of KAZAKHSTAN

Abstract. Alan Medoev completed his postgraduate studies at the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Working at the K.I. Satpayev Institute of Geological Sciences, he discovered and investigated various monuments of the Paleolithic era. Based on their study, he compiled

a geochronological diagram of the evolution of Paleolithic cultures on the territory of Kazakhstan, outlined the main ways of development and areas of their distribution. However, no collection has been fully published, which deprived these scientific constructs of validity. This article presents attempts undertaken in recent decades to fill this gap taking into account the achievements of world Paleolithic studies and anthropogenesis.

Keywords: Kazakhstan, Paleolithic, Paleolithic sites, geochronology, areas, stone artifacts

Шестьдесят лет назад, 31 мая 1961 г., на заседании сектора Палеолита Института археологии АН СССР Алан Георгиевич Медоев, старший лаборант Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, сделал доклад «О находках каменных орудий к северу от оз. Балхаш». Так началась научная деятельность этого замечательного человека и выдающегося многогранного ученого.

Родившись в интеллигентной ленинградской семье (отец, Георгий Цараевич Медоев - геолог, выпускник Горного института; мать, Зарифа Васильевна, в девичестве Хетагурова, – студентка Института Востоковедения), он, как и его родители, всю жизнь посвятил Казахстану, изучению его истории и искусства, их популяризации.

Среди своих коллег и друзей Алан Медоев выделялся эрудицией и профессиональной подготовкой. Судя по автобиографии, с 1952 по 1956 гг. он учился в КазПТИ (Казахский политехнический институт, бывший КазГМИ) на геолого-разведочном факультете (группа разведчиков рудных месторождений). По официальной версии, он ушел с третьего курса по состоянию здоровья, но, скорее всего, рудные месторождения не стали тем предметом, которому он хотел посвятить жизнь. (Но, благодаря этим нескольким годам студенчества, многие знакомые, которые потом писали о нем, считали его геологом.) Затем, с 1956 г. по 1959 г., занимался, а фактически сдавал экзамены экстерном в КазГУ им. С.М. Кирова на филологическом факультете (специализация по русскому языку и литературе). Был чемпионом КазССР по фехтованию на саблях в 1953 г. С 1960 г. работал в Институте истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР в Отделе археологии под началом первого официального оспененного палеолитчика в Казахстане – Х.А. Алпысбаева.

В 1962 г. поступил в аспирантуру ИИАЭ АН КазССР (одновременно с Л.Б. Ерзаковичем и К.М. Байпаковым). Научным руководителем был назначен К.А. Акишев, к.и.н., участник Великой Отечественной войны (за что А.Г. Медоев безмерно его уважал).

В 1965 г. А.Г. Медоев, аспирант 3-го года обучения, успешно сдавший кандидатский минимум и написавший первый вариант кандидатской диссертации «Каменный век Северного Прибалхашья», в соответствии с ходатайством Института геологических наук им. К.И. Сатпаева был переведен в штат комплексной экспедиции по проблеме «Антропоген и рельеф эпиварисской платформы» Центрального Казахстана. Согласно господствовавшему в то время в советской первобытной археологии принципу стадияльного развития палеолитических культур, считалось, что каменные артефакты имеют датирующее значение для вмещающих геологических пород и геоморфологических структур, поэтому включение в изыскательскую группу по четвертичной геологии специалиста по первобытной археологии выглядело вполне логично.

В секторе Четвертичной геологии и геоморфологии Института геологических наук Академии наук Казахской ССР в это время уже трудились однокурсники Алана Медоева и соратники по фехтованию Б.Ж. Аубекеров, Э.И. Нурмамбетов, Ж.Д. Дуйсебаев, в этот дружный коллектив органично вошли выпускники других вузов СССР: А.В. Вислогузова, Г.М. Потапова, Д.П. Позднышева и др. Руководителями лабораторий были фронтовики Н.М. Владимиров, А.С. Сарсеков. Во время полевых геологических изысканий геологи проходили пешком сотни километров по бескрайним степным и пустынным районам Казахстана, умели находить археологические памятники разных эпох. Вся эта информация поступала в Институт истории, археологии и этнографии АН КазССР, а сведения о памятниках каменного века обобщались А.Г. Медоевым. На наиболее значимых из них он проводил затем специальные археологические исследования.

Так были открыты крупные палеолитические стоянки Туранга, Кызыл-Кайнар, комплекс стоянок-мастерских Семизбугу в Северном Прибалхашье (1960-1962 гг.), стоянка Чингиз в Восточной Сарыарке, стоянка-мастерская Хантау в Юго-Западном Прибалхашье (1965 г.), стоянки-мастерские на берегах озер Кудайколь и Карасор в Левобережном Прииртышье (1963-1965 гг.), стоянки-мастерские в урочище Шахбагата (Шакпаката) у залива Сарыташ (полуостров Мангыстау/Манкыстау) (1966-1969 гг.).

А.Г. Медоев ушел из жизни слишком рано, в 46 лет, не успев обработать и издать материалы изученных им памятников. Были даны только предварительные публикации и сделаны теоретические обобщения о характере эволюции палеолитических культур на территории Казахстана.

Коллекции с памятников хранились в Институте геологических наук им. К.И. Сатпаева до 2000 г., затем были переданы в созданный по инициативе Ж.К. Таймагамбетова Музей палеолита Казахстана при КазНУ им. аль-Фараби, где и хранятся до сих пор. К сожалению, уже в стенах КазНУ, коллекции несколько раз перевозили из одного помещения в другие, при этом неизбежно возникали поломки ящиков, в которых они хранились, происходила путаница образцов, возникали и другие проблемы их идентификации. Тем не менее, работа по обработке коллекций с памятников палеолита, исследованных А.Г. Медоевым, и введению их в научный оборот проводится, хотя и далека еще от завершения. Мы обладаем не слишком обширной информацией о памятниках палеолита, исследованных А.Г. Медоевым. Приведем основные опубликованные материалы.

Стоянки-мастерские Семизбугу

Стоянки-мастерские у гор Семизбугу были открыты в 1961 г. в процессе полевых работ Северо-Балхашской экспедиции ИГН АН КазССР. Работы на этих стоянках проводились А.Г. Медоевым в 1961-1962 гг. Результаты исследований опубликованы им суммарно и в самом общем виде [Медоев, 1962а; 1962б; 1964; 1965а; 1965б; 1970; 1979; 1981; 1982]. Исходя из этих публикаций, горы Семизбугу представляют собой древний мелкосопочный массив, расположенный к северу от оз. Балхаш, на западной окраине бассейна среднего течения р. Туранги (совр. Актогайский р-н, Карагандинская обл. – прим. ред.). На его восточных склонах берут начало притоки р. Туранги, на западных – притоки р. Моллабулак. Массив вытянут в меридиональном направлении на 15 км при средней ширине около 5 км.

Мелкосопочник гор Семизбугу представлен грядами и увалами. Низкий ярус мелкосопочника распространен на периферии гор, абсолютные отметки - от 630 до 680 м. Относительные превышения составляют 60-82 м. Гряды и увалы этого яруса относятся к верхнемеловому-палеогеновому этапу расчленения.

Высокий ярус гор Семизбугу представлен двумя грядами, вершины которых являются наиболее высокими точками гор Семизбугу, абсолютные отметки 754,9 и 758,8 м. Относительные превышения гряд над подножьями гор равны 100-108 м. Формирование гряд относится к доверхнемеловому этапу рельефообразования. В строении гор Семизбугу приняли участие порфириты, песчаники, известняки, алевролиты девона. Окремненные темно-серые и черные алевролиты обычно слагают наиболее высокие элементы рельефа (сопки с отметкой 758,8 м и другие).

У западного подножья гор Семизбугу сохранились останцы нижнеантропогенного шлейфа конусов выноса относительной высотой от 3 до 7 м, прорезаемые рядом мелких логов. Шлейф состоит из светло-серых суглинков с прослоями щебенки, интенсивно загипсованные, общей мощностью 3-6 м. Поверхность этих останцов густо усеяна различными предметами древнего и позднего палеолита, сделанными из кремнистых алевролитов. Их местонахождения являются «культурными пятнами» на поверхности плоских вершин, склонов и шлейфов конусов выноса и носят характер стоянок-мастерских, приуроченных к выходам коренных пород. Следуя их топографии и локализации археологического материала, А.Г. Медоев выделил 11 главных местонахождений, на которых собрано свыше 20 000 образцов, отнесенных им к ашельской, мустьерской и саякской культурам.

В архиве А.Г. Медоева есть краткое описание местонахождений:

№ 1. Центральная часть гор Семизбугу (наивысшая отметка). Вершина вытянутой на 800-1000 м в субмеридиональном направлении гряды. Коллекция с этого местонахождения состоит из 62 отщепов второго (позднего) комплекса и четырех архаичных вещей: отщепы клетонского типа и рубящее орудие типа чоппинг. Сбор инвентаря произведен на площади примерно 150×50 м.

№ 2. Западное подножье гор Семизбугу. В 2 км к западу от предыдущего местонахождения вытянут останец нижеантропогенового шлейфа, находящийся в среднем на высоте 650 м над уровнем моря. Сложен он делювиально-пролювиальными суглинками светло-серой окраски с прослоями щебенки. Имеет легкий наклон. Общая его площадь примерно 2500×300 м.

№ 3. Низкий мелкосопочник гор Семизбугу. В 3 км на юго-запад от первого местонахождения на вершинах, склонах и у подножья сопки найдены разреженные образцы. Коллекция с этого местонахождения состоит из отщепов и нуклеусов позднего, главным образом, комплекса и трех архаичных изделий – два отщепа клетонского типа и массивный пластинчатый отщеп ашельского облика.

№ 4. Западные склоны гор Семизбугу. Стоянка-мастерская находится на плоской вершине гряды в 1,3 км на ССЗ от местонахождения № 1. Абс. высота 700 м, относительная – примерно 40 м. Основная масса кремней (около 5000 экз.) залегала невероятно густо – на площади 75×25-30 м; на периферии феноменального «культурного» пятна обработанные кремни единичны.

№ 5-8. Западные склоны гор Семизбугу. Вершины четырех меридионально ориентированных увалов, расположенных к северо-западу от первого местонахождения в 1,8 км (абсолютная высота 700-720 м, относительная – 30-40 м), дали при сборах около 500 экз. оббитых кремней, главным образом, второго комплекса. Это в основном грубые отщепы и нуклевидные формы. Архаичные вещи единичны – несколько отщепов.

№ 9. Западное подножье гор Семизбугу. Плоская поверхность столового останца нижеантропогенового шлейфа, вытянутого к западу на 1,2 км (при средней ширине 0,3 км). Абсолютная высота останца составляет 670 м, относительная (над откопанной цокольной равниной) – 6-7 м.

№ 10. Западное подножье гор Семизбугу. Плоская поверхность останца нижеантропогенового шлейфа, вытянутого к юго-западу на 5 км при средней ширине около 0,4 км (абсолютная высота 650-670 м, относительная – до 7 м). Кремни собраны на северо-восточной его половине с площади 0,5×0,3 км (около 3000 экз.).

№ 11. Западный склон Семизбугу. По линии подошвы (абсолютная высота 670 м) простирается выход окремненных алевролитов мощностью до 3 м, протяженностью свыше 1 км. Сборы вдоль этого выхода дали многочисленные оббитые кремни (грубые отщепы, нуклевидные обломки горных пород), относящиеся ко второму комплексу. Найдены древнепалеолитические изделия – единичные экземпляры.

По наблюдениям А.Г. Медоева, главной особенностью топографии палеолитических стоянок в Северном Прибалхашье является стабильность. Ашельские, мустьерские, позднепалеолитические образцы каменных индустрий залегают на одной и той же поверхности. Между ними не прослеживаются хронологические разрывы. Каменный инвентарь залегает в непрерывном и непереотложенном состоянии сплошным покровом и составляет своего рода стратиграфический горизонт. Для ашельских и мустьерских вещей характерна густая и глубокая патина охристых оттенков, а также люстраж, оглаженность ребер и граней. На образцах, сделанных из алевролитов черного цвета, патина иногда бывает яркой, почти оранжевой. Вещи позднепалеолитических типов резко отличаются от архаичных образцов более «свежим» видом, что сообщает дополнительную уверенность в правильности разграничения разновременных материалов одной позиции на три комплекса: ашельский, мустьерский, позднепалеолитический.

Стоянки-мастерские гор Семизбугу, основанные в ашельское время, располагались на площадках шлейфов конусов выноса (пролювиально-делювиальные отложения). Их местонахождения, связанные с источниками сырья, содержат колоссальное количество образцов. Древнейший каменный инвентарь фиксирует прекращение осадконакопления на этих участках, начиная со среднего антропогена, поскольку нет оснований опускать в Сарыарка геологический возраст развитого ашеля ниже этой границы [Медоев, 1962а; 1964; 1965а; 1965б; 1970; 1976; 1979; 1982].

Местонахождение Чингиз

Открытое А.Г. Медоевым в 1961 г. местонахождение Чингиз 1 является первым и единственным известным палеолитическим памятником на обширной территории восточной части Центрального Казахстана (совр. Абайский р-н, ВКО – прим. ред.). Местонахождение довольно часто упоминается в специальной литературе, но информация о нем невелика. В первой публикации сообщается, что «палеолит установлен, в основном, по одному местонахождению, давшему интересную коллекцию: остроконечники, скребла, отщепы, пластины и т. д. По предварительной датировке, в палеолите хребта Чингиз имеются древнепалеолитические (мустьерские) и позднепалеолитические элементы» [Медоев, 1962а, с. 87].

В обзорной статье 1970 г. информации немного больше: «На территории хребта Чингиз обнаружены разрозненные позднепалеолитические образцы. Массовый материал получен по древнему палеолиту со стоянки открытого (наземного) типа на шлейфе <...>. Это своеобразный мустьерский комплекс без ядрищ. Доминирует леваллуазская техника, но почти все сколы превращены в орудия (скребла, остроконечники, зубчатые и выемчатые орудия и т.д.) Имеется несколько исключительно типичных двусторонних наконечников копий <...>» [Медоев, 1970, с. 215]. В 1982 г. индустрия этого местонахождения определялась им как «великолепный комплекс мустье ашельской традиции фации леваллуа, обогащенный скреблами типа кина и полукина <...>. Сырье индустрии невероятно разнообразно <...>. От индустрий мустье других ареалов Казахстана эта уникальная коллекция отличается исключительно рафинированной техникой леваллуа, наличием ударных площадок в форме «шапки жандарма»* (*talon_m cha-peau de gendarme – прим. ред.) и необычным вниманием к преобразованию сколов-заготовок путем очень разнообразной ретуши, подтески, искусственных обломов и т.д. <...>» [Медоев, 1982, с. 28-29].

После смерти А.Г. Медоева палеолитическая коллекция из хребта Чингиз считалась утраченной. В 1996 г. вдовой ученого Р.А. Скуиной эта коллекция была обнаружена в домашнем архиве Медоевых [Артюхова, 1998].

Стоянка-мастерская Хантау

Палеолитическая стоянка-мастерская Хантау обнаружена и исследована А.Г. Медоевым в 1965 г. в процессе работ Палеолитического отряда Чу-Илийской геолого-геоморфологической экспедиции ИГН им. К.И. Сатпаева АН КазССР (совр. Мойынкумский р-н, Жамбылская обл. – прим. ред.).

Предварительная информация об этом памятнике опубликована в статье А.Г. Медоева «Ареалы палеолитических культур Сары-Арка». В ней А.Г. Медоев отмечает, что «Эта стоянка-мастерская принесла крупнейший в Казахстане комплекс мустье с ашельской традицией фации леваллуа. Значительная часть сколов имеет следы более позднего (вторичного) использования» [Медоев, 1970, с. 213-214]. В работе опубликованы также рисунки нескольких артефактов с этого памятника: нуклеусы леваллуа, бифас (лиманд), остроконечник с противлежащей ретушью, атипичный пластинчатый скол леваллуа с зубчатым краем, скребло со скошенным поперечным рабочим краем, двойное выпуклое скребло, остроконечник леваллуа, ретушированный по одному краю, атипичный отщеп леваллуа [Медоев, 1970, рис. 7, 8].

В монографии «Геохронология палеолита Казахстана» информация о Хантау еще короче: «В горах Хантау наряду с эпизодическим вторичным преобразованием древних вещей отмечается массовое использование мустьерских отщепов и пластин (леваллуа и нелеваллуа), а также орудий для изготовления новых орудий в совершенно иных типологических традициях и забвение производства сколов-заготовок. Этот случай можно отнести к деятельности каких-то современников саякской культуры» [Медоев, 1982, с. 12].

Стоянки-мастерские Шахбагата

В 1964–1969 гг. Академией наук КазССР проводились широкомасштабные комплексные исследования на полуострове Мангыстау (совр. Тупкараганский р-н, Мангыстауская обл. – прим. ред.). Исследования палеолитического отряда под руководством А.Г. Медоева были сосредоточены на северном побережье полуострова Тюб-Караган у залива Сарыташ. Сплошные сборы подъемного археологического материала проводились на должном методическом уровне - по квадратам, со строгой привязкой к различным геоморфологическим позициям.

А.Г. Медоев не успел опубликовать все собранные им материалы. Особенно это касается материалов с Мангышлака. В своих работах он привел лишь основные выводы. Так, в статье «Радиальная система изготовления нуклеусов леваллуа в древнем палеолите Сары-Арки и Мангышлака» он характеризует мангышлакский материал очень тезисно: «Предварительная схема последовательности культур каменного века на Мангышлаке (исследования 1966-1969 гг.): протолеваллуа-ашель, леваллуа-ашель I-II, шахбагата I (поздний палеолит), шахбагата II (эпипалеолит), неолитические индустрии микролитов. Автор имел возможность изложить ее в докладе «Каменный век Казахстана» на расширенном заседании Сектора археологии Института истории, филологии и философии СО АН СССР 7 мая 1967 г., сопроводив демонстрацией образцов каменных индустрий» [Медоев, 1972, с. 140].

Следующее упоминание – в монографии «Гравюры на скалах»: «Мечеть Шахбагата находится на полуострове Тюб-Караган у залива Сарыташ. Полуостров представляет собой пустынное каменистое плато (гамада), сложенное осадочными породами мезозоя и кайнозоя. Со стороны моря оно ограничено высокими отвесными уступами от 70 до 190 м (чинки) и серией морских террас. Поверхность плато и высоких террас интенсивно расчленена субмеридиональными глубокими долинами и логами с крутыми, нередко вертикальными бортами. Некоторые из них, например, Капам <...> – типичные каньоны. В коренных породах (известняки) отвесного правого борта долины Шахбагатасай над третьей надпойменной террасой высечена мечеть Шахбагата. Ее открытую фронтальную часть составляют портал с входным проемом и ряд искусственных гротов, расположенных на разных уровнях слева и справа от портала. Площадка третьей надпойменной террасы бронирована образцами каменных индустрий древнего и позднего палеолита (стоянки открытого типа) <...>. Эта терраса служит платформой громадного некрополя <...>» [Медоев, 1979, с. 11]. И далее: «Каменная индустрия, перекрывающая рыхлые отложения третьей надпойменной террасы долины Шахбагатасай, представлена леваллуа-ашельским и шахбагатинским (поздний палеолит) комплексами. Материалом этих индустрий служили кремнистые конкреции датского яруса <...>, обнаженные в логах и долинах, начиная от каньона Капам на западе и далее на восток до долины Кумакапе. В пределах этой полосы на верхней морской абразионной террасе также обнаружены аналогичные комплексы. Кремни залегают на террасах в непереотложенном состоянии, образуя местами плотные скопления (до 10-15 экз. на 1 кв. м.) <...>» [Медоев, 1979, с. 25].

В монографии «Геохронология палеолита Казахстана» приведено несколько важных наблюдений А.Г. Медоева по Мангышлаку. Так, говоря о редкости остатков териофауны антропогенного периода на территории Казахстана, он делает вывод: «<...> На Мангышлаке и Устюрте их не удастся обнаружить и при самых упорных целенаправленных поисках, за исключением раскопок пещерных стоянок <...>» [Медоев, 1982, с. 2].

Выделенные в долине Шахбагата каменные индустрии А.Г. Медоев связывает с различными геоморфологическими позициями. Так, по мнению исследователя: «Коллекции культуры протолеваллуа-ашель получены с двух основных местонахождений: русло безымянного лога с колодцем Шахбагата и фрагмент четвертой надпойменной террасы долины Шахбагатасай. Единичные, но очень представительные образцы извлечены из-под рыхлого чехла, прикрывающего здесь абразионную морскую поверхность» <...> «Образцы леваллуа-ашеля I и II, шахбагаты I и II залегают на древних береговых валах, морской абразионной террасе, третьей надпойменной террасе долины Шахбагатасай и частично на плато, а также ступенчатых склонах плато Тюбкараган» [Медоев, 1982, с. 17-18].

Стоянка-мастерская у озера Кудайколь

Местонахождения каменных артефактов обнаружил Б.Ж. Аубекеров в процессе проведения геологических и геоморфологических исследований в зоне канала Иртыш–Караганда в 1963-1966 гг. (совр. район, подчиненный маслихату г. Экибастуз, Павлодарская обл. – прим. ред.). Озеро Кудайколь – реликт древней гидросети. Имеет несколько террас, из которых первая – смешанная, остальные – скульптурные. «От верхней террасы сохранились только фрагменты (высота 30-50 м, ширина площадки – от первых десятков до 250 м). На ее поверхности залегает древнепалеолитический каменный инвентарь. Террасы сложены палеогеновыми породами – кварцевыми песчаниками серого цвета. Лучшие их разновидности (плотносцементированные, звонкие) служили здесь сырьем в каменной индустрии)» [Медоев, 1968, с. 128-129].

Коллекции каменного инвентаря (в общей сложности около 3000 экз.) «относятся к различным эпохам и культурам: древнему палеолиту (леваллуа-ашель), позднему палеолиту и эпипалеолиту – локальной фации “сибирско-монгольской” позднепалеолитической провинции (по А.П. Окладникову), культуре микролитов (IV-III т. до н.э.), карасорской культуре (термин автора), представляющей собой фацию гиссарской культуры <...>. Материал составлен в результате невыборочных сборов с ограниченных участков. Это позволяет считать определенные соотношения его технических и типологических слагаемых объективными. Вместе с тем, следует отметить, что количество нуклеусов по сравнению с количеством сколов (леваллуа и не-леваллуа) непропорционально <...>» [Медоев, 1968, с. 128].

«Технику индустрии полностью предопределила леваллуазская система. Этому определенно способствовала текстура (расположение минеральных агрегатов кварцевых песчаников» [Медоев, 1968, с. 129]. Автор указывает наличие 70 нуклеусов леваллуа, «в большинстве своем одноплощадочных, прямоугольных и треугольных очертаний в различных модификациях (67 экз.). Ядрища с двумя ударными площадками единичны. Двусторонних среди них нет. Индекс нуклеусов леваллуа достигает 100%» [Медоев, 1968, с. 132-132]. Сколы типа леваллуа состоят из отщепов (17 экз.) и пластин (11 экз.).

Вторичная обработка сколов-заготовок практиковалась мало. Имеющиеся изделия ретушированы небрежно. Из орудий в коллекциях больше всего бифасов (16 экз.). Они сделаны из угловатых и плитчатых обломков (элювий). Готовых или не сломанных изделий немного (4 экз.). Формы бифасов разнообразны. Можно выделить типичные cordiforme, limande <...>. Лезвиям приданы слегка волнистые профили. «Пяток» бифасы не имеют. Наиболее массивны орудия небольших и средних размеров, а сравнительно тонкое поперечное сечение присуще крупным <...>» [Медоев, 1968, с. 132].

«Бифасы сопровождаются гигантскими скреблами (лекала, 5 экз.). Эти предметы – эквивалент орудий типа чоппер “культуры галек”. Они сделаны из массивных плитчатых обломков или крупных отщепов высокого сечения <...>. По соотношению технических и типологических слагаемых индустрию с верхней террасы озера Кудайколь следует отнести к леваллуа-ашельской культуре локальной вариации. Позднепалеолитическая культура на северо-восточной окраине Сары-Арка

восходит к леваллуа-ашельскому субстрату. Но она представлена в полностью сложившемся виде. Более того, эта культура стоит у порога своей эпипалеолитической (финальной) фазы. Между древним и поздним палеолитом длительный перерыв» [Медоев, 1968, с. 133], который автор объясняет сухим и холодным климатом в перигляциальной зоне.

Исследования стоянок и местонахождений палеолита в районе озер Кудайколь и Карасор Б.Ж. Аубекеров продолжал и в последующие годы. Эти коллекции еще ждут своих исследователей.

В настоящее время, благодаря тщательному изучению памятников с погребенными культурными слоями и новым разнообразным методам датирования, никто не сомневается в том, что археологические культуры развивались неравномерно во времени и в пространстве. Стадиальная теория эволюции человека и палеолитических культур осталась далеко в прошлом. Но об этом, на основании изучения только памятников с поверхностным культурным слоем, догадывался и А.Г. Медоев.

По его мнению, на облик и развитие палеолитических индустрий отдельных регионов оказывали влияние физико-географические и геологические особенности, в том числе наличие пород, пригодных для изготовления каменных орудий: литологические, петрографические, структурные и текстурные особенности сырья. Это особенно давало о себе знать на ранних ступенях овладения человеком приемов раскалывания горных пород. Еще большую роль в становлении «первых» каменных индустрий играли исходные (естественные) формы сырья. Были ли это желваки, валуны, гальки, угловатые обломки, плитки – в каждом отдельном случае они предопределяли технику и типологию тех индустрий, в которых были сырьем [Медоев, 1965б, с. 78].

А.Г. Медоев выделил для Казахстана несколько палеолитических ареалов:

- Мангышлак (Западный Казахстан), Левобережное Прииртышье, Приаралье, бассейн р. Эмбы, Тургай – отличительной чертой эволюции палеолитических культур в этих ареалах является очень раннее появление и расцвет техники леваллуа, начиная с ашеля; перерастание леваллуа-ашельских культур непосредственно в позднепалеолитические, минуя мустье, и очень длительное, заходящее в голоцен, существование палеолитических традиций;

- Сарыарка (имеется в виду юго-восточная окраина Центрального Казахстана – Северное и Юго-Западное Прибалхашье), хр. Чингиз (Восточный Казахстан), горы Юго-Восточного Казахстана – где развитие каменных индустрий, видимо, шло традиционным путем: ашель, мустье, саяк (поздний палеолит). Горные области заселялись эпизодически;

- Хребет Каратау (Южный Казахстан), где самые древние следы человеческой деятельности проявляются, по мнению А.Г. Медоева, культурой арыстанды 1, изделия которой обнаружены в верхнегобийских конгломератах. Затем следуют ашель, мустье, поздний палеолит.

В эволюции палеолита *хребта Каратау* (Южный Казахстан), по мнению А.Г. Медоева, прослеживаются две магистральные линии – арыстанды (линия, идущая от культуры верхнеплиоценовых конгломератов в верховьях р. Арыстанды) и леваллуа-ашель (мастерские Бoryказган, Танирказган и др.). Сырье индустрии арыстанды – халцедоны светлых оттенков, а мастерских Бoryказган – черного цвета. Почти все изделия, опубликованные Х.А. Алпысбаевым [Алпысбаев, 1979] с мастерских Бoryказган, – это заготовки или бракованные нуклеусы леваллуа, а галечные орудия составляют лишь единичные типологически беспорные образцы [Медоев, 1982, с. 32].

Продолжение эволюции леваллуа-ашельских культур Бoryказган и Танирказган можно видеть в открытых наземных местонахождениях Токалы I–III, Шакпакское, Алгабасское, Шабакты II и др. [Алпысбаев, 1979], хотя немногочисленность инвентаря и его недостаточно четкое типологическое описание не позволяют делать окончательные выводы.

Особый интерес представляет многослойная палеолитическая стоянка им. Ч.Ч. Валиханова (Карасу), обнаруженная Х.А. Алпысбаевым в девятиметровой третьей надпойменной террасе

правого берега р. Арыстанды [Алпысбаев, 1979] на глубине до 6,3 м в покровных лессовидных суглинках (1-4 слои) и в аллювиальном песке (5 слой). Раскопки, начатые Х.А. Алпысбаевым, продолжил Ж.К. Таймагамбетов. Материалы, полученные в 1969-1983 гг., опубликованы им в монографии [Таймагамбетов, 1990]. Проанализирован каменный материал из пяти слоев – 5764 экз. Орудия составляют в среднем лишь 4,7% инвентаря (269 изделий), т. е. мы имеем дело со стоянкой-мастерской. Ж.К. Таймагамбетов относит верхний слой (пятый) к позднему палеолиту, нижележащие слои (1-4) – к позднему мустье. А.Г. Медоев, знакомый с материалами стоянки еще со времен работы в ИИАЭ АН КазССР под началом А.Х. Алпысбаева, считал материалы всех слоев позднепалеолитическими.

А.В. Вислогузова на основании определений Б.С. Кожамкуловой для фаунистических остатков нижнего слоя и исходя из анализа геоморфологической ситуации, относит нижний слой к среднему плейстоцену. Такая ранняя датировка отложений, содержащих индустрию очень развитого, вполне позднепалеолитического облика, позволила А.Г. Медоеву сделать вывод, что «это наиболее ранняя культура позднего палеолита в пределах ойкумены, что согласуется с гениальным предвидением В.И. Громова, считавшего, что человек современного типа появился в глубинной Азии самостоятельно и значительно раньше, чем в Западной Европе» [Медоев, 1982, с. 45].

В *Северном Прибалхашье* многочисленные местонахождения сосредоточены в горах Семизбугу на вершинах и склонах скалистых сопков, а также на шлейфах конусов выноса. Они представляют собой стоянки-мастерские, связанные с выходами на дневную поверхность кремнистых алевролитов девона, которые разбиты трещинами на многогранники, представляющие готовые ядрища с косыми гранями и острыми ребрами. (Это идеальные условия для развития клектонской техники.) Чоппинги и бифасы сделаны здесь из угловатых обломков, имеющих участки с глубокой коркой выветривания и сильно заглаженными ребрами. Такие участки не оббивались, а служили пятками. Однако, «бремя» клектонской традиции не сковывало творческую волю древних мастеров Северного Прибалхашья. В эпоху развитого ашеля ими была открыта техника леваллуа [Медоев, 1965б, с. 78-79].

К этой же ашельской культуре относятся стоянки в долинах Туранга и Кызыл-Кайнар. Площадки их вторых надпойменных террас неоднократно заселялись в древнем и позднем палеолите. Сырье – то же, что и в Семизбугу – кремнистые алевролиты девона черного и серо-зеленого цвета. Ашельские изделия выделяются густой и глубокой патиной охристых оттенков, а также залощенностью и заглаженностью граней [Медоев, 1962а; 1962б; 1964; 1982].

Эпоха мустье в Северном Прибалхашье, по мнению А.Г. Медоева, представлена культурой мустье ашельской традиции фации леваллуа. Мустьерские стоянки и стоянки-мастерские дислоцированы на тех же геоморфологических позициях и базируются на том же сырье, что и ашельские: Туранга 1–5, Кызыл-Кайнар 1–4, Семизбугу, Тюлькули и др. От ашельских изделий мустьерские образцы отличаются более развитой техникой леваллуа, более разнообразным орудийным набором и лучшей их отделкой. Мустьерские артефакты патинизированы в меньшей степени, чем ашельские, и не так сильно залощены и заглажены.

Технико-типологические слагаемые позднепалеолитической саякской культуры, по словам А.Г. Медоева, выведены на материале стоянок-мастерских гор Семизбугу и стоянок долин Туранга, Кызыл-Кайнар и др. Они располагались на тех же геоморфологических позициях, что и предшествующие древнепалеолитические, базировались на том же сырье. Саякские нуклеусы и орудия нередко сделаны из древних артефактов с интенсивной патиной, которую вскрывают саякские негативы, фасетки. На всех крупных местонахождениях каменных индустрий Северного Прибалхашья с разновременным инвентарем присутствуют также изделия со слабой патиной и шероховатой фактурой, относящиеся к переходной от мустье к саяку стадии.

Саяк содержит многочисленные элементы мустьерского субстрата, в том числе разнообразные скребла из широких и коротких отщепов. Техника леваллуа трансформируется в саякской культуре в призматическую систему получения сколов-заготовок (клиновидные, призматические, торцовые нуклеусы, нуклеусы-скребки и нуклеусы-лекала); с ними сосуществует клектонская система получения сколов [Медоев, 1979; 1982].

В *Юго-Западном Прибалхашье*, как и в Северном, палеолитические стоянки и стоянки-мастерские приурочены к шлейфам конусов выноса и вторым надпойменным террасам сухих долин. Наиболее значительная стоянка и стоянка-мастерская мустье ашельской традиции фации леваллуа расположена у юго-западных склонов гор Хантау у выходов темно-коричневых и темно-серых порфиритов, из которых и изготовлено более 10 000 собранных на стоянке изделий. Сырье хуже, чем в Семизбугу или Туранге, при раскалывании его получается шероховатая поверхность; патина белесая, глубокая, обычно без люстража. Поэтому вполне качественно изготовленные орудия и нуклеусы выглядят грубее, чем изделия этого же времени в Северном Прибалхашье.

В горах Хантау также отмечается массовое использование мустьерских артефактов для изготовления новых орудий в совершенно иных типологических традициях, и забвение производства сколов-заготовок. Этот случай можно отнести к деятельности каких-то современников саякской культуры [Медоев, 1982, с. 12].

А.Г. Медоев предложил следующую интерпретацию материалов каменных индустрий *на Мангышлаке* (в хронологическом порядке): протолеваллуа-ашель (аналог олдувая), леваллуа-ашель I (собственно ашель), леваллуа-ашель II (средний палеолит), шахбагата I (поздний палеолит), шахбагата II (эпипалеолит) [Медоев, 1972, с. 140]. По мнению автора, леваллуа-ашель II является эквивалентом мустьерских культур, её ареал включает Сталинградскую стоянку в Поволжье [Медоев, 1982, с. 19].

Так, А.Г. Медоев на основании изучения палеолитических памятников в разных регионах Казахстана, а в особенности Мангыстау, выдвинул гипотезу об очень раннем, более 1 млн. лет назад, заселении Мангыстау предшественниками современного человека. Эта гипотеза тиражируется в научной литературе как установленный факт.

В 1986 г. в Алма-Ате состоялось III Казахстанское межведомственное стратиграфическое совещание по докембрию и фанерозою Казахстана (Алма-Ата, 1986 г.), на котором присутствовали ведущие специалисты по палеолиту СССР В.П. Любин и З.А. Абрамова. Они ознакомились с коллекциями А.Г. Медоева. Отметив огромную ценность этих коллекций для мирового палеолитоведения, они в целом согласились с датировками, предложенными А.Г. Медоевым для отдельных комплексов Семизбугу и Хантау, которые были готовы для демонстрации (т. е. распакованы, промыты и зашифрованы) [Артюхова и др., 1997].

В.П. Любин и З.А. Абрамова предложили в качестве основы для моей кандидатской диссертации обработать отдельные, достаточно представительные части коллекций из разных регионов Казахстана.

Первые результаты такой работы были изложены в докладе на Международном симпозиуме в Новосибирске в 1990 г. [Артюхова, 1990]. В процессе работ выяснилось, что немногочисленные казахстанские археологи-палеолитчики использовали разную терминологию для описания каменных артефактов, придерживались разной методики для анализа комплексов каменной индустрии. Необходимо было разработать унифицированную классификацию и терминологию для казахстанских материалов, используя опыт и наработки советских и зарубежных, особенно французских исследователей. Такая работа была проделана. Результаты можно увидеть в монографиях [Артюхова, 2013; Артюхова и др., 2014].

Обработка некоторых коллекций проводилась совместно с сотрудниками Института археологии и этнографии СО РАН в рамках договора о сотрудничестве. Так, в 1993 г. вышла монография «Палеолит Северного Прибалхашья (Семизбугу, пункт 2, ранний–поздний палеолит), посвященная памяти А.Г. Медоева [Деревянко и др., 1993]. В коллекции с этого пункта равномерно представлены древний, средний и поздний палеолит.

Небольшая коллекция из хребта Чингиз была впервые опубликована в 1998 г. в материалах Международной конференции в г. Туркестане [Артюхова, 1998]. Материалы были переизданы в монографии «Мустье Центрального Казахстана [Артюхова, 2013].

В 2001 г. вышла монография «Палеолитические комплексы Семизбугу, пункт 4 [Артюхова и др., 2001]. Здесь количественно преобладали позднепалеолитические артефакты, что позволило охарактеризовать поздний палеолит Северного Прибалхашья [Артюхова, 2010].

Еще при жизни А.Г. Медоева была начата обработка части коллекции Семизбугу 10А, где преобладали сильно- и среднедефлированные изделия. Благодаря исключительному качеству сырья, которое подвергалось и патинизации, и корразии, и люстражу, удалось разделить материал на пять серий, которые заметно отличались друг от друга по технике и типологии [Артюхова, 1992; 2013].

Также при жизни А.Г. Медоева и под его руководством была начата обработка части коллекции Хантау, так называемый «Большой квадрат», которая стала частью диссертационной работы [Артюхова, 2013]. Остальная часть коллекции обработана и описана лишь частично из-за технических помех.

Самые большие коллекции были привезены с Мангышлака. Их обработке были посвящены последние четыре года. Часть материалов обработана и опубликована [Артюхова, Мамиров, 2020а; 2020б; 2020в], в основном та, что А.Г. Медоев определил как леваллуа-ашель, с третьей надпойменной террасы долины Шахбагатасай. Но обширные коллекции с поверхности плато с разновременным инвентарем, и с второй надпойменной террасы, поздний палеолит, еще находятся в обработке.

Коллекции Кудайколя еще не обработаны.

В заключение нужно отметить, что описание коллекционных материалов, собранных в прошлом веке, не потеряло своего огромного значения. Введение материалов в научный оборот – неотъемлемая часть научной работы археолога. Необходимо и пересматривать уже описанные коллекции с современных позиций, что приводит иногда к неожиданным результатам.

В целом нельзя сказать, что все проблемы палеолитоведения Казахстана успешно завершены. Еще остается много дискуссионных моментов, над которыми будут работать археологи еще многих поколений.

На сегодня можно считать установленным, что древнейшие представители рода человеческого вида *Homo habilis* (человек умелый) возрастом около 3 млн. лет зафиксированы в Африке. В Евразии следы их расселения обнаружены в Дманиси (Южная Грузия) и датируются возрастом 1,7 млн. лет [Марков, 2009; 2014]. Ведущие ученые считают, что одна ветвь расселения проходила и через Казахстан, скорее всего, в районе Мангыстау [Деревянко, 2015]. А.Г. Медоев выделил на Мангыстау культуру протолеваллуа-ашель, которую связывал с деятельностью *Homo habilis* [Медоев, 1980]. Во время наших с Т.Б. Мамировым исследований на Мангышлаке мы не смогли ни доказать, ни опровергнуть эту культуру, хотя склоняемся к последнему (материалы не опубликованы – прим. ред.).

Евразию заселил *Homo erectus* (человек прямоходящий) около 1 млн. лет назад. Антропологические остатки этого вида, кроме Африки, найдены в Юго-Западной Европе, Юго-Восточной Азии, Китае. В Казахстане выявлено много местонахождений каменных индустрий, предположительно созданных эректусами, в том числе и на Мангыстау [Мамиров, 2011]. А.Г. Медоев соотносит *Homo erectus* и культуру леваллуа-ашель I, выявленную им в районе залива Сарытас [Медоев, 1982].

Homo neanderthalensis (неандертальский человек) оставил на территории Казахстана большое количество следов своего пребывания. Время существования неандертальцев в Европе ограничено рамками 200-30 тыс. лет назад [Вишняцкий, 2010]. Находки антропологических остатков неандертальцев вокруг территории Казахстана достаточно многочисленны: Тешик-Таш, Оби-Рахмат в Узбекистане, «хвалынский» человек в Поволжье, Денисова пещера, пещера имени Окладникова на российском Алтае. В Казахстане памятники этого времени широко распространены, но практически все они находятся в поверхностном залегании. На Мангыстау находки каменных индустрий этого времени также многочисленны и обозначаются А.Г. Медоевым как культура леваллуа-ашель II [Медоев, 1976].

Человек современного типа – *Homo sapiens* (человек разумный) также родом из Африки. Около 125 тыс. лет назад он начал предпринимать попытки расселения в Евразии, которые удались только около 40 тыс. лет назад. За небольшой промежуток времени людям современного типа удалось распространиться по всему земному шару, вытеснить, ассимилировать, или просто уничтожить представителей других видов человека – *Homo erectus* и *Homo neanderthalensis*. Одним из возможных путей расселения людей современного типа в Евразии является восточное побережье Каспийского моря, включая Мангыстау [Деревянко, 2005; 2009; 2015], где А.Г. Медоев обнаружил исключительно выразительные комплексы индустрий позднего палеолита, которые находятся в обработке.

ЛИТЕРАТУРА

- Алтысбаев Х.А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. Алма-Ата: изд-во АН КазССР, 1979. 208 с.
- Артюхова О.А. Мустье Казахстана // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки: докл. Междунар. симпозиума (г. Новосибирск, август 1990 г.). Новосибирск: Ин-т истории; Ин-т теплофизики СО РАН, 1990. С. 35-39.
- Артюхова О.А. Мустье Центрального и Южного Казахстана: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1992. 24 с.
- Артюхова О.А., Аубекеров Б.Ж., Таймагамбетов Ж.К. К вопросу о периодизации, стратиграфии и хронологии палеолитических индустрий Казахстана // Известия МОН-НАН РК. Серия обществ. наук. 1997. № 1. С. 10-14.
- Артюхова О.А. Палеолитическое местонахождение Чингиз 1 (Центральный Казахстан) // Каменный век Казахстана и сопредельных территорий: м-лы междунар. конф., посвящ. 70-летию Х.А. Алтысбаева (г. Туркестан) / отв. ред. Ж.К. Таймагамбетов. Туркестан: ТОО «Мирас», 1998. С. 58-69.
- Артюхова О.А., Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К. Палеолитические комплексы Семизбугу, пункт 4 (Северное Прибалхашье). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. 120 с.: ил.
- Артюхова О.А. К вопросу о локальных вариантах в мустье Казахстана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2004. Вып. 3. С. 90-103.
- Артюхова О.А. Проблемы позднего палеолита Казахстана // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2010. № 1 (274). С. 3-7.
- Артюхова О.А. Мустье Центрального Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 206 с.
- Артюхова О.А., Мамиров Т.Б. Каменный век Сарыарки. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 296 с.
- Артюхова О.А., Мамиров Т.Б. К вопросу о палеолите Мангыстау (леваллуа-ашель или микок?) // Самарский научный вестник. 2020а. Т. 9, № 3. С. 180-188.
- Артюхова О.А., Мамиров Т.Б. Комплекс палеолитических стоянок-мастерских Шахбагата (Шакпаката) по материалам 1966 и 2019 гг. // Маргулановские чтения–2020: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Великая степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020б. Т. 2. С. 11-24.

Артюхова О.А., Мамиров Т.Б. Палеолит Мангыстау по материалам А.Г. Медоева. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020в. 240 с.

Вишняцкий Л.Б. Неандертальцы: история несостоявшегося человечества. СПб.: Нестор-История, 2010. 312 с.: ил.

Деревянко А.П., Аубекеров Б.Ж., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Артюхова О.А., Зенин В.Н., Петров В.Г. Палеолит Северного Прибалхашья (Семизбугу, пункт 2, ранний–поздний палеолит). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1993. 114 с.: ил.

Деревянко А.П. Переход от среднего к позднему палеолиту: взгляд из Северной Азии. Вместо заключения // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 3 (23). С. 101-109.

Деревянко А.П. Заселение человеком Евразии в раннем палеолите // Древнейшие миграции человека в Евразии. Сборник трудов конференции (г. Махачкала, 6–12 сентября 2009 г.). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. С. 5-28.

Деревянко А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Т. 1. Происхождение человека и заселение им Юго-Западной, Южной, Восточной, Юго-Восточной Азии и Кавказа / отв. ред. М.В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. 612 с.

Мамиров Т.Б. История изучения палеолита Западного Казахстана и историография проблемы // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. М-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК (г. Алматы, 12–15 декабря 2011 г.) / гл. ред. Б.А. Байтанаев, отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. Т. 1. С. 157-163.

Марков А.В. Происхождение и эволюция человека. Обзор достижений палеоантропологии, сравнительной генетики и эволюционной психологии: доклад, прочтенный в Институте Биологии Развития РАН 19 марта 2009 г. URL: http://evolbiol.ru/markov_anthropogenes.htm (дата обращения 05.10.2021)

Марков А. Эволюция человека. В 2 кн. Кн. 1. Обезьяны, кости и гены. М.: АСТ: CORPUS, 2014. 464 с.

Медоев А.Г. Новые материалы по каменному веку Северного Прибалхашья и хребта Чингиз // Вестник АН КазССР. 1962а. № 3. С. 86-87.

Медоев А.Г. Предварительные данные о палеолите в долине р. Туранги (Северное Прибалхашье) // Известия АН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии. 1962б. Вып. 2 (19). С. 94-105.

Медоев А.Г. Каменный век Сары-Арка в свете новейших исследований // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1964. Вып. 6. С. 90-98.

Медоев А.Г. Топография стоянок каменного века в Северном Прибалхашье // Вестник АН КазССР. 1965а. № 5. С. 85-88.

Медоев А.Г. Об истоках древнего палеолита Сары-Арка // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1965б. Вып. 4. С. 77-81.

Медоев А.Г. Стоянка-мастерская у озера Кудайколь // Новое в археологии Казахстана / отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 128-134.

Медоев А.Г. Наскальные изображения у горы Айракты на полуострове Мангышлак // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана / отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 146-152.

Медоев А.Г. Ареалы палеолитических культур Сары-Арка // По следам древних культур Казахстана / отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 200-216.

Медоев А.Г. Радиальная система изготовления нуклеусов леваллуа в древнем палеолите Сары-Арка и Мангышлака // Поиски и раскопки в Казахстане / отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 139-153.

Медоев А.Г. Вопросы периодизации и хронологии палеолита Сары-Арка // Информационный сборник ИГН АН КазССР. Алма-Ата: Наука, 1976. С.49-51.

Медоев А.Г. Гравюры на скалах. Часть первая. Сары-Арка, Мангышлак. Алма-Ата: Жалын, 1979. 171 с.

Медоев А.Г. Проблемы палеолита Казахстана (начальный этап) // Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 161-162.

Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана // Вестник АН КазССР. 1981. № 8. С. 58-59.

Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1982. 64 с.

Таймагамбетов Ж.К. Палеолитическая стоянка им. Ч.Ч. Валиханова. Алма-Ата: Наука КазССР, 1990. 124 с.: ил.

С.А. НИГМАТОВА

Нигматова Саида Араповна,
Институт геологических наук им. К.И. Сатпаева,
г. Алматы, Казахстан, nigmatova@mail.ru

РОЛЬ Б.Ж. АУБЕКЕРОВА В РАЗВИТИИ ГЕОАРХЕОЛОГИИ КАЗАХСТАНА

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты научной деятельности Б.Ж. Аубекерова в области геологии четвертичного периода и археологии. Во второй половине прошлого века в Казахстане получило развитие геоархеологическое направление, основанное на изучении памятников археологии в контексте изменения ландшафтной обстановки и палеогеографической среды объекта от момента его возникновения до начала комплексного исследования. Ведущую роль в становлении этого нового направления отечественной науки сыграл доктор геолого-минералогических наук, геолог-четвертичник Б.Ж. Аубекеров. Под руководством и при непосредственном участии Б.Ж. Аубекерова проведены крупные геолого-геоморфологические исследования в Центральном, Западном, Южном и Северном Казахстане, в ходе которых было открыто и комплексно изучено немало археологических объектов. Им разработана методика комплексного, геоархеологического изучения памятников древней культуры Казахстана. Участие Б.Ж. Аубекерова во многих международных проектах совместно с геологами и археологами Казахстана, Америки, Бельгии, Германии, Китая, России и Японии, позволило ввести в научный оборот солидный объем новой информации по памятникам археологии Казахстана и Центральной Азии.

Ключевые слова: геоархеология, Б.Ж. Аубекеров, исследования

Нигматова Саида Араповна,
Қ.И. Сәтпаев атын. Геология институты,
Алматы қ., Қазақстан, nigmatova@mail.ru

Б.Ж. АУБЕКЕРОВТІҢ ҚАЗАҚСТАН ГЕОАРХЕОЛОГИЯСЫНЫҢ ДАМУЫНДАҒЫ РӨЛІ

Аннотация. Мақалада Б.Ж. Аубекеровтың геологияның төрттік кезеңі және археология саласындағы ғылыми қызметінің негізгі аспектілері қарастырылады. Өткен ғасырдың екінші жартысында Қазақстанда ландшафт жағдайының өзгеруі және нысанның палеогеографиялық ортасының пайда болу сәтінен бастап кешенді зерттеудің басталуына дейінгі контекстінде археология ескерткіштерін зерттеуге негізделген геоархеологиялық бағыт дами бастады. Отандық ғылымның осы жаңа бағытын қалыптастыруда геология-минералогия ғылымдарының докторы, геолог-төрттікші Б.Ж. Аубекеров жетекші рөл атқарды. Б.Ж. Аубекеровтің басшылығымен және тікелей қатысуымен Орталық, батыс, оңтүстік және Солтүстік Қазақстанда ірі геологиялық-геоморфологиялық зерттеулер жүргізілді, оның барысында көптеген археологиялық нысандар ашылды және кешенді зерттелді. Ол Қазақстанның ежелгі мәдениетінің ескерткіштерін кешенді, археологиялық зерттеу әдістемесін әзірледі. Б.Ж. Аубекеровтің Қазақстан, Америка, Бельгия, Германия, Жапония, Қытай және Ресей геологтарымен және археологтарымен бірлесіп көптеген халықаралық жобаларға қатысуы Қазақстан мен Орталық Азияның археология ескерткіштері бойынша жаңа ақпараттың қомақты көлемін ғылыми айналымға енгізуге мүмкіндік берді.

Түйін сөздер: геоархеология, Б.Ж. Аубекеров, зерттеу

Saida Nigmatova,
K.I. Satpaev Geological Sciences Institute,
Almaty, Kazakhstan, nigmatova@mail.ru

ROLE of B.Zh. AUBEKEROV in DEVELOPMENT of GEOARCHAEOLOGY of KAZAKHSTAN

Abstract. The article considers the main aspects of B.Zh. Aubekero's scientific activity in the field of Quaternary geology and archaeology. In the second half of the last century, a geoarchaeological direction was developed in Kazakhstan, based on the study of archaeological monuments in the context of changing the landscape and paleogeographic environment of the object from the moment it arose to the beginning of a comprehensive study. Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, Quaternary geologist B.Zh. Aubekero, played the leading role in the formation of this new direction of national science. Under the leadership and with the direct participation of B.Zh. Aubekero, large geological and geomorphological studies were carried out in Central, Western, Southern and Northern Kazakhstan, during which many archaeological sites were discovered and comprehensively studied. He developed a methodology for a comprehensive, geoarchaeological study of ancient cultural monuments of Kazakhstan. The participation of B.Zh. Aubekero in many international projects together with geologists and archaeologists of Kazakhstan, America, Belgium, China, Germany, Japan and Russia made it possible to introduce into scientific circulation a solid volume of new information on archaeological monuments of Kazakhstan and Central Asia.

Keywords: geoarchaeology, B.Zh. Aubekero, research

Введение

Говорят, что талантливый человек талантлив во всем, и эти слова в полной мере относятся к Болату Жагфаровичу Аубекеру, доктору геолого-минералогических наук, профессору, члену международных организаций INQUA, ICOMOS, сотруднику с 50-летним стажем работы в Институте геологических наук им. К.И. Сатпаева, человеку, много сил вложившему в становление и развитие геоархеологии Казахстана.

Б.Ж. Аубекеро родился 15 июня 1938 года в г. Москва. В 1959 г. окончил геолого-географический факультет Казахского государственного университета им. С.М. Кирова (ныне КазНУ им. аль-Фараби), влившись в один из «блестящих» потоков геолого-географического факультета. Этот выпуск дал двух лауреатов госпремий СССР, первооткрывателей месторождений, 8 докторов наук, более 10 кандидатов наук, главных геологов, руководителей научных организаций, профессоров, доцентов, политических деятелей, поэтов и кинорежиссеров. В 1961 г. поступил на работу в Институт геологических наук им. К.И. Сатпаева, где проработал более 50 лет.

Большое внимание Болат Жагфарович уделял подготовке молодых специалистов, под его руководством защищены две докторские и шесть кандидатских диссертаций, как по геологии, так и по археологии, палеонтологии. Он всегда щедро делился своими знаниями со своими учениками и коллегами, регулярно проводил семинары для молодых ученых и археологов в том числе, где учил навыкам работ с картами, стратиграфическими схемами, методами полевых исследований. Многие годы он являлся бессменным ученым секретарем диссертационного совета Института геологических наук, помогал соискателям в подготовке к защите диссертаций, всем сердцем переживая за их работу.

Кроме работы в Институте, Б.Ж. Аубекеро долгое время преподавал на кафедре геоморфологии географического факультета КазНУ им. аль-Фараби, при его участии выпущено четыре учебных пособия по геоморфологии и четвертичной геологии.

Болат Жагфарович был членом международных комиссий по четвертичному и неогеновому периодам, членом республиканского Межведомственного стратиграфического комитета, членом редакционного совета (НРС) МинГео РК, а позже стратиграфической комиссии Комитета геологии РК, являлся ассоциированным членом неогеновой и четвертичной комиссии РАН, членом международной организации IQOMOS.

*Рис. 1. Б.Ж. Аубекеров на презентации лаборатории геоархеологии в Институте геологических наук им. К.И. Сатпаева, 2009 г.
Фото Р. Сала (R. Sala), из личного архива Б.Ж. Аубекерова*

Под руководством и непосредственном участии Б.Ж. Аубекерова были проведены крупные геолого-геоморфологические исследования в Центральном, Западном, Южном и Северном Казахстане.

Многочисленные международные совместных проекты с геологами и археологами Казахстана, России, США, Бельгии, Японии, Китая, Германии позволили ввести в научный оборот обширную информацию по Казахстану и Центральной Азии. Итогом этого сотрудничества стали статьи в престижных зарубежных изданиях. Всего же Б.Ж. Аубекеровым опубликовано более 190 научных работ, 7 монографий. За многие годы работы подготовлено и сдано в Фонды Института свыше 60 научных отчетов.

Геологические исследования

Одним из важнейших методов изучения четвертичных отложений является климатостратиграфический, то есть каждая эпоха квартера (эоплейстоцен, плейстоцен, голоцен) характеризуется определенными изменениями геологической среды, климата и органического мира: этапы оледенений сменяют межледниковья, на смену одним группам органики приходят другие. Пытаясь наиболее точно воссоздать органический мир четвертичного периода, Б.Ж. Аубекеров тесно сотрудничает с археологами, палеонтологами, гляциологами.

Б.Ж. Аубекеровым проведено крупное обобщение по ледниковому периоду и дана оригинальная схема развития горного оледенения Казахстана, что позволяет подойти к прогнозированию процессов современного оледенения и обводнения предгорных районов. Кроме того, Б.Ж. Аубекеровым впервые для Центральной Азии была разработана схема четвертичного оледенения гор и история формирования криолитозон равнин Казахстана. Предложена новая схема развития оледенения горного региона. Как известно, на территории Казахстана в плейстоцене покровного оледенения не было, но формировалась криолитозона, имеющая свои специфические

особенности. Вопрос развития криолитозоны на территории Казахстана является чрезвычайно важным для понимания реакции природной среды зоны экстрагляциальной зоны на покровное оледенение, происходившее в плейстоцене в северных частях Евразии. Б.Ж. Аубекеровым была дана первая схема развития криолитозон четвертичного периода Казахстана и классификация криогенных структур, разработана методика полевого определения генезиса криогенных структур, описаны типовые примеры.

Геолого-геоморфологические работы проводились под руководством Б.Ж. Аубекерова в зоне важнейших народнохозяйственных объектов – каналов Иртыш-Караганда и Караганда-Джезказган [Аубекеров, Чалыхьян, 1974], при проектировании и выборе трассы железной дороги Балхаш–Саяк; районы развития лессов как важнейших источников строительных материалов, а также зон сельскохозяйственного освоения и городского строительства.

Общую картину формирования лессовых отложений Тянь-Шаня в нижнем неоплейстоцене Б.Ж. Аубекеров представлял следующим образом. На границе эоплейстоцена и плейстоцена под влиянием тектонических подвижек прекратилось поступление муссонных влажных масс на территорию современного Казахстана. В горах климат оставался достаточно мягким и теплым, поскольку начавшееся формироваться горное оледенение способствовало обеспечению влагой предгорные равнины. Однако на равнинных территориях происходили мощные процессы опустынивания, эрозии и выветривания. Акчагыльское море, существовавшее на месте современного

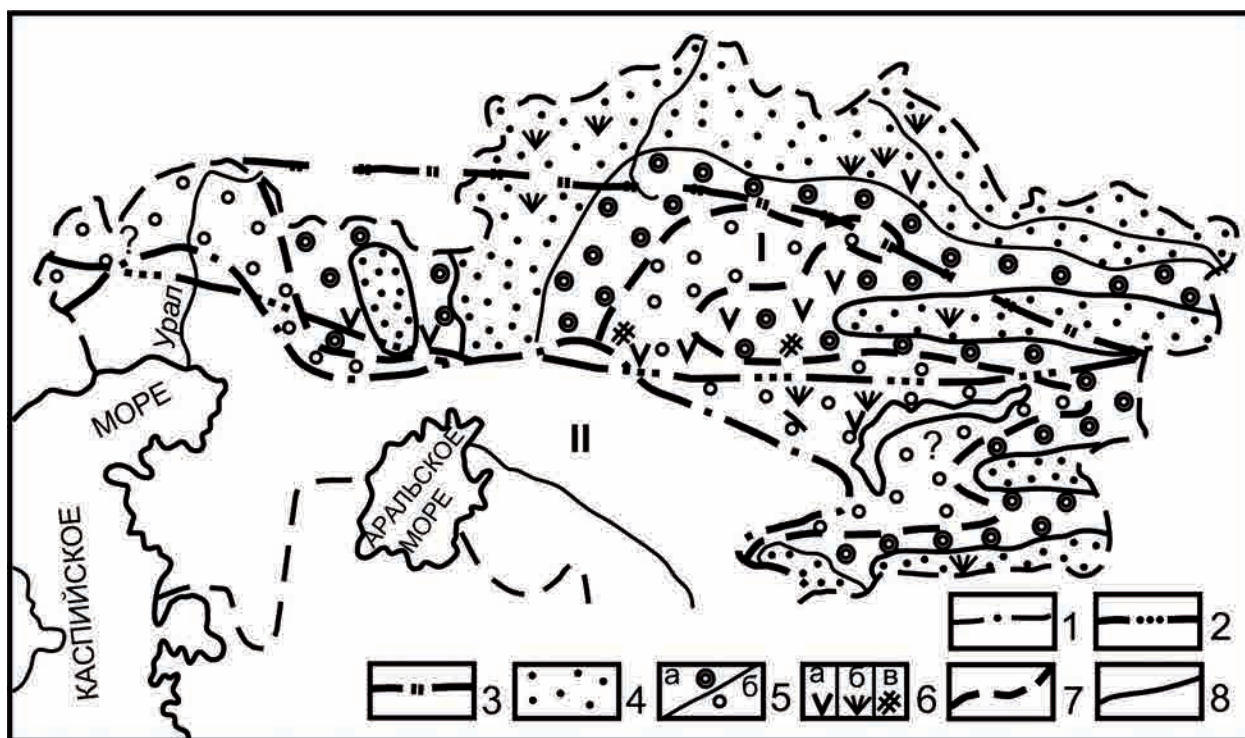

Рис. 2. Криолитозоны Казахстана среднего-позднего плейстоцена (по: [Аубекеров, 1990]):

I – Криолитозона, II – зона с относительно мало изменяющимися условиям (Туранская и Прикаспийская пустыни). I – предполагаемые границы: а – криолитозоны по Б.Ж. Аубекерову; б – граница вечной мерзлоты по Б.Ж. Аубекерову; в – по А.А. Величко;
2 – зона сплошной многолетней мерзлоты; 3 – зоны: а – прерывистой, б – островной мерзлоты;
4 – пункта, где обнаружены криогенные формы по данным:
а – Б.Ж. Аубекерова, б – Б.А. Федоровича, Н.К. Кригера, М.Е. Городецкой, А.А. Бобоедовой и др.;
предполагаемые границы распространения мерзлоты: 5 – прерывистой, 6 – сплошной

Каспия, регрессировало. Высыхали небольшие водоемы, старицы. Массы эродированных глинистых частиц поднимались в воздух, увлекая за собой пыльцу пустынно-степных ксерофитов. Эти пылевые массы встречали на своем пути горную преграду и оседали в предгорьях. В периоды глобального похолодания в криогигротическую фазу оледенения в предгорной зоне процессы лессонакопления несколько приостанавливались, и на лессовых толщах формировался выраженный почвенный слой, на котором развивалась богатая лугово-степная растительность. В криоксеротическую фазу почвообразование прекращалось и продолжалось накопление лессов, которые, однако, уже практически не содержали пылицы и органики.

Материалы, полученные при изучении лессовых отложений верхнего плейстоцена и голоцена Северного Тянь-Шаня, позволяют говорить о неоднократных климатических флюктуациях, существовавших во время накопления данных толщ. Для верхнего плейстоцена выделено 2 этапа изменения климата: холодный, климат времени оледенения и теплый – межледниковья, причем, вероятно в период оледенения климат менялся с холодного и сухого до холодного и влажного (криоксеротическая и криогигротическая фазы оледенения), также неоднороден был климат и в межледниковье – в термогигротическую фазу постгляциального времени происходило накопление горных лугово-степных черноземов достаточно большой мощности (до 1.5 м) с некоторыми перерывами. Голоценовый этап также характеризуется климатическими флюктуациями, которые носили менее значительный характер: так, отмечается некоторая оптимизация климата, вероятно связанная с атлантическим оптимумом голоцена, а также заметное снижение температуры и увеличение влажности в приповерхностных слоях почвы, вероятно, связанного с малым ледниковым периодом.

Во время экспедиционных работ Б.Ж. Аубекеров ставил комплексные задачи: описания разрезов, археологическая разведка, отбор образцов на различные виды анализов от микрофауны до геохимии, геоморфологические маршруты и описания, изучение палеонтологического материала, он привлекал новейшие методы исследований – палеомагнитные, датирование методом электронного парамагнитного резонанса (ЭПР датирование) и многие другие. Вокруг него всегда собиралась команда профессионалов: геологи – А.В. Лосева, А.И. Гуськова, Б.С. Цирельсон, В.Я. Кошкин, С.В. Перевозов, геоморфологи – Т.Н. Джуркашев, Н.М. Владимиров, А.С. Сарсеков, А.В. Вислогузова, Э.И. Нурмамбетов, Д.П. Позднышева, А.А. Словарь и др., палинологи – Л.Н. Чупина, Э.В. Челохьян, Ш.Ж. Жакупова, С.А. Нигматова, геофизики – М.С. Кунаев, палеонтологи – П.А. Тлеубердина, Г.Ф. Лычев, Л.А. Тюткова, А.К. Жамангара. Он дружил и активно сотрудничал со многими археологами и историками – А.Г. Медоевым, И.В. Ерофеевой, Ж.К. Таймагамбетовым, О.А. Артюховой, А.С. Ермолаевой, А.Е. Рогожинским, Е. Хорош, А.А. Горячевым, Р. Сала, Ж.-М. Деом и мн. др.

Под руководством Болата Аубекерова в 1986 г. были составлены стратиграфические схемы неогенового и четвертичного периодов. При стратиграфическом расчленении четвертичных отложений в качестве руководящих групп органики приведены и археологические данные, позволяющие выполнить относительное датирование. Эти стратиграфические схемы, где представлен наиболее полный материал (литология, мощность отложений, характерные группы органики, порядок залегания слоев и др.) по всем стратиграфическим уровням неоген-четвертичного времени, на долгие годы стал основой геологического картирования территории Казахстана.

На основе многолетних полевых работ, анализа многоплановых исследований Б.Ж. Аубекеровым были построены палеогеографические карты на разные эпохи квартера и неогена. Модели палеогеографических обстановок и палеоклиматов четвертичного и неогенового периодов обоснованы материалами по изменению флоры и фауны, были даны прогнозные оценки изменения климата и экологической обстановки.

Активное участие Б.Ж. Аубекеров принял в составлении Справочника по россыпному золоту Казахстана. Коллективом научных сотрудников под его руководством был составлен банк данных по россыпям благородных металлов (золота и платины) Казахстана, карта россыпей благородных металлов, местонахождения золотоносных кор выветривания, имеющих большие перспективы по добыче золота. Все это способствовало решению насущной задачи государства по увеличению запасов и добыче золота из наиболее доступных источников.

Итогом многолетних комплексных исследований четвертичных отложений Казахстана с применением всех доступных для того времени методов стала докторская диссертация, защищенная Б.Ж. Аубекеровым в 1990 г «Континентальные четвертичные отложения Казахстана (стратиграфия, палеогеография, корреляции)». В этой работе выполнено районирование территории Казахстана для четвертичного периода, рассмотрены вопросы стратиграфии континентальных отложений. Особое внимание уделено изучению аллювиальных отложений, климатическим феноменам квартера, проблемам палеолита Казахстана, выполнены палеогеографические реконструкции.

Свой вклад внес Б.Ж. Аубекеров и в составление трехтомного Национального Атласа Республики Казахстана [Национальный Атлас, 2010], который позже был удостоен Государственной премии РК. Им была разработана и подготовлена серия карт по неоген-четвертичной геологии Казахстана.

Занимаясь геологией четвертичного периода – самого молодого этапа геологической истории Земли, Б.Ж. Аубекеров часто обращался к археологическим данным как палеонтологическому обоснованию возраста этих отложений. Ведь именно с четвертичным временем связано становление и развитие человека и человеческого общества. Поэтому нередко четвертичный период (квартер) называют антропогеном.

Развитие идей геоархеологии Казахстана

Свою научную деятельность Б.Ж. Аубекеров начал в 1961 г. в Институте геологических наук им. К.И. Сатпаева под руководством одного из основоположников казахстанской четвертичной геологии и геоморфологии, доктора геолого-минералогических наук Георгия Цараевича Медоева. С именем Г.Ц. Медоева связано создание в 1970–1980-х годах в Казахстане нового научного направления – геоархеологии, предполагающего изучение исторических событий в контексте изменения природной среды. Это направление получило развитие в трудах выдающегося геоархеолога Алана Георгиевича Медоева.

В 1962 г. было начато строительство канала Иртыш–Караганда, крупнейшей водной артерии в Центральном Казахстане. Это чрезвычайно важное для народного хозяйства строительство потребовало серьезных научных изысканий. Геолого-геоморфологическое изучение зоны канала Иртыш–Караганда стало первой крупной самостоятельной работой молодого тогда геолога. К выполнению этой работы был привлечен коллектив ученых (геологов, палеонтологов, археологов) под руководством Б.Ж. Аубекерова. Предстояло изучить геологическое строение, геоморфологию, стратиграфию этого региона, состав грунтов, предусмотреть геологические и климатические риски.

Во время проведения работ были собраны и изучены большие коллекции каменных орудий труда из стоянок Кергетас, Кудайколь и других местонахождений Павлодарского Прииртышья. А.Г. Медоевым и геологами-четвертичниками была собрана огромная коллекция, насчитывающая более 250 000 артефактов [Медоев,

Рис. 3. Доктор геолого-минералогических наук Г.Ц. Медоев.
Фото из личного архива Б.Ж. Аубекерова

*Рис. 4. А.Г. Медоев, Б.Ж. Аубекеров, Н.М. Матвиенко.
Новосибирск, 1960-е гг. Фото из личного архива
Б.Ж. Аубекерова*

1964, 1968]. Эта коллекция была передана Б.Ж. Аубекеровым доктору исторических наук Ж.К. Таймагамбетову и хранится в фондах КазНУ им. аль-Фараби; кроме того, часть коллекции передана кандидату исторических наук, специалисту по палеолиту О.А. Артюховой в Институт археологии им. А.Х. Маргулана.

Итогом изучения зоны канала Иртыш–Караганда стала защищенная в 1972 г. кандидатская диссертация «Геология антропогена зоны сопряжения Павлодарского Прииртышья и северо-востока Сары-Арки» и монография Б.Ж. Аубекерова и Э.В. Чалыхьян «Кайнозой зоны канала Иртыш–Караганда» [Аубекеров, Чалыхьян, 1974].

Многолетняя дружба Алана Медоева и Болата Аубекерова и их совместная работа позволили подойти к изучению четвертичных отложений с позиции эволюции человека и человеческого общества на фоне изменяющихся геолого-климатических условий четвертичного периода и продолжить развитие геоархеологических исследований.

Благодаря знанию многих дисциплин, А.Г. Медоевым были сформулированы основные положения развития палеолитических культур Казахстана, опубликованные в статьях и монографиях [Медоев, 1982].

Продолжая развивать геоархеологическое направление, Б.Ж. Аубекеров разработал методику изучения геологии памятников палеолита, неолита и эпохи бронзы для аридных регионов Азии, обосновал новые схемы районирования и дал рекомендации по поискам и охране историко-культурных памятников разных эпох [Аубекеров, 1990, Аубекеров, Артюхова, 1990].

Б.Ж. Аубекеровым доказана принципиальная возможность датирования археологических объектов геологическими событиями и проведено определение возраста крупнейших объектов каменного века на всей территории Казахстана. Определен возраст древнейших памятников каменного века открытого наземного типа, наиболее древние из которых датированы возрастом более 1 млн. лет назад. Это служит отправным моментом для определения времени первоначального заселения Евразийского континента.

Геологический возраст культур каменного века открытого типа колеблется в следующих пределах:

- а – протолеваллуа-ашель и арыстанды-верхний плиоцен-нижняя половина раннего плейстоцена;
- б – ашель – часть нижнего и среднего плейстоцена;
- в – леваллуа-ашель I – середина и вторая половина среднего плейстоцена;

г – мустье и леваллуашель II – первая половина позднего плейстоцена;

д – поздний палеолит – вторая половина позднего плейстоцена, возможно ранний голоцен (Приаралье);

е – эпипалеолит – начало голоцена (возможно, конец послеледниковья).

Определение геологического возраста памятников каменного века Казахстана подтверждает в целом правильность периодизации культур каменного века, данную археологом А.Г. Медоевым.

Изучение геолого-геоморфологических особенностей стоянок показало, что:

а) – в аридных областях Сарыаркинского региона основная часть стоянок располагается на обширных шлейфах конусов выноса вокруг низгорий и мелкосопочника, где были благоприятные условия для обитания (сырье для индустрии и водные источники) и обширные богатые пастбища для диких животных (предмет охоты). Стабильные условия позволяли здесь устраивать долговременные стоянки. В долинах рек смежных районов охотничьи стоянки чаще всего говорят о связи культур каменного века с первой надпойменной террасой своего времени и более древние стоянки расположены на более древних террасах;

б) – в горных районах Тянь-Шань-Алтайского региона и периферии Мугалжар наблюдаются стоянки на террасах. Более древние стоянки чаще располагаются на более древних уровнях;

в) – стоянки на побережье Каспия (Мангышлак) имеют сложные взаимоотношения, что связано с колебаниями уровня моря и изменения берега. Но и здесь можно найти хорошую корреляцию с более древними береговыми культурами.

Огромное значение Б.Ж. Аубекеров придавал охране и сохранению памятников археологии. Продолжением геоархеологических исследований явились работы по международному ЮНЕСКО-казахстанско-норвежскому проекту в 2001–2005 гг. и подготовка материалов для включения в Список всемирного наследия ЮНЕСКО выдающегося памятника наскального искусства Казахстана – комплекса Тамгалы. В работах по подготовке номинации Тамгалы принимали участие сотрудники лаборатории Б.Ж. Аубекерова – Ш.А. Жакупова, С.А. Нигматова.

Интерес к этому уникальному памятнику и тревога о его сохранении объяснялись длительной историей геоархеологического изучения урочища Тамгалы. Еще в 1975 г. А.Г. Медоевым и Б.Ж. Аубекеровым впервые были проведены в Тамгалы геолого-геоморфологические исследования и составлена геоморфологическая карта урочища. Изучение Тамгалы проводилось Б.Ж. Аубекеровым и позже – в 1990–1994 гг., когда совместными экспедициями Института археологии им. А.Х. Маргулана (А.Е. Рогожинский) и Института геологических наук им. К.И. Сатпаева (Б.Ж. Аубекеров) при участии специалистов Института географии, Института ботаники НАН РК

Рис. 5. А. Медоев (слева) на палеолитической стоянке, оз. Карасор. 1960-е гг. Фото из личного архива Б.Ж. Аубекерова

Рис. 6. Б.Ж. Аубекеров в урочище Тамгалы, осень 2005 г.
Из личного архива Б.Ж. Аубекерова

Рис. 7. Тамгалы, 2002. Б.Ж. Аубекеров с группой реставраторов.
Ч. Грэн (Норвегия, справа), Е. Хорош, Л. Чарлина, К. Иманбекова,
Е. Фадеева. Фото А.Е. Рогожинского

зентативных местонахождений юга Казахстана проводились полевые работы по изучению, документированию и консервации объектов. Геоархеологические исследования выполнялись группой специалистов под руководством А.Е. Рогожинского, Б.Ж. Аубекерова при участии Ренато Сала, Жан-Марка Деом (International Scientific Project), С.А. Нигматовой (Институт ботаники и фито-

(Е.И. Рачковская, О.В. Марынич) предпринята попытка внедрения методики комплексного изучения археологического ландшафта Тамгалы.

В это время были составлены археолого-геоморфологическая, геологическая, неотектоническая и ряд других специальных карт урочища Тамгалы. Большое внимание при раскопках могильников и поселений уделялось изучению и документированию геоморфологии, стратиграфии памятников, анализу данных палинологии, палеонтологии, антропологии. Впервые в Казахстане для памятников одного археологического комплекса получена большая серия абсолютных дат (С14 и ЭПР), а также получены сведения по палеоклимату изучаемого района в интервале эпохи бронзы – позднего средневековья, которые в дальнейшем легли в основу периодизации и детализации голоцена аридной зоны.

С 2001 г. Б.Ж. Аубекеров активно включился в реализацию международного проекта ЮНЕСКО «Менеджмент, консервация и презентация петроглифов Тамгалы», в рамках которого им подготовлен ряд методических документов и разработок по сохранению и консервации петроглифов Тамгалы. В 2004 г. петроглифы археологического ландшафта Тамгалы включены в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

В рамках международного гранта INTAS «Процесс формирования кочевых обществ в Семиречье в бронзовом веке. Экология и археология. INTAS 97-2220» на указанном памятнике и ряде других репре-

интродукции МОН РК), Ю.Г. Евстифеева, К.М. Пачикина (Институт почвоведения МОН РК). На основе климатических кривых, построенных на данных палинологии, и сопоставлении с полученными при изучении Тамгалы абсолютными датировками, была составлена схема периодизации голоцена, что явилось важным шагом в относительной датировке исторических и геолого-климатических событий.

Схема Блитта- Сернандера, модернизированная Хотинским (1991)			Схема разработанная Б.Ж. Аубекеровым и С.А. Нигматовой (2009)		
периоды	Лет назад	Климат	периоды	Лет назад	Климат
Субатлантический (SA)	0 – 2100	Прохладный и влажный	Субатлантический SA - 3	800 – 170	Похолодание (малый ледниковый период)
			SA- 2	1500- 800	Потепление
			SA- 1	2500- 1500	Похолодание
Суббореальный (SB)	2100 – 5000	Теплый и сухой	Суббореальный SB - 3	3000-2500	Потепление
			SB - 2	3400-3000	Похолодание
			SB – 1	4500-3400	Потепление и аридизация
Атлантический (AT)	5000 – 8000	Теплый и влажный	Атлантический AT - 3	4500 – 5500	Относительно прохладно и влажно
			AT – 2	5500 - 7000	Тепло и влажно
			AT- 1	8000 - 7000	Тепло и влажно
Бореальный (BO)	8000 – 9500	Вначале прохладный и сухой, затем умеренно теплый	Бореальный (BO)	8000 – 9500	Умеренно теплый
Пребореальный (PB)	9500 – 10200		Пребореальный (PB)	9500 – 10200	Прохладный и сухой
Поздний дриас (DR - 3)	10200 – 11 000	Холодный	Поздний дриас (DR - 3)	10200 – 11 000	Холодный
Аллеред (AL)	От 11 000	Холодный	Аллеред (AL)	От 11 000	Холодный

Рис. 8. Схема корреляции голоцена, адаптированная для аридной зоны Евразии

Особое внимание Б.Ж. Аубекеров уделял геоархеологическим исследованиям в районах концентрации археологических и исторических памятников со сложной экологической обстановкой (Приаралье, Балхаш и др.).

В Приаральско-Каратауском регионе известны различные объекты от палеолита и до средневековья: Кердары/Кердери, расположенный на обсохшем дне Аральского моря, около бывшего острова Барсакельмес, а также многочисленные памятники знаменитого Отрарского оазиса, расположенного в Присырдарьинском районе и предгорьях Каратау (в том числе памятник Арпаозен), которые позволили реконструировать климат и ландшафты этого региона в суббореале и субатлантике голоцена.

После высыхания Аральского моря на его высохшем дне, где ранее глубина воды достигала не менее 8 м, было обнаружено средневековое городище с развитой инфраструктурой (поселение с хорошо различимыми постройками, многочисленными артефактами в виде керамики, ирригационными системами, угодья, некрополь, а также мавзолей, расположенный в 3 км западнее самого поселения Кердары).

Эти находки свидетельствуют, что колебания уровня Аральского моря происходили неоднократно в течение всего времени его существования.

*Рис. 9. Б.Ж. Аубекеров в Приаралье, район городища Кердары, 2006 г.
Фото из личного архива Б.Ж. Аубекерова*

Изучение разрезов шурфов, пройденных непосредственно на территории поселения, показывает, что оно лежит на мощном слое однородного, хорошо отсортированного морского песка, выше которого лежат слоистые песчаные и глинистые морские отложения. Над ними хорошо выделяется более темный горизонт, соответствующий времени, когда поверхность не была покрыта водой и сформировались почвы, подобные современным лугово-болотным почвам (культурный слой со средневековыми артефактами). Верхняя часть разреза сложена современными морскими отложениями с большим количеством ракушек, которые перекрывают почвенный культурный слой.

В период действия поселения восточная часть Аральского моря была обводнена. Анализ космического снимка Landsat показывает, что Сырдарья (или ее крупные протоки) впадала в Арал в широтном направлении и достигала изученного участка.

Одним из самых крупных и много лет изучаемых памятников средневековья является Отрарский оазис. В ходе выполнения международного проекта по Отрарскому оазису Б.Ж. Аубекеров и коллектив учёных под его руководством провели анализ основных компонентов природной среды области, которые включают: геоморфологическое строение, геологию, климат, гидрологию и гидрогеологию. Это позволило определить направления древних ирригационных каналов, было показано, что особенности неотектонического развития во многом определяет естественное направление русел рек и количество накопленных отложений; анализ климата позволяет рассчитать количество осадков и баланс ледников в горных регионах, водность рек, количество эоловых отложений; гидрология дала информацию о режиме поверхностных вод; гидрогеология – позволила анализировать положение уровня грунтовых вод, существенно влияющих на водность каналов.

В качестве объектов изучения были выбраны несколько крупных разрезов на территории городища Отрар, были изучены разрезы и проведены аналитические работы на главных каналах, а также на полях (использовавшихся в земледелии). Полученные результаты показали, что климатические условия того времени были близки к современным, однако, в ряде случаев были установлены новые данные по изменению растительности, климата, ландшафтам, смене сельхозкультур.

Проведенная в ходе работ реконструкция исторического развития оазиса Отрар и корреляция с существовавшими экологическими условиями показывает несколько этапов расцвета и угасания оазиса в течение 2000 лет.

Геоморфологические и палеоклиматические работы выполнялись Б.Ж. Аубекеровым в составе международной исследовательской группы и по городищу Чирик-Рабат, по металлургическим комплексам Талдысая, по поселениям в бассейне реки Коксу, бассейна реки Талас и многих других археологических памятников.

Еще в 2004–2006 гг. в рамках комплексного геоархеологического международного (Казахстанско-китайско-американско-японское) изучения Балхашского региона позволило уже на первом этапе получить новые интересные материалы.

Озеро Балхаш, отделяя сугубо кочевые районы Казахского мелкосопочника от предгорных (маргинальных) регионов, занимает особое место в истории кочевых культур. [Аубекеров, 2009; Aubekegov, 2010, 2012].

Река Или/Иле, которая начинается в Китае и составляет 80% стока озера Балхаш, существенно влияет на положение уровня воды в озере, при этом возникает вопрос о естественных тенденциях изменения обводненности и роли антропогенного фактора, влияющего на колебания уровня воды в озере Балхаш. В связи с этим, участие исследовательской группы под руководством Б.Ж. Аубекерова в международном исследовании оз. Балхаш совместно со специалистами Америки, Китая, Японии, дало возможность найти ответы на поставленные вопросы, показав неоднократное изменение уровня воды в озере в течение голоцена.

Масштабность и целостность понимания Б.Ж. Аубекеровым исторических и природных процессов ярко проявилась при многолетнем сотрудничестве с Ириной Викторовной Ерофеевой в изучении культуры кочевников Казахстана.

Научное сотрудничество и личная дружба И.В. Ерофеевой и Б.Ж. Аубекерова оказались очень продуктивными: за относительно короткое время ими были организованы и проведены широкомасштабные комплексные работы в Жетысу/Семиречье, Северном Прибалхашье, Восточном Казахстане. Опубликова-

Рис. 10. Полевые работы на оз. Балхаш по изучению донных отложений. Совместная казахстанско-японская экспедиция. На фото слева профессор К. Эндо, Р. Сала, Б.Ж. Аубекеров. Фото из личного архива Б.Ж. Аубекерова

ны научные статьи в сборниках конференций «Масановские чтения», а также две коллективные монографии, практически сразу же ставшие библиографической редкостью – «Аныракайский треугольник: историко-географический ареал и хроника великого сражения» [Ерофеева и др., 2008] и «Историко-культурный атлас казахского народа» [2011].

За время работы с археологами Болат Жагфарович сформировал основы методики геоархеологических исследований, включающих следующие направления:

Геоморфологические исследования – позволяют получить сведения об особенностях рельефа, размещении археологических объектов и их связи с рельефом, изменения планиграфии памятников, выявлении древних ирригационных систем и последовательности их создания и др. Геологические и геоморфологические исследования в некоторых случаях позволяют прогнозировать поиски ископаемых памятников и сокращать расходы.

Геофизические исследования – магниторазведка, позволяет при разведке или начале раскопочного этапа выявить контуры и глубину залегания объектов, получить их качественную характеристику, получить сведения о плане памятников, располагающихся на разной глубине, и в итоге существенно сократить расходы.

Палеонтологические исследования – палеозоологические, палеокарпологические. Дают возможность получить сведения по составу животного и растительного мира прошлого.

Гидрогеологические – необходимы на стадии первоначального изучения и стадии постановки охраны и туристического посещения и понимания условий существования водных источников при изменении климата.

Ландшафтные, геоботанические, почвенные исследования – позволяют получить материалы по биопродуктивности района, почвенных и др. особенностях строения. Данные исследования имеют первостепенное значение на стадии обобщения материалов по археологическим комплексам, постановки его охраны, экологических рекомендаций, при обосновании специализации охраняемых объектов – археологический памятник или ландшафтно-историко-культурный и т. д. Дают возможность говорить о лекарственных и кормовых растениях и в предположительной форме об их использовании в прошлом для культовых и лечебных целей.

Получение абсолютных дат. Дает возможность датировать отложения с культурными слоями и артефактами.

Выполнение всех видов указанных работ позволяет получить наиболее полное представление о природно-геологических условиях времени существования археологических объектов.

Заключение

В своей автобиографии Б.Ж. Аубекеров просто указывал скупые даты, не раскрывая ту огромную работу, которая велась им лично и под его руководством. Болат Жагфарович был человеком очень скромным, он никогда не подчеркивал свои достижения, как бы не придавая им особого значения, поэтому описание его личного вклада в казахстанскую геологию четвертичного периода и археологию приводятся в статье по литературным данным и личным воспоминаниям. Начав писать эту статью, я столкнулась с огромным количеством его статей, черновых набросков. Он оставил более 50 полевых дневников, отчетов, десятки карт и схем, которые нигде не были опубликованы. Большое видится на расстоянии. Чем больше времени проходит с момента его ухода в августе 2012 г., тем ярче и четче проступает его образ, масштабность его мышления. К сожалению, в одной статье невозможно сделать обзор всех научных изысканий Б.Ж. Аубекерова. Он был чрезвычайно одаренным и разносторонним человеком, увлекался спортом, был мастером спорта по фехтованию, любил музыку, хорошо знал и любил казахстанские просторы, бесконечно восхищался красотой природы, знал геологические, климатические особенности каждого региона, характерных представителей фауны и флоры. Выезжая на полевые работы, Болат Жагфарович ставил

перед собой и сотрудниками большой комплекс задач – это изучение геологии, геоморфологии, растительности, климата, изучение археологических памятников региона; в его отрядах часто бывали специалисты разного профиля. Именно поэтому даже от кратковременных полевых выездов была большая научная отдача.

Коллеги восхищались его эрудицией, жизнелюбием и мудростью. Но мало кто задумывался о той титанической работе по изучению всех аспектов геологии четвертичного периода, которая проводилась им даже в самые сложные «перестроечные» времена, когда распадались целые научные институты, научные школы. Он умел объединять вокруг себя разных людей, вдохновлять их видением новых горизонтов, ставить перед каждым особые задачи, поиск правильного решения которых неизбежно приводил к укреплению научного сотрудничества, к формированию качественно нового научного знания, а вместе с тем – к пониманию важности в личной судьбе роли такого выдающегося ученого и жизнерадостного человека, каким остается в нашей памяти Болат Жагфарович Аубекеров.

ЛИТЕРАТУРА

- Аубекеров Б.Ж.* Геологический возраст основных палеолитических памятников Казахстана // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки (доклады междунар. симпозиума) Новосибирск: Ин-т истории: Ин-т теплофизики СО АН СССР, 1990. С. 45-46.
- Аубекеров Б.Ж., Артюхова О.А.* Общие аспекты изучения палеолита Казахстана // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки (доклады междунар. симпозиума)/ Новосибирск: Ин-т истории: Ин-т теплофизики СО АН СССР, 1990. С. 48-50.
- Аубекеров Б.Ж., Нигматова С.А.* Изменение климата и ландшафтов, основные этапы эволюции человеческого общества от древнейших гоминид до кочевников на территории Казахстана // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации: м-лы Междунар. науч. конф. (г. Алматы, дата 21–23 ноября 2007 г.) / редколлегия И.В. Ерофеева, А.М. Хазанов, Л. Е. Масанова. Алматы: Дайк-пресс, 2007. С. 134-152.
- Аубекеров Б.Ж., Нигматова С.А.* Геоморфологическое строение и природные ландшафты Казахстана // Историко-культурный Атлас Казахского народа / отв. ред. И.В. Ерофеева. Алматы: S-Print, 2011. С. 6-21.
- Аубекеров Б.Ж., Нигматова С.А., Курманкулов Ж., Ермолаева А., Сатпаева М.К., Кузнецова Л., Перевозов С.В.* Природные условия археологического объекта Талдысай и материалы металлургического комплекса эпохи бронзового века // Проблемы экологической геоморфологии: м-лы 4 междунар. науч.-практ. конф. «Жандаевские чтения» (г. Алматы, 17-19 апреля 2007 г.). Алматы: «Қазақ университеті», 2007. С. 57-60.
- Аубекеров Б.Ж., Нигматова С.А., Рогожинский А.Е.* Геоморфология и геологическое строение района историко-культурного памятника Тамгалы // Актуальные проблемы геосистем аридных территорий: м-лы 2 междунар. науч.-практ. конф. «Жандаевские чтения» (г. Алматы, 20-22 мая 2003). Алматы: «Қазақ университеті», 2003. С. 289-294.
- Аубекеров Б.Ж., Нигматова С.А., Сала Р., Деом Ж.-М., Ерофеева И.В.* Геоархеологическое изучение озера Балхаш как географического центра культур Казахстана // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана / Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: сб. мат-лов Межд. научн. конф. (г. Алматы, 23–24 апреля) Алматы: S-Print, 2010. С. 37-45.
- Аубекеров Б.Ж., Нигматова С.А., Сала Р., Деом Ж.-М.* Климат, ландшафты и исторические события эпохи кочевников на территории Казахстана (зарождение, расцвет и затухание кочевничества) // Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: сб. м-лов науч.-практ. конф. (г. Алматы, 25–26 апреля, 2008 г.). Алматы: Дайк-Пресс, 2008. С. 48-58.
- Аубекеров Б.Ж., Чалыхьян Э.В.* Кайнозой зоны канала Иртыш-Караганда. Алма-Ата: Наука КазССР, 1974. 105 с.
- Байпаков К.М., Аубекеров Б.Ж., Пачикин К., Таксеитова Г., Воякин Д., Нигматова С.А., Кузнецова Л.Л.* Ландшафтные условия и природная среда времени существования поселения Кердары (Аральское море) // Проблемы экологической геоморфологии: м-лы 4 междунар. науч.-практ. конф. «Жандаевские чтения» (г. Алматы, 17–19 апреля 2007 г.). Алматы: «Қазақ университеті», 2007. С. 64-67.

Джуркашев Т.Н. Балхаш-Алакольская впадина. Алма-Ата: Наука, 1965. С. 15-105.

Ерофеева И.В., Аубекеров Б.Ж., Рогожинский А.Е. Аныракайский треугольник: историко-географический ареал и хроника великого сражения/ М-во культуры и информации Респ. Казахстан, Казахский научно-исслед. ин-т по проблемам культурного наследия кочевников. Алматы : Дайк-пресс, 2008. 271 с.

Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1982. 64 с.

Медоев А.Г. Каменный век Сары-Арка в свете новейших исследований // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1964. Вып. 6. С. 55-66.

Медоев А.Г. Стоянка-мастерская у о. Кудайколь // Новое в археологии Казахстана / отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука КазССР, 1968. С. 128-134.

Национальный атлас Республики Казахстан. Природные условия и ресурсы / гл. ред. А.Р. Медеу. Алматы: Национальный научно-технологический холдинг «Парасат»; Ин-т географии, 2010. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1. 117 карт.

Черноусов С.Я. Закономерности голоценового осадконакопления в озере Балхаш: автореф. дис. ... канд. геол.-мин. наук. Алматы, 1982. 23 с.

Aubekero B.Zh., Nigmatova S.A., Voyakin D. Ecological Change in the Balkhash Region during the Last Two Millennia // Toward a Sustainable Society in Central Asia: An Historical Perspective on the Future. Proceedings of the International workshop (Almaty, Kazakhstan 9–10 January 2012). Kyoto: Kazakh Economic University; Kazakhstan Japan Center for Human Resources Development; Ili Project, Research Institute for Humanity and Nature, Japan, 2012. P. 27-35.

Aubekero B.Zh., Nigmatova S.A., Sala R., Endo K., Haraguchi T. Lake Level Change and Environmental Evolution during the Last 8000 Years Mainly based on Balkhash Lake Cores in Kazakhstan, Central Eurasia // Toward a Sustainable Society in Central Asia: An Historical Perspective on the Future. Proceedings of the International workshop (Almaty, Kazakhstan 9–10 January 2012). Kyoto: Kazakh Economic University; Kazakhstan Japan Center for Human Resources Development; Ili Project, Research Institute for Humanity and Nature, Japan, 2012. P. 35-49.

Aubekero B.Zh., Nigmatova S.A., Sala R., Deom J.-M. Prehistorical and Historical Stages of development of Lake Balkhash // Reconceptualizing Cultural and Environmental Change in Central Asia: An Historical Perspective on the Future. Proceedings of the International Workshop (Kyoto, Japan 1–2 February 2009). Kyoto: Research Institute for Humanity and Nature, Ili Project, 2010. P. 49-76.

Aubekero B.Zh., Nigmatova S.A., Sala R., Deom J.-M., Endo K., Haraguchi T. Complex Analysis of the Development of Lake Balkhash During The Last 2000 Years // Reconceptualizing Cultural and Environmental Change in Central Asia: An Historical Perspective on the Future. Proceedings of the International Workshop (Kyoto, Japan 1–2 February 2009). Kyoto: Research Institute for Humanity and Nature, Ili Project, 2010. P. 77-104.

Aubekero B.Zh., Nigmatova S.A., Sala R., Deom J.-M. Quaternary Evolution of the Human Habitats in the Ili-Balkhash Region from Paleolithic to Modern Times // Toward a Sustainable Society in Central Asia: An Historical Perspective on the Future. Proceedings of the International workshop (Almaty, Kazakhstan 9–10 January 2012). Kyoto: Kazakh Economic University; Kazakhstan Japan Center for Human Resources Development; Ili Project, Research Institute for Humanity and Nature, Japan, 2012. P. 49-59.

**А.А. БИСЕМБАЕВ,
Г.А. АХАТОВ**

**Бисембаев Арман Ауганович
Ахатов Газиз Аманжолович**
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан;
abissembaev@mail.ru; g_akhatov@mail.ru

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ПРИАРАЛЬСКО-МУГАЛЖАРСКОГО РЕГИОНА в ПЕРИОД СУВЕРЕНИТЕТА (1991–2021 гг.)

Аннотация. Исследование древнего периода истории Казахстана связано с процессами, имеющими общий характер для населения всего евразийского пространства, особенно для значительного по территории «Великого пояса степей». К числу регионов, обладающих яркими и своеобразными памятниками раннего железного века, относится Актыбинская область. На территории региона можно проследить четыре периода изучения археологических памятников ранних кочевников – дореволюционный, советский 1920–1950 гг., советский 1960–1980 гг. и суверенитета. Также прослеживаются природно-географические локальные микрорайоны – Илекский, Темиро-Эмбенский, Уило-Кобдинский и Ор-Иргизский. Наличие и многообразие памятников ранних кочевников, исходя из накопленных к 2012 г. материалов, позволяет наметить перспективные пути дальнейших исследований.

Ключевые слова: Актыбинская область, сарматы, история изучения, элитные памятники ранних кочевников

**Бисембаев Арман Ауганұлы,
Ахатов Ғазиз Аманжолұлы,**
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан;
abissembaev@mail.ru; g_akhatov@mail.ru

АРАЛ–МУҒАЛЖАР АЙМАҒЫНЫҢ ЕРТЕ КӨШПЕНДІЛЕР ЕСКЕРТКІШТЕРІН ТӘУЕЛСІЗДІК КЕЗЕҢІНДЕ ЗЕРТТЕУ ТАРИХЫ (1991–2021 жж.)

Аннотация. Қазақстанның ежелгі кезең тарихын зерттеу барлық Еуразия кеңістігінің халқы үшін, әсіресе территориясы бойынша ауқымды «Ұлы дала белдеуі» үшін жалпы сипаты бар үрдістермен байланысты. Көрнекті және ерекше ерте темір дәуірі ескерткіштері бар аймақтар қатарына Ақтөбе облысы да жатады. Облыс территориясында ерте көшпенділердің археологиялық ескерткіштерін зерттеудің төрт кезеңін көруге болады – төңкеріске дейінгі, кеңестік 1920–1950-ші жылдар, кеңестік 1960–1980-ші жылдар және тәуелсіздік кезеңі. Сонымен қатар Ілек, Темір-Ембі, Ойыл-Қобда және Ор-Ырғыз табиғи-географиялық аймақтық шағын аудандары бақыланады. Ерте көшпенділер ескерткіштерінің бар болуы және алуан түрлілігі 2021 ж. дейін жинақталған материалдардан алдағы зерттеулердің болашақ жолын белгілеуге мүмкіндік берді.

Түйін сөздер: Ақтөбе облысы, сарматтар, зерттеу тарихы, ерте көшпенділердің элиталық ескерткіштері

Arman Bisembaev
Gaziz Akhatov

A.Kh. Margulan Archaeology Institute,
Almaty, Kazakhstan:
abissembaev@mail.ru; g_akhatov@mail.ru

**THE HISTORY of the STUDY of MONUMENTS of the EARLY NOMADS
of the MUGALZHAR and the ARAL SEA REGION
DURING the PERIOD of SOVEREIGNTY (1991–2021)**

Abstract. The study of the ancient period of the history of Kazakhstan is associated with general processes, which are characteristic to the population of the entire Eurasian space, especially to the significant territory of the “Great Belt of the Steppes”. The Aktobe region is one of the regions with bright and distinctive monuments of the early Iron Age. On the territory of the region, you can trace four periods of study of archaeological sites of early nomads – pre-revolutionary, Soviet 1920–1950s, Soviet 1960–1980s, and sovereignty. Natural-geographical local micro-districts are also traced – Ileksky, Temiro-Embensky, Uilo-Kobdinsky, and Or-Irgizsky. The presence and variety of monuments of early nomads based on the materials accumulated by 2012 allow us to outline promising ways for further research.

Key words: Aktobe region, Sarmatians, history of study, elite monuments of early nomads

Три десятилетия с момента обретения Независимости нашей страны и образования Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, ранее входившего в систему НИИ Национальной академии наук РК, позволяют подводить итоги исследований не только по различным хронологическим этапам в развитии археологии нашей страны, но и по определенным регионам, где эти исследования за прошедший период носили, практически, непрерывный характер, несмотря на разную экономическую ситуацию.

Исследование древнего периода истории Казахстана связано с процессами, имеющими общий характер для населения всего евразийского пространства, особенно для значительного по территории «Великого пояса степей». Определяющим, важнейшим фактором стало сложение кочевой цивилизации в раннем железном веке, самыми яркими представителями которой в середине I тыс. до н.э. стали скифы, саки и сарматы. Изучение археологических объектов на территории Причерноморья насчитывает двухсотлетнюю историю. Дальнейшие исследования на территории Сибири, Алтая, Казахстана, Южного Урала показали существование культурно и хронологически близких, и в то же время своеобразных памятников на этих территориях.

К числу регионов, обладающих яркими и своеобразными памятниками раннего железного века, относится Актюбинская область как значительная часть более крупного региона – Западного Казахстана, с широтной протяженностью порядка 800 км, и представленная несколькими природно-географическими зонами – лесостепью, степью, пустыней и полупустыней. Наличие этих зон, состояние гидросети, температурного режима, богатство флоры и фауны, все в комплексе определяет комфортность экологической ниши для человеческих коллективов, и в конечном итоге оказывает влияние на количество, характер и размещение памятников археологии различных эпох. Памятники кочевников раннего железного века в количественном отношении преобладают над объектами других эпох. Причем, на памятниках этой обширной эпохи можно проследить аспекты природного, демографического, военно-политического характера.

Специфика ведения кочевого хозяйства, выраженная в отсутствии необходимости каждодневного труда всего мужского населения, значительный прирост численности, вкупе с высокой подвижностью, создавали все условия для участия номадов Западного Казахстана во внешнеполитических процессах, что нашло отражение в сведениях античных и восточных авторов. Таким образом, формируется блок письменных источников по истории кочевого населения региона,

однако расплывчатый, субъективный, во многом неконкретный и, соответственно, позволяющий трактовать сведения в различных ракурсах. Пожалуй, этим можно объяснить наличие большого количества вариантов размещения кочевых групп, упоминаемых в источниках, на тех или иных территориях.

Так, например, весьма малочисленны и рассеяны по значительной площади объекты, относящиеся к первым векам I тыс. до н.э., отражающие переход от эпохи бронзы к железу, происходивший на фоне резких климатических изменений. Численно выраженные и милитаризованные памятники относятся к середине тысячелетия, сочетающие в себе южно-приаральские черты, миграционного характера, относятся к IV–III вв. до н.э., отражая натиск эллинского мира при Александре Македонском и последующую эпоху «войн диадохов». Появление новых, в обрядовом отношении памятников в конце тысячелетия связано с миграционными процессами, возникшими в глубине Центральной Азии, и отразившимися на памятниках, значительно удаленных от центра миграционного толчка – современной Монголии и северного Китая.

Актюбинская область, ооконтуренная с севера крупной магистральной рекой – Уралом и рассеченная с юга на север самым крупным левобережным притоком Илеком, в раннем железном веке представляла собой густозаселенный район кочевых объединений. Обширная территория между Прикаспийской низменностью на западе, Туранской на юго-востоке, Устюртом на юге и долиной р. Урал с севера на юг имеет весь набор географических зон, указанных выше. Зона пустыни в виде песков Больших и Малых Барсуков, наблюдается в Северном Приаралье. Небольшая по площади, без четко выраженной южной границы, вдающаяся в степь отдельными островками, северную часть рассматриваемого региона занимает лесостепь. Реликтовое урочище со сосредоточением лесных колков – Уркач (Оркаш) уходит глубоко в степь, в районе стыка Илека, Эмбы и Ори [Чибилев, 1987, с. 86–103].

К Актюбинской области в географическом аспекте применимо понятие «Приаральско-Мугалжарский регион», с разветвленной гидросетью, горной системой Мугалжар, реликтовыми песками Оркаш, Баркын, массивами Больших и Малых Барсуков, Нуринскими разливами. Богатство и вариативность географических ниш предполагает широкий диапазон памятников, что подтверждается как существующими, обнаруженными и исследованными, так и малоизученными, информация о которых поступает со случайными находками и сборами. Отчетливо прослеживается деление на четыре географических микрорайона с привязкой к гидросети – основному аспекту жизнеобеспечения во все периоды человеческой истории. Речные направления так же являлись факторами разграничения кочевий, в какой-то мере ооконтуривая границы этнических и политических объединений.

Магистральная река Северного Приаралья (Актюбинской области) – Илек со своими притоками проходит в северном направлении, постепенно смещаясь к западу, к месту впадения в Урал. Бассейн Илека с притоками является первым микрорайоном.

Второй микрорайон – Уило-Кобдинский, западный, охватывающий два административных района Актюбинской области, Кобдинский и Уилский, и северную часть Байганинского района. Река Большая Кобда течет в меридиональном направлении, Уил по большей части в широтном, но в целом они представляют собой единый географический комплекс, что подтверждается данными этнографии.

Третий микрорайон, Темирско-Эмбенский, находится в центральной части Актюбинской области, в ее южной половине. Трудности создает присутствие контрактных территорий нефтедобывающих компаний. Территория богата памятниками различных эпох, охватывает площади Мугалжарского, Темирского и северную часть Шалкарского районов. Микрорайон пересекают горы Мугалжары, тянущиеся с севера на юг. Это продолжение Уральских гор в современной географической традиции обозначается как условная граница Европы и Азии. Хотя сами по себе

горы не являются труднопреодолимым препятствием, как на памятниках, так и на природных аспектах прослеживаются определенные различия в восточной и западной частях микрорайона. Указанный момент может обусловить выделение в группе исследуемых памятников локальных вариантов.

Четвертый микрорайон обозначен как Орь-Иргизский и охватывает юго-восточную часть Актюбинской области, проходя по территории современных Иргизского, Хромтауского и Айтекебийского районов. Микрорайон характеризуется, как и Уило-Кобдинский переходом от степи к полупустыне, но и представляет собой Восточные Мугалжары, с выходом на Нуринские разливы [Ахатов, Бисембаев, 2015, с. 503–505].

Присутствующие природно-географические черты рассматриваемого региона оказывали важнейшее влияние на особенности и количественный состав памятников ранних кочевников. Оформление природно-климатических данных в тех чертах, что мы наблюдаем сегодня, отразилось на хозяйственных занятиях населения, выразилось в формировании пастбищно-кочевой системы [Акишев, 1972, с. 31] – основы экономики кочевых обществ.

Наиболее многочисленные памятники раннего железного века приурочены к Илекскому бассейну, что объяснимо с позиций природно-географического характера. Илек – магистральный, левобережный приток Урала, несущий свои воды по меридиану и, таким образом, максимально комфортен для кочевания с севера на юг вдоль его берегов. Он полноводен и сам имеет богатые притоки, способные обеспечить жизнедеятельность больших скотоводческих коллективов.

Определенные итоги исследования памятников ранних кочевников по Актюбинской области подводились несколько лет назад [Дуйсенгали и др., 2017, с. 38–43]. Изучение памятников скифо-сакской эпохи в Актюбинской области достигло определенных результатов, позволяющих подвести некоторые итоги и наметить перспективные направления дальнейших исследований. Начиная с первых работ в регионе по нынешние дни, процесс изучения археологического наследия можно условно разделить на четыре этапа. Каждому, из которых свойственны свои достижения, недостатки, гипотезы и идеи, получавшие как признание, так и неприятие исследователей. Три предшествующих суверенитету – дореволюционный, начальный советский и развитый, ранее рассматривались авторами [Бисембаев, 2008, с. 155–168; Бисембаев и др., 2008, с. 291–293; 2011, с. 64–68]. Вкратце их можно описать следующим образом.

На первом этапе исследования дореволюционного периода, связанные с работами отдельных энтузиастов, работавших как индивидуально, так и объединенных в научные сообщества в виде Оренбургской ученой архивной комиссии или Туркестанского кружка любителей археологии. Так или иначе, многим из них – М.С. Бабаджанову, А.Н. Харузину, А.Л. Аниховскому, И.А. Кастанье, А.В. Попову, М.Л. Юдину удалось не только проводить полевые изыскания, но и делать теоретические обобщения и выводы [Аниховский, 1905; Кастанье, 1910; Юдин, 1898]. На этом этапе исследования носили ознакомительный характер, качество полевой документации и публикации исследованных комплексов оставляет желать лучшего, но для того времени это было достижением.

Ко второму этапу можно отнести работы 1920–1950-х гг. Это время характеризуется разрушением старых научных традиций, началом нарастания идеологического прессинга. Экспедиции, инициированные центральными научными организациями, выполняли локальные, отдельные задачи, без какой-либо единой программы или концепции. Ряд памятников на правобережье Урала, в Западно-Казахстанской области исследованы под руководством П.С. Рыков, отдельные могильники по среднему течению Урала были изучены М.П. Грязновым, О.В. Кривцовой-Граковой. Именно Б.Н. Граковым в 1930 г. были обозначены перспективы археологического изучения регионов Казахстана [Граков, 1930, с. 59–76]. В 1947 г. вышла знаковая статья этого исследователя «Пережитки матриархата у сарматов», на многие годы определившая направления в археологических

исследованиях, предложенной автором концепцией периодизации и культурных трансформаций кочевников раннего железного века [Граков, 1947].

В третий этап археологических исследований можно выделить исследования 1960–1980-х гг. В какой-то мере, можно обозначить этот период как расцвет советской археологии. Предпосылками данного явления стали следующие аспекты – широкомасштабные экспедиции, проходившие по хоздоговорным исследованиям, связанным с освоением обширных территорий Советского Союза, а также приток рабочей силы и будущих научных кадров из исторических факультетов педагогических институтов и университетов страны. Закрепление археологической практики в учебных планах высших учебных заведений, выделение средств на экспедиции, привело к тому, что в каждом областном центре стали функционировать свои экспедиции, приписанные к вузу. К этому следует прибавить существовавшие со своими традициями экспедиции областных музеев. Лидирующие позиции были у академических, столичных экспедиций, формировавшихся по региональному характеру исследований, из которых старейшей является, созданная А.Х. Маргуланом – Центрально-Казахстанская археолого-этнографическая экспедиция.

В Западном Казахстане крепкие исследовательские традиции, по сути, научная школа, начали складываться на базе Уральского педагогического института им. А.С. Пушкина (УПИ), второго по возрасту вуза Республики Казахстан. Первые работы этой экспедиции под руководством Г.И. Багрикова проходили на крупнейшем, в количественном отношении комплексе курганных могильников Лебедевка и дали неординарные результаты, отраженные в литературе [Багриков, Сенигова, 1968, с. 71–90].

Активизация в археологическом изучении края с 1968 по 1992 гг. связана с именем Г.А. Кушаева, начинавшего работу в послевоенные годы в Семиречье вместе с К.А. Акишевым [Акишев, Кушаев, 1963]. С именем и жизнедеятельностью этого ученого целиком связан третий этап в изучении скифо-сакской культуры – 1960–1980 гг. Для данного этапа характерно формирование группы энтузиастов, последователи и ученики которых, работают в настоящее время в Урало-Поволжье и Западном Казахстане. В результате их активной работы впервые открытия и находки начинают активно вводиться в научный оборот, проводятся конференции, появляются серьезные публикации. Общественность получает информацию научно-популярного характера о раннем железном веке, начинают создаваться музейные экспедиции в области и регионе. Археологическая экспедиция УПИ, регулярно работавшая во второй половине XX в., исследовала большое количество памятников Западно-Казахстанской области, длительное время проводились раскопки и разведки совместно со специалистами Института археологии АН СССР, возглавляемых известным исследователем сарматских древностей М.Г. Мошковой. Благодаря объединению усилий Г.А. Кушаева, М.Г. Мошковой, Б.Ф. Железчикова, были достигнуты значительные успехи, связанные во-первых, со сплошным обследованием значительных площадей области, и во-вторых, с раскопками таких «эталонных» на сегодняшний день памятников, как погребения из комплекса могильников Лебедевка, группы памятников в окрестностях озера Шалкар, в бассейне Большого и Малого Узеней и др. [Кушаев, 1993].

На территории Актюбинской области археологические работы в 1950–1970 гг. носили эпизодический характер, но, так или иначе, имеют отражение в научной литературе. В.С. Сорокин обобщил свои исследования нескольких лет в работе, посвященной Тастыбуту [Сорокин, 1962]. По Эмбе прошел маршрут экспедиции Е.Е. Кузьминой. Вышедшая в 1960 г. Археологическая карта Казахстана, зарегистрировала 245 археологических объектов, информация о которых появлялась раньше. На основании памятников Илекского бассейна основоположником сарматской археологии К.Ф. Смирновым были на тот момент заложены перспективы исследований [Смирнов, 1964; 1975].

В 1973 г. начались археологические работы на памятниках ранних кочевников Актюбинской области, носившие планомерный характер, направленный на выяснение специфики и особенностей

кочевнической культуры региона. Это было связано с исследованиями Каратауского отряда Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции, возглавляемого известным казахстанским археологом М.К. Кадырбаевым. За период с 1973 по 1976 гг. совместной экспедицией Актюбинского областного музея, созданной краеведом-энтузиастом В.В. Родионовым, и Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР раскопаны в окрестностях пос. Хлебодаровка могильники Сынтас, Бесоба, Жалгызоба, Кумиссай, Нагорненский, относящиеся к периоду VI–IV вв. до н.э. Полностью исследован грунтовый могильник Песчаный карьер на окраине г. Актобе, тасмолинские памятники – курганы с «усами» на р. Усуп в Новороссийском районе (ныне Хромтауском районе) [Родионов, 1996, с. 16–20; Китов, Мамедов, 2014, с. 13–14].

Эти комплексы были введены в научный оборот в специализированной литературе [Кадырбаев, Курманкулов, 1977, с. 204–212; 1978, с. 65–69], а как наиболее характерные памятники региона, были описаны в первом томе пятитомника «История Казахской ССР» (1977 г.), подводившем определенные итоги исследований советского периода. Концептуальные схемы, этно-культурные идентификации и датировки в отношении памятников Западного Казахстана надолго закрепились в научной среде благодаря этому изданию.

В 1981 г. в г. Актюбинск, в Областной историко-краеведческий музей, после окончания исторического факультета Уральского педагогического института им. А.С. Пушкина вернулся С.Ю. Гуцалов. С 1985 г. начал работать на открывшемся историко-филологическом факультете Актюбинского педагогического института (АПИ), где была создана самостоятельная экспедиция, успешно работавшая до 1994 г. В рамках этой экспедиции работали школьные отряды городских школ и Областной станции юных туристов. Таким образом, закладывалась преемственность поколений среди археологов-любителей, часть из которых, позже стала профессиональными исследователями. Актюбинскую экспедицию, ее участники справедливо считают продолжением уральской научной школы, созданной Г.А. Кушаевым и Б.Ф. Железчиковым.

В 1991–1995 гг. благодаря неутомимой энергии С.Ю. Гуцалова и сложившемуся кругу единомышленников, намеченные археологической экспедицией проекты успешно реализовывались. Студенты-старшекурсники регулярно выезжали на специализированные студенческие конференции, из которых основной была УПАСК (Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция) с докладами и сообщениями. В тот период удалось посетить гг. Челябинск, Самару, Уфу, Астрахань, Оренбург, Свердловск (ныне Екатеринбург). Ситуация к середине 1990-х гг. постепенно менялась в худшую сторону, в связи с разрушением прежних связей и экономической системы. Свое видение концепции развития культур в раннем железном веке С.Ю. Гуцалов реализовывал в плане раскопок, постепенно уходя на юг от среднеилекского бассейна, к которому был привязан во второй половине 1980-х гг. Им было намечено постепенное смещение исследований в южном направлении, с выходом к Орь-Иргизскому региону, а также подробное обследование Темиро-Эмбенского микрорайона. Впрочем, на тот момент эти планы были труднодостижимыми.

За период около десятилетия – до середины 1990-х, экспедиция АПИ, обследовала значительную часть северных районов области, подвергнув раскопкам десятки различных памятников в бассейнах Илека, Ори, Эмбы. Объем источниковой базы по памятникам раннего железного века был значительно увеличен. Следует отметить, что материалы раскопок планомерно вводились в научный оборот автором раскопок, со своей интерпретацией [Гуцалов, 1992; 1996 и др.] и по результатам полевых работ подготавливались полные научные отчеты. Но в обобщающем томе нового пятитомника «История Казахстана», вышедшем в 1996 г. эта информация, отражения не нашла, создавая впечатления об отсутствии серьезных исследований после 1976 г. Так, например, следует отметить яркие материалы из группы могильников окрестностях урочища Уркаш (Оркаш), о котором говорилось выше. С.Ю. Гуцалов в устной беседе подметил, что по всем топографическим

признакам данная группа могильников схожа с Лебедевской, в связи с соседством реликтовых песков и богатством флоры и фауны, соответственно. Что делает ее пригодной для проживания элитных группировок кочевников. В ряде погребений была зафиксирована южная ориентировка покойных, вкуче с яркими предметами вооружения, украшений и предметов быта, и сейчас являющихся основными в экспозиции нынешнего Областного историко-краеведческого музея. В августе 1992 г. экспедиция исследовала памятники могильника Сарытау I, на берегу р. Жайлаусай, в окрестностях бывшего совхоза «Магаджановский». В 1993 г. при исследовании могильников Шаншар, Каргала I, II руководство экспедиции было поручено одному из воспитанников С.Ю. Гуцалова – В.В. Ткачеву, а финансирование частично взяла на себя Областная инспекция по охране историко-культурного наследия. Летом 1994 г. работы проходили на таких памятниках как Имангазы-Карасу, Акжар, Садовый, Жолуткен. Объем исследований сильно сократился из-за сложной экономической ситуации. В этот момент, удалось достичь соглашение с руководством Областной станции юных туристов и к работам были привлечены школьники старших классов городской школы № 22. Этот отряд, вместе со студентами-волонтерами исторического факультета уже Актюбинского государственного университета им. К. Жубанова поработал в бассейне Ори и окрестностях г. Актобе в следующем, 1996 г.

Последнее десятилетие прошлого века, негативно отразилось на археологических исследованиях в регионе, что было прямым следствием распада единого государства и объективных трудностей, связанных со становлением экономики государства. Небольшие, экспедиционные работы этого времени получили свое освещение на страницах специализированных изданий [Бисембаев, Гуцалов, 1998; Гуцалов, Бисембаев, 2002]. После отъезда С.Ю. Гуцалова в РФ, в 1997 г. после учебы в аспирантуре Института археологии им. А.Х. Маргулана на исторический факультет вернулся А.А. Бисембаев, восстановивший деятельность археологической экспедиции и археологическую практику на историческом факультете. Надо заметить, что на одном дыхании, прошла первая после перерыва практика 1997 г., благодаря подвижнической помощи С.Ю. Гуцалова, приехавшего летом в г. Актобе по своим делам, и оставшегося в отряде на весь период. Вплоть до 2001 г. работы проходили в Каргалинском районе, на левобережье р. Урал, на таких памятниках, как Салтак I, II, Кенсайран I, II.

Актюбинский археологический отряд в 2001 г. был привлечен в качестве самостоятельной единицы к новому этапу археолого-этнографического изучения Западно-Казахстанской области, инициированному Акимом области К.Е. Кушербаевым. Перед отрядом были поставлены задачи археологической разведки в Чингирлауском, Сырымском и Каратобинском районах, в восточной части области с проведением рекогносцировочных раскопок. Тогда же был обнаружен интереснейший могильник Илекшар. К работам на территории Актюбинской области удалось вернуться только в августе, когда смещенная по времени практика прошла на могильнике гунно-сарматского времени Басшийли. К работе на объекте в качестве научного консультанта был привлечен российский исследователь С.Г. Боталов [Боталов, Бисембаев, 2002, с. 108–116]. Он оказал неоценимую помощь археологическому отряду в 2002 г., при работе на могильнике Лебедевка. До 2005 г. основные силы данного отряда работали в Западно-Казахстанской области, выполняя Областную научную программу и в связи с сокращением финансирования по университету. Отряд активно работал на маркерном памятнике Кырык-Оба II, где после исследования крупных курганов, С.Ю. Гуцалов и А.А. Бисембаев пришли к окончательному выводу о сложной постройке курганов в раннем железном веке, как сложных погребальных мавзолеев, что вылилось в небольшую обобщающую работу. В монографии были подведены некоторые итоги и намечены перспективы исследований курганов раннего железного века. На основании анализа стратиграфии курганов исследователи делают предположения о первоначальном облике погребальных сооружений, представлявших собой сложные в конструктивном отношении объекты, воздвигнутые из подручных материалов

– грунтовых блоков, глины, гравия, дерева, и при этом, являвшихся весьма монументальными, трудозатратными, соответственно, свидетельствующими о высокоорганизованных социальных аспектах. Предложены варианты реконструкции первоначального облика, на основании полевой документации [Сдыков, Гуцалов, Бисембаев, 2003].

В 2004 г. в среднем течении р. Эмба, на ярком памятнике Мортък I–IV работала экспедиция под руководством Ж.Е. Смаилова и Б.А. Книсарина. Судя по отчету, были получены яркие и неординарные материалы, не опубликованные к настоящему времени.

В 2006 г. решением Акима Актыубинской области Е.Н. Сагиндыкова в системе Областного управления культуры, по образцу Западно-Казахстанской области, был создан Областной центр истории, этнографии и археологии. По сути, это событие стало новым этапом в истории изучения историко-культурного наследия нашего края. Именно с этого времени, после определенного «застоя», были возобновлены широкомасштабные археологические исследования в области.

Первые шаги в полевой деятельности начались в июне этого же года с раскопок могильника Гүрюльдек расположенного на севере области в межгорной равнине у небольшой речки с одноименным названием. Работы на объекте проводились совместно с Актыубинским государственным университетом им. К. Жубанова. Раскопом были охвачены, находящиеся на склоне возвышения, 4 объекта. Снятие грунта показало, что курганы представляют собой не просто насыпи, а сложные архитектурные комплексы. В абсолютном большинстве (курганы № 2–4) они являлись каменными кольцами, сооруженными вокруг центральных захоронений. В одном случае, под дерновым слоем кургана № 1, были расчищены хаотично расположенные камни.

В июле Областной центр проводил совместные работы с Актыубинским государственным педагогическим институтом* (*временная структура, выделившаяся из Актыубинского государственного университета им. К. Жубанова, 2004–2010 гг.) по исследованию могильника Талдысай I (Кобдинский р-н, Актыубинская обл.). Под земляными курганами (№ 2 и 5) в большинстве оказались подбойно-катакомбные погребения с меридиональной ориентировкой погребенных. Общим для исследуемых курганов признаком является центрически-круговое расположение погребений под одной насыпью, что определяет специфику раннесарматских погребений IV–II вв. до н.э. [Смирнов, 1975]. Заупокойная пища, представленная обычно разрозненными костями ребер, нижних конечностей, лопатками МРС и лошади, располагались на дне погребальных камер и в насыпи кургана. В насыпи кургана 5 также встречались фрагменты глиняного сосуда и глиняное биконическое пряслице.

Примечательно, что погребения в талдысайских курганах не нарушают друг друга, что позволяет рассматривать их как семейные усыпальницы, функционировавшие на протяжении многих десятилетий. Данная черта погребальной практики в конце IV–III в. до н.э. становится традиционной. Аналогичные комплексы с круговым расположением погребений известны в синхронных могильниках Башкирии, левобережья р. Урал. Сходство, наряду с погребальным обрядом, проявляется и в вещевом материале. Отличительная черта памятников этого района бассейна Илека проявляется в уменьшении погребального инвентаря и заупокойной пищи, представленной в основном лопатками, костями конечностей и ребер мелкого рогатого скота. Скорее всего, есть смысл говорить о миграции кочевников этого времени из Западного Казахстана в сопредельные регионы (Нижнее Поволжье, Средняя Азия, Приаралье, Устюрт), где появляются памятники по погребальному обряду сходные с “сарматскими”. Но, с другой стороны, погребения рассматриваемого могильника и других памятников, таких как Танаберген II, Жаман-Каргала I, Мечетсай и др. еще раз подтверждают, что степи Южного Приуралья отнюдь не обезлюдили.

В следующем 2007 г. археологические работы проходили на могильнике Сарытау II, расположенного в 5 км к ЮЗЗ пос. Жайлаусай (Хромтауский р-н, Актыубинская обл.). Могильник

состоял из 1 каменного, 4 земляных и каменно-земляных курганов и 3 кульгово-поминальных сооружений («святилищ»), расположенных на вершине водораздельного плато правого берега р. Жайлаусай.

Из раскопанных объектов определенный интерес вызывает «святилище» представляющее собой подквадратное сооружение, шириной 30 м, длиной 34 м и высотой вала в 0,4 м. В южной части сооружение имеет вход, оно фиксируется углублением между концами вала, который, расширяясь, образуют насыпь в виде «колпаков». Диаметр «колпаков» 10 м. Комплекс относится к гунно-сарматскому времени, о чем говорят бронзовые колокольчики, глиняная курильница, деревянный гребень, золотые нашивные бляшки и серьга сопровождавшие погребенного.

В 2008 г. были раскопаны три кургана могильника Онайбулак в верхнем течении р. Илек. Расположен памятник в 12 км к северо-востоку от поселка Есетата ауылы (Павловка) и в 2,5 км к северо-востоку от зимовки Косем и состоит из семи курганов, размещенных двумя группами (Алгинский р-н, Актюбинская обл.) Курганы первой группы (№ 1–3, 5–6) размещены компактно, занимая южную часть возвышенности. Вторая группа состоит из двух курганов (№ 4, 7), вытянутых в северной части, по линии ССВ–ЮЮЗ.

В 2009 г. был разработан совместный проект «Ранние кочевники Орь-Илекского междуречья». В рамках реализации проекта Актюбинским областным центром в мае–июне и в сентябре этого года была организована международная экспедиция. В работе кроме сотрудников центра принимали участие исследователи из Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы) и Германского археологического института (DAI, г. Берлин). Для археологических раскопок был выбран могильник Сапибулак по занимаемой экологической нише и внешним параметрам вызвавший наибольший интерес. Памятник занимает ровную площадку третьей надпойменной террасы правобережья р. Тамды (правый приток р. Илек). Состоит из 15 объектов, вытянутых широкой полосой с северо-востока на юго-запад и представляющих собой каменные ограды и курганные насыпи с каменными конструкциями.

В хронологическом отношении курганы делятся на две группы. К объектам первой группы (конец VI–IV в. до н.э.) относятся курганы № 1, 5–7. Немного схожие надмогильные конструкции имеют курганы № 1 и 5. Под ними были обнаружены каменные кольцевые оградки из горизонтально уложенных плит. Под курганом № 6 была выявлена каменная конструкция диаметром 5,8–6,0 м и высотой 1,25 м. С южной стороны в конструкцию вел вход шириной около 1 м. Она была создана в виде лестницы из положенных плашмя одна на другую плоских плит. Курган № 7 был разрушен в результате установки триангуляционного знака. От вертикальной каменной ограды сохранились только две большие глыбы. Под одним из них были найдены стремевидные удила. Схожий погребальный обряд известен на территории Северного и Центрального Казахстана. Стремевидные удила на территории Южного Приуралья встречается очень редко, особенно они характерны для юга Восточной Европы и Южной Сибири. Среди объектов второй хронологической группы (II–I вв. до н.э.) вызывает интерес курган № 4 с наземной каменной конструкцией и входом, прорезанным с северной стороны.

В 2010–2011 гг. исследования в Актюбинской области были перенесены в район нижнего течения р. Илек, ближе к проводившимся с территории Российской Федерации исследованиям Л.Т. Яблонского в окрестностях пос. Покровка. Для изучения были выбраны могильники Бесоба, Жиренкопа, Тортоба и Ешкикырган I, окрестностях крупного населенного пункта Жиренкопа. Данный микрорайон наполнен крупными объектами раннего железного века. Кстати, начавшееся изучение крупных курганов в самой Жиренкопе показало, что они оставлены элитой ямной культуры. В результате полевых работ были получены очень интересные материалы по погребальному обряду ранних кочевников. В могильнике Тортоба раскапывались своеобразные объекты, представляющие собой длинные курганы, а также зафиксированы наземные сырцовые сооружения. Открыты новые катакомбные погребения конца VI–V в. до н.э. [Бисембаев и др., 2011б, с. 213–219].

Отдельно стоит отметить работы Центра на могильнике Кумсай (Уилский р-н, Актюбинская обл.). Памятник относится к крупным объектам Западного Казахстана и включает 162 кургана. За два полевых сезона (2010–2011 гг.) было раскопано 8 курганов. Погребальный обряд исследованных курганов достаточно специфичен. Перед возведением курганов строителями подготавливались погребальные площадки (№ 1 и 4). Был сооружен вал из серой супеси, образовавший кольцо. Вся внутренняя часть сооружения была усыпана супесью серого и темно-серого цвета. Подсыпка покоилась на погребенной почве. Примечательно, что после снятия насыпи кургана № 1 были выявлены следы ритуальных действий – зольные пятна с прокаленной землей красноватого цвета по низу. Они располагались на погребенной почве или были заглублены в материк. В плане имели округлую форму диаметром около 40 см. Позе погребенных характерно разнообразие, но в большинстве случаев погребенные лежали на спине с подогнутыми ногами. Отличается положение костяка основного погребения кургана № 1, где погребенный находился в сидячей позе. Погребальный инвентарь рассматриваемых погребений скудный. С погребения 2 кургана № 15 происходит навершие булавы, редкой находки в курганах ямной эпохи. В курганы ямной культуры были «впущены» погребения раннего железного века середины I тыс. до н.э.

Археологическая экспедиция Центра исследовала памятники эпохи бронзы и ранних кочевников. В могильнике Кумсай были продолжены аварийно-спасательные работы. Достоянием стали новые материалы с 4 курганов этого могильника, еще раз показавшие неординарность памятника для южноуральского региона. Примечательно, что раскопками этого года были выявлены интересные факты ранее не фиксировавшиеся в процессе исследования этого могильника. Это, прежде всего ступенчатый ров, возведение кургана для отдельных индивидов, окруженных погребениями подростков и детей, использование в погребальном обряде панцирей черепах, находки других категорий инвентаря (бус, пронизок) и т. д.

На могильниках Автодром, расположенных в черте г. Актобе и Сегизсай (окрестности пос. Уил), были исследованы весьма интересные комплексы раннего железного века. Особо впечатляющим стали материалы могильника Сегизсай с малоисследованного района – бассейна р. Уил, открывшего новые горизонты в казахстанской археологии. Под земляными курганами могильника были обнаружены захоронения элиты кочевого общества, которые были погребены в дромосных и подбойно-катакомбных погребениях головой на юг. О высоком социальном статусе свидетельствует и сопровождавший вещевой инвентарь, это, прежде всего, золотые и бронзовые гривны и подвески, обкладка деревянного сосуда, выполненного в скифо-сибирском зверином стиле. Бросается в глаза выраженная военнизированность погребенных, о чем говорит наличие почти у каждого скелета предметов вооружения. Особо следует отметить находку костяной лопаты в глубокой катакомбе воина.

В 2011 г. специальной экспедицией Центра истории, этнографии и археологии исследовались каменные стелы в Хромтауском и Айтекебийском районах, что отражено в итоговой работе [Мамедов, 2012, с. 202–205]. В 2013 г. проводились аварийно-спасательные работы на могильнике Кокжиде IV в среднем течении р. Эмба. Курганы расположены по линии запад-восток, в 7,5 км к востоку от пос. Сорколь. Исследовано четыре погребения с пятью захоронениями, в двух объектах, наиболее близко расположенных к линии нефтепровода. Наиболее ранним является погребение 1 кургана 1 с ярусным расположением скелетов. В одном из погребений прослежены элементы трупосожжения, при котором погребальный саван обуглился и «закоксовался». Одиночный курган среднесарматского времени был изучен в 2014 г. на территории хромитового месторождения «Восход-Ориел» (Хромтауский р-н, Актюбинская обл.).

Экспедицией Филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Астана) в 2013–2014 гг. были продолжены исследования памятников кочевой элиты в окрестностях пос. Жиренокопа, под руководством А. Онгара. Общие исследования в районе Жиренкопы, проводились и ранее.

Актюбинский Областной центр истории, этнографии и археологии за семь лет своего существования (2006–2012 гг.) провел значительный объем полевых исследований по территории области в двух направлениях – разведочного и раскопного характера, однако не завершив программу сплошного обследования территории области. Это связано, во-первых с тем, что в конце 2012 г. Областное управление культуры приняло решение об объединении коллектива Центра с Областным историко-краеведческим музеем, а во-вторых, с гораздо большими размерами Актюбинской области, нежели соседней Западно-Казахстанской и в том, что регулярные исследования начались гораздо позднее – к середине 1980-х гг. На данный момент сплошным обследованием пройдено около 90% площади области, изданы Сводные памятники природного и историко-культурного наследия всех районов области. Полученные материалы введены в научный оборот, стали доступны научной общественности. Коллективом Центра заложена традиция проведения международных конференций «Кадырбаевские чтения» (2007, 2010, 2012, 2014, 2016 гг.), которая успешно продолжается уже археологической группой Областного историко-краеведческого музея. Проведена работа по популяризации историко-культурного наследия через публикацию работ научного и научно-популярного характера. Подготовлено и издано более 50 монографических работ, среди них особо можно отметить издание авторского коллектива «История Западного Казахстана» в 2 томах, «История Актюбинской области». Специализированная монография В.В. Ткачева «Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох Средней и поздней бронзы» подвела итоги исследований в этом направлении. (Актобе, 2007). В 2008 г. вышла книга Е.Е. Кузьминой «Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности» (Актобе, 2008), А.А. Бисембаева «Кочевники средневековья Западного Казахстана» (Актобе, 2011). Все издания Центра востребованны специалистами и сейчас. Выпущено большое количество статей и докладов в специализированной литературе, принято участие в конференциях и симпозиумах на территории РК и ближнего зарубежья. Постоянно поддерживалась связь с историческим факультетом АГУ им. К. Жубанова.

С 2014 по 2018 гг. археологические исследования осуществлялись совместно с ТОО «Arcaeology-KZ», Актюбинским областным историко-краеведческим музеем и Актюбинским региональным государственным университетом им. К. Жубанова. Исследования в эти несколько лет снова приобрели несколько отрывочный, эпизодический характер. С 2015 по 2017 гг. полевые исследования проводились как в рамках грантового проекта «Динамика формирования культур и миграционные процессы эпохи раннего железного века и средневековья Приаральско-Мугалжарского региона» [Бисембаев и др., 2016б, с. 155–157], так и по заказу КГУ «Областной центр исследования, реставрации и охраны историко-культурного наследия» на исследование аварийных объектов севернее г. Актобе. Исследования проводились с привлечением студентов исторического факультета АРГУ им. К. Жубанова, а раскапываемые объекты становились полигонами для учебной практики первокурсников. Были раскопаны такие памятники, как Шпаки II, Кураша, Кайынбулак, Бисоба, материалы из которых были использованы при написании докладов на конференции «Кадырбаевские чтения» (Актобе), «Оразбаевские чтения» (КазНУ им. аль-Фараби), «Маргулановские чтения» (Алматы, Актобе). На этих материалах выросло новое поколение молодых археологов.

Материалы, полученные при раскопках вышеупомянутых объектов, опубликованы в изданиях Республики Казахстан и Российской Федерации. Кроме того, сложилась традиция участия в проводимых КазНУ им. аль-Фараби «Оразбаевских чтениях», где материалы исследований получают подробное освещение, а студенты исторического факультета, регулярно выезжали с докладами, получая благодарственные письма и грамоты за активное участие [Бисембаев, Хасанова, 2016, с. 111–112; Серик, Амелин, 2016, с. 182–184].

Начиная с 2019 г., в Актюбинской области проводятся масштабные археологические и этнографические исследования, объединенные под эгидой единой программы, инициированной

Институтом археологии им. А.Х. Маргулана и активно поддержанной на всех уровнях Акимом области О.С. Уразалиным. Одно из направлений программы связано с изучением памятников кочевой элиты кочевников раннего железного века, археологические объекты которых присутствуют на территории области в значительном количестве. Целенаправленное финансирование, поддержка научного проекта руководством области, позволило получить хорошие результаты, вылившиеся в пополнение экспозиции Актюбинского областного историко-краеведческого музея реконструкцией сарматского вождя из Таскопы, который, надеемся, станет узнаваемым «брендом», «маркером» Актюбинской области.

Исследования памятников ранних кочевников на сегодняшний день в Актюбинской области приобретают комплексный характер в связи с выходом на поле естественных наук и привлечением междисциплинарных исследований. Активно привлекаются данные антропологии, палеопочвенные и геомагнитные исследования, изучение остеологического материала, растительных остатков и пр.

Археологические исследования памятников ранних кочевников за тридцатилетний период Независимости прошли определенные периоды связанные как с объективными трудностями 1990-х гг., так и с подъемом, благодаря поддержке государства. Наступил период качественных изменений, когда исследования должны перейти на новый уровень тщательного анализа исследуемых памятников, работы многосторонних экспедиций, мультидисциплинарного подхода в изучении археологических объектов.

Основная цель последующих исследований памятников раннего железного века заключается в комплексном археолого-историческом исследовании выявленных и известных объектов. Изучение исторических аспектов формирования, развития, роста, миграций и политических взаимоотношений населения степной зоны центральной части Евразийского материка в эпоху раннего железа на основе данных археологии, антропологии, этнографии и письменных источников.

Основная задача – исследования, систематизация, анализ и обобщение археологических материалов раннего железного века Приаральско-Мугалжарского региона, а также сопредельных районов Поволжья и Южного Приуралья, с целью выяснения механизмов формирования и функционирования и смены культур, базирующихся на самостоятельном экономическом цикле в рамках региона.

Решение этой задачи возможно путем последовательной реализации более мелких задач:

- определение места кочевых культур Приаральско-Мугалжарского региона в Евразийском поясе степей, выявление связи с синхронными культурами регионов лесостепи, приморья и горных массивов;
- выявление и исследование археологических памятников периода раннего железного века, оставленных населением региона по географическим микрорайонам;
- прослеживание аспектов, отражающих изменения погребальной обрядности по крупным хронологическим периодам, характерным для прохоровского, сусловского и шиповского времени, гуннском времени, выявление этапов смены одной идеологической системы другой, переход от одного направления в погребальной обрядности к другому, смена ориентировок и основных характеристик;
- систематизация полученных и имеющихся материалов с целью обобщения, анализа и корреляции памятников исследуемой территории с синхронными комплексами близлежащих регионов для определения общего и особенного в более крупных географических границах;
- изучение особенностей кочевничества путем проведения комплексных исследований на основе систематизации известных и вновь открытых комплексов археологических, письменных и этнографических источников;
- реконструкция на базе материалов погребальных, культовых памятников форм социального устройства и особенностей мировоззрения, а также хозяйственно-экономического уклада и жизни раннекочевнического населения Приаральско-Мугалжарского региона;

- анализ материалов с привлечением естественнонаучных методов изучения.

Настолько широкая тематика, направленная на исследования аспектов кочевых культур крупного исторического периода – раннего железного века, ранее как единая научная задача в рамках Актыбинской области не ставилась. В этом отношении наблюдается отставание в исследованиях раннекочевнического населения от академических центров Российской Федерации, сосредоточенных в Республике Башкортостан и Республике Татарстан, Нижневолжском федеральном округе, выпустивших обобщающие монографические работы, а также регулярно иницилирующих проведение тематических конференций, посвященных именно вопросам изучения культуры населения раннего железного века, а также имеющих известных специалистов, занимающихся исследованием раннекочевнических древностей еще с 1960-х гг. Все вышеуказанное при изучении богатого наследия Актыбинской области еще предстоит преодолеть.

ЛИТЕРАТУРА

Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: изд-во АН КазССР, 1963. 320 с.

Акишев К.А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане / отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: «Наука», 1972. С. 31-46.

Аниховский А.Л. Раскопки древних курганов-могильников в Тургайской области в Актыбинском уезде // ТОУАК. 1905. Вып. 14. С. 66-79.

Ахатов Г.А., Бисембаев А.А. Характеристика природно-географических условий Западного Казахстана как экониши кочевого населения раннего железного века и средневековья // Казахское ханство в потоке истории: сб. науч. статей, посвящ. 550-летию образования Казахского ханства. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 503-513.

Багриков Г.И., Сенигова Т.Н. Открытие гробниц в Западном Казахстане // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1968. № 2. С. 71-90.

Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю., Новые памятники древних и средневековых кочевников Казахстанского Приуралья // Уфимский археологический вестник. 1998. Вып. 1. С. 152-161.

Бисембаев А.А., Бидагулов Н.Т., Дуйсенгали М.Н., Мамедов А.М. Итоги работ Актыбинского областного центра истории, этнографии и археологии в полевом сезоне 2008 г. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. Вып. 2. С. 291-293.

Бисембаев А.А. Исследование археологических памятников кочевников скифо-сакской эпохи Западного Казахстана: некоторые итоги и перспективы // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. М-лы междунар. науч. конф. (г. Астана, 13 октября, 2008 г.). Астана: Президентский центр культуры, 2008. С. 155-168.

Бисембаев А.А., Дуйсенгали М.Н., Мамедов А.М., Бидагулов Н.Т. Археологические исследования на могильнике Сапибулак // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. Вып. 2. С. 291-293.

Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Дуйсенгали М.Н., Бидагулов Н.Т., Мамиров Т.Б. Работы Актыбинского областного центра истории, этнографии и археологии в 2006–2011 гг. // Археология Казахстана в эпоху Независимости: итоги, перспективы: м-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 12–15 декабря 2011 г.) / гл. ред. Б.А. Байтанаев, отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. Т. I. С. 64-68.

Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Дуйсенгали М.Н. Памятники ранних кочевников в окрестностях пос. Жиренкопа Актыбинской области // Маргулановские чтения–2011: м-лы Междунар. археол. конф. (г. Астана, 20–22 апреля 2011 г.) / гл. ред. М.К. Хабдулина. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011, с.213-219.

Бисембаев А.А., Хасанова М.К. Бусы из раннекочевнических погребений бассейна реки Илек // VII Оразбаевские чтения: м-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Казахстанская археология и этнология: прошлое, настоящее, будущее», приуроченной к 550-летию образования Казахского ханства, 20-летию Ассамблеи народа Казахстана. Алматы «Қазақ университеті» 2016. С. 111-112.

Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Дуйсенгали М.Н. Исследование памятников ранних кочевников Приаральско-Мугалжарского региона в 2006–2012 // Материалы Всероссийской научной конференции с

международным участием (XX УАС) (г. Ижевск, 25–29 октября 2016 г.). Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2016. С. 155-157.

Боталов С.Г., Бисембаев А.А. Новые материалы по культуре гуннов Западного Казахстана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2002. Вып. 1. С. 108-116.

Граков Б.Н. Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана // Вестник Центрального музея Казахстана. Алма-Ата: Казиздат, 1930. С. 59-76.

Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3. С. 100-121.

Гуцалов С.Ю. Ярусные погребения Илека и проблема сложения савроматской культуры // Маргулановские чтения (тезисы). Петропавловск, 1992. С. 98-100.

Гуцалов С.Ю. Впускные погребения Илека предсавроматского времени // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 1 / отв. ред. В.В. Ткачев. Самара: Актыбинская областная Государственная инспекция историко-культурного наследия; «Диалог», 1996. С. 156-163.

Гуцалов С.Ю., Бисембаев А.А. Погребения прохоровской культуры южнее г. Орска // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2002. Вып. 1.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск: «Полиграфсервис», 2004. 136 с. : ил.

Дүйсенгали М.Н., Бисембаев А.А., Мамедов А.М. Новые памятники ранних кочевников Илекского локального микрорайона (предварительное сообщение) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение. М-лы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. / отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск, 2017. С. 38-43.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р.Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам / отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: «Наука», 1976. С. 137-156.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Погребение жрицы, обнаруженное в Актыбинской области // КСИА. 1978. Вып. 154. С. 65-69.

Кастанье И.А. Отчет о раскопках шести курганов в Актыбинском уезде летом 1906 г. // ТОУАК. 1907. Вып. 19. С. 102-116.

Кастанье И.А. Древности киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург: типо-лит. т-ва «Каримов, Хусаинов и К°», 1910. 332 с.: ил.

Китов Е.П., Мамедов А.М. Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке. Астана: изд. гр. ФИА, 2014. 352 с.

Кушаев Г.А. Этюды древней истории Степного Приуралья. Уральск: «Диалог», 1993. 171 с.

Мамедов А.М. Монументальные памятники Орь-Иргизского междуречья (предварительные результаты исследования) // Маргулановские чтения-2012: м-лы междунар. научн.-практ. конф. Астана: Изд. гр. ФИА, 2012. С. 202-205.

Родионов В.В. Очерк истории археологических исследований в Актыбинской области // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 1 / отв. ред. В.В. Ткачев. Самара: Актыбинская областная Государственная инспекция историко-культурного наследия; «Диалог», 1996. С. 5-22.

Сдыков М.Н., Гуцалов С.Ю., Бисембаев А.А. Сокровища скифов Западного Казахстана. Уральск: «Полиграфсервис», 2003. 124 с.

Серик Г.С., Амелин В.А. К вопросу об изображениях оленей в искусстве ранних кочевников // VIII Оразбаевские чтения: м-лы Междунар. науч.-мет. конф. «Археология, этнология и музеология в системе современного высшего образования» (г. Алматы, 1–2 апреля 2016 г.) / отв. ред. А.Б. Калыш. Алматы: Казак университеті, 2016. С. 182-184.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: «Наука», 1964. 381 с.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.: «Наука», 1975. 176 с.

Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты Бутак I в Западном Казахстане / МИА. М.–Л.: изд-во АН СССР, 1962. № 120. 206 с.

Чибилев А.А. Река Урал. Л.: Гидрометеиздат, 1987. 168 с.

Юдин М.Л. Материалы к истории Оренбургского края // ТОУАК. 1898. Вып. 5. С. 12-27.

Д.Ә. ТАЛЕЕВ

Талеев Дөкей Әбдікерімұлы,
Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан, doc19_59@mail.ru

ҚАРАТАУДЫҢ ТЕРІСКЕЙІНДЕГІ ҚАЛАЛАР ЖАЗБА ДЕРЕКТЕР БЕТТЕРІНДЕ және ОЛАРДЫҢ БАЛАМАЛАНУЫ

Аннотация. Мақалада Қаратаудың теріскейіндегі ортағасырлық қалалар жайлы жазба дерек беттерінде кездесетін мәліметтер қамтылған. Кезінде Теріскей Қаратау арқылы сауда жолының бойымен өткен елшіліктердің жазбаларында жол бойында кездесетін қалалар жайлы бірқатар мәліметтер сақталған. Деректерде Баладж, Сулхан-Сугулған, Койканд, Уросоган, Хузах қалалары мен Хендахор асуы жайлы айтылады. Айтылған қалалардың орнын анықтау және оларды жазба деректермен сәйкестендіру мақаланың негізгі мақсаты. Сонымен қатар қалалар мен оның тарихы жайлы мәліметтер орыс деректерінде бұрмалап беруі жайлы да сөз болады.

Түйін сөздер: Қаратау, Теріскей, қалалар, деректер, елшілік, зерттеу, баламалану

Талеев Докей Абдикеримович,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан, doc19_59@mail.ru

ГОРОДА КАРАТАУ на СТРАНИЦАХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ и их ЛОКАЛИЗАЦИЯ

Аннотация. В статье собраны письменные источники о средневековых городах Северного склона Каратау. В записках посольств, проходивших в свое время по торговому пути через Северный склон Каратау, сохранился ряд сведений о городах, встречающихся на пути. В источниках упоминаются города Баладж, Сулхан-Сугулған, Койкан, Уросоган, Хузах и перевал Хендахор. Определение месторасположения упомянутых городов и их идентификация с письменными данными основная цель статьи. Также речь идет об искажении сведений о городах и их истории в российских источниках.

Ключевые слова: Каратау, Терскей, города, источники, посольство, исследования, локализация

Dokey Taleev,
A.Kh. Margulan Archaeology Institute,
Almaty, Kazakhstan, doc19_59@mail.ru

THE CITIES of KARATAU on the PAGES OF WRITTEN SOURCES and their LOCALIZATIONS

Abstract. The article contains written sources about the medieval cities of the Northern slope of Karatau. In the notes of the embassies that once passed along the trade route through the Northern slopes of Karatau, a number

of information about the cities encountered on the way has been preserved. The sources mention the cities of Balaj, Sulkhan-Sugulgan, Koikan, Urosogan, Khuzakh and the Khendakhor pass. The main purpose of the article is to determine the location of the mentioned cities and their identification with written data. We are also talking about the distortion of information about cities and their history in Russian sources.

Keywords: Karatau, Terskey, cities, sources, embassy, research, localization

Қаратаудың теріскейі деп, қазіргі әкімшілік бөлініс бойынша Түркістан облысының Созақ ауданы мен Жамбыл облысының Талас, Сарысу аудандарының тау бөктерлеріндегі бөлігін атау қалыптасқан. Зерттеу барысында негізінен Түркістан облысының Созақ ауданы жеріндегі қалалар қарастырылады. Жамбыл облысы жеріндегі Саудакент қаласы жайлы да аздап қамтылады. Өңірдің ортағасырлық қалалары туралы жазба деректер аз және олар әртүрлі тарихи оқиғаларға байланысты ғана аталған немесе ортағасырлық керуен жолдарының бойындағы қалалардың тізімінде көрсетілген. Көп жағдайда қалалардың аттары бұрмаланып берілген.

Қаратаудың теріскейіндегі қалалардың ішінде жазба деректерде алғаш аталатындарының бірі – Баладж қаласы. Ол туралы мұсылман елдерін түгелге жуық аралап шыққан арабтың әйгілі географы әл-Макдисидің жазбасында келтірілген. Мұсылман қалаларын түгел аралап шыққан әл-Макдиси «Баладж – кішкене қала, оның камал қабырғалары бұзылған, мұнаралы мешіт базар аумағында», – деп жазады [Волин, 1960, 81]. Сол Баладж қаласын бірқатар зерттеушілер ортағасырлық Баба ата қалашығымен теңдестіріп жүр [Байпаков, 1977, 91–92]. Баба атада 1953–1954 және 1956–1957 жж. жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары қаланың VI–XV ғғ. аралығында өмір сүргенін көрсетті. Демек, қаланың едәуір жанданған уақыты жазба деректегі мерзіммен сәйкес келеді. Сондықтан мамандардың қаланы баламалау жайлы болжамын теріске шығаруға негіз жоқ.

Ал, енді Ә.Х. Марғұлан араб деректерінде кездесетін Камукент қаласын Баба атадан солтүстік-шығысқа қарай 30 км жерде жатқан Құмкент қалашығымен сәйкестендіреді. Ол қоғамдық және ғұрыптық құрылыстары бар, қам кесектен қаланған қабырғалармен қоршалған едәуір көлемді қала болған. «Базары қаланың орталығында емес, шеткі аймағында. Қала Таластың солтүстігіндегі жазықта жатқан» [Маргулан, 1950, 54–55]. Осы пікірді академик К.М. Байпақовта қолдайды [Байпаков, 2016, 40].

1254 ж. Мөңке қағаннан қайтқан Армения патшасы Гетумның (Хетум) жолжазбасында елшіліктің жүріп өткен жолындағы қалалар жайлы «<...> сосын, батыстан солтүстікке қарай бұрылып, Хутухчин, Пергант, Сухул-хан, Уросо-хан, Каикант, Хузах немесе Камоц, Хундайхойр арқылы Сгнахқа қарай өттік» деп жазылған [Гандзакеци, 1976, 224]. Гетум елшілігі Қаратаудың теріскей беті арқылы өткендігін көпшілік ғалымдар мойындайды [Байпаков, 1977, 92; Елеуов, 2003, 70]. Дегенмен жолжазда аталатын қалалардың баламалануына келгенде көзқарастар сәйкес келе бермейді. Л.Б. Ермакович өзінің «Караванные пути юга Казахстана в XIII–XVIII вв.» атты мақаласында Гетум Оххум (Хутухчин), Шарвашылык (Перканд-Берканд), Саудакент (Сулхан-Сугулган), Кумкент (Койканд), Чулак-Курган (Уросоган), Созак (Хузах), одан әрі Ак-Сумбе (Хендахор) асуы арқылы Сығанаққа (Сенгах-Сугнах) өткен деп жазады [Ермакович, 1969, 82–83]. Яғни, жолжазда аталған қалалардың әрқайсысының орындарын бұл күнде ғылымға белгілі көне қала орындарымен сәйкестендірген. Келтірілген қалашықтардың өмір сүрген уақыты да елшілік өткен уақытпен сәйкес келеді. К.М. Байпаков Саудакент Сулхан-Сугулханның, Кумкент Койканның орны екендігін қолдай келіп, Уросоганның орны Шолаққорған емес Қарасуан қалашығы деп баламалайды [Байпаков, 1977, 92].

Қарасуан қалашығын алғаш 1970 ж. Отырар археологиялық экспедициясы ашқан. Шолаққорған кентінен батысқа қарай 10–12 км жерде жатқан Қарасуан қалашығы XIII–XIV ғғ. кішігірім қаланың орны [Акишев, 1972, 178–179].

Гетум елшілігінің жазбасында келтірілген Хузак, кейінгі орта ғасырдағы Созақ қаласы екендігіне ешкім шүбә келтірмейді. Бір кездері Созақ Оңтүстік Қазақстандағы маңызды саяси-экономикалық орталық болды. Созақ қалашығында жүргізілген қазба жұмыстары баламалануының дұрыс екендігін растайды [Байпаков, 1977, 92].

Қаратаудың солтүстік беткейіндегі ірі саяси-экономикалық орталық болған Созақ қаласының аты Дешті Қыпшақ және Қазақ хандығы тарихымен тығыз байланысты. XV ғ. ортасына қарай Созақтың аты Әбілхайыр ханның қолына өткен Сырдария бойындағы қалалардың қатарында кездеседі, ол туралы Масуд бен Осман Кухистани өзінің «Тари-и Абу-л-Хайр-хани» атты еңбегінде былай деп жазған: «Қаған [Әбілқайыр ханның] әскерінің көптігі мен ұлылығын көрген қала әкімі [Сығанақтың], оның алдынан шығып, мойындағанын білдіріп, хақанның әмірлері мен қызметкерлеріне қаланы тапсырды <...> Аққорған, Арқұқ, Созақ, Өзгент те оған бағынды» [Материалы..., 1969, 105–106].

Қазақ хандығының XV ғ. соңы мен XVI ғ. 1-ширегіндегі Мауреннахрмен саяси қарым-қатынасында Созақ қаласы жазба дерек мәліметінде жиі кездеседі. Қазақ хандығының Мауреннахр билеушілерімен жүргізген XV ғ. соңы мен XVI ғ. басындағы ұрыстарында Созақ өңірі тұрғындары Қазақ хандығының табан тіреп, арқа сүйер әлеуметтік тірегі болды [Кәрібай, 1999, 39–41].

Жәнібек ханның ұлы Махмұт сұлтан мен шайбанилық сұлтандардың арасында болған ұрыстар туралы «Тауарихи Гузида-йи Нусрат Наме», «Фатх-Наме» атты еңбектерде жазылған. «Шайбани-Наме» шығармасының авторы Камал ад-Дин Али Биани Бұрындықхан мен Махмұт сұлтан әскерлерінің Созақта қосылғаны туралы былай деп жазады: «Махмұт сұлтанның өтінішін қанағаттандырған ол, сол сәтте Махмұт сұлтан басқарған, құмырсқадай қаптаған қалың қолмен Созақ уәлаятына жол тартты. Созақ және оның төңірегіндегі Қара-Куруннан шыққан жаяу және атты әскерлердің басын қосып, үлкен әскер жасақтады» [Материалы, 1969, 106].

Осы деректегі Қаракурунды К.М. Байпаков Қарақұр өзені бойында орналасқан Күлтөбе қалашығымен баламалаған [Байпаков, 1977, 92]. К.М. Байпаковтың мұндай тұжырым жасауына негіз болған жергілікті топонимдік және гидронимдік атаулар еді. Расында Қаратаудың осы тұстағы шатқалы мен одан ағып шығатын өзеннің аты (Қарақұр) сол тарихи атауды осы күнге дейін сақтап қалған. С. Жолдасбаев бұл пікірмен келіспей Күлтөбе Қаракурунның емес Жыланқарауыл (Йилан-Карауыл) бекінісінің орны деген көзқарасты ұстанады. Оның пікірінше Қаратаудың оңтүстік жағынан басталып, солтүстік жағында бітетін сайдың басында орналасқан қала сайды күзетіп тұрған жылан тәрізді, сондықтанда ол жазба деректерде Илан қарауыл деп аталған деген байлам айтады [Жолдасбаев, 2016, 13].

Сауран мен Созақ қалаларының арасында орналасқан Жыланқарауыл (Йилан-Карауыл) бекінісі туралы Хафиз Таныш өзінің «Шараф-Наме-йи Шахи» атты шығармасындағы мәлімет бойынша Сауранды қоршаған II Абдаллах Созақты тосқауылдап тұрған әскерді басқарған Ибадаллах-сұлтанды өзіне келіп қосылуға бұйырады. Сауранға бет бұрған ол, жол бойы Илан-Караул деп аталатын нығайтылған және мықты бекініске келді. Мұнда бекінген Дештінің мол әскері әрі өтуге кедергі болды [Материалы, 1969, 293]. Сауранға бет бұрған Ибадаллах сұлтанның қолы қысқа жолмен осы мандағы тау асуларының бірі, шамасы Бәжі мен Көкашық арқылы өтсе керек. Осы асу арқылы Созақтан Түркістан мен Сауранға қарай ежелден-ақ керуен жолы өтетін. Бәжі асуында аса үлкен емес тастан қаланған қамалдың орны ашылған. Иланбалыққа сол сәйкес келуі керек деген болжамды К.М. Байпаков айтқан [Байпаков, 1977, 92–93].

Қаратаудың солтүстік беткейіндегі аты жазба деректерде сақталған тағы бір ескерткіш – Ақсүмбе мұнарасы. Ақсүмбе (Ақбикеш) мұнарасы туралы алғашқы мәлімет Шереф-ад-дин Иездидің Ақсақ Темірдің жорығы жайлы шығармасында кездеседі. Онда Әмір Темірдің жұмсаған жасақтары Тоқтамыс ханның жағына өткен Әділшахты ұстап, Ақсүмбе деген жерде жазалағаны айтылады.

Карачук (Қаратау) тауының басына орнатылған Ақсұмбе Дешті Қыпшақ бағытын бақылап тұру үшін салынған мұнара [Маргулан, 1948, 110].

Хафиз Таныштың «Шараф–Наме-йи-Шахи» атты шығармасында Ақсұмбе жайлы тағы да аталады. Онда 1582 ж. 16 сәуірде Абдаллах ханның Ақсұмбе мен Жоңышқалық (Иурунджжалық) деген жерге жеткені туралы жазылған [Материалы, 1969, 270].

Қаратаудың солтүстік беткейіндегі ортағасырлық қалалар жайлы бірқатар мәліметтер XVIII ғ. ортасынан бастап Қазақстанға келген және ол арқылы өткен Ресейліктердің жолжазбалары мен күнделіктерінде кездеседі.

1749 ж. Барақ сұлтанға келіп қайтқан аудармашы М. Араповтың жазбасында Сырдария өзенінің бойындағы егіншілер тұрған қалалардың тізімі берілген. Онда: «<...> егіншілер тұратын Иқан, Ташкент, Отырар, Угустау және Созақ Бараққа тиесілі» – деп жазылған [КРО, 1961, 487–488].

XIX ғ. басындағы Созақ қаласы туралы мәліметтерді 1811 ж. Ертістің жағасынан шығып, Сібір линиясымен Қоқанға барып қайтқан казак командасы сапында болған аудармашы Мамедияровтың жол жазбаларында және 1813 ж. Омбыдан шығып Петропавл, Созақ, Шымкент арқылы Қоқанға сапар шеккен орыс елшілігінің аудармашысы Филипп Назаровтың жазбасында сақталған. Назаров Созақ жайлы былай жазады: «Қыркүйек айының соңғы таңында керуен қаладан 4 шақырым жерге келіп тоқтады. Мені және шенеуніктер мен сұлтандарды қала әкімі қонаққа шақырды; ол бізді шәй, жүзім, қауынмен силап, темекі ұсынды, сосын қаланы қарап шығуға мүмкіндік берді. Созақ бір-біріне тығыз орналасқан 500 тас үйлерден тұрады екен. Көшелерге кіргенде оны қоршаған тас қоршауларды көресің. Үйлердің терезелері аулаға қараған. Бүкіл қаланы қоршап жатқан бір дөңгелек көше бар. Бұл қала биік жерде тұр, биік тас қабырғамен қоршалған деңгейде, ішінде бұлақтар мол, қаланы 200 адамнан тұратын горнизон күзетеді. Оның маңында егістік алқаптары мен кедей қырғыздардың үйлері орналасқан. Тұрғындары еңбекқор, егін егумен айналысып, Сырдария мен Шуда көшіп жүрген малшы қырғыздармен тауар айырбас жасайды. Әйелдері өте мейірімді және соншалықты жүздері жылы, олардың көпшілігі біздің керуенге келді. Түркістан билеушісінің ағасы Сұлтан Шейх-Темур осы қаланы басқарады» [Назаров, 1968, 31].

Ортағасырлық Құмкент, Саудакент және Бабата қалаларының қираған орны жайлы Түркістан археологиялық үйірмесінің 1901 ж. № 3 хаттамасындағы В. Колосовскийдің «В Каратавских горах чимкентского уезда» атты мақаласында жарияланды.

В. Колосовский Қаратаудың теріскейіндегі қираған қала орындары Құмкент пен Саудакент жайлы жергілікті тұрғындардан естідім деп, жалған мәліметтер қалдырған. Оның отаршылдық көзқарасын жергілікті халықты абorigендер, киргиздар деп кемсітуінен-ақ байқауға болады. Мақалада В. Колосовский Құмкент пен Саудакент жайлы мынадай ой қорытқан. Автордың айтқысы келгенін дұрыс түсіну үшін мақаладан сілтемені түпнұсқа тілінде бергенді жөн көрдім: «По словам киргиз, они перекочевали к Каратавский горам в начале прошлого столетия и тогда уже начали на этих местах две мертвых громады, лежавшие в прахе. Приняли-ли эти развалины название городов Кум-Кента и Сауда-Кента от каких-либо других абorigенов, которых они застали еще на месте, или сами, по каким – ни будь признакам, обозвали эти памятники древности, – неизвестно. Грозный завоеватель Тамерлан, прославившийся своей беспощадной жестокостью, насколько потряс воображение дикого азиата, что все туркестанские разорения, между прочим и разрушение цветущих городов Кум-кета и Сауда-Кента, киргизы приписывают его имени. По их преданию, уже тысячу лет тому назад это были громадные города, населенные сильным в то время народом – “калмаками” (калмыками)» [Колосовский, 1901, 90].

Автор бір кездері рухани мәдениеттің орталығы болған, сәулет өнерінің тамаша туындысы іспеттес Баба Ата қалашығына аса мән бермеген секілді. Ол туралы кішкене ғана сипаттама

қалдырыпты. «Игіліктің қайнар көзі мен жарық айнасы саналатын қабір «Баба Ата» деп аталады. Жылдам аққан мөлдір өзеннің бойындағы жан-жақты қорғалған бұл жерде, бір замандағы әйгілі арабтың мекені болған бекіністің қираған орны ғана жатыр. Конфигурациясына қарағанда бұл үлкен қала емес, керісінше бекіністі қамалдың орны болса керек. Тамаша сападағы қам кесектен қаланған құрылыстың ғасырлар бойы сақталған бөлігі араб сәулет өнерінің керемет беріктігін көрсетеді» [Колосовский, 1901, 90].

Мақаланың келесі бетінде Құмкент қалашығын Колосовский былай суреттейді: «<...> бір кезде сыртын қамал қоршаған Құмкент кең алқапты алып жатқан. Орталыққа апаратын бір көшенің бойында, бәрінен биік болып цитадель тұр. Оның қабырғаларынан көз жетер жерге дейін көрінеді. Бір жағында алыстағы Шу өзені қарауытып жатыр, екінші жағында – биік таудың әсем көрінісі құбылып тұр, ал келесі жақтарына көкжиекке дейін созылған жазық жатыр. Екі жерде үйіліп жатқан төрт бұрышты қызыл түсті күйдірілген кесек сынықтары қақпаны қорғап тұрған мұнараның орындары, оның астыңғы жағынан ірі тастардан мұқият қаланған іргетасының бір шеті көрініп тұр. Қаланың үстінде нақышты өрнектелген бояулы, бояусыз ыдыс сынықтары мен балқыған шлактан аяқ басар жер жоқ. Сырттан келген жаудың салған өртінен, қатыгез басқыншылардың қылышынан және онан да қатыгез уақыттың әсерінен қалғаны осы ғана» [Колосовский, 1901, 91].

Ресей патшалығының өкілдерінің бәрі бірдей қазақтың тарихы жайлы естігенін тура жазуды мақсат етпеген. Естігенін өзінің ойына ыңғайлап жазған. Солардың бірі осы В. Колосовский. Ол Саудақент пен Құмкентте қалмақтар тұрған, аймаққа мұсылман дінін «Схак-баб» қанжардың күшімен енгізген, қалаларды Темірлан талқандаған деген тіпті шындыққа жанаспайтын пікірлерін жергілікті киргиздар айтты деп, бұрмалайды. Оған қалай сенерсің. Бұл жерде қалмақтар мекендеген деген ешқандай мәлімет жоқ. Мәліметті жергілікті қазақтардың айтуы деп бұрмалап отырған В. Колосовскийдің өзі. Мұсылман дінін қазақ жеріне күшпен енгізген деген де дерек кездеспейді. Мұның барлығы В. Колосовскийдің шовинистік (отаршылдық) көзқарасынан туындаған. Осының барлығы кейбір деректерге, әсіресе Ресей патшалығы тұсындағы, тіпті кеңес дәуірі ғалымдарының жазбаларына абайлап қарап, сыни тұрғыдан сараптап пайдалану керектігін көрсетеді.

Қаратаудың теріскей бетіндегі қалаларды жағалап сауда керуендерімен бірге халқаралық елшілік өкілдері де өткен. Олар өздері болған, көрген қалалары мен мекендер жайлы жазған. Бірақ, өңір және ондағы қалалар жайлы қағаз бетіне түскен мәліметтер өте қысқа әрі үзік-үзік. Не бәрі бірнеше тарихи қалалардың аттары аталған. Ал теріскейде кезінде саудасы мен экономикасы едәуір дамыған көне жұрттар біршама. Олардың бірінің аты деректерде аталса екіншісінің аты аталмайды. Қалалардың орналасқан жері, табиғи ортасы, ара қашықтығы секілді баламалауға негіз болатын мәліметтер аз. Сондықтан тарихи қалалар жайлы қолға түскен, немесе табылған мәліметтерді нақты археологиялық нысандармен сәйкестендіру үшін өңірдің ортағасырлық қалаларына сәйкестендіру үшін кешенді археологиялық зерттеулер жүргізу қажет. Ондай зерттеулер уақытты, қаржыны және білікті мамандардың бірлесіп жұмыс жасауын қажет етеді.

ӘДЕБИЕТ

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата: Наука, 1972. 215 с.

Байпаков К.М. О локализации средневековых городов Южного Казахстана // Археологические исследования в Отраре / отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1977. С. 81-93.

Байпаков К.М. Урбанизация Казахстана в XIII – первой половине XV в. / Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований ЮККАЭ). Алматы: ИА КН МОН РК, 2016. Кн. III, ч. I. 596 с.

Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: в 5 т. / отв. ред. А.Х. Маргулан. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1964. Т. III. 663 с.

Волин С. Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах // ТИИАЭ АН КазССР. 1960. Т. 8. С. 72-92.

Елеуов М. Плано Карпини мен Гильом Рубруктың Қазақстан арқылы сапары туралы // ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сериясы. 2003. № 4 (31). 69-71-бб.

Ерзакович Л.Б. Караванные пути юга Казахстана в XIII–XVIII вв. // Известия АН КазССР. Сер. обществ. 1969. № 2. С. 79-85.

Жолдасбаев С. Қаратаудың солтүстігіндегі соңғы ортағасырлық қалалар. Түркістан: ЖК «Сейт», 2016. 115 б.

КРО. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (Сб. док-тов и м-лов) / сост. Ф.Н. Киреев, А.К. Алейникова, Г.И. Семенюк, Т.Ж. Шоинбаев. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. 743 с.

Кәрібай Б. Түркістан және қазақ хандығы. Алматы: Ғылым, 1999. 12 б.

Киракос Гандзакеци. История Армении / Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Л.А. Ханларян. М.: [б/и], 1976. 357 с.

Колосовский В.А. В Каратавских горах Чимкентского уезда // ПТКЛА. 1901. Год VI. С. 89-97.

Маргулан А.Х. Оседлые поселения VIII–XIII вв. на северных склонах Каратау (извлечения из археологического отчета) // Известия АН КазССР. Сер. археол. 1948. Вып. 1. С. 109-115.

Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1950. 122 с.

Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост.: С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. Алма-Ата: Наука, 1969. 650 с.

Назаров Ф.М. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М.: Наука, 1968. 76 с.

А.А. ПЛЕШАКОВ

Плешаков Анатолий Андреевич,
Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева,
г. Петропавловск, Казахстан, a.apleshakov@gmail.com

ИССЛЕДОВАНИЯ в СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА

Аннотация. В работе приводится история исследования региона, представлены материалы золотоордынского времени, обнаруженные в разные периоды археологических исследований территории Северного Казахстана.

Ключевые слова: Золотая орда, древности Казахстана, поселение, могильник

Плешаков Анатолий Андреевич,
М. Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университеті,
Петропавл қ., Қазақстан, a.apleshakov@gmail.com

СОЛТҮСТІК ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ АЛТЫН ОРДА КЕЗЕҢІНІҢ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЕСКЕРТКІШТЕРІН ЗЕРТТЕУ

Аннотация. Жұмыста аймақтың зерттелу тарихы берілген, Солтүстік Қазақстан территориясын археологиялық зерттеулердің әр түрлі кезеңдерінде табылған алтынорда кезеңінің материалдары ұсынылған.

Түйін сөздер: Алтын Орда, ежелгі Қазақстан, қоныс, қорым

Anatoliy Pleshakov,
M. Kozybayev North Kazakhstan University,
Petropavlovsk, Kazakhstan, a.apleshakov@gmail.com

RESEARCH of ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS of the GOLDEN HORDE PERIOD in NORTHERN KAZAKHSTAN

Abstract. The work presents the history of the study of the region, the materials of the Golden Horde time discovered in different periods of archaeological research on the territory of Northern Kazakhstan.

Keywords: Golden Horde, antiquities of Kazakhstan, settlement, burial ground

*Посвящается светлой памяти
Геннадия Борисовича Здановича – моего учителя,
основателя Северо-Казахстанской археологической экспедиции*

Казахстан богат своим историческим наследием. На территории республики известны археологические памятники начиная от зари человечества до средневековья.

Уже в начале XVIII в. Российская Академия наук обратила внимание на казахстанские памятники старины. Впервые они были отражены в Чертежной книге Сибири, составленной еще

в 1701 г. Семеном Ремезовым [Книга Большому Чертежу, 1950]. Сотрудник Академии Г.Ф. Миллер проводил исследования в Сибири и сопредельных областях Восточного, Северо-Восточного и Центрального Казахстана. Одновременно регистрировались обнаруженные памятники и находки. Миллером была собрана богатая коллекция различных древностей [Миллер, 1937].

Казахстан представлял собой страну, слабо изученную даже в географическом плане. Ученые, посетившие Казахстан, в своих трудах сообщали немало интересных и важных сведений по истории и культуре прошлых эпох. Поэтому не случайно, что в многочисленных и разнообразных трудах географов, геологов, натуралистов, геодезистов и топографов имеются данные о различных археологических объектах: древних горных выработках, курганных могильниках, остатках городов, поселений, мазарах, рисунках и надписях на камнях.

Изучение древностей Казахстана связано с такими личностями как П.С. Паллас, П.И. Рычков, И.А. Кастанье, В.В. Радлов, В.В. Бартольд и другими исследователями [Паллас, 1786; Рычков, 1762; 1896; Кастанье, 1911; Отчеты ИАК, 1884, с. 3-30; Бартольд, 1897].

В конце XVIII – начале XX в. создавались всевозможные общества, которые работали в тесной связи с центральным археологическим учреждением страны – Археологической комиссией, которая выдавала открытые листы на право проведения археологических раскопок, а затем публиковала результаты работ в отчетах. Под эгидой Комиссии в 1894 г. В. Селиванов производил раскопки близ г. Кокчетав и г. Атбасара, в 1898 г. – Г. Васильев в Павлодарской области, в 1905 г. – Н. Козырев в Акмолинской области, в 1911 г. – Ю.П. Аргентовский близ г. Петропавловска [Отчеты ИАК, 1896, с. 30-31, 154; 1914, с. 70–100].

Изучением памятников и сбором коллекций занимались крупные ученые востоковеды В.В. Бартольд, Б.В. Радлов, П.С. Савельев, В. Розен и археологи Н.В. Веселовский, А.А. Спицын, а позднее В.А. Городцов [Отчеты ИАК, 1898, с. 59-60, 172; 1914, с. 70-100; 1910].

Археологические работы, проведенные в Казахстане в дореволюционный период, положили начало сбору и накоплению археологического материала, регистрации и описанию памятников. Полевые исследования в то время проводились лишь от случая к случаю, и территория Северного Казахстана по-прежнему оставалась огромным «белым пятном» на археологической карте страны. Уже в 1918 г. Совет Народных Комиссаров издает декрет о регистрации всех монументальных и вещевых памятниках старины и искусства [Декрет, 1918], в 1919 г. учреждается Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК). На окраинах Советской России возникают самостоятельные научно-краеведческие учреждения для изучения и охраны памятников истории, культуры и искусства.

В 1930 г. археологическую разведку в северных областях Казахстана проводил Б.Н. Граков. Исследовательскую работу в Акмолинской области возглавил Л.Ф. Семенов, результаты которой изложил в своем сводном труде. В районе г. Кокчетав раскопки памятников эпохи бронзы и ранних кочевников проводила группа геологов - П.И. Преображенский, Б.Н. Жданов и др.

Особым этапом в работе Института истории, археологии и этнографии АН КазССР явилось археологическое изучение территории Казахстана в период 1954-1956 гг. в районах освоения целинных и залежных земель. На освоение целинных земель были выделены огромные средства, часть из которых пошла на географические, геологические, археологические исследования.

Институтом истории, археологии и этнографии АН КазССР было организовано 10 археологических экспедиций, которые проводили разведочные археологические исследования в 10 областях Казахстана. В результате разведочных работ открыты и нанесены на карты сотни памятников археологии, относящихся к разным периодам древней истории Казахстана. За эти годы в процессе исследований было раскопано около 600 курганов эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья.

Неоценимый вклад в исследование древностей Казахстана в период освоения целины внесли А.Х. Маргулан, К.А. Акишев и другие ученые. В 1954 г. К.А. Акишев возглавил Северо-

Казахстанскую археологическую экспедицию для работы в зонах освоения целинных земель (Северо-Казахстанская, Кокчетавская, Акмолинская обл.). В 1955 г. поисковые работы проводились в Акмолинской области, одновременно велись раскопки поселения эпохи бронзы у с. Ахметаул на р. Нура, исследование могильника и кипчакского святилища у с. Васильевка на реке Коныр. В 1956 году разведочные маршруты пролегли по Северо-Казахстанской и Кокчетавской областям. Отрядом было преодолено свыше 10 000 км. Зафиксировано 150 курганных могильников эпохи раннего железа, четыре могильника и три поселения эпохи бронзы, у села Маданият обследована неолитическая стоянка. Стационарные работы проводились на могильниках Айдабул 1, 2 и Соколовка 1, 2. Листая дневники К.А. Акишева, любой археолог обратит внимание на тщательность и аккуратность исследований, методику ведения разведочного дневника, где отмечены не только маршруты и объекты, но наблюдения, которые были сделаны исследователем в процессе работы.

Совместно с казахстанскими археологами проводил исследования отряд Института истории материальной культуры АН СССР под руководством В.С. Сорокина. Этим отрядом был исследован уникальный по своей значимости могильник Тасты-Бутак в Западном Казахстане [Сорокин, 1962]. Кроме того, перед исследователями стояла задача обследования разрушающихся памятников.

В 1952–1953 гг. сотрудником Северо-Казахстанского областного музея А.И. Семеновым были произведены раскопки кургана ранних кочевников у оз. Половинного Северо-Казахстанской области.

Выделенные средства позволили провести обследование северных областей республики, Карагандинской и Джезказганской в Центральном Казахстане, Актюбинской области в Западном Казахстане, Талды-Курганской и Алма-Атинской на юге. Разведочные работы практически всей территории Казахстана позволили оценить общую ситуацию расположения древностей и появилась возможность изучения целого ряда уникальных памятников материальной культуры [Акишев, Агеева, 1958, с. 83–94.]

В результате исследований в издательстве АН КазССР в 1960 г. вышел в свет реестр археологических памятников «Археологическая карта Казахстана». В издании дается исторический анализ исследований древностей Казахстана с перечислением авторов и археологических объектов исследований. В реестр были включены 4911 объектов с указанием точного местоположения и 395 памятников без точного местонахождения. Этот труд явился практически первым полным изданием, включающим археологические памятники всех эпох, исследованных до 1960 г. в Казахстане [АКК, 1960].

Освоение целинных и залежных земель нанесло археологическим памятникам непоправимый ущерб. Еще в 1902 г. на XII археологическом съезде в городе Харькове рассматривался вопрос о каменных надгробных изваяниях, так называемых «каменных бабах», отмечалась их значимость, что позже нашло отражение в труде И.А. Кастанье «Древности Киргизской степи и Оренбургского края», имеется интересный «Этюд о каменных бабах» с большим количеством иллюстраций [Кастанье, 1911]. По воспоминаниям первоцелинников в степях Казахстана повсеместно встречались эти памятники старины. При строительстве жилья гранитные изваяния зачастую использовались для забутовки фундаментов домов. А ведь молчаливые и величественные стражи степей хронологически относились к периоду ранних кочевников и средневековых обитателей казахстанских просторов.

Сегодня археологической науке известны десятки тысяч археологических памятников самых разных эпох древности Казахстана, но средневековый Казахстан Северного региона оставался белым пятном в археологической науке.

Многолетние исследования памятников золотоордынского времени были направлены на изучение территории Западного Казахстана и Европейской части республики, так называемого «западного» крыла под названием Ак Орда. «Восточное» крыло изучалось преимущественно

по памятникам Сырдарьинского региона и частично Центрального Казахстана. Средневековый Северный Казахстан оставался вне внимания специалистов. Возможно, одной из причин являлось специальное постановление государства 1944 г. о запрещении изучения истории средневековья степной части Казахстана, что было обусловлено политическими мотивами, связанными с национальными и политическими проблемами средневековья Казахстана, не отвечающими политическим взглядам советского периода. Сегодня настало время открыть завесу, стоящую перед временем образования и становления казахской народности и национальности, появления на евразийских просторах Казахского государства.

По инициативе президента Республики Казахстан К.-Ж. Токаева 2020 г. предложено провести под знаком 750-летия образования государства Золотой Орды как непосредственного политического образования, логически предшествовавшего и участвовавшего в образовании Казахского ханства и казахской государственности.

В отчетах Северо-Казахстанской археологической экспедиции отражены материалы нескольких тысяч археологических памятников, относящихся к различным этапам древней и средневековой истории, расположенных на большой территории Северного региона Казахстана. Разведочным и стационарным работам были подвергнуты археологические памятники Северо-Казахстанской области, частично Акмолинской, Павлодарской и Костанайской областей. Однако основное внимание уделялось памятникам первобытных эпох, а средневековые объекты просто фиксировались или подвергались раскопкам в связи с исследованиями памятников других эпох. Большинство материалов средневековых памятников до сих пор не опубликованы и не введены в научный оборот.

Приведем лишь несколько примеров, отраженных в отчетах и Своде памятников:

Могильник Новоникольское (Кызылжарский р-н). Эпоха бронзы, ранний железный век, средневековье. Количество внешних объектов – 8. При раскопках исследовано шесть курганных насыпей, четыре относятся к различным этапам эпохи бронзы, одна - к периоду железа и одна - к раннему средневековью. Насыпь средневекового кургана диаметром 12 м и высотой 0,2 м состояла из сплошного прокала, мощность которого вместе с обожженной подкурганной площадкой достигала 0,5 м. Стенки могилы прокалены. В грабительском перекопе найдены многочисленные украшения из бронзы со следами огня. Погребальный обряд следует классифицировать как трупосожжение в могильной яме.

Могильник Жуантобе (Уалихановский р-н). Ранний железный век, средневековье, XX в. Количество внешних объектов – 15. Основу памятника составляют три каменных кургана диаметром 9-10 м, высотой 0,8-1 м. Курганы расположены цепочкой. От крайних насыпей в северо-восточном направлении отходят «усы», причем по одному от каждого кургана. Оба «уса» завершаются каменными площадками. Южнее курганной группы зафиксировано 12 могил с каменной забутовкой (1-2×1,5-3 м). На этой же площадке юго-восточнее памятника находится кладбище позднего средневековья, на котором производились подзахоронения и в XX в.

Могильник Баганаты 2 (район Шал акына). Эпоха бронзы, ранний железный век, средневековье. Количество внешних объектов – 42.

Курган № 3. Высота 0,55 м, диаметр 9,2 м. На глубине 20 см было обнаружено деревянное перекрытие могилы, накат бревен размерами 2,8×2 м. Концы опирались на нижние поперечные бревна. На перекрытии были зафиксированы кости животных. Под накатом находилась могильная яма (1,65×0,5×1,5 м). По краю яма обложена черноземными блоками. Скелет погребенного ориентирован по линии СЗ–ЮВ. Останки располагались вдоль стенки и были перекрыты наклонно установленными дощечками. В изголовье скелета находились кости жертвенного животного. У левого локтевого сустава располагалось компактное скопление семян конопли, вероятно, прежде находившихся в мешочке (кисете). В районе кисти лежал завернутый в ткань шарик беловатого

вещества диаметром 1,5-2 см. Нижний край пятна под кистью заканчивался бронзовым диском диаметром 7-8 см. В области шеи обнаружены бусы из цветного стекла. В области темени найдена обойма из бересты (вероятно, накосник). В области черепа фиксировались остатки ткани, которая представляла собой, скорее всего, погребальный головной убор, или деталь прически. Погребение датируется ранним средневековьем.

Курган № 5. Диаметр 2,5 м. Поверхность представлена каменным панцирем. Под ним была обнаружена каменная забутовка могильной ямы. Захоронение эпохи средневековья содержало остатки погребенного, ориентированного по линии север-юг. Останки располагались внутри ящика из деревянных плах. На уровне тазовых костей найдена бусина диаметром 2 см, высотой 2,5 см, изготовленная из стеклянной массы и пасты. У правого плеча располагались кости жертвенного животного.

Могильник у с. Карьерное (Кызылжарский р-н). Раннее средневековье. Открыт в 1967 г. разведочной группой Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством С.Я. Зданович. Большая его часть разрушена карьером. Обнаружено две разрушенные могилы. Вещевой материал - череп лошади с кольчатыми железными удилами плохой сохранности, три плоские подвески из лазурита, шесть костяных предметов (проколки).

Поселение Лебяжье (Кызылжарский р-н). Неукрепленное поселение позднего средневековья располагалось на левом берегу р. Ишим, в срезе обрыва, восточнее оз. Лебяжьего. В 1956 г. обследовано Северо-Казахстанской археологической экспедицией под руководством К.А. Акишева и внесено в АКК под № 77 (I-№ 924).

Могильник Новокаменка (Кызылжарский р-н). Позднее Средневековье /XV-XVII вв. Могильник был полностью раскопан археологической экспедицией. Расчищено 24 погребения, причем 10 из них - детские. Погребальный инвентарь обнаружен лишь в одном захоронении: это было стеклянное зеркальце в деревянном футляре.

В 2019 г. еще одним свидетельством средневекового Золотоордынского времени в Северном Казахстане явилась находка жителями села Донецкое (Таиншинский р-н) женского (?) погребения, сопровождавшегося набором инвентаря: зеркалом с изображением орнаментальных мотивов и двух рыб, деревянным гребнем, железными ножницами, железным стержнем, обломком железной чаши.

Эта находка еще требует научного исследования, проведения различных анализов для получения более разнообразной информации по определению хронологической и культурной принадлежности. Уникальные артефакты попали в руки ученых благодаря содействию прокуратуры СКО. Кроме того, необходимо повторное обследование места обнаружения находки с целью выявления новых свидетельств средневековой истории Казахстана.

Среди артефактов выделяется зеркало (рис. 1) диаметром 8 см, толщиной 2 мм, идеальной окружности, с хорошо заполированной лицевой частью, изготовлено из серебра (?). Обратная сторона изделия художественно украшена. По краю расположен небольшой буртик размером около 1 мм, на расстоянии 5 мм от буртика по окружности еще один буртик и между ними нанесен мелкий точечный орнамент с частотой 1 мм, далее по окружности идет полоса шириной 2,3 см четырех взаимопроникающих равнобедренных треугольников с шириной основания 1,5 см, и на этот орнамент наложено изображение двух профилей рыб удлинённых пропорций с выделенными частями тела. Голова в виде удлинённого треугольника с изображением глаза вписана в общий контур, на туловище изображен орнамент в виде квадратной сетки размерами 1×1 мм, что визуальное реалистично отражает чешую рыбы, раздвоенный с середины хвост отделен двумя выпуклыми полосами и украшен продольными выпуклыми полосами, что соответствует натуральной конструкции хвоста рыбы. Изображение настолько реалистично отображено, что угадывается по форме порода хищной рыбы (судак, щука?). Центральная часть изделия отделена окружностью

Рис. 1. СКО, Таишинский р-н, с. Донецкое. Зеркало: 1 – лицевая сторона; 2 – оборотная сторона

диаметром 2,1 см выпуклой линией толщиной 1 мм. На этом пространстве, внутри окружности, хорошо видны следы шириной 0,9 см бывшего припоя, судя по остаткам окиси меди, вероятно, медной или бронзовой части изделия. Вероятно, ручки или кольца для удобства использования. Кроме того, обнаружены фрагменты кожаного мешочка с отпечатками изображения на зеркале (рис. 2).

Зеркала с изображением рыб широко известны в научной литературе, посвященной изучению средневековых памятников. В музее г. Костанай хранятся средневековые коллекции, среди которых зеркало с изображением двух рыб, аналогичное данному зеркалу. [Колбина, 2015, с. 83; Хасенова, Хабдулина, 2017]. Большая специальная статья Д.Н. Маслюженко и С.А. Ханова посвящена средневековым зеркалам Притоболья, где имеются описания различных зеркал, в том числе и с изображениями рыб [Маслюженко, Ханов, 2016, с. 79-87].

Рис. 2. СКО, Таишинский р-н, с. Донецкое. Фрагмент кожаной сумочки с видимым швом

Следующий артефакт представлен двумя фрагментами деревянного гребня, ширина одного из фрагментов 1,9 см, на котором насчитывается 16 зубьев, с максимальной длиной 3,4 см. Общая длина изделия составила 5,1 см. Второй фрагмент шириной около 2 см, длина зубьев аналогична длине вышеописанного фрагмента. Фрагменты были склеены в лабораторных условиях (рис. 3). Среди сопутствующего инвентаря из железа присутствуют остатки сильно окисленных железных ножниц (рис. 4), представленных

фрагментом от центральной части с заклепкой по середине и колец ручек с размерами, примерно соответствующим небольшим «маникюрным» ножницам, обломком железной сферы (чаша?) толщиной около 1 мм, размерами 9×6 см, изделие сильно окислено и коррозированная поверхность покрыта комками окислов. Еще одна находка представлена железным предметом квадратной формы удлинённых пропорций длиной 12 см и размерами поперечного квадрата до 8×8 мм.

Постановление о запрете археологического исследования средневекового периода до сих пор официально не было отменено. Но сегодняшняя политическая ситуация в суверенном Казахстане автоматически открывает политическую завесу исторических событий золотоордынского времени. Раскопки мавзолея Кызылоба (Уалихановский р-н) являются началом исследования средневекового периода на территории северного Казахстана.

В силу различных причин приступить к раскопочным работам удалось только в 2019 г. по инициативе «Margulan centre» Павлодарского государственного педагогического университета. Целью раскопок являлось предварительное рекогносцировочное исследование объекта для установления предварительной датировки объекта, его научно-исторической ценности и возможности дальнейшего исследования. Среди находок 2019 г. большая масса фрагментов

Рис. 3. СКО, Таиншинский р-н, с. Донецкое.
Деревянный гребень

Рис. 4. СКО, Таиншинский р-н, с. Донецкое.
Фрагмент железных ножниц

керамики чигирной посуды, две небольшие золотые нашивки в виде бутона цветка и золотая серьга в виде вопросительного знака с подвеской и бирюзовыми вставками, подобные украшения широко известны среди находок в средневековых погребальных комплексах памятников археологии Казахстана.

Средневековая история Урало-Казахстанских степей отражена в работах С.Г. Боталова, который исследовал несколько последних десятилетий памятники большой территории обитания

номадов Казахстана и сопредельных территорий [Боталов, 2015а, с. 544–545; 2015б, с. 1007–1012; 2017, с. 50–57].

Специалисты Северо-Казахстанского университета им. М. Козыбаева и Павлодарского государственного педагогического университета в области истории и археологии считают необходимым продолжение работ по изучению средневековых памятников Северного Казахстана, а исследованные памятники культовой архитектуры могут послужить свидетельством средневековой истории Казахстана, которые станут в недалеком будущем красивым музеефицированным объектом, служащим для патриотического воспитания молодежи и населения в целом. Примером музеефикации могут быть такие памятники, как городище Культобе - один из археологических памятников Туркестана, городище Бозок, которое исследуется под руководством М. Хабдулиной на южной окраине г. Нур-Султан, и другие объекты историко-культурного наследия Казахстана, включенные в сферу создания туристического кластера.

Археологическая экспедиция по изучению наследия кочевников Золотой Орды, организованная в 2019 г. «Margulan centre» Павлодарского государственного педагогического университета совместно с Северо-Казахстанским университетом им. М. Козыбаева, была продолжена в 2020 г. К исследованиям активно подключился «Центр по охране и использованию историко-культурного наследия Управления культуры, развития языков и архивного дела акимата Северо-Казахстанской области», сотрудники которого не только приняли самое активное участие в непосредственной археологической работе, но и в организации жизнедеятельности экспедиции и пропаганде в средствах массовой информации памятников археологии и новых археологических открытий. В 2021 г. над раскопом сооружен купол для защиты музея под открытым небом от природных воздействий.

Большой проблемой в сфере археологии является охрана и использование памятников историко-культурного наследия. В связи с изменением собственности земельных участков после распада СССР до сих пор нет четкого представления о реальном сохранении памятников археологии. В этой связи в 2019 г. прокуратурой СКО разработана Программа «Сохранение историко-культурного наследия» (организация надзора в сфере обеспечения охраны объектов историко-культурного наследия региона) во исполнение поручения Главы государства, данного на заседании Общественного совета по реализации программы «Культурное наследие» на 2009-2011 гг., а также в рамках исполнения статей Президента РК «Рухани жаңғыру» (от 12.04.2017 г.) и «Семь граней Великой степи» (от 21.11.2018 г.). Этот реально действенный документ, который еще до опубликования нового Закона РК от 26 декабря 2019 г. № 288-VI «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия», способный урегулировать систему совершенствования работы и отношения органов власти к ценностям историко-культурного наследия региона. Положительные результаты были получены уже в 2019 г. и получили развитие в 2020 г.

ЛИТЕРАТУРА

Акишев К.А., Агеева Е.И. Археологические работы 1956 года // Известия АН КазССР. Сер. ист., археол. и этн. 1958. Вып. 1 (6). С. 83-94.

АКК. Археологическая карта Казахстана. Реестр. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 450 с.

Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894. СПб.: тип. Акад. наук, 1897. [4], 151 с., XVII л. ил.; 29. (Записки Академии наук по Историко-филологическому отделению; Т. 1, № 4).

Боталов С.Г. Кочевая цивилизация Евразии в период поздней древности и раннее средневековье // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири: сб. трудов VI междунар. науч. конф. / ред. П.В. Мандрыка. Т. III. Хух-Хото, 2015а. С. 1007–1012.

Боталов С.Г. Урало-казахстанское и западно-сибирское единство в судьбах кочевой цивилизации Евразии. Эпоха средневековья // Наука ЮУрГУ: м-лы 67-й науч. конф. Секция социально-гуманитарных наук. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2015б. С. 544–545.

Боталов С.Г. Миграционные ареалы кочевой цивилизации Евразии // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдилов. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 50–57.

Декрет № 794 Совета Народных Комиссаров. О Регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений. URL: <http://istmat.info/node/31571> (дата обращения: 15.04.2021).

Кастанье И.А. Надгробные сооружения киргизских степей // ТОУАК. 1911. Вып. 26. 102 с. (текст на рус. и фр. яз.).

Книга Большому Чертежу. Памятник 17 в. Подг. к печати и ред. К.Н. Сербиной. М.–Л.: изд-во и 1-я тип. Изд-ва АН СССР, 1950. 229 с.

Колбина А.В. От выставки к экспозиции (эволюция археологической фондовой коллекции Костанайского областного историко-краеведческого музея) // Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое. Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию юбилею В.Н. Логвина / отв. ред. А.З. Бейсенов. Костанай–Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 78–85.

Маслюженко Д.Н., Ханов С.А. Зеркала монгольского и золотоордынского времени с территории лесостепного Притоболья // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий: м-лы межрегионального Круглого стола, посвящ. 50-летию Курганской археологической экспедиции (8 декабря 2016 г.) / отв. ред. Д.Н. Маслюженко. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2016. С. 79–87.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.–Л.: изд-во АН СССР, 1937, VII. 607 с.

Отчеты ИАК, 1867. Сообщение о раскопках В.В. Радлова в Семипалатинской области // Отчеты ИАК за 1866 г. 1867. С. XXII–XXIV.

Отчеты ИАК, 1896. Раскопки Акмолинской области // Отчеты ИАК за 1894 г. 1896. С. 30–31, 154.

Отчеты ИАК, 1901. Раскопки в Семипалатинской области // Отчеты ИАК за 1898 г. 1901. С. 59–60, 172.

Отчеты ИАК, 1910. Случайные находки из Акмолинской области, поступившие или зарегистрированные Археологической комиссией в 1907 г. // Отчеты ИАК за 1907 г. 1910. С. 124, 136.

Отчеты ИАК, 1914. Раскопки в Акмолинской области // Отчеты ИАК за 1911 г. 1914. С. 70–100.

Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства / П.С. Паллас; пер. Ф. Томанский. СПб.: Императорская Академия наук, 1786. Ч. 2, кн. 2. 468 с.

Радлов В.В. Древние аборигены Сибири // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Под общ. ред. П.П. Семенова. Т. 11, Западная Сибирь, СПб.–М., 1884. С. 3–30.

Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии / сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. СПб., 1762–1763. Ч. 1–2. 1762. 331, 262, [1] с.

Рычков П.И. История Оренбургская [1730–1750] / П.И. Рычков; под ред. и с примеч. Н.М. Гутьяра, Секретаря Комитета, изд. Оренб. Губ. Стат. Комитета. Оренбург: Тип.-лит. Евфимовского-Мировицкого, 1896. 95 с.

Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутах 1 в Западном Казахстане. МИА. Л.: Ленигр. отд. изд-ва АН ССР, 1962. № 120. 207 с.

Хасенова Б.М., Хабдулина М.К. Зеркала в погребальной обрядности населения Сарыарки в эпоху Золотой Орды // Поволжская археология. 2017. № 4 (22). С. 297–309.

**Р.М. ЖУМАШЕВ,
Э.Р. УСМАНОВА,
М.В. БЕДЕЛЬБАЕВА**

Жумашев Рымбек Муратович,
zhumashev_rymbek@mail.ru;
Усманова Эмма Радиковна,
emmadervish2004@mail.ru;
Бедельбаева Марина Васильевна,
bmv_1967@mail.ru;
Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова,
г. Караганда, Казахстан

ОТКРЫТИЕ и ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ о ЗНАКЕ АМИРА ТИМУРА на СОПКЕ АЛТЫНШОКЫ

Аннотация. Статья предоставляет историографический обзор исследования комплекса Алтыншоқы (курган и плита с надписью на арабском и чагатайском языках), сооруженного Амиром Тимуром во время похода против хана Токтамыша в 1391 году.

Ключевые слова: Амир Тимур, хан Токтамыш, сопка Алтыншоқы, курган

Жумашев Рымбек Муратович,
zhumashev_rymbek@mail.ru;
Усманова Эмма Радиковна,
emmadervish2004@mail.ru;
Бедельбаева Марина Васильевна,
bmv_1967@mail.ru;
Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті,
Қарағанды қ., Қазақстан

АЛТЫНШОҚЫ ТАУЫНДАҒЫ ӘМІР ТЕМІРДІҢ БЕЛГІСІНІҢ АШЫЛУЫ және ОЛ ТУРАЛЫ ҒЫЛЫМИ ТАРИХИ БІЛІМНІҢ ҚАЛЫПТАСУЫ

Аннотация. Мақалада 1391 жылғы Әмір Темірдің Тоқтамыс ханға қарсы жасалған жорығында салынған Алтыншоқы кешенінің зерттелуінің тарихнамалық шолуы ұсынылған (қорған мен араб және шағатай тілінде жазылған тақтайша).

Түйін сөздер: Әмір Темір, Тоқтамыс хан, Алтыншоқы тауы, қорған

Rymbek Zhumashev,
zhumashev_rymbek@mail.ru;
Emma Usmanova,
emmadervish2004@mail.ru;

Marina Bedelbaeva,
bmv_1967@mail.ru;
academician E.A. Buketov Karagandy University,
Karaganda, Kazakhstan

DISCOVERY and FORMATION of SCIENTIFIC KNOWLEDGE ABOUT the HALLMARK of TAMERLAN at ALTYNSHOKY

Abstract. The article provides a historiographical overview of the studying Altynshoky complex. It consists of a mound and a slab with an inscription in Arabic and Chagatai, built by Amir Timur during a campaign against Khan Toktamys in 1391.

Keywords: Amir Timur, Khan Toktamys, Altynshoky, kurgan

«<...> в пятницу, достигли Улук-дака. Тимур взойшел на вершину горы, осмотрел (местность) (это была) степь и в степи – пустыня. Он остановился там на тот день и приказал, чтобы все воины принесли камни и построили там высокий знак. Каменотесам он приказал изобразить на нем высочайшее имя и дату этих дней, дабы на лице времени осталось воспоминание об этом походе».

Низам-ад-дин Шами, из «Книги побед» – «Зафар-наме», первая четверть XV в.

«<...> в пятницу остановились в местности Улук-таг. Для радостного обозрения той степи Тимур взойшел на вершину горы; вся равнина сплошь зеленела. Он пробыл там тот день, (затем) вышел высокий приказ, чтобы воины принесли камней и на том месте поставили высокий знак, вроде маяка. Искусные каменотесы начертали на нем дату тех дней, чтобы на лице времени осталась памятка».

Шереф-ад-дин Али Йезди, из «Книги побед» – «Зафар-наме», первая четверть XV в.

«Его величество остановился на день на вершине Улук-тага и приказал, чтобы войска свезли туда со всех сторон камни, дабы воздвигнуть там большую башню в качестве указателя. Искусные скульпторы выгравировали там дату прихода августейшего монарха в эти места для того, чтобы этот монумент передал в самые отдаленные века память о высоких делах этого прославленного монарха».

Мухаммед ибн Хонд-шах ибн Махмуд (Мирхонд), персидский историограф, XV в.

Вместо вступления. Эпиграфом мы выбрали упоминания из персидских письменных источников об одном важном эпизоде из военной кампании Амира Тимура (1336–1405) против хана Золотой Орды Токтамыша (1373–1395) в 1391 г. [Тизенгаузен, 1941, с. 112–114, 161; Миргалеев, 2007, с. 21]. В «Книге побед» поход назван «Рассказ о походе Тимура в Дешт-и-Кыпчак», во время которого в местности Улуктаг (совр. Улытау – прим. авт.) на сопке Алтыншоки воинами Тимура был возведен курган, и на камне базальтовой породы была высечена надпись (рис. 1). Эпиграфический памятник находится в экспозиции Государственного Эрмитажа по средневековой истории Средней Азии под инвентарным кодом «Кат. 195. Камень с именем Тимура. Золотая Орда. 1391» [Крамаровский, 2005, с. 167–170]. Один из русскоязычных переводов двуязычной надписи Тимура на камне гласит следующее:

«Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Владыка сущего, Святилище истины, Неусыпный защитник, Всесильный и всемогущий. Премудрый даритель жизни и смерти!»

Рис. 1. Комплекс Алтыныоқы. Улытау. Высотная съемка И.А. Кузнецова, А.С. Омарова

Лета семьсот девяносто третьего, в средний месяц весны года овцы [6 апреля 1391 г.], султан Турана Тимур-бек поднялся с тремя сотнями тысяч войска за ислам на болгарского хана Токтамыш-хана. Достигнув этой местности, он возвел этот курган, чтобы был памятный знак. Даст бог, господь да свершит правосудие! Господь да окажет милость людям страны! Да помянут они нас молитвой!» [Григорьев и др., 2004, с. 24].

История открытия и исследования комплекса Алтыныоқы

По указанию местного жителя известным советским геологом К.И. Сатпаевым в 1935 г. для научного сообщества был впервые открыт исторический комплекс на сопке Алтыныоқы (Улытауский р-н, Карагандинская обл.). Плита с надписью, посвященной походу Амира Тимура против хана Токтамыш, лежавшая у подножья кургана, явилась открытием для мировой науки. Все исследования по расшифровке так называемой «карасакпайской» надписи достаточно хорошо освещены в научных изданиях [Григорьев и др., 2004; Крамаровский, 2005].

Мы решили начать наш историографический обзор о первом и пока, возможно, единственном известном нам историческом упоминании о кургане – «высоком знаке», о плите с надписью Тимура на сопке Алтыныоқы до представления их научному сообществу К.И. Сатпаевым.

XVIII в. Интрига картографии и знак Тамерлана. В туристическом путеводителе «Улытау» [Шуптар, 2016, с. 58] есть информация о памятном знаке Тамерлана (Тимура) на сопке Алтыныоқы в районе горного массива Улытау. Виталий Шуптар, карагандинский путешественник и географ, в ходе подготовки путеводителя, изучая старинные европейские карты, нашел на одной из них отметку памятного знака Тамерлана (Тимура) в горах Улытау. Это упоминание дало возможность М.В. Бедельбаевой, одному из авторов статьи, обратиться к своеобразной «реконструкции» истории появления знака Тимура на карте.

На «Карте Тартарии» («Carte de Tartarie»), изданной в 1706 г. в Париже, французским картографом Гийом де Лиллем (1675–1726) рядом с горами, обозначенными как «Oulouc Tas», помещен знак, напоминающий высокий обелиск или пирамиду. Изображение сопровождается надписью «Icy Tamerlan sit elever une Auguille avec la date deson expedition» – «Здесь Тамерлан воздвиг знак с датой своей экспедиции» [Carte de Tartarie. Интернет-ресурс].

Известно, что Гийом де Лилль интересовался русской картографией, использовал ее достижения при подготовке данной карты, в частности, пользовался картой Николая Корнелия Витсена. Однако, ни у Н. Витсена, ни у его предшественников, в том числе у П.И. Годунова, на картах нет обозначения местонахождения надписи Тимура.

Гийом де Лилль изучал математику и астрономию у итальянского астронома Джованни Доменико Кассини, в 1702 г. стал членом Королевской Академии наук Франции, в 1718 г. был официально назначен королевским географом. Блестящее образование и талант позволили ему составлять карты с научной точностью. При этом он не пренебрегал письменными источниками, тщательно изучая классические работы арабских и персидских картографов, книги о путешествиях и по истории народов.

Полагаем, что локализация «камня Тимура» на «Карте Тартарии» 1706 г. появилась вследствие знакомства Гийома де Лилля с содержанием работ персидских авторов. В королевской библиотеке восточные рукописи были представлены достаточно полно. Секретарем и переводчиком с турецкого и арабского языков при дворе короля Франции Людовике XIV (1622–1695) был Пети де ля Круа. Им был сделан каталог всех турецких и персидских книг библиотеки короля. Гийом де Лилль, будучи эрудированным человеком, работал с рукописями и составлял карты с учетом сведений различных источников. Мы предполагаем, что именно сведения о военном походе Тимура через Дешт-и-Кыпчак, представленные в персидских источниках, заинтересовали картографа в результате общения с сыном Пети де ля Круа Франсуа (1653–1713).

В свое время Пети де ля Круа (старший) получил указание от министра финансов Жана Батиста Кольбера написать книгу, в основу которой должен был лечь перевод книги турецкого автора Абулхаира Таша Купризаде (Abulcair Tash Kuprizade) о Чингиз-хане, дополненный как восточными, так и европейскими источниками. Очевидно, что интерес Жана Батиста Кольбера, одного из самых влиятельных людей Франции, был мотивирован поиском исторических параллелей в идее формирования Французской колониальной империи. В этом контексте фигура Чингисхана представлялась ему более значимой, чем, например, фигура Александра Македонского. Работа над книгой продолжалась более десяти лет, но автор умер 4 ноября 1695 г., не успев ее опубликовать.

Франсуа Пети де ля Круа (младший), заняв должность отца при дворе, продолжил работу над подготовкой книги к изданию. В результате в 1710 г. книга «История Чингиз-хана» была издана на французском языке в Париже. Первое англоязычное издание книги в переводе Пенелопы Обин было опубликовано в Лондоне в 1722 г. после смерти Франсуа Пети де ля Круа. В ней имеется «Карта Северной Азии», составленная Гийомом де Лиллем специально для этой книги. В предисловии сказано, что «г-н де Лилль, один из лучших Географов Века, нарисовал Карту, в соответствии с указаниями, которые он получил от отца и сына Пети де ла Круа» [Petis de la Croix..., Интернет-ресурс]. Очевидно, что Гийом де Лилль и Франсуа Пети де ля Круа были знакомы и, скорее всего, сотрудничали в работе над книгой, которая на долгие годы обрела популярность у образованной европейской публики и оказала значительное влияние на сторонников идей Просвещения в США – Бенджамина Франклина и Томаса Джефферсона.

Известно, что Франсуа Пети де ля Круа по поручению Жана Батиста Кольбера более десяти лет провел в Сирии, Персии, Турции, изучая языки. Он познакомился со многими восточными рукописями и увлекся суфизмом. Возможно, это предопределило главный труд его жизни – перевод

с персидского на французский язык произведения Шереф-ад-дина Али Йезди «Зафар-наме» («Книга побед»), посвященного жизни и деятельности Тимура, правителя Мавераннахра (1336–1405).

Издание книги «История Тимур-бека» в четырех частях на французском языке было осуществлено в Париже в 1722 г. [Histoire de Timur-Bec..., Интернет-ресурс]. На ее основе сделан перевод на английский язык, и в 1723 г. вышло англоязычное издание. Информация о надписи Тимура на камне, сделанной во время похода против хана Токтамыша, содержится во второй части книги.

На основании вышеизложенного, мы полагаем, что именно Франсуа Пети де ля Круа, работая над переводом «Зафар-наме», обратил внимание картографа Гийома де Лилля на кыпчакский поход Тимура и на его авторство надписи на камне.

Вполне возможно, что Гийом де Лилль мог самостоятельно изучить как произведение Шереф-ад-дина Али Йезди, так и текст первого «Зафар-наме» авторства Низам ад-Дина Абд ал-Васи Шами. Оба автора повествуют о том, что воины по приказу Тимура возвели из камней знак в виде пирамиды (Пети де ля Круа переводит это слово как «un obelisque»), и на камне была высечена надпись в честь похода Тимура против хана Токтамыша.

Указанный обелиск (или пирамида) на карте Гийома де Лилля, «камень Тамерлана», информация о кыпчакском походе Тимура против Токтамыша из персидских источников – есть единое свидетельство об одном и том же «знаке на лице времени», о сооружении из камней на вершине сопки гор Улытау и камне с надписью, которые были оставлены Тимуром и его воинами.

Таким образом, мы можем предположить, что изображение и комментарий, помещенные Гийомом де Лиллем на «Карте Тартарии» 1706 г., основаны на данных из персидских источников о военной кампании Амира Тимура против хана Токтамыша в конце XIV в. Более того, есть все основания полагать, что это были первые сведения о «знаке Тимура» в европейской картографии, подтвержденные данными персидских биографов-историков первой четверти XV в. Низами ад-Дина Абд ал-Васи Шами и Шереф-ад-дина Али Йезди.

XX в. Современная история находки «камня Тимура» на сопке Алтынышкы

Известный советский и казахстанский геолог, академик К.И. Сатпаев (1899–1964) на протяжении всей своей жизни интересовался проблемами истории и этнографии казахского народа. Об этом свидетельствуют его записи образцов устного народного творчества, которые он начал собирать еще в 1920–1924 гг. (период работы народным судьей в Баян-Аульском районе и ранние годы студенчества). Из воспоминаний М.П. Русакова о студенческой практике К.И. Сатпаева в его геологической партии: «<...> не одна геология интересовала его. После утомительного маршрута, после жаркого дня во время кочевки в ауле, среди живописной природы и трудовой жизни скотоводов, Каныш находил в себе силы подолгу вести разговоры с аксакалами при свете костра в юрте, слушать их рассказы о старине, о разных находках в степи <...>. Уже тогда зародился в К. Сатпаеве интерес к археологии и фольклору родного казахского народа» [Батырбеков, 1999, с. 126]. Увлеченно исследуя источники по истории периода Золотой Орды в библиотеке Томского университета, К.И. Сатпаев ищет соответствия и параллели сюжетов эпоса «Ер Едыге» с периодом междоусобной борьбы и противостоянием между ханом Токтамышем и Едыге. Эпос «Ер Едыге» был издан в 1927 г. в Москве под его редакцией и с его авторским предисловием в издательстве «Восточных народов СССР» [Батырбеков, 1999, с. 51].

К.И. Сатпаев во время первого приезда в Улытау в качестве главного геолога геолого-разведочного комбината Главцветмета Наркома тяжелой промышленности СССР (пос. Карсакпай, Карагандинская обл.) в беседе с одним из местных жителей услышал рассказ о камне необычной формы «с меткой на одной стороне». В качестве ориентира была указана каменная насыпь на вершине сопки площадью приблизительно с окружность юрты [Сарсеке, 2018, с. 507]. Найденная в

1935 г. в ходе геологических разведок «<...> широкая каменная плита, на которой арабским шрифтом красиво высечены письмена <...>» [Сатпаев, 2007а, с. 48], сразу заинтересовала геолога.

С детства знакомый с арабским алфавитом К.И. Сатпаев, хоть и с трудом, но прочел первую строку надписи, содержащую традиционное для мусульман восхваление Аллаха, предшествующее началу всех писем и посланий [Сарсеке, 2018, с. 507]. Предложенная им первая датировка надписи была вполне профессиональной – «<...> письмо не древнее XV в. или даже позднее» [Сатпаев, 2007а, с. 48]. О самом сооружении на «вершине горы Алтын-Чеку, воздымающейся над богатыми пастбищами долины рек Сорели и Джетыкыз», К.И. Сатпаев пишет как об остатках «<...> «завода», где обжигались кирпичи с глазурованной поверхностью. На месте обжига сохранились куски кирпича и шлака» [Сатпаев, 2007а, с. 48]. По его мнению, данная версия находит подтверждение в архитектурных особенностях мавзолеев Алаша хана и Джучи, которые расположены в районе берега реки Кенгир и сложены из обожженного кирпича квадратной формы с глазурованными лицевыми поверхностями. Формы и размеры кирпича этих мавзолеев наиболее близки «золотоордынскому» стилю.

В другой статье К.И. Сатпаев пишет о «<...> развалинах какого-то древнего сооружения, сложенного из кирпича и красивых амфиболитовых плит с ошлакованными и глазурованными поверхностями» и каменной плите с надписью из таких же темных амфиболитов. К.И. Сатпаев приводит перевод надписи профессором Н.Н. Поппе, но при этом, не высказывая версии о назначении сооружения пирамиды, говорит об исторической достоверности эпизода, описанного персидским историком Язди [Сатпаев, 2007б, с. 74–75].

Подробно история дешифровки надписи на камне Тимура изложена в статье А.П. Григорьева, Н.Н. Телицина и О.Б. Фроловой [Григорьев и др., 2004]. Авторы предлагают свою версию прочтения так называемой «карасакпайской надписи», на которой, как известно, присутствуют граффити на арабском и чагатайском языках. Что касается сооружения на вершине сопки Алтыншоки, то они упоминают о нем как о «<...> громадной плавильной печи, сложенной из грубых камней и предназначенной, скорее всего, для вытапливания свинца из руды <...>», обнаруженной К.И. Сатпаевым [Григорьев и др., 2004, с. 20].

В 1991 г. ОО «Общественное движение «Улытау» в рамках проекта «По малому Шелковому пути» по инициативе его руководителя Б.С. Кожакметова приняло решение сделать копию «плиты Тимура» и установить ее у кургана, насыпанного воинами Железного Хромца. Тем самым реконструировался культурно-исторический контекст комплекса Алтыншоки, состоящий из кургана и камня с надписью. Была достигнута договоренность с руководством Государственного Эрмитажа по копированию надписи с оригинала. Краевед и член «Общественного движения «Улытау». С.Х. Улданов в феврале 1991 г. выехал в г. Ленинград и с помощью специальной копировальной бумаги сделал копию надписи «плиты Тимура», которая выставлена в экспозиции зала истории Средней Азии. Местный камнерез (его фамилия не сохранилась в истории «Общественного движения «Улытау») высек копию надписи с учетом особенностей двух ее алфавитов – арабского и уйгурского. Члены «Общественного движения «Улытау» 11 июня 1991 г. установили на сопке Алтыншоки, у подножия каменной насыпи кургана, копию «плиты Тимура». Поездка в Государственный Эрмитаж и установка копии камня были осуществлены при содействии НПО «Джезказганцветмет» (директор Т.М. Урумов). Таким образом, комплексу Алтыншоки в некоторой степени был придан реконструированный исторический облик.

Информацию об Алтыншолы любознательный читатель может найти в энциклопедии «Караганда. Карагандинская область», вышедшей в 2008 году и подготовленной по инициативе историков КарГУ им. Е.А. Букетова. В ней Алтыншоки представлен как «<...> отдельный горный массив на западе Улытауской горной системы на правобережье реки Жетыкыз, высотой 453 м над уровнем моря, в 12 км западнее села Сарлык». Там же упоминается об установке каменного знака

на месте остановки Амира Тимура и приведен смысловой перевод надписи на камне [Караганда, 2008, с. 129.]

При всем научном и краеведческом интересе к этому историко-культурному объекту в приоритете исследования всегда находился и находится камень с надписью Тимура. Однако следует отметить, что курган на вершине сопки Алтыншоки, как отдельное сооружение, долгое время не привлекал к себе внимания исследователей и фактически не изучался.

Этапы изучения комплекса Алтыншоки. В 2010 г. по проекту «Проведение археологических изучений и исследований памятников Северной Бетпакдалы и Западной части Улытауского района» была сделана топографическая съемка комплекса, описано сооружение из камней, памятнику было придано обозначение «комплекс Алтыншоки» (исполнитель проекта ТОО «Археологическая экспертиза»; С.В. Захаров, осмотр, описание, обмеры, фотофиксация; М.А. Антонов, съемка плана, чертежи). Были указаны особенности строения насыпи с восьмеркообразной выемкой в центре, содержащей большое количество шлака и прокаленного плитчатого базальта (рис. 2). Вместе с тем,

Рис. 2. Комплекс Алтыншоки. Улытау. Вид насыпи кургана. Фото Э.Р. Усмановой

следов металлургического производства на месте каменной конструкции не обнаружено. Авторы предварительно сделали вывод о том, что это разрушенная конструкция печи, где обжигалась порода [Научный отчет, AR–12/54]. Пожалуй, это было первое археологическое описание объекта, в котором прозвучало предложение проанализировать шлак из насыпи кургана, чтобы понять его достоверное назначение.

В 2011 г. директор Национального историко-культурного и природного заповедника-музея «Улытау» Б.С. Кожаметов пригласил на объект Алтыншоки российского археометаллурга-

реконструктора И.А. Русанова (Челябинский государственный университет), который работал в составе археологической экспедиции на поселении металлургов эпохи бронзы Талдысай (Улытауский р-он, Карагандинская обл.). Специалист по древней металлургии И.А. Русанов подтвердил наличие отверстий от воздухоудных каналов в насыпи кургана и возможность рассматривать его в качестве теплотехнического сооружения.

В 2015 г. во время создания музейной экспозиции заповедника-музея «Улытау» по истории Золотой Орды на объекте побывала археолог и музейный куратор Э.Р. Усманова. Она также обратила внимание на особенности конструкции курганной насыпи и осуществила подробную фотосъемку сооружения. В первичном обследовании ей помогали житель с. Улытау К.К. Нашкенов и Л. Когай (Караганда). В экспозиции музея была отведена специальная ниша для инсталляции облика этого историко-культурного места, связанного с именами Амира Тимура и хана Токтамыша.

В 2016 г. по инициативе Э.Р. Усмановой и при поддержке директора Национального историко-культурного и природного заповедника-музея «Улытау» Б.С. Кожахметова было начато изучение кургана и природного ландшафта сопки Алтыншоки как части ландшафта военного конфликта, в пространстве которого располагалось войско Тимура. Сотрудники музея Б.С. Кожахметов, Э.Р. Усманова, А.Ш. Исхаков, М.Ж. Абдикаримов выехали на сопку Алтыншоки. Было зафиксировано семь отверстий от воздухоудных каналов в каменной насыпи кургана и обследована территория около сопки и правого берега р. Жетыкыз. Ландшафт данной местности имеет относительно ровную поверхность. По направлению к берегу р. Жетыкыз, в долине между сопками, определялась площадка размерами 4×3 км, которая могла служить местом для расположения военного лагеря войск Тимура. Она окружена сопками с северной и южной сторон, по западному направлению выходит к берегу р. Жетыкыз, по восточному – к долине р. Жылыныш. С нее хорошо просматривается вершина сопки, которая по высоте и форме купола является одной из доминирующих среди сопкок в этом ландшафте. Была осуществлена детальная фотосъемка местности и береговой линии. Таким образом, примерно был выявлен ландшафт местности, на площади которого могло располагаться войско Тимура. Для анализа состава шлака было взято несколько его образцов.

В этом же 2016 г. Э.Р. Усманова посетила Государственной Эрмитаж, зал экспозиции по истории Средней Азии. Был сфотографирован «камень Тимура». Исследователь обратила внимание на присутствие следов вырубки по сторонам камня, который имеет трапециевидную форму. Порода камня соответствует базальтовой коренной породе сопки. По всей видимости, камень для надписи был заготовлен специально, вырублен из скальной основы, а не взят из каменной насыпи. Конечно, требуется дополнительное изучение его поверхности на предмет трасологической экспертизы следов орудий и инструментов, которые могли использоваться при вырубке и обработке сторон камня и для нанесения самой надписи.

В 2016 г. Э.Р. Усмановой при содействии главного маркшейдера П.Н. Блинова был сдан на анализ один образец шлака в химическую лабораторию АО КБРУ «Алюминий Казахстан». Полученный результат указал спектр минерального содержания в шлаке, в том числе и микровключений алюминия. Однако не удалось установить технологическое происхождение шлака и оплавленной породы из состава насыпи кургана.

В этом же году архитектор Е.Х. Хорош (1957–2018), научный сотрудник Национального историко-культурного и природного заповедника-музея «Улытау», помогла в сборе опубликованной научной информации по военному походу Тимура против Токтамыша, что существенно повлияло на дальнейшее исследование комплекса Алтыншоки.

В 2017 г. образцы шлака и породы базальта были исследованы с помощью лазерного атомно-эмиссионного и рентгено-флуоресцентного анализа в лаборатории анализа неорганических материалов химического факультета Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова доцентом кафедры неорганической и технической химии, к.х.н. В.Н. Фоминым.

Геологическое изучение образцов скальной породы, выполненное геологами А.В. Покусаевым (Казахстан, ТОО «Центргеолсъемка») и Г. Мотуза (Gediminas Motuza, Литва, Вильнюсский университет), и высокотемпературная обработка в лабораторных условиях показали идентичность их химического и минералогического состава. Геологическое исследование не выявило присутствия металлов в пригодных для выплавки концентрациях.

В результате междисциплинарного исследования установлено, что сооружение не использовалось для проведения металлургических процессов и, видимо, предназначалось для других целей, возможно, ритуальных. Это было первое исследование кургана как самостоятельного объекта, которое дало возможность интерпретировать его культовое назначение. И комплекс Алтыншоки приобрел свой историко-культурный контекст во времени. Впервые статья с результатами междисциплинарных исследований была издана на английском языке в 2018 г. [Fomin et al., 2018].

В 2017 г. состоялся первый выезд на объект группы историков Карагандинского государственного университета им. академика Е.А. Букетова в составе Р.М. Жумашева (д.и.н., профессор, первый проректор), Д.А. Джумабекова (к.и.н., заведующий кафедрой истории Казахстана), М.В. Бедельбаевой (к.и.н., заведующая музеем археологии и этнографии Сарыаркинского археологического института). Работами по фиксации руководила Э.Р. Усманова (инженер Сарыаркинского археологического института). В состав группы входили работники лаборатории робототехники и интеллектуальных машин Н.А. Есмағамбет и А.С. Омаров, которые взяли для испытания беспилотный летательный аппарат квадрокоптер с целью заснять комплекс Алтыншоки с воздуха.

Основные работы по фиксации комплекса Алтыншоки с использованием беспилотной техники были произведены в 2018 г. по гранту КН МОН РК, проект № AP05132595 «Изучение и документирование культурных ландшафтов Центрального Казахстана с применением современных технологий и междисциплинарных методов». На объект выезжала исследовательская группа в составе сотрудников КарГУ А. Джумабекова, Э.Р. Усмановой, М.К. Лачковой (магистрант исторического факультета КарГУ). Основные работы по топографической фиксации объекта были произведены картографом М.А. Антоновым (научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана) при содействии директора заповедника-музея «Улытау» Б.С. Кожахметова. В результате была подготовлена модель ландшафта сопки Алтыншоки, авторские карты масштаба 1:130000 и выявлены особенности устройства насыпи кургана как теплотехнического сооружения (рис. 3).

В данной местности Улытау в качестве топлива могло использоваться кустарниковое растение семейства розоцветных – таволга зверобоелистная (*Spiraea hypericifolia* L.). Ветви и древесина таволги наряду с другими веществами содержат эфирные масла и смолы. Ее обгоревшие ветки сохранились в порах шлака. Очевидно, она использовалась в качестве горючего материала для кострища. Таволга сторае быстро, давая сильный жар. Кроме того, в качестве топлива мог использоваться татарник колючий (*Onopordum acanthium*), который вместе с таволгой произрастает в ложбинах сопок (устное сообщение М. Ишмуратовой, май 2018 г.). Определение породы кустарника, обугленные ветки которого фиксировались в порах шлаках, было сделано профессором кафедры ботаники КарГУ им. академика Е.А. Букетова, к.б.н. Ишмуратовой М.Ю.

Так, шаг за шагом, открывалась тайна кургана, насыпанного воинами Тимура по его приказу. В 2018 г. к исследовательской группе присоединился молодой ученый из Узбекистана А.Р. Каспаров (магистр археологии, Самаркандский государственный университет). Итогом всех изысканий стала публикация в 2018 г. статьи коллектива авторов «Загадка сопки Алтыншоки: об одном эпизоде похода Тимура против Токтамыша в 1391 г.» [Усманова и др. 2018, с. 7–24]. Основным выводом сводился к тезису, что курган в виде теплотехнического сооружения был сделан для гигантского

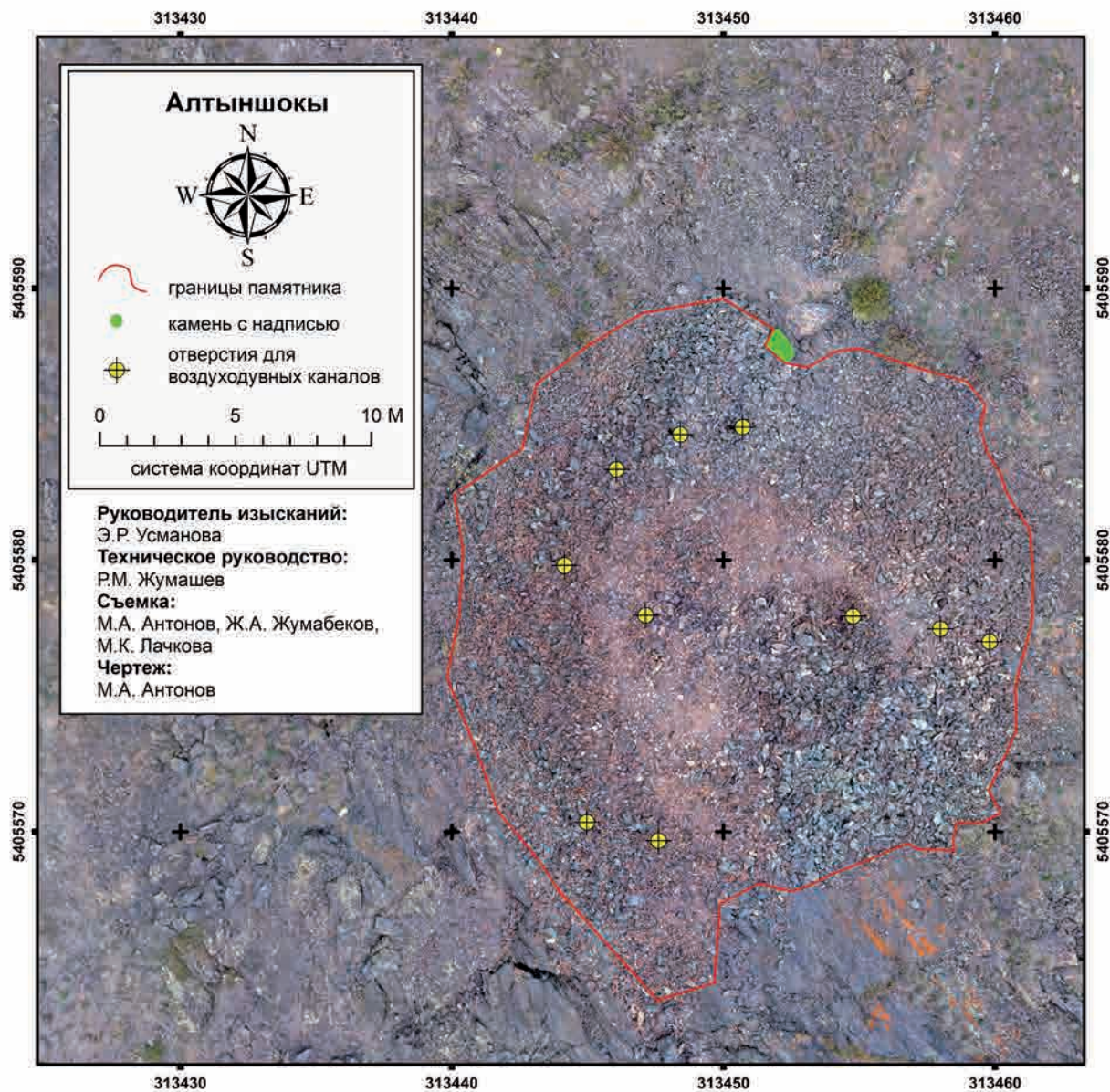

Рис. 3. Комплекс Алтыншоки. Улытау. Вид насыпи с отверстиями от воздухоудных каналов.
Исполнитель М.А. Антонов

обрядового костра, зажженного в честь поклонения предкам и Родовой Горе, который был призван обеспечить будущую победу Амира Тимура над ханом Токтамышем. Как отметил С. Фредерик Старр, признанный специалист по средневековой истории Центральной Азии, Тимур, будучи всего лишь военачальником, не считал себя истинным ханом, «как и его предки, оставался кочевником и воином до глубины души» [Старр, 2020, с. 443].

Однако в достаточно выверенной версии о назначении кургана из комплекса Алтыншоки было слабое звено – это отсутствие абсолютного датирования. Датирование было проведено радиометрическим методом, чтобы сравнить дату сооружения кургана с известной датой похода

Тимура – 1391 г. Содержание радиоактивного изотопа углерода (C14) было измерено на фрагментах обугленных веток таволги, извлеченных из крупных пор ошлакованной породы. Измерения C14 выполнены в Институте ядерной физики в г. Дебрецен в Венгрии (Hertelendi Laboratory of Environmental Studies, Institute of Nuclear Research, Hungarian Academy of Sciences). В результате калибровки¹ был сделан вывод, что одна из возможных календарных дат интервала радиоуглеродного датирования (1286–1394 гг.) совпадает с датой похода 1391 г. Железного Хромца – Тамерлана¹. Датировка угля радиоуглеродным методом подтвердила ранее высказанную исследователями версию о единовременном сооружении кургана, которое является теплотехническим сооружением. Более того, время установки камня с надписью совпадает со временем сооружения кургана.

Итак, в карательном походе против хана Золотой Орды Токтамыша, в 1391 г. через Дешт-и-Кыпчак воины Тимура сооружают по его приказу на вершине сопки теплотехническое сооружение в виде кургана, предназначенное для зажигания и поддержания сильного огня, который имел ритуальное значение. «Каменотесы тех дней» высекли на камне письменное свидетельство о походе, установив его у подножия кургана. Рукотворному кургану и плите с надписью «<...> суждено было стать его (*Тимура – прим. авт.*) самым долговечным наследием» [Захидов, 1996]. И войско двинулось дальше, к месту битвы на реке Кондурча, недалеко от современного города Самары. Знак Тимура «на лице времени» сохраняется до наших дней на сопке Алтыншоки, в улытауской степи, как символ того сложного и противоречивого времени, когда синкретизм культуры определял многие поступки лидеров исторического процесса.

Заключение

Современные представления об исторической науке как целостной системе знания предъявляют совершенно новые императивы к источниковой базе и методам специальных конкретно-исторических исследований. При авторской интерпретации одновременного сооружения кургана и установки камня с надписью Тимура специфика современного исторического знания обусловила междисциплинарный подход к исследованию историко-культурного памятника Алтыншоки. Проведенные комплексные полевые обследования, включавшие в себя наземную разведку местности, фотофиксацию природно- географического объекта и историко-культурного памятника с определением координат, реконструкция мест расположения ставки и воинских формирований, а также маршрута войск Амира Тимура дали четкую локализацию места остановки Тимура и его войска в предгорьях Улытау.

Конструктивным стал подход, сочетающий наряду с использованием нарративных источников привлечение к историческому знанию системы специальных методов из области естественных и смежных наук, которая охватила разнообразную информацию по физической географии, ботанике, геологии, физико-химических методов исследования. В хронологии Великой степи поход Тимура против хана Токтамыша, маршрут которого прошел через предгорья Улытау, в результате комплексного междисциплинарного подхода получено достоверное знание об уникальном историко-культурном памятнике, в котором во всей полноте рассмотрена естественно-географическая среда, исторический опыт взаимодействия в ней людей, контекст социально-политических, культурных, религиозных процессов, дуализм эпохи, психология и стереотипы поведения людей в их взаимосвязи и взаимовлиянии. История открытия и основные этапы изучения комплекса Алтыншоки, результаты химико-технологического анализа шлаков с кургана, датировка угля радиоуглеродным методом, аэрофотосъемка, физико-географическая характеристика местности,

¹Калибровка полученного радиоуглеродного возраста сделана Ириной Панюшкиной в Университете Аризона (Irina Panyushkina Ph.D., Associate Research Professor, Laboratory of Tree-Ring Research, The University of Arizona).

реконструкция месторасположения ставки Железного Хромца и его войск, новейшая и наиболее полная дешифровка камня-плиты со словами, высеченными по приказу Тимура, синкретизм эпохи Тимура, дуальность мировоззрения последнего «покорителя Вселенной», аутентичные фотоиллюстрации вошли в сборник статей «Знак Тимура на сопке Алтыншоки». Сборник был издан в 2020 г. как результат пятилетних изысканий коллектива авторов, в состав которого вошли исследователи: Э.Р. Усманова, В.Н. Фомин, Р.М. Жумашев, Д.А. Джумабеков, А.В. Покусаев, Гедиминас Мотуза, М.А. Антонов, М.В. Бедельбаева, Б.С. Кожаметов, И.П. Панюшкина, Б.С. Кожаметов, М.Ю. Ишмуратова, А.Р. Каспаров, Т.К. Алланиязов.

По итогам конкурса МОН РК, объявленного в 2020 г. на лучшее научное исследование в области гуманитарных наук, коллектив основных авторов был удостоен премии имени Ч.Ч. Валиханова (Р.М. Жумашев, Д.А. Джумабеков, Э.Р. Усманова, В.Н. Фомин). История Великой степи всегда полна открытий. Наше исследование комплекса Алтыншоки еще раз подтвердило это знаковое выражение.

В 2018 г. в честь 20-летия столицы Независимого Казахстана была построена аллея «Улытау» – подарок жителей Карагандинской области главному городу страны. В ней были установлены копии исторических памятников Улытау. Среди них есть копия знаменитого «камня Тимура».

Во время наших экспедиций в Улытау мы стали свидетелями многочисленных посещений сопки Алтыншоки. Многие посетители увозят в качестве сувенира ошлакованные камни с места сооружения культового объекта Великой степи. Неоднократно явившись свидетелями такого «коллекционирования», нам представляется, что через несколько лет или десятков-другой лет насыпь священного кургана потеряет свой исторический вид. Очень надеемся, что «знак времени» сохранится, и наши потомки смогут посмотреть с вершины сопки Алтыншоки на степь глазами Тимура (рис. 4).

Рис. 4. Комплекс Алтыншоки. Улытау. Вид долины р. Жетыкыз с вершины сопки Алтыншоки.
Фото Э.Р. Усмановой

ЛИТЕРАТУРА

- Батырбеков Г.О.* Академик Сатпаев и его современники. Алматы: Рауан, 1999. 176 с.
- Григорьев А.П., Телицин Н.Н., Фролова О.Б.* Надпись Тимура 1391 г. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. 2004. Вып. 21. С. 3-24.
- Захидов П.* Архитектурное созвездие эпохи Темура. Ташкент: Гл. ред. изд.-полиграф. концерна «Шарк», 1996. 192 с.
- Знак Тимура на сопке Алтыншоки. Сб. ст. и публикаций / Гл. ред. Усманова Э.Р. Караганда: LtdTengri, 2020. 192 с.
- Караганда. Карагандинская область. Энциклопедия / гл. ред. А.А. Абдулин. Алматы: Атамұра, 2008. 528 с.+48 стр. цв. вкл.
- Крамаровский М.Г.* «Камень Тимура» как феномен чингисидской истории и культуры // Золотая Орда. История и культура: [выставка, Казань, 23 августа 2005 г.: к 1000-летию Казани]. СПб.: Славия, 2005. С. 167–170.
- Миргалеев И.М.* Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 108 с.
- Научный отчет AR–12/54 по проекту «Проведение археологических изучений и исследований памятников Северной Бетпакдалы и Западной части Улытауского района. Основной раздел Карагандинская обл., Улытауский район, пос. Улытау», 2010 г. Исследования на комплексе Алтыншоки (Надпись Тимура) // Архив ТОО «Археологическая экспертиза».
- Сарсеке М.* Феномен. Роман-эссе. Астана: Фолиант, 2018. 960 с.
- Сатпаев К.И.* Историко-археологические данные о Джезказганском регионе // Научно-популярные и общественно-политические статьи и выступления. Т. 5. Шымкент: «Оңтүстік полиграфия», 2007а. С. 44-52.
- Сатпаев К.И.* Донисторические памятники в Джезказганском районе // Избранное. Т. 5. Научно-популярные и общественно-политические статьи и выступления. Шымкент: «Оңтүстік полиграфия», 2007б. С. 69-75.
- Старр С.Ф.* Утраченное просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. М.: Изд-во Альпина-Паблишер, 2020. 574 с.
- Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
- Усманова Э.Р., Жумашев Р.М., Джумабеков Ж.А., Антонов М.А., Каспаров А.Р.* Загадка сопки Алтыншоки: об одном эпизоде похода Тимура против Токтамыша в 1391 г. // Вестник истории, литературы, искусства. Отд-ние ист.-филол. наук РАН. 2018. Т. 13. С. 7-24.
- Шунтар В.В.* Улытау. Туристский путеводитель. Караганда: Историко-географическое общество «Авалон». 2016. 100 с.
- Fomin V.N., Usmanova E.R., Zhumashev R.M., Pokussayev A.V., Motuza G., Omarov Kh.B., Kim Yu.Yu., Ishmuratova M.Yu.* Chemical-technological analysis of slags from the Altynshoky complex // Bulletin of the Karaganda University. «Chemistry» series. 2018. № 3 (91). С. 64-73.
- Carte de Tartarie. Dressee sur les relations de plusieurs voyageurs de differentes nations et sur quelques observations qui ont ete faites dans ce pais la par Guillaume Del'Isle de l'Academie Royale des Sciences. Des Rosiers sc. A Paris, chez l'Auteur sur le Quai de l'Horloge a l'Aigle d'Or, avec Privilege, 1706. URL: <https://www.loc.gov/item/99446168/> (дата обращения 04.10.2021).
- Petis de la Croix The History of Genghizcan the Great, First Emperor of the Antient Moguls and Tartars: in four books. London: J. Darby, MDCCXXII (1722). 448 с. URL: <https://www.wdl.org/en/item/2378/view/1/1/> (дата обращения 04.03 2019).
- Histoire de Timur-Bec, connu sous le nom du grand Tamerlan, empereur des Mogols & Tartares. Traduite en françois par feu Monsieur Petis de la Croix. Paris: Chez Robert-Marc d'Espilly, 1722. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015063879616;view=1up;seq=5> (дата обращения 04.10.2021).

**А.А. ЕРЖИГИТОВА,
Л.С. БЕЙСЕМБАЕВА**

Ержигитова Айсулу Аскараровна
Туркестанский областной историко-краеведческий музей,
Шымкент, Казахстан;
aisulu6767@mail.ru

Бейсембаева Лаззат Серикбаевна
Научно-исследовательский и
проектный филиал РГП «Казреставрация»,
Алматы, Казахстан;
lazzat_63@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДИЩА САУРАН

Аннотация. В статье публикуются некоторые материалы, связанные с историей изучения городища Сауран. Это городище является одним из наиболее значительных памятников средневековой городской культуры Казахстана, а по степени своей сохранности, в археологическом смысле, оно является уникальным. Археологические исследования, проводимые на городище, ориентированы на создание, прежде всего, научной базы для развития в Казахстане цивилизованного туризма, т. е. на выявление и исследование объектов, способных в перспективе привлечь к памятникам нашего древнего прошлого туристов. Это дает надежду на то, что научно-исследовательские работы на городище средневекового Саурана станут первым этапом создания вокруг этого памятника средневековой культуры современной туристической инфраструктуры. В результате проведенных археологических исследований установлено, что город на том месте, которое сейчас называется «городище Сауран», был построен в конце XIII в. или в начале XIV в. Ранее Сауран располагался на месте городища Каратобе, расположенного в 4 км к югу от стен позднего Саурана.

Ключевые слова: Сауран, Каратобе, кяриз, архитектура, крепостная стена, мечеть, медресе

Ержігітова Айсулу Асқарқызы
Түркістан облыстық тарихи-өлкетану музейі,
Шымкент, Қазақстан;
aisulu6767@mail.ru

Бейсембаева Ләззат Серікбайқызы
«Қазқайтажаңғырту» РМК-ның Ғылыми-зерттеу
және жобалау филиалы,
Алматы, Қазақстан;
lazzat_63@mail.ru

САУРАН ҚАЛАШЫҒЫНЫҢ ЗЕРТТЕЛУ ТАРИХЫНАН

Аннотация. Мақалада Сауран қалашығының тарихымен байланысты кейбір материалдар жарияланады. Бұл қалашық Қазақстанның ортағасырлық қалалық мәдениетінің ең маңызды ескерткіштерінің бірі болып табылады, ал өзінің сақталу дәрежесі бойынша археологиялық тұрғыдан алғанда ол бірегей болып табылады. Қалашықта жүргізілетін археологиялық зерттеулер, ең алдымен, Қазақстанда өркениетті туризмді дамыту үшін ғылыми база құруға, яғни келешекте біздің ежелгі өткеніміздің ескерткіштеріне туристер санын тартуға қабілетті

объектілерді анықтауға және зерттеуге бағытталған. Сауран қалашығында жүргізілген ғылыми-зерттеу жұмыстары ескерткіштің айналасында заманауи туристік инфрақұрылымды құрудың алғашқы кезеңі болады деген үміт береді. Археологиялық зерттеулер нәтижесінде қала қазір «Сауран қалашығы» деп аталатын жерде XIII ғасырдың соңында немесе XIV ғасырдың басында салынғандығы анықталды. Ал ежелгі Сауран ортағасырлық Сауранның қабырғасынан оңтүстікке қарай 4 км жердегі Қаратөбе қалашығының орнында орналасқан.

Түйін сөдер: Сауран, Қаратөбе, кырыз, архитектура, қамал, мешіт, медресе

Aisulu Yerzhigitova,
Turkestan Regional Museum of History
and Local Lore,
Shymkent, Kazakhstan;
aisulu6767@mail.ru
Lazzat Beisembayeva,
Research and design branch of RSE “Kazrestavratsiya”,
Almaty, Kazakhstan;
lazzat_63@mail.ru

FROM THE HISTORY OF SAURAN SETTLEMENT STUDY

Abstract. The article publishes some materials related to the history of the study of the Sauran settlement. This settlement is one of the most significant monuments of medieval urban culture of Kazakhstan, and is unique in its degree of preservation, in the archaeological sense. Archaeological research carried out on the settlement is focused on the creation, first of all, of a scientific base for the development of civilized tourism in Kazakhstan, that is, on the identification and study of objects that in the future can attract tourists to the monuments of our ancient past. This gives hope that research work on the settlement of medieval Sauran will be the first stage in the creation of modern tourist infrastructure around this medieval cultural monument. As a result of archaeological research, it was found that the city on the site that is now called the “Sauran settlement” was built at the end of the 13th century or at the beginning of the 14th century and earlier Sauran was located on the site of the settlement of Karatobe, located 4 km south of the walls of late Sauran.

Keywords: Sauran, Karatobe, kyariz, architecture, fortress wall, mosque, madrasah

С присоединением Туркестана к Российской империи возник интерес научной российской общественности к памятникам прошлого новоприобретенного края. В это же время, т. е. почти полтора века назад, можно сказать, начинается изучение городища Сауран. Назвать «археологическим» этот этап в историографии Саурана можно только с большой долей условности и только потому, что все посещавшие городище и писавшие о нем четко осознавали, что это археологический памятник, хранящий в своих недрах некую историческую информацию или хотя бы некие еще неизвестные следы материальной культуры. Русские военные и гражданские чиновники не имея возможности, а чаще и не умея провести археологические исследования, тем не менее, считали своим долгом дать описание памятника, опубликовать известные исторические сведения о нем. Так, о Сауране довольно подробно упоминается в сочинениях П.И. Лерха, в путевых записках П.И. Пашино, в отчетах А.П. Федченко. Эти авторы лично осматривали городище и писали о хорошей сохранности памятника и его стен, о развалинах медресе [Рычков, 1887, с. 8-19; Лерх, 1870, с. 14, 21, 31; Пашино, 1868, с. 59-60; Федченко, 1950, с. 46]. То есть о Сауране, как об археологическом памятнике, писали в своих путевых заметках и дневниках почти все русские исследователи, известные в историографии края. Публикации эти носили, конечно же, описательный и общепознавательный характер, что было присуще этому жанру «путевых заметок». Скорее очарование живописными и таинственными руинами и интуитивное ощущение большого значения города в истории края подвигало первоисследователей описывать топографические

реалии и предпринимать меры к розыску и обобщению сведений средневековых авторов о городе и тем самым намечать контуры его политической истории.

Этот этап в казахстанской археологической историографии, равно как и в историографии всей Средней Азии, традиционно и вполне справедливо характеризуется как период любительского интереса и накопления первичных сведений, в данном случае, о городище и городе Сауран [Лунин, 1979, с. 43]. Достаточно сказать, что первые раскопки на городище были проведены А. Гейнсом в 1866 г. В те времена для русских колониальных чиновников каждая поездка по служебным надобностям в «новые земли» империи превращалась в увлекательную экспедицию. Так и поездка А. Гейнса из г. Оренбурга в г. Ташкент сопровождалась сбором, как мы бы сейчас сказали, краеведческой информации. Но этот маршрут 1866 г. в составе комиссии военного министерства и внутренних дел был примечателен тем, что в нем участвовал М.К. Приоров, первый профессиональный фотограф, сделавший первые фотографии памятников и примечательных мест всего Присырдарьинского края. Тогда и были сделаны уникальные фото, украсившие знаменитый «Туркестанский альбом», а до того экспонированные на Туркестанской выставке 1869 г. и Московской этнографической выставке 1867 г. [Горшенина, 2007, с. 1–64]. Возможно, М. Приоров был свидетелем того, как на развалинах Саурана в соответствии с общим уровнем развития российской археологии, а более в соответствии с уровнем компетенции А. Гейнса и по его распоряжению были вырыты две ямы глубиной до метра и при этом обнаружена масса керамических черепков и прочего «мусора». Как констатировал первооткрыватель, «не попалось ни одного интересного предмета», так что все находки были там же и оставлены [Гейнс, 1898, с. 225, 262–266 и др.]. Тем не менее, фотографии развалин Саурана, сделанные М.К. Приоровым во время той поездки с А. Гейнсом, о чем последний не преминул упомянуть в своих путевых заметках [Гейнс, 1898, с. 263], стали неоценимым документальным свидетельством состояния памятника в тот период.

Начало научному исследованию остатков Саурана было положено работами ЮКАЭ в конце 40-х годов XX в., руководимой в 1947–1951 гг. А.Н. Бернштамом. Этой первой академической археологической экспедицией во многом были заложены основы республиканской археологической медиевистики, а ее руководителем А.Н. Бернштамом впервые были сформулированы проблемы и направления, остающиеся и по сей день актуальными в археологической и исторической науке Казахстана [Бернштам, 1951, с. 81–97].

На городище Сауран был снят визуальный план и на основании полученного материала предложена датировка памятника [Бернштам, 1950, с. 82; Агеева, Пацевич, 1958, с. 107–110]. Сразу же стал дискуссионным вопрос о локализации Древнего Саурана. Если местонахождение Саурана XIII–XVIII вв. не вызывало сомнений и ему, естественно, соответствует городище Сауран, то локализация домонгольского города точно не устанавливалась. Дело в том, что на городище Сауран нет слоев с материалами ранее XIII в., а существовало оно до XVIII в. А.Н. Бернштам локализовал ранний Сауран на городище Каратобе, Е.И. Агеева и Г.И. Пацевич предлагали искать его на левом берегу Сырдарьи или же под слоями позднего города [Агеева, Пацевич, 1958, с. 109–110]. Кстати, А.Н. Бернштамом впервые в историографии археологической медиевистики было отмечено такое явление, как перемещение средневековых городов в пределах одного «округа»/оазиса, когда город «по принципу “старый” и “новый” город» перемещался на новое место, «а различные названия этого “перемещающегося” города сохранялись в памяти древнего историка и современника» [Бернштам, 1950, с. 81–82]. Свое наблюдение он пояснил на примере пар таких городов, как Кердер и Отрар, Шавгар и Туркестан... Результаты последних стратиграфических работ на городище Сыгнак, видимо, так же свидетельствуют об этом явлении. Здесь в стратиграфическом раскопе «на цитадели» выявлен культурный слой толщиной более 7 м. При этом, самый ранний, т. е. нижний строительный горизонт, исследованный этим раскопом, похоже, датируется так же, как и на Сауране, монголо-тимуридским временем, т. е. XIII–XIV вв. [Жолдасбаев, 2009, с. 263–268], а письменные свидетельства говорят о

существовании Сыгнака с X в. н.э. То есть город караханидского периода истории края пока еще не найден исследователями.

При этом нужно отметить, что явление смены местоположения крупного города в Центральной Азии вполне обычное явление. Можно сказать, пожалуй, что почти все известные крупные города хотя бы раз, а чаще несколько раз меняли свое месторасположение. Например, Древний Мерв четырежды за 25 веков своей истории менял локализацию, и каждый раз на местности оставались городища - Эрк-кала, Гяур-кала, Солтан-кала, Абдулла-хан-кала, Байрам-али-хан-кала [Экаев, Гундогдыев, 1998, с. 124]. Жизнь на Солтан-кала/Султанкала существовала с XII в. по начало XV в. Город стал восстанавливаться в середине XIII в, но частично. Другой известнейший город - Термез в XI-XII вв. достигает своего наивысшего расцвета, занимая площадь в 500 га, и охватывает всё городище Старого Термеза. Структура города состояла из трех частей – кухендиз, шахристан и рабад. Причем под слоями XI-XII вв. слоев IX-X вв. не было, а сразу шли кушанские слои или материк. В 20-х годах XIII в. город был разрушен, заброшен и возродился на другом месте. Историческая топография городищ Термеза изучается давно [Массон, 1941; Шишкин, 1940], но особенно активно с 80-х годов XX в. под руководством Ш. Пидаева [Пидаев, 1987, с. 87-97]. И все равно еще остаются неясные моменты в топографическом развитии города.

В отношении же Сауранского оазиса А.Н. Бернштам однозначно заключил, что Сауран «<...> и по плану, и по архитектурным деталям является городом монголо-тимуридского облика в его классическом выражении. Он был выстроен на пустом месте, и его строителям не пришлось считаться с планом и архитектурными конструкциями предшественников. То небольшое количество ранней керамики, которая была встречена на городище Мир/Мыр-тобе в 6 км севернее Саурана, свидетельствует о расселении жителей из соседнего центрального поселения, остатки которого представлены руинами Каратобе» [Бернштам, 1950, с. 83-84]. Таким образом, А.Н. Бернштам вполне однозначно локализовал ранний или домонгольский Сауран на городище Каратобе, откуда город переместился в «монгольское время» на место современного городища Сауран.

Здесь город обзавелся великолепными по архитектуре зданиями, одно из которых, благодаря необычности заложенных при его строительстве инженерных решений, было широко известно в мусульманском мире. Необычные качающиеся минареты сауранского медресе в свое время описал в дневнике своих странствий Васифи [Болдырев, 1957]. Еще в конце XIX в. остатки архитектурных памятников Саурана своей сохранностью напоминали миру о былом величии города и были запечатлены русскими исследователями. В середине следующего века эти сведения привлекли внимание известного исследователя, заложившего основы истории архитектуры Центральной Азии – Г.А. Пугаченковой. В ее небольшой публикации самое известное архитектурное сооружение Саурана XVI в., теперь исследованное «медресе Убайдулла-хана», было введено в контекст развития архитектуры мусульманского Востока [Пугаченкова, 1954].

Сакральное число семь присутствует в описании неприступных стен из разных металлов, окружающих Кангдиз в «Шах-наме» гениального Фирдоуси. Легендарная столица туров является мифической неприступной крепостью, построенной Сиявушем в Кангхе на отдаленной восточной окраине иранских земель, где за семью стенами правит бессмертный Пишьотан [Птицын, 1947, с. 305-309]. А Сауран, как в ранний период (городище Каратобе), так и в поздний (городище Сауран), действительно имел мощную, во многом уникальную, систему фортификации. Возможно, эта традиция шла еще с ранних времен, с VIII в., когда он был отстроен как крепость против «неверных». По версии «Насаб-нама» южно-казахстанских ходжей, Исхак-баба, чьи войска под знаменем ислама захватили Сауран/Сулхан, укрепил его, воздвигнув три кольца стен и семь мечетей и еще «восемьдесят лет с неверными магами воевал» [Муминов, 2003, с. 138-140]. Строительная активность арабов на вновь приобретенных землях не удивительна. Как известно, Абу Муслим, вступив в Самарканд в 750 г., озабочился строительством его длинной стены, охватившей значительную часть оазиса [Карев, 2000, с. 212].

В 80-е годы прошлого века активизировались археологические исследования в Южно-Казахстанской области. Мощным стимулом этому послужила многолетняя деятельность ЮККАЭ под руководством К.А. Акишева. Хотя основными объектами работ экспедиции были Отрар и памятники его округи, Сауран не мог не привлечь внимание археологов. При изучении аэрофотоснимков городища, полученных сотрудниками экспедиции, внимание привлекли наземные следы кяризов, цепочками подходивших к северо-западной окраине городища. Были проведены небольшие наземные обследования и появилась обстоятельная публикация, в которой обнаруженные следы связывались с упомянутыми Васафи кяризами, построенными на средства Мир-араба, местного духовного авторитета [Акишев, Байпаков, 1973, с. 76-78].

В 1986–1988 гг. В.А. Грошев в составе Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции продолжил полевые работы с целью археологического изучения кяризов Саурана. Он обнаружил три линии кяризов и, исходя из полученных данных, предположил, что все три линии могли бы быть частью одной и той же очень крупной системы. Позже мы предложили назвать ее «Большой Сауранский кяриз», о которой писал Васафи, с истоком, расположенным в районе средневековой крепости Миртобе. В отчете В.А. Грошева говорится о раскопках на глубину до 4 м в двух колодцах первой линии кяризов, в результате которых лишь однажды были отмечены следы подземных галерей [Грошев, 1996, с. 184-186].

Тщательные обследования городищ ближайшей сауранской округи, проведенные в рамках работ «Экспедиции свода памятников» (рук. К.М. Байпаков) в конце 1980-х гг., позволили убедиться в правильности высказанной ранее А.Н. Бернштамом локализации, и окончательно определиться в вопросе о местонахождении домонгольского Саурана. Городище Каратобе было первоначально датировано первыми веками н.э. – VI в. н.э. [Агеева, Пацевич, 1958, с. 107]. Видимо из-за столь ранней датировки верхнего рубежа, это городище не ассоциировалось с Саураном домонгольской поры. Однако, более тщательные обследования памятника позволили пересмотреть время жизни Каратобе и датировать период его существования от первых веков н.э. вплоть до XII в. н.э. На городище была собрана коллекция обломков поливных чаш с характерной для XI-XII вв. прозрачной поливой поверх белого ангоба и росписью зелеными, красными и коричневыми красками. В западной части рабада (пригорода) Каратобе отмечены следы керамического производства - остатки печей, шлаки, бракованная продукция. Топография городища характеризуется наличием признаков, присущих городам IX-XII вв. Здесь присутствуют топографически четко выраженные цитадель, шахристан и рабад, т. е. все основные структурные составляющие развитого средневекового города [Свод памятников..., 1994, с. 307; Байпаков, 1998].

Помимо этого очевидного открытия, экспедицией Свода памятников было акцентировано внимание на изучении «пригородной» зоны Саурана. Детально обследовался участок в километре севернее калы Саурана. «Исследованная площадь охватывает с востока на запад около 500 м, с севера на юг – 700 м. На данной территории были зафиксированы руины четырех усадеб, во дворах которых сохранились остатки хозяйственных построек, а также площади, отделенные между собой валами небольшой высоты». На основании проведенной топосъемки и раскопок было сформулировано описание типичной сауранской усадьбы. «В целом они таковы: центральный холм – остатки от жилого дома, расположенного в одной части двора. Весь участок усадьбы обнесен стеной-дувалом, который маркирует границы между соседними усадьбами. Перед домом сбоку располагались хозяйственные постройки. Остатки от них сохранились в виде насыпей высотой до 0,8 м., шириной 3-5 м и длиной 15-40 м. Остальная территория, видимо, была занята садами. Все усадьбы расположены как бы в один ряд и тянутся с востока на запад» [Байпаков, 1999, с. 93].

На рубеже веков в планах Туркестанской археологической экспедиции (ТАЭ, рук. Смагулов Е.А.) работы в «сауранском микрооазисе» стали носить более систематический характер. Детальные обследования топографии городища Каратобе обнаружили действительно

уникальную планировку внешней крепостной стены городища, снабженной выступающими прямыми углами, видимо, усиливающими ее фортификационные свойства, ранее не известными в древней и средневековой фортификации Казахстана. В период строительства этой стены город явно не уступал размерами известному городу Отрару. Сопоставление площадей Отрара и Каратобе внутри выявленных сравнительно недавно внешних крепостных стен показывает, что они были примерно равны [Железняков, 2009, с. 175].

Были продолжены исследования кяризных систем в окрестностях Саурана, и они дали уникальные результаты. Прежде всего, на основе детальной фиксации агроирригационных планировок в районе Миртобе и севернее Саурана было документально установлено, что кяризы Саурана и Миртобе конструктивно не связаны между собой и представляют разные системы. Они даже не пользуются одним и тем же подземным водным источником и состоят из двух разных систем кяризов, расположенных в разных зонах [Смагулов, 2003; Deom, Sala, 2005]. Зато установлено, что и к Миртобе с севера, т. е. со стороны каратауских предгорий, ведет отдельная цепочка колодцев, прослеженная на протяжении 1,5 км. В ходе этих разведок в 2002-2004 гг. в районе между городами Сауран и Туркестан было выявлено еще около четырех десятков кяризов. Один из них подходит к северной части городища Каратобе (ранний Сауран), что со всей очевидностью свидетельствует о том, что «Большой Сауранский кяриз», построенный Мир-Арабом в начале XVI в., далеко не первая постройка такого рода в регионе.

В Сауранском микрооазисе были зафиксированы несколько десятков цепочек кяризных колодцев, имевших протяженность от 0,5 до 2,5-3,0 км, а совокупная длина только выявленных «цепочек» (а значит, подземных галерей) оценивалась нами более чем в сотню километров. Наличие кяризной системы водоснабжения города и орошения полей и садов придает дополнительную уникальность сауранскому археологическому комплексу. Выявленные масштабы распространенности кяризов в регионе, делают Туркестанский оазис в целом уникальным среди других казахстанских центров средневековой городской культуры.

Кроме этого, были проведены небольшие стратиграфические исследования на городищах Сауран и Каратобе [Смагулов и др., 2000; Байпаков и др., 2005, с. 74-76]. Шурф в обведенной крепостными стенами центральной части Саурана выявил стратиграфию слоев XIII-XVIII вв., а на городище Каратобе небольшим раскопом датирован его верхний культурный слой, а значит, верхний рубеж интенсивной городской жизни, XII-XIII вв. Эти датировки верхнего (последнего) и нижнего (раннего) слоев Каратобе и Сауран совпали по принципу последовательности между собой и вывод о том, что в культурных напластованиях этих двух городищ представлена история и культура одного города – исторического Саурана, стал более обоснован. Обнаружение под самым нижним строительным горизонтом позднего Саурана захоронений послужило основанием для гипотезы о строительстве нового города где-то во второй половине XIII-начале XIV в. на месте старого городского кладбища. Таким образом, в данном случае мы можем говорить о хронологической и территориальной преемственности, что, в свою очередь, усиливает аргументацию в пользу локализации раннего Саурана на городище Каратобе и позволяет считать этот вопрос однозначно решенным. Таким образом, теперь можно с уверенностью утверждать, что Сауран VI-XII вв. располагался на месте городища Каратобе, а Сауран в конце XIII в. или в начале XIV в. был перенесен на новое место и ему соответствует одноименный памятник [Смагулов, 2007].

Помимо этого, работами ТАЭ на Сауране было определено местоположение центральной городской площади («Сауранского Регистана»), выявлены два крупных периода в строительстве и реконструкции крепостных стен, продолжены исследования вне стен калы и т. д. Попутно было определено место расположения жума-мечети на центральной площади, и выявлена стратиграфия строительных горизонтов, слагавших культурный слой городища.

Если прежде археологическое изучение Саурана проводилось «от случая к случаю», то с 2004 г., когда исследования на городище были включены в Государственную программу «Культурное наследие», исследования этого значительного памятника средневековой городской культуры приобрело планомерный характер. Институтом археологии им. А.Х. Маргулана были определены наиболее перспективные объекты раскопок с целью их последующей консервации и музеефикации. В число «первоочередных» вошли: комплекс монументальных архитектурных сооружений на центральной городской площади; комплекс центральных Северных городских ворот; памятники усадебной архитектуры; мечеть-намазгох у северной стены сауранской калы.

На сегодняшний день в застройке сауранского Регистана полностью вскрыты остатки городской соборной мечети XIV-XV вв. и медресе XVI в., расчищена одна из усадеб [Смагулов и др., 2007; Байпаков и др., 2012]. Завершены раскопки главных Северных крепостных ворот [Ақымбек, 2007; Смагулов, 2011], здания напротив медресе (ханака?), мечети-намазгох, изучение фортификационных сооружений и т. д.

Все эти работы показали, что Сауран является поистине музеем средневековой архитектуры. Помимо того, что здесь выявлены и расчищены уникальные для казахстанского средневековья здания с минаретами и куполами, с порталами, покрытыми полихромной облицовкой и пр., уже можно обоснованно предполагать, что эти здания образуют в топографии города архитектурные ансамбли, выстроенные согласно законам соподчиненности форм, объемов и цветов. Искусство средневекового зодчества в археологических материалах Саурана предстает во всем своем разнообразии и великолепии. Специализированное изучение этого архитектурного наследия - дело будущего, пока же нужно выразить уверенность в том, что со временем эти памятники культуры войдут в контексте средневековой культуры Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Тр. ИИАЭ АН КазССР. 1958. Т. 5. С. 3-215.
- Акишев К.А., Байпаков К.М. Кяризы Саурана // Вестник АН КазССР. 1973. № 4. С. 76-78.
- Ақымбек Е.Ш. Ортағасырлық Сауран қаласының солтүстік-шығыс қақпасындағы қазбадан шыққан құлпытастар // Денежное обращение и торговля средневекового Казахстана. Туркестан, 2007. С. 220-230.
- Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы: Ғылым, 1998. 212 с.
- Байпаков К.М. Средневековый Сауран // Города Туркестана: сб. науч. статей. Алматы: Ғылым, 1999. С. 83-97.
- Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Средневековый город Сауран. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2005. 201 с.
- Байпаков К.М., Акылбек С. Второе Сауранское медресе // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2012. № 3. С. 84-93.
- Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Изв. АН КазССР. Сер. археол. 1950. № 2 (67). С. 59-99.
- Бернштам А.Н. Древний Отрар // Известия АН КазССР. Сер. археол. 1951. Вып. 3. С. 81-97.
- Болдырев А.Н. Зайнабдин Васифи. Таджикский писатель XVI в. (Опыт творческой биографии) / Под ред. А.М. Мирзоева. Сталинобад, 1957. 355 с.
- Гейнс А.К. Путешествия в Туркестан: дневник 1866 года // Собрание литературных трудов. В: 3-х томах. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1898. Т. II. 742 с.
- Горшенина С. Крупнейшие проекты колониальных архивов России: утопичность тотальной туркестанистики генерал-губернатора Константина Петровича фон-Кауфмана // Abimperio. 2007. № 3. С. 1-64.

- Грошев В.А.* Древняя ирригация Юга Казахстана. Алматы: Гылым, 1996. 357 с.
- Железняков Б.А.* Об особенностях формирования городских рабадов в IX–X вв. на юге Казахстана (городища с длинными стенами) // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2009. 1. С. 174-195.
- Жолдасбаев С.* Археологические исследования на средневековом городище Сыганак в 2008 г. // Мемлекеттік “Мәдени мұра” бағдарламасы бойынша 2008 жылғы археологиялық зерттеулер жайлы есеп. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2009. С. 263-268.
- Карев Ю.В.* Политическая ситуация в Мавераннахре в середине VIII в. // Центральная Азия. Археология. История. Культура. М., 2000. С. 212-213.
- Лерх П.* Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб., 1870. 39 с.
- Лунин Б.В.* Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения: Историографический очерк. Ташкент: Фан, 1979. 184 с.
- Массон М.Е.* Городища Старого Термеза и их изучение // Труды Узбекстанского филиала АН СССР, сер. 1, вып. 2. ТАКЭ. Ташкент, 1941. 218 с.
- Муминов А.К.* Кокандская версия исламизации Туркестана // Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе: сб. статей. М.: Восточная литература, 2003. С. 117-153.
- Пашино П.И.* Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки. СПб.: Типогр. Тиблена и К (Неклюдова), 1868. 179 с, илл., карт.
- Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии (Сочинение П.И. Рычкова 1762 г.). Оренбург: ИРГО, 1887 (типография Б. Бреслина). 405 с.
- Пидаев Ш.* Стратиграфия городища Старого Термеза в свете новых раскопок // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье: матер. советско-французского colloquium (г. Самарканд, 25–30 августа 1986 г.). Ташкент: Фан, 1987. С. 87-97.
- Птицын Г.В.* К вопросу о географии «Шах-наме» // ТОВЭ. 1947. Т. IV. С. 305-309.
- Пугаченкова Г.А.* Сауранские башни // Труды САГУ. 1954. Вып. LVII. С. 161-169.
- Свод памятников истории и культуры Казахстана.* Южно-Казахстанская область. Алматы: гл. ред. «Қазақ энциклопедиясы», 1994. 514 с.
- Смагулов Е.А., Туякбаев М.К., Ержигитова А.А.* Краткие итоги полевых исследований Туркестанской археологической экспедиции в 1999 г. // Известия МО НАН РК. 2000. № 1. С. 209-214.
- Смагулов Е.А.* Кяризы Туркестанского оазиса // Известия МОН РК–НАН РК. Сер. обществ. наук. 2003. № 1. С. 172-190.
- Смагулов Е.А.* Сауранский археологический комплекс // Известия НАН РК. 2007. № 1. С. 126-134.
- Смагулов Е.А., Туякбаев М.К., Ержигитова А.А.* Жума мечеть на Регистане Саурана // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие». Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2007. С. 173-176.
- Смагулов Е.А.* Древний Сауран. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2011. 436 с.
- Федченко А.П.* Путешествия в Туркестан. М.: Географиз, 1950. 465 с.
- Шишкин В.А.* К исторической топографии Старого Термеза // ТАКЭ. 1936 г. Труды Узбекстанского филиала АН СССР. 1940. Сер. 1 История, археология. Вып. 2. С. 123-153.
- Экаев О., Гундогдыев Б.О.* Мары – «Душа царей». Ашгабад: Алхода, 1998. 196 с.
- Deot J.M., Sala R.* The 232 Karez of the Sauran region // Сохранение и использование объектов культурного и смешанного наследия современной Центральной Азии. Алматы: “PrintS”, 2005. С. 120-132.

Р.С. МУСАЕВА

Мусаева Райхан Сериковна,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан;
argin_rr@mail.ru

ПОСЕЛЕНИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА: история изучения и краткие выводы

Аннотация. В статье приводятся сведения о поселениях срубной культуры Западного Казахстана. Всего автором учтено 23 памятника срубной культуры, к которым относятся 10 поселений (7 частично исследованы) и 16 дюнных стоянок. В данной статье представлена история исследования поселений Солянка, Кресты, Бауржан-аяк и Чесноково-1 (Общий Сырт), Кулагино, Карамола и Караколь (Прикаспийская низменность). Также приводятся краткие выводы об относительной датировке и обобщенная информация о хозяйстве срубного населения данного региона. Хронологически время функционирования поселений охватывает отдельные периоды существования срубной культуры. Такой признак, как расположение поселений в двух природно-географических районах, степной и полупустынной, может свидетельствовать о наличии подвижного скотоводства и в будущем позволит реконструировать определенные сезонные маршруты кочевания.

Ключевые слова: Западный Казахстан, срубная культура, поселения, керамика

Мусаева Райхан Серікқызы,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан;
argin_rr@mail.ru

БАТЫС ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ҚИМА МӘДЕНИЕТІНІҢ ҚОНЫСТАРЫ: зерттелу тарихы және қысқаша тұжырымдар

Аннотация. Мақалада Батыс Қазақстанның қима мәдениетінің қоныстары туралы мәліметтер келтіріледі. Автор қима мәдениетіне тән 23 ескерткішті қарастырған, оларға 10 қоныс (7 ішінара зерттелген) пен 16 құмды тұрақтар кіреді. Бұл мақалада Солянка, Кресты, Бауыржан-аяк және Чесноково-1 (Жалпы Сырт аумағы), Кулагино, Қарамола және Қаракөл (Каспий маңы ойпатының аумағы) қоныстарын зерттеу тарихы берілген. Сондай-ақ, салыстырмалы мерзімдеу мен осы өлкенің қималық тұрғындарының шаруашылығы туралы жалпыланған ақпарат келтірілген. Хронологиялық жағынан қоныстардың қызмет ету уақыты қима мәдениетінің түрлі кезеңдерін қамтиды. Қоныстардың екі табиғи-географиялық ауданда – дала және шөлейт жерлерде орналасуы жылжымалы мал шаруашылығының және көшіп-қонудың белгілі бір маусымдық бағыттарының болғандығын қайта жаңғыртуға мүмкіндік береді.

Түйінді сөздер: Батыс Қазақстан, қима мәдениеті, қоныстар, керамика

Raikhhan Mussayeva,
A.Kh. Margulan Archaeology Institute,
Almaty, Kazakhstan; argin_rr@mail.ru

**SETTLEMENTS of the TIMBER-GRAVE CULTURE
of WESTERN KAZAKHSTAN:
the history of the study and brief conclusions**

Abstract. The article provides information about the settlements of the timber-grave culture of Western Kazakhstan. In total, the author took into account 23 settlement monuments of timber-grave culture, which include 10 settlements (7 partially investigated) and 16 dune sites. This article presents the history of the study of the settlements of Solyanka, Kresty, Baurzhan-ayak and Chesnokovo-1 (the territory of the Common Syrt), Kulagino, Karamola and Karakol (the territory of the Caspian Lowland). Also, brief conclusions about the relative dating and generalized information about the form of the timber-grave population of this region are given. Chronologically, the time of functioning of settlements covers separate periods of the existence of the timber-grave culture. The location of settlements in two natural-geographical areas, steppe and semi-desert, may indicate the presence of mobile cattle breeding and certain seasonal nomadic routes.

Keywords: Western Kazakhstan, timber-grave culture, settlements, ceramics

К настоящему времени на территории Западного Казахстана на основе анализа архивных материалов и публикаций автором учтено 23 поселенческих памятника срубной культуры, к которым относится 10 поселений (7 частично исследованы) и 16 дюнных стоянок. Необходимо оговорить, что по сведениям В.В. Отрощенко, таких памятников – 31 [Горбунов, 2006, с. 36], по В.В. Ткачеву – 26 [Ткачев, 2018, с. 26], по Н.М. Малову – 19 [Памятники срубной культуры, 1993, с. 99–100]. Анализ архивных материалов, научных работ первооткрывателей и исследователей позволил сузить их количество. В частности, были проверены и сопоставлены между собой данные по дюнным стоянкам на территории Прикаспийской низменности; поставлена под сомнение принадлежность поселения Сегизсай [Свод памятников..., 2010, с. 436] к срубной культуре ввиду отсутствия каких-либо подтверждающих материалов.

История изучения и характеристика стоянок срубной культуры подробно описаны ранее [Мусаева, 2019], поэтому в данной статье будет акцентировано внимание на поселениях, которые географически подразделены на памятники, расположенные на территории Общего Сырта и Прикаспийской низменности. Необходимо оговорить, что при установлении относительной (предварительной) датировки автор руководствуется письменным описанием и некоторыми фотоизображениями керамических фрагментов первоисточников и использует хронологические классификации срубных памятников Нижнего Поволжья по Н.К. Качаловой [Качалова, 1985] и Н.М. Малову [Малов, 2012].

Поселения на территории Общего Сырта. История изучения поселений данного региона начинается и во многом обязана исследованиям основоположника Уральской археологической школы – Г.А. Кушаева.

В 1983 году Г.А. Кушаевым было обнаружено поселение *Солянка*, расположенное в 600 м южнее дюкера канала Солянка–Азнабай–Тайпак на правом берегу р. Солянка, на второй излучине берега [Кушаев, 1983].

На поселении Солянка была изучена западина прямоугольной формы со скругленными углами (округлой формы по Г.А. Кушаеву [Кушаев, 1983, с. 32]) и кострище, расположенное в северо-восточном углу. В ходе исследования были обнаружены многочисленные кости животных, предположительно принадлежащие мелкому и крупному рогатому скоту. Фрагменты керамических сосудов в количестве 704 экз. представлены 109 фрагментами венчиков, 506 фрагментами боковин, 72 фрагментами дна и

неопределимыми мелкими обломками. Всего 5% фрагментов орнаментированы, орнамент нанесен мелкозубчатым штампом, треугольными вдавлениями. Основными элементами орнамента являются параллельные прямые, ямочные вдавления, зигзаги, заштрихованные равнобедренные треугольники [Кушаев, 1983, с. 33]. Между тем, автором раскопок более точные определения для керамической и остеологической коллекции не приведены.

Г.А. Кушаевым памятник был отнесен к позднему этапу срубной культуры. Но, сопоставляя керамический материал, следует более верно отнести поселение к концу развитого периода или к началу первого этапа позднесрубной культуры по Н.К. Качаловой (XIII–XII до н.э.) [Качалова, 1985, с. 43], к срубной стадии по Н.М. Малову (XX–XV вв. до н.э.) [Малов, 2012, с. 97].

В 1984 г. на левом берегу р. Урал, в пойме р. Барбастау, впадающей в р. Урал, в 5 км южнее пос. Подстепное Г.А. Кушаевым был открыт, в 1987 г. визуальным осмотром, а в 1992 г. частично исследован аварийный памятник *Кресты* [Кушаев, 1987, с. 22; 1991, с. 33; 1992, с. 13], на территории которого были обнаружены остатки двух землянок. В 1992 г. была исследована землянка-западина в юго-восточном секторе памятника. В западине овальной формы, вытянутой с запада на восток, были обнаружены кости животных, фрагменты керамики (ямная и срубная культуры) [Кушаев, 1987, с. 25]. Дальнейшие исследования проводились Западноказахстанским центром истории и археологии [Марыксин, Крыгин, 2010; 2013]. Так, в 2008, 2010, 2011 гг. были проведены раскопки нескольких западин, располагающихся по восточному склону возвышенности – землянка 1 и 2. В ходе проведенных исследований обнаружены 317 фрагментов кости животных, а именно лошади, КРС, МРС, верблюда, раковины моллюсков, собак, кабана и барсука. Также выявлено множество разновременных фрагментов керамики [Марыксин, Крыгин, 2010, с. 84]. Но авторами раскопок не приводится описание керамики. Выявленные западины круглой и овальной формы, возможно, являлись остатками землянок или полуземлянок, однако следов культурного слоя или построек обнаружено не было.

Авторами раскопок памятник предварительно датирован XVII–XV вв. до н.э. [Марыксин, Крыгин, 2013, с. 98]. Анализ керамического материала позволяет отнести данный памятник ко второму этапу по классификации Н.К. Качаловой (XV–XIV вв. до н.э.) [Качалова, 1985, с. 44] и к покровско-срубной стадии по Н.М. Малову (XX–XV вв. до н.э.).

В 1986 г. также Г.А. Кушаевым было обнаружено и частично исследовано поселение *Бауржан-аяк*, расположенное на правом обрывистом берегу р. Чижа, в 2 км севернее от с. Аяк [Кушаев, 1986]. Отмечается, что на поселении Бауржан-Аяк в 1987 г. визуальным прослеживались контуры от 29 жилищных западин округлой или слегка продолговатой формы (лишь одна из западин имеет прямоугольные очертания) диаметром от 5 до 16 м и глубиной 0,2–0,4 м. Между некоторыми отчетливо просматривались тамбуры (переходы) протяженностью до 2–3 м [Кушаев, 1986, с. 24].

По итогам работ 1986 г. была исследована «землянка 1» размерами 6×6 м. При этом были обнаружены керамические фрагменты, остеологический материал, каменное орудие долотовидной формы, заготовки каменных орудий труда, кальцинированные кости и фрагменты медного шлака. Кости животных (39 крупных определимых и множество неопределимых фрагментов) принадлежат преимущественно лошади. Керамика представлена 24 фрагментами сосудов (7 фр. венчиков и 17 боковин), а также множеством мелких фрагментов. Из 24 фр. четыре с орнаментом: три венчика орнаментировано колечками и вдавлениями в виде горизонтальных и наклонных колечек; одна боковина орнаментирована нарезным орнаментом прямыми линиями в виде зигзагов или елочки [Кушаев, 1986, с. 25].

Г.А. Кушаев отмечает, что при первичном осмотре поймы реки близ поселения был обнаружен следующий подъёмный материал: фрагменты керамики с орнаментом, нанесенным гребенчатым штампом, 79 находок из кварцитовых и кремневых пород, из них 27 орудий в виде концевых скребков различных форм и размеров трапеций, ножевидных пластин и 49 сколов, т.е. отходов производства,

а также один наконечник ланцетовидной формы, длиной 5 см, изготовленный из розового кремния [Кушаев, 1986, с. 26].

Дальнейшие работы на поселении были продолжены силами Западноказахстанского центра истории и археологии [Берденов и др., 2002; Марыксин, 2014]. В 2002 г. один из отрядов Уральской комплексной археологической экспедиции Западноказахстанского центра истории и археологии изучил западину округлой формы диаметром 6 м и глубиной 0,3 м, обозначенной как «жилище № 3» [Берденов и др., 2002, с. 45]. Был вскрыт небольшой угол жилищного котлована, в котором обнаружили развал биконического сосуда с орнаментом в виде зигзага и горизонтального ряда каплевидных оттисков в верхней части. В 2012 г. этой же группой исследователей было изучено небольшое жилище, представлявшее собой округлой формы западину диаметром до 6–8 м и глубиной 0,3 м [Марыксин, 2014, с. 76]. Было обнаружено множество костей животных, из которых определены следующие: лошадь (12 особей), овца (23), коза (1), собака (2), кулан (3), сайга (2), кабан (4); корсак (1), перловица (2), птица (1), еж ушастый (1); неопределенных – 1091 фр. [Марыксин, 2014, с. 76–78]; фрагменты керамики (венчики – 10 фр., стенка с венчиком – 5 фр., 2 фр. сосуда) и обломок камня со следами обработки, предположительно, пест [Марыксин, 2014, с. 78–81].

Г.А. Кушаевым предварительно данное поселение было отнесено к раннесрубной культуре [Кушаев, 1986, с. 24–27]. Д.В. Марыксиным же поселение предварительно датируется XV–XIV вв. до н.э. [Марыксин, 2014, с. 81]. Автор солидарен с исследователями и полагает, что анализ керамического материала позволяет отнести данный памятник к первому этапу, раннесрубному по классификации Н.К. Качаловой (XVI – первая половина XV в. до н.э.) [Качалова, 1985, с. 43]. Согласно периодизации Н.М. Малова [Малов, 2012, с. 97], для позднебронзового века Нижнего Поволжья памятник относится к этапу 2.1 (XX–XV вв. до н.э.), к покровско-срубной стадии развития срубных племён.

В 1986–1988 гг. вдоль р. Деркул, правого притока р. Жайык (Урал), Н.М. Маловым были исследованы поселения *Разъезд 250 км-1*, *Вавилово-3*, *Восточное-3* и *Чесноково-1* [Памятники срубной культуры, 1993, с. 86–87]. Поселения Разъезд 250 км-1, Вавилово-3, Восточное-3 в виду небольшого количества подъемного материала и отсутствию визуальных конструктивных особенностей Н.М. Маловым планомерно не исследовалось. Более перспективным и на сегодняшний день наиболее информативным в регионе оказалось поселение Чесноково-1. По типологии В.А. Лопатина данное поселение отнесено к комплексным хозяйственно-жилым постройкам первого периода срубной культуры [Лопатин, 2002, с. 61–62]. Необходимо отметить, что материал поселения можно классифицировать как переходный от первого периода к развитому. На сегодняшний день это единственный бытовой памятник в регионе, имеющий датировку методом ^{14}C (3140 ± 70 л. т. н., $1531\text{--}1395$ calBC (1 σ); $1675\text{--}1301$ calBC (2 σ)) [Малов, 2012, с. 97].

Поселения с территории Прикаспийской низменности. Все три поселения на территории Прикаспийской низменности изучены силами Волго-уральской экспедиции АН СССР под руководством Л.Л. Галкина [Галкин, 1998].

Поселение *Кулагино* расположено на правом берегу старицы р. Урал, на правом берегу современного течения реки. Было открыто гурьевским краеведом М.Г. Шайхашевым в 1976 г., в дальнейшем исследовано Л.Л. Галкиным [Галкин, 1998, с. 124].

В ходе исследования каких-либо выразительных конструктивных особенностей или кострищ зафиксировано не было. Тем не менее по всей площади раскопа (40 м^2) были обнаружены кости животных и фрагменты керамических сосудов. Анализ остеологической коллекции показал наличие костей особей МРС (9), коровы (1), лошадей (2) и сайгаков (3). Керамическая коллекция насчитывала 212 фрагментов, среди которых 58 венчиков и 6 донцев. Тесто сосудов плотное с примесью ракушки. Срезы венчиков баночных сосудов – прямые, закругленные и «Г»-образной во внутреннюю сторону; венчики горшковидных – с профилированным и отогнутым наружу краем,

с закругленным и отогнутым наружу краем и с валиком. Орнамент нанесен крупнозубчатым штампом, оттиском палочки, насечками. Около 20% керамики не орнаментировано. Для орнамента характерна небрежность исполнения, хаотичность его элементов. Зачастую насечки пересекаются, взаимно проникают друг в друга. Основная композиция орнамента – горизонтальные ряды оттисков крупнозубчатого штампа, в верхней части сосуда горизонтальная елочка. Валик обычно орнаментирован косым крестом, выполненным насечкой. Около 5% керамики обработаны грубыми расчесами. Диаметр сосудов от 20 до 36 см. Цвет керамики серо-желтый.

12 фрагментов сосудов имели наклепные валики и наибольший диаметр тулова, в пределах 30–36 см. Данные фрагменты отнесены Л.Л. Галкиным к хвалынской культуре финальной бронзы [Галкин, 1998, с. 124–125].

Анализ керамической коллекции позволяет предположить, что данное поселение функционировало в раннесрубный период по классификации Н.К. Качаловой (XVI – первая половина XV в. до н.э.) [Качалова, 1985, с. 43], или покровско-срубной стадии этапа 2.1, согласно периодизации Н.М. Малова (XX–XV вв. до н.э.) [Малов, 2012, с. 97]. Наличие сосудов с наклепными валиками, примитивной орнаментации и расчесов по тулову сосуда отмечается некоторыми исследователями [Лопатин, 2002, с. 38; Качалова, 1985, с. 35; Файзуллин, 2015, с. 137; Епимахов, 2018, с. 106].

Следующие два поселения расположены в бассейне р. Уил в песках Тайсоган.

Поселение *Карамола*, по сведениям Л.Л. Галкина, частично перекрыто барханными песками. На исследованной свободной от песков территории (30 м²) следов жилищ не было обнаружено. Культурный слой подстилался стерильным песком. В южном секторе было исследовано кострище диаметром около 50 см и мощностью 30 см. На территории исследованного участка были обнаружены 9 фр. керамики и кости животных.

Кости животных принадлежали особям мелкого рогатого скота (10), крупного (4), лошадям (6), сайгакам (2) и джейрану.

Из восьми фрагментов венчиков баночных сосудов, поверхность трех заглажена расчесами крупнозубчатого штампа. Еще три венчика орнаментированы зубчатым штампом по покрытой расчесами поверхности. Один фрагмент заглажен крупнозубчатым штампом, под которым им же нанесен зигзаг из тройных параллельных линий, а по прямому срезу венчика нанесен орнамент из падающих вправо оттисков.

Крупный фрагмент острореберного сосуда имел прямо срезанный венчик, устье которого имело около 26 см в диаметре, толщина стенок составляла 1 см. Тесто плотное, обжиг равномерный. Поверхность сосуда светло-песочного цвета, не орнаментирован.

По данным Л.Л. Галкина, данный памятник относится к развитому периоду срубной культуры (XIV–XII вв. до н.э.). Исследователь также констатировал, что анализ культурного слоя может свидетельствовать о том, что поселение не могло быть долговременной стоянкой и, вероятно, принадлежало скотоводам, ведущим подвижный образ хозяйства [Галкин, 1998, с. 176–177]. Анализ керамической коллекции позволяет согласиться с автором раскопок и скорректировать датировку в пределах до конца XV в. до н.э. (по Н.М. Малову) [Малов, 2012, с. 97].

Поселение *Караколь* было обнаружено на восточной окраине одноименного поселка (Макатский р-н, Атырауская обл.) [Галкин, 1996, с. 60].

В ходе исследований было обнаружено и исследовано наземное жилище размерами 9×7 м, углубленное в плотный песок. Деревянных конструкций зафиксировано не было, однако Л.Л. Галкин с большой осторожностью и сомнением предположил, что обнаруженные небольшие углубления в песке происходят от опорных столбов [Галкин, 1996, с. 61].

В центре жилища была изучена оригинальная отопительная конструкция, представлявшая собой земляной «стол», образованный канавкой, идущей по его периметру. С южной стороны данная конструкция отсутствовала, что позволило автору исследованного памятника предположить

наличие здесь входа в жилище. Длина конструкции 5,2 м, ширина 2,1 м, сооружена на одном уровне с полом. Канавка, берущая начало от южной части «стола», постепенно углублялась и расширялась к северной его части и достигала ширины 0,5 м и глубины около 0,6 м. Ближе к обогревательной «лежанке» частично сохранилась обмазка пола, представляющая собой серую известковую корку толщиной около 0,5 см [Галкин, 1996, с. 61].

В жилище были найдены следы семи округлой формы кострищ, углубленные в пол на расстояние от 10 до 30 см [Галкин, 1998, с. 172]. Кострища заполнены золой, пережженными костями животных, фрагментами керамики. В северо-западном углу, рядом с основным кострищем, был обнаружен развал большого сосуда, в котором были помещены кости МРС.

В северной части жилища найдены большая часть обнаруженных фрагментов керамики и костей животных. Анализ остеологического материала показал наличие костей мелкого рогатого скота (7 особей), крупного (3), лошадей (2), сайгаков (2), джейрана, кабана и зайца [Галкин, 1996, с. 61].

Керамическая коллекция представлена фрагментами баночных, горшковидных и остросерберных сосудов. Баночные сосуды не орнаментированы за исключением двух фрагментов крупных банок. На одном ниже венчика прочерчена линия из чередующихся косых крестов, на поверхности другого нанесены наклоненные вправо вдавления палочкой. Поверхность горшковидных сосудов не орнаментирована и, как отмечает Л.Л. Галкин, была грубо заглажена и имела пятна нагара снаружи. Фрагменты остросерберных сосудов - с прямо срезанным венчиком, на поверхности вертикальные и горизонтальные расчесы и следы нагара. На одном зафиксированы беспорядочные оттиски гребенчатого штампа.

По заключению Л.Л. Галкиной, данное поселение аналогично поселению Карамола по времени функционирования и своему предназначению [Галкин, 1998, с. 174–175]. Анализ керамической коллекции позволяет синхронизировать с материалами поселения Кулагино и предварительно датировать раннесрубным периодом по классификации Н.К. Качаловой (XVI – первая половина XV в. до н.э.) [Качалова, 1985, с. 43], или покровско-срубной стадией этапа 2.1, согласно периодизации Н.М. Малова (XX–XV вв. до н.э.) [Малов, 2012, с. 97].

Выводы. Расположение поселенческих памятников на территории Общего Сырта близ русла рек отрицательно сказались на их сохранности. Исследователи отмечают, что подъемный материал был обнаружен в обрыве берега, поселения подвергались разрушению в связи с весенними паводками и т.д.

Памятники, расположенные на территории Прикаспийской низменности, также расположены близ русел маловодных или пересыхающих в теплое время года рек. Однако проводимые исследования в большей степени усложнялись наличием рядом постояннодвигающихся песков.

Необходимо также отметить, что все вышеупомянутые поселения не исследованы в полном объеме. Памятники близ г. Уральска могли быть уничтожены при проведении строительных работ, как это произошло с комплексом памятников Кресты. Дюнные стоянки Прикаспийской низменности и возможно кратковременные поселения могут быть перекрыты песками, да и проведение полевых исследований в данном регионе вызывает ряд сложностей.

Как следует из выводов, замечаний авторов раскопок и обнаруженных артефактов, срубное население на территории Западного Казахстана, также как и на иных территориях, вело комплексное хозяйство, основу которого составляло подвижное скотоводство. Древние срубники охотились на диких животных и птиц. Находки мотыги с поселения Чесноково-1 и каменного орудия, похожего на пест, с поселения Бауржан-аяк указывает на возможное занятие земледелием. Также можно предположить и имевшиеся навыки рыболовства, при учете топографии поселенческих памятников, однако материальными свидетельствами на территории Западного Казахстана этот факт не доказан.

Характер построек на территории Общего Сырта и Прикаспийской низменности позволяет согласиться с мнением исследователей о возможном подвижном образе жизни срубного населения.

Проживая в теплое время года в степных районах Волго-Уральского междуречья и вдоль многочисленных притоков этих рек, они сооружали жилища, обустривали поселения, рядом с которым со временем появлялись и погребальные памятники. Но с наступлением осени им приходилось искать более благоприятные условия для своего скота, чтобы защитить его от снежной зимы, степных ветров, прокормить и обеспечить тем самым себе дальнейшую жизнь. Поэтому они направлялись в южные регионы, двигаясь вдоль малых рек на территорию Прикаспийской низменности, где животные могли найти пропитание и в холодное время года. С наступлением весны, население возвращалось в степь, останавливаясь около небольших озер с питьевой водой. В полупустынной местности Прикаспийской низменности растительный покров прорастал раньше, что способствовало росту молодняка. Наличие стоянок и кратковременных поселений в Рын-песках и песках Тайсоган могут надежно подтверждать этот факт [Качалова, 1985, с. 39; Галкин, 1996, с. 59]. Таким образом, возможно, были налажены первые маршруты сезонного кочевания.

ЛИТЕРАТУРА

Берденов С.А., Дрожевский Н., Марыксин Д., Тулегенова Н.И. Первые результаты работ 2002 г. на поселении Бауржан-Аяк // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2002. Вып. 1. С. 43-47.

Галкин Л.Л. О роли экологических факторов в истории населения Волго-Уральского междуречья в эпоху бронзы // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Самара: Актыбинская обл. госинспекция по охране историко-культурного наследия; «Диалог», 1996. С. 56-82.

Галкин Л.Л. Эпоха бронзы Северо-Восточного Прикаспия: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 археология. М., 1998. 401 с.

Горбунов В.С. Срубная общность Восточной Европы. Уфа: изд-во Башкирского гос. пед. ун-та, 2006. 192 с.

Епимахов А.В. Восточная периферия срубной общности // XXI Уральское археологическое совещание, посвящ. 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева: м-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (г. Самара, 8–11 октября 2018 г.). Самара: Изд-во Самарского государственного социально-педагогического университета, 2018. С. 106-107.

Качалова Н.К. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизации) / отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т, 1985. С. 28-59.

Кушаев Г.А. Об итогах проведения охранных археологических исследований в зоне водохранилища на р. Солянка в Уральской области в 1983 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 2, оп. 25, д. 2017, 31 л.

Кушаев Г.А. Отчет о результатах раскопок памятников могильника «Кресты» (могильник и поселение). 1987 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 2, оп. 33, д. 2368, 26 л.

Кушаев Г.А. Отчет о результатах раскопок памятников могильника и поселения «Кресты» и могильника «Турбаза». 1992 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 2, оп. 2, д. 2410, 31 л.

Кушаев Г.А. Отчет об итогах полевых исследований в северной части Чижинско-Дюринских разливов в Уральской области в 1986 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 11, оп. 2, д. 2149, 48 л.

Кушаев Г.А. Этюды древней истории Степного Приуралья. Уральск: «Диалог», 1993. 172 с.

Лопатин В.А. Срубные поселения степного Волго-Уралья: Учеб. пос. Саратов: Саратовский государственный университет, 2002. 136 с.

Малов Н.М. Культурогенез в эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. 2012. Т. 12. Вып. 1. С. 95-100.

Марыксин Д.В. Поселение Бауржан-аяк // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2014. Вып. 1. С. 74-82.

Марыксин Д.В., Крыгин А.П. Новое погребение срубной культуры в Западном Казахстане // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия: м-лы III Междунар. Нижневолжской археол. конф. (г. Астрахань, 18–21 октября 2010 г.) / сост. и отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Астраханский гос. ун-т, Издательский дом «Астраханский университет», 2010. С. 83-86.

Марыксин Д.В., Крыгин А.П. Новые исследования на памятнике бронзового века «Кресты» // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2013. № 4. С. 93-104.

Мусаева Р.С. Стоянки срубной культуры Западного Казахстана // Вестник Казахского нац. пед. ун-та им. Абая. Сер. «Исторические и социально-политические науки». 2019. № 1 (60). С. 381-388.

Памятники срубной культуры: Волго-Уральское междуречье // Археология России (Свод археологических памятников. Вып. В 1-10. Т. 1). Саратов: изд-во Саратовского гос. ун-та, 1993. 200 с.

Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Западно-Казахстанская область. Алматы: Аруна, 2010. 488 с.

Ткачев В.В. Срубная культура на территории Западного Казахстана // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии: сб. науч. тр. к 80-летию Г.Б. Здановича / отв. ред. Д.Г. Зданович. Челябинск: изд-во Челябинского гос. ун-та, 2018. С. 112-125.

Файзуллин И.А. История изучения бытовых памятников срубной культуры в Западном Оренбуржье // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 2 (48). С. 137-142.

М.А. АЛТАЕВ

Алтаев Мейіржан Аллазарұлы,
Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан, meirzhan93@bk.ru

ҰЛЫ ЖІБЕК ЖОЛЫ БОЙЫНДА ОРНАЛАСҚАН ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ҚАЛАЛАРДЫҢ МАТЕРИАЛДЫҚ МӘДЕНИЕТІ ҚАСТЕК ҚАЛАШЫҒЫ НЕГІЗІНДЕ

Аннотация. Қазақстан ғылымы ортағасырлық қалалық мәдениетті зерттеуде айтарлықтай жетістіктерге жетті. Жетісудың және Қазақстанның оңтүстігіндегі қала орталықтарының көпжылдық стационарлық зерттеулері өзіндік қала мәдениетінің қалыптасуы мен дамуының қызықты тарихи бейнесін ашуға мүмкіндік берді. Қазақстан тарихын тек «көшпенділер тарихы» ретінде суреттеген бір жақты көзқарас, жан-жақты қарастырылды. Ұлы дала мен ежелгі ортазиялық аймақтарының тоғысында, Ұлы Жібек жолының керуен жолдарының бойында пайда болып, дамыған бұл қалалар ортазиялық типтегі көшпелі және отырықшы халықтың ұйытқысы болды. Бұл мақалада ортағасырлық Қастек қалашығынан табылған жәдігерлердің маңызы туралы мәселе қарастырылады. Қастек қалашығы ежелден Шу және Іле аңғарларын байланыстыру үшін қызмет еткен. Ортағасырлық Қастек қалашығынан далалық зерттеулер барысында табылған археологиялық материалдар мәдени дәстүрлердің өзара іс-қимыл процестерін анықтауға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: Ұлы Жібек жолы, археологиялық зерттеулер, ортағасырлық Қастек қаласы, материалдық мәдениет

Алтаев Мейіржан Аллазарұлы,
Институт археологии им. А.Х. Марғұлана,
г. Алматы, Казахстан, meirzhan93@bk.ru

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ, РАСПОЛОЖЕННЫХ на ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ, на ПРИМЕРЕ ГОРОДИЩА КАСТЕК

Аннотация. Казахская наука достигла значительных успехов в изучении городской средневековой культуры. Многолетние стационарные исследования городских центров на юге Казахстана и Жетысу позволили открыть историческую панораму становления и развития своеобразной городской культуры. Одновременная историко-культурная реконструкция прошлого, изображавшая историю Казахстана лишь как «историю кочевий», приобрела адекватную многомерную ретроспективу. Возникая и развиваясь на стыке великих степей и зоны древних среднеазиатских оазисов, на караванных дорогах Великого Шелкового пути, эти города являлись основами степных кочевых и оседлоземледельческих культур среднеазиатского типа. В данной статье рассматривается вопрос историко-культурного значения артефактов, найденных на средневековом городище Кастек. Городище Кастек издревле служил для связи долин Шу и Иле. Археологические материалы, обнаруженные в ходе полевых исследований на средневековом городище Кастек, позволяют выявить процессы взаимодействия культурных традиций.

Ключевые слова: Великий Шелковый путь, археологические исследования, средневековый город Кастек, материальная культура

Meyirzhan Altaev,
A.Kh. Margulan Archaeology Institute,
Almaty, Kazakhstan, meirzhan93@bk.ru

**The MATERIAL CULTURE of MEDIEVAL CITIES LOCATED
on the GREAT SILK ROAD,
on the EXAMPLE of the KASTEK SETTLEMENT**

Abstract. Kazakhstani science has made significant progress in the study of medieval urban culture. Long-term stationary studies of urban centers in southern Kazakhstan and Semirechye allowed us to reveal an interesting historical picture of the formation and development of its own urban culture. The one-sided view, which describes the history of Kazakhstan only as the “history of nomads”, has received comprehensive views as a result of historical and cultural revisions at the same time. These cities, which emerged and developed at the junction of the historical regions of the Great Steppe and ancient Central Asia, along the caravan routes of the Great Silk Road, were the center of a nomadic and settled population of the Central Asian type. In this article, the question of the historical and cultural significance of the exhibits found in the medieval settlement of Kastek is considered. The settlement of Kastek has long served to connect the Chu and Ili valleys. Archaeological materials found during field research in the medieval settlement of Kastek allow us to identify the processes of interaction of cultural traditions.

Keywords: The Great Silk Road, archaeological research, the medieval city of Kastek, material culture

Алматы облысы, Жамбыл ауданы, Қастек ауылынан оңтүстікке қарай 2,5 шақырымда Суықтөбе тауының баурайында орналасқан Қазақстанның ортағасырлық ескерткіштерінің бірі Қастек қаласы. Ескерткіштің жалпы аумағы 30 га, ал қала орталығы шахристанның аумағы 4 га құрайды. Оған тиесілі 26 га аумағы жеке меншікке беріліп, егістікке айналдырылғандықтан жоғарғы мәдени қабаты зақымдалып бүлінген.

Қазақстан аумағындағы археологиялық зерттеулер XVIII ғасырда басталған. Өлкенің археологиялық зерттелуі тарихын үш негізгі хронологиялық кезеңге бөліп қарастырамыз. Біріншісі патшалық Ресей кезеңі тұсында әскери-барлау мақсатымен анықталып, кейіннен зерттелінген ескерткіштер, бұлар сонымен қатар Түркістан әуесқойлар үйірмесінің атымен белгілі [Байпаков, Таймағамбетов, 2009, 15–18]. Екіншісі Кеңестік Қазақстан археологиясы, бұл тұста кешенді зерттеу жұмыстары мемлекет тарапынан қолға алынып, ауқымды атқарылған жұмыстар болып табылады. Ұлы Отан соғысына дейінгі және кейінгі жүргізілген археологиялық барлау, қазба жұмыстары әртүрлі бағыттарда жүргізілген болатын. Үшіншісі тәуелсіздік кезеңіндегі Қазақстан археологиясы, 1991 жылдан қазірге дейінгі уақыт [Байпаков, Таймағамбетов, 2009, 15–37]. Бұл Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының құрылуымен сәйкес, қазіргі таңда ғылыми институт 30 жыл қатарынан өз жұмысын атқаруда.

Ескерткішті зерттеу жұмыстары 2011 жылдан бері бірнеше мәрте археологиялық қазба жұмыстарымен жалғасып келеді. Қастек қаласына археологиялық қазба жұмыстары Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының жетекші ғылыми қызметкері А.Ә. Нұржановтың жетекшілігімен жүргізілген. Бастапқы қазба жұмысы Абай атындағы ҚазҰПУ-ң тарих факультетінің студенттерін археологиялық тәжірибеден өткізумен басталған. Ауқымды қазба жұмыстары 2015 және 2018–2020 жылдары аралығында атқарылды.

Қазіргі таңда ескерткіш ғылыми жұмыстарда «қала» немесе «қалашық» деп аталып жүр. Осы тұрғыда ескерткішті «қала» деп немесе «қалашық» деп атағанымыз дұрыс па әлде бұрыс па деген сұрақ туындайды. Бұл бойынша Б.Н. Дублицкий өзі анықтаған ескерткіштерді үш топқа бөледі. Бірінші – бекіністер; екінші – төрткүлдер; үшінші – қалалар деп келтіреді [Ақымбек, Шагирбаев, 2019, 52]. Ал Д.Ф. Винник ортағасырлық қонысты ескерткіштерді үш топқа бөледі: 1. ұзын қорғанды қалалар; 2. бекіністі-қоныстар – керуен-сарайлар; 3. ауылдық қоныстар [Винник, 1967, 91–97] деп қарастырады. Ал Қастек ескерткіші А.Ә. Нұржанов өз зерттеулерінде, 2018 ж. «К вопросу

о семиотике пространства средневекового городища Кастек: функциональный анализ артефактов» атты және т.б. мақалаларында қала кейде қалашық деп те қарастырған [Нұржанов, 2018, 190–199].

К.М. Байпақов қалалардың типологиясына сараптама жүргізе келе 4 топқа топтайды: қала (қала типіндегі қоныстар), ауылдық қоныстар, қала-баспана, керуен сарай [Байпаков, 1966]. Ал кейінгі зерттеулерінде қалалардың типологиясын төмендегідей топтарға бөледі: 1. астана және ірі қалалар; 2. орта және ұсақ қалалар; 3. ауылдық қоныстар; 4. қала-баспана. Сонымен қатар жаңа деректердің толығымен байланысты тағы бір ескерткіштер тобын – «қорғанысы жоқ қоныстарды» жеке бөліп қарастырған [Байпаков и др., 2005, 56].

Осыған қарағанда Қастек «қорғанысы» бар қала екендігіне тоқталуға болады. Б.Н. Дублицкий, Д.Ф. Винник және К.М. Байпақовтардың пікірлеріне сүйенетін болсақ ортағасырлық Қастек ескерткіші жәй ғана қоныс емес, қала деп толыққанды атауымызға негіз бар. Ескерткіш аумағында қала жалы байқалады, осыған қарап ескерткішті қорғанысты қала деп атауымызды да нақтылай түседі.

Қастек қаласы шамамен VIII–XIII ғасырларда өмір-сүрген. Хронологиялық ретімен Түргеш, Қарлұқ және Қарахан секілді Түркі мемлекеттеріне тиесілі ескерткіш.

Қазақстан аумағында қала мәдениетінің қалыптасуына негіз болған экономикалық қарым-қатынастың дамуы

Ұлы Жібек жолының пайда болуы, сауда көлемінің артуы жергілікті халықтың әлеуметтік-мәдени дамуына өз ықпалын тигізді. Бұл сауда жолы Қазақстан мен Орта Азия арқылы өтіп, Иран, Таяу шығыс, Византияға одан әрі бір тармағы Шығыс Еуропаға шығып отырған. Еуразияны басып өтетін жолдың шамамен ұзындығы 7000 шақырымды құрады. Ұлы Жібек жолының негізгі екі жолы Лазурит және Нефрит жолдары болып табылады. Лазурит жолы – Бадахшан тауы мен Иран, Месопатамия, Мысыр, Сирия жерлерін Қытаймен байланыстырған. Ал, Нефрит жолы – Жаркентдария, Шығыс Түркістан мен Қытайды байланыстырған [Байпаков, 1998, 10–11].

Ұлы Жібек жолының шамамен VI–VII ғасырларда гүлденген кезеңі болды. VII ғасырдың алғашқы онжылдығында Оңтүстік Қазақстан мен Жетісуда сауда жолдарының бойында қалалар көптеп пайда бола бастаған. Олардың дені Түрік қағанаттарының әскери бекеттері ретінде қалыптасып, ал кейбіреулерін соғдылықтар сауда орталықтары ретінде құрған. Түргеш, Қарлұқ және Қарахан мемлекеттері тұсында егін шаруашылығы мен мал шаруашылығын қатар дамыта отырып, отырықшы аймақтарда қоныстар мен қалалардың саны өсе түскен.

Қастек қаласы тау арасын жарып өтетін Қастек өзенінің сол жағалауында, Қастек асуының аузында орналасқан. Асу ежелден Шу және Іле аңғарларын байланыстыру барысында қызмет еткен. Қастек асуы жайында ортағасырлық Темір жорығының деректерінде айтылған. XV ғасырдың деректеріне сүйенетін болсақ, 1375 жылы Темірдің әскері Іле алқабынан Атбашқа Қара-Қасман (Қастек) асуы арқылы өткен [Бартольд, 1966, 53–58]. Бұл асу арқылы Ұлы жібек жолының бір тармағы Ыстықкөлге одан әрі Ферғанаға шығады. Қаланы қазу барысында шеттен келген көптеген жәдігерлердің табылуы, қалада сауда-саттықтың дамығанын аңғартады.

Халықаралық сауда жолы арқылы араб, қытай, парсы саудагерлері, саяхатшылары және саяси маңызы бар елшіліктер байланысып отырған. Бұл сауда жолының аты айтып тұрғандай негізгі қымбат тауар «жібек» болғанымен, әр түрлі халық тұтынатын өнімдері айналымға түсіп отырған. Халықаралық сұранысқа түрлі әшекейлер, аң терілері, бағалы метал бұйымдары, сырланған ыдыстар, қытай фарфоры, қару-жарақтар секілді тауарлар сатылып және сатып алынып отырған.

Ортағасырлық Қастек қалашығы А.Ә. Нұржановтың айтуынша бастапқыда Түргештердің әскери бекеті негізінде бой көтерген [Нұржанов, 2015, 89–102]. Кейінірек Қарлұқ және Қарахан кезеңі тұсында Түргештердің әскери бекеті қала ретінде қалыптасқан. Қаланы қазу барысында бес мәдени қабат анықталды. Олардың екі мәдени қабаты Қарлұқтарға (VIII–X ғғ.), үш мәдени қабаты Қарахандарға (X–XIII ғғ.) тән. Негізінен қаланың шахристан бөлігіне қазба жұмысы жүргізіліп,

бірнеше үй-жайлар мен құрылыстардың орны ашылды. Қала құрылысынан 14 мұнаның орны анық байқалады, сонымен қатар 32 үй-жайдың орны анықталған [Нуржанов, 2015, 89–102].

Қазба барысында қаладан көптеген қыш ыдыстар табылды. Олардың дені асханалық, асүйлік және тұрмыстық мақсатта қолданылған. Құмыра, хум, хумша, қазандар, қыш көзелер, сырланған ыдыстардың бүтіндей және сынған бөліктері көптеп кездесті. Тұрмыстық және асханалық ыдыстармен қатар ғұрыптық ыдыстар да қолданылған. Табылған қыш ыдыстар әртүрлі геометриялық өрнектермен безендірілген. Геометриялық өрнектер тік сызық және толқын тәрізді ирек сызықтар. Сонымен қатар антропоморфты және зооморфты ыдыстар да табылған.

Асханалық ыдыстар көлемі жағынан әр-түрлі болып келеді. Су құюға арналған құмыралардың ең үлкендерінің биіктігі 48–50 см-ге дейін барады, ал аласа ыдыстардың биіктігі 17–20 см. Ыдыстардың сыртында әр-түрлі геометриялық өрнектер бедерленген.

2015 ж. қазба барысында қарахандық мәдени қабатына тиесілі қазбаның оңтүстік-батыс бөлігінен биіктігі 49 см, түбінің қалыңдығы 2,5 см болатын «кең алқымды жылан» (кобра) бейнеленген зооморфты құмыра табылды. Жыланның басы ыдыстың ернеуінде орнатылған екі шетінде екі көзі анық түйме ретінде бекітілген. Ернеуінің диаметрі 18 см. Жыланның қалған денесімен екі жаққа жайып тұрған қанаты ернеудің дәл астынан сәл 1,5 см төменірек орналасқан, ені 4,8 см болатын иілген тұтқасына орнатылған. Құмыраны ерекшелендіретін жылан бейнесімен қатар геометриялық өрнектермен безендірілген. Ыдыстың иығында айқыш (крест) тәрізді және геометриялық сызық айналдыра салынған. Жәдігер қалаға сауда жолы арқылы әкелінді немесе ыдысты жасаған көзеші осы жыланның түрін шет аймақтардан көрген болуы мүмкін [Нуржанов, Терновая, 2020, 7–29]. Сонымен қатар осы секілді тұтқасына жылан бейнеленген шағын ыдыс табылған. Тұтқаның бас жағында жыланның басы және оның көздері нүкте арқылы безендірілген. Бұл ыдыс асханалық мақсатта қолданылмағаны анық, ем жүргізу мақсатында қолданылғанға ұқсайды.

2019 ж. табылған жәдігерлердің арасында көлемі 7×5,5 см қойдың басы бейнеленген ыдыстың сынған бөлігі табылған. Ондағы бейнеде қойдың екі көзі, мүйіздері, құлақтары айқын бейнеленген. Зооморфты бейнеленген бұл ыдыстың сынған бөлігі шүмектің міндетін атқарғанға ұқсайды. Мұндай қойдың бейнесі бейнеленген ыдыстар Қазақстанның оңтүстік аумағындағы ортағасырлық ескерткіштерден кездескені белгілі (сур. 1, 1) [Байпаков, 1974, 466–477].

2019 ж. қаладан қазып алынған ірі сынған ыдыс бүйірі бөлігінің қабырғасының ішкі жағына қатты жүрек секілді затпен күйдіруге дейін зооморфты бейне салынған. Ондағы бейне қасқырдың басына ұқсайтындығы байқалады (сур. 1, 2).

Зооморфты ыдыстармен қатар антропоморфты бейнесі бар ыдыстардың бөліктері де кездеседі. Сондай ыдыстардың бірі 2019 ж. қазбаның оңтүстік-шығыс бөлігінен X–XI ғасырларға тиесілі мәдени қабатынан табылған су құюға арналған құмыраның мойны. Ыдыстың мойнының биіктігі 14 см құрайды. Ернеуі мен иығының арасында тізе секілді иілген тұтқасы бекітілген. Ернеуінің екі жағынан астына қарай тікейтіліп құлақ орнатылған, дәл ортасында тесіктері бедерленген. Жақсы сақталған оң жақ құлағының биіктігі 2,9 см құрайды [Нуржанов, Терновая, 2020, 7–29].

Қаланы қазу кезінде үлкен көлемдегі хумдар мен хумшалар көптеп шықты. Хумдардың жасалу технологиясы жапсырма ленталарды қосу арқылы қаланып жасалынған. Мұндай ыдыстардың қазба кезінде бүтін табылуы сирек. Ондай үлкен хумдардың бір данасы ғана 2015 ж. қазба кезінде бүтін табылған. Хумның биіктігі 1,15 м, бүйірінің диаметрі 3 м бұндай хум Орталық Азия мен Қазақстанда бүтін табылуы және көлемі жағынан сирек кездескен.

2018–2019 жылдардағы қазба жұмыстары барысында ерекше ғұрыптық қыш ыдыстар бүтіндей қазып алынды. Олардың жасалу формасы басқа сұйықтық құятын ыдыстар секілді емес тұтқасы ернеуімен шүмегінің арасында керсінше орналастырылған. Ондай ыдыстардың бірнеше данасы әртүрлі мәдени қабаттардан аршылып алынған (сур. 1, 3).

Сур. 1. Қастек қалашығынан табылған: 1 – қойдың басы бейнеленген ыдыстың сынған бөлігі; 2 – қасқырдың бейнесі бейнеленген ыдыстың сынған бөлігі; 3 – ғұрыптық ыдыс; 4 – тастан жасалынған шағын ұнтақтағыш; 5 – металдан жасалынған ауыздық; 6 – темірден жасалынған найза ұшы; 7 – темірден жасалынған жебе ұшы; 8 – басы иілген қанжар; 9 – сауыт қапсырмалары; 10 – темірден жасалынған үш жұлдызды кескіш қару (Түсірген М.А. Алтаев)

Ыдыс сыртында мойны мен бүйірінің арасында толқын мен сызық бастырылып бейнеленген. Ыдыстың мұндай түрі аналогиялық мақсатта жасалынған немесе арнайы ғұрыптық ыдыс болуы да мүмкін. Дәл осындай жасалынған ыдыс көлемі кіші, түсі қызғылт ыдыс табылған. Сонымен қатар, қазбадан шүмегі бар қалған жері бітеу ыдыстарда аршылып алынды. Ыдыстың жасалуы алдыңғыларынан өзгеше, пішіндері жұмыртқа тәріздес бүйірлене сопақтанады, олар биік етіліп жасалынбаған мойынның орнынан басталатын тұтқасы шүмекке барып жалғасады, су құятын ернеуі мүлдем жоқ, түсі қызғылт. Ал екіншісі алдыңғысының жасалу формасын қайталайды. Сонымен қатар қазбадан өңделген сүйектер молынан табылды. Олардың дені тұрмыста қолданылған бұйымдар болып келеді. Табылған өңделген сүйектердің қатарында бесікке қойылатын шүмек, шашқа таққыш, тіс щеткасы, ұсақ малдың мүйіздері мен асықтарынан жасалынған құралдар, шахмат фигурасы т. б. бұйымдар.

Тіс щеткасының қазбадан шығуы ортағасырлық қала тұрғындарының мәдениетінің жоғары болғандығын аңғартады. Тіс щеткасының ұзындығы 225 мм ірі жануардың тығыз сүйегінен жасалынған, ашық сарғыш түс беретін тұтқасы бар, басының ұзындығы 36,5 мм, ені 10,5 мм болатын дөңес етіліп тұтқасына жалғасады. Басының беті жалпақ етіліп тегіс жасалынған, 5 дөңгелек тесік ойылған, оның артқы жағында түзу етіліп екі сызық кесілген. Дөңгелек етіліп жасалынған тесіктер арқылы қылшық өткізіліп артқы жағындағы кесілген сызықтар арқылы бекітілген [Нуржанов, 2015, 89–102].

Қаланы қазу барысында өңделген сүйектен жасалынған шахмат фигурасының бір данасы табылған болатын. Оның биіктігі 4 см, диаметрі 3,5 см мұндай фигуралар Орта Азияның ортағасырлық қалаларынан табылғаны белгілі [Нуржанов, 2015, 89–102].

Қазба барысында өңделген сүйектен жасалынған әйелдердің шашқа тағуға арналған бұйымдары көптеп шықты. Олардың ұзындықтары әртүрлі, ең ұзыны 27 см болады, қысқасы 13 см шеңберлі түзу келген. Шашқа таққыш бұйымдардың дені жылтыр лакпен боялған, кейбірінде өрнектер безендірілген [Нуржанов, 2015, 89–102].

Қаланы қазу барысында үй жануарларының мүйіздерімен қатар дала жануарларының соның ішінде еліктің, бұғының, арқардың мүйіздері табылған болатын. Дала аңдарының мүйіздерін өңдеп, тұрмыстық мақсатта қолданғаны белгілі [Нуржанов, Гимранов, 2019, 529–537]. Соның ішінде бұғы мүйізі тек тұрмыста ғана емес дәрі-дәрмек жасау мақсатында да қолданылған болуы мүмкін.

Өңделген сүйектердің қатарында ұсақ малдың жілігінен жасалынған түтікшелердің бірнеше данасы табылды. Олардың ұзыны 10 см, қысқасы 5 см болады, жіліктің екі басын кесіп алып тастап, мұқият егеп өңдеген. Бұл түтікшелерді не мақсатта қолданылғаны белгісіз.

Қалану қазу барысында гигиеналық құралдар шүмектердің бірнеше данасы табылған. Бұл құралдар ұсақ малдың асықты жілігінен жасалынған. Жіліктің асық тұрған басын тесіп ойық жасап, ал екінші басын шорт кесіп алып тастаған, сонымен қатар кесілген жерлерді жылтыратып егеп өңдеген.

Қаладан тұрмыстық мақсатта қолданылған өңделген тас құралдары көптеп табылды. Олардың дені диірмен тастар мен ұсақ дән үккіш құрал-жабдықтары болып келеді. Осындай құралдардың екі данасы 2019 жылы қазбаның оңтүстік-батыс бөлігінен XI–XII ғасырларға тиесілі мәдени қабатынан табылды. Құралдарды барынша әдемі және ыңғайлы етіп өңдеген. Олардың біреуінің диаметрі 63 мм, ұзындығы 103 мм, екіншісінің диаметрі 55 мм, ұзындығы 115 мм. Бір қызығы қызметіне қарай бұл құралдардың формасымен салмағына қарай өзіндік атқару қызметі болғанға ұқсайды.

Сонымен қатар өңделген тас құралдарының ішінде өте кішкене диірменге ұқсас құралдың бөлігі кездесті, ол өз кезеңінде сынып жарамсыз күйде қалғанға ұқсайды. Оның құрылымы ерекше етіліп өңделген, шағын жалпақ тасты қашау арқылы ұсақтағыш құралдың орнын дөңгелек етіп ойып дайындаған, ол ойылған орынға дөңгелек етіліп өңделген тасты айналдыру арқылы керек затты ұсақтағанға ұқсайды. Бұл құралдың көлемінің шағындығына қарап жеңіл уатылатын шөп дәрілерді ұнтақтауға арналған болуы мүмкін деп есептеуге болады (сур. 1, 4).

Қаланы қазу барысында өңделген тас құралдардың арасынан қайрақтар көптеп шыққан болатын. Олар әр түрлі көлемде жасалынған, кейбірінің басында арнайы тесік тесілген, ол арқылы шағын қайрактың иесі оны өзімен бірге белбеуге болмаса, мойнына бекітіп жүргенге ұқсайды.

Дамыған ортағасырлардағы қалалар мен қоныстарды қазу барысында шыны бұйымдары көптеп кездеседі. Шыныдан жасалынған бөтелкелер, кеселер, терезе әйнектері секілді асханалық және тұрмыстық бұйымдар жасалынған. Осы секілді асханалық және тұрмыстық бұйымдар Қастек қаласын қазу барысында ыдыстардың ернеулері мен бүйірлерінің сынықтары молынан табылған [Нуржанов, 2015, 89–102].

Ортағасырлық қалаларды қазу барысында табылған мыстан, қоладан және жезден жасалған бұйымдардың саны көп емес. Алайда, жекелеген бұйымдар түсті металдарды өндеуде жоғары дамыған колөнердің болғанын дәлелдейді. Қастек қалашығындағы қазбадан темірден жасалынған ат-әбзелдері кездесті. Олар: ауыздық, үзегі, ер, ердің кейбір бөліктері, тартпа бастары темірден жасалынған. Қалашықтан ауыздықтың екі данасы табылды. Олардың жалпы ұзындықтары 20–22 см-ге дейін барады, екі бөліктен тұрады. Бір жағы 10–11 см, екінші жағы 10–11 см, екі жағында арнайы сақинасы бар, иіліп жасалынған немесе темірді құйған кезде бірден бітеуленіп жасалынған. Осы сақиналар екі бөлікті бір-біріне жалғап қосады, екі жағынан жүгенге ұстатылады, содан кейін қосымша сақина арқылы тізгін бекітіледі. Бұндай сақиналар әртүрлі қызмет атқаратын ат әбзелдерінің көлеміне қарай жасалынады. Мысалға, ер тартпасының екі басында кең жасалынған екі сақина болады, олардың диаметрі шамамен 14–16 см-дей темірден жасалынған (сур. 1, 5).

Ауыздықтармен қатар қазбалардан көптеп табылған бұйымдардың бірі тағалар. Тағалар тапсырысқа қарай әр-түрлі көлемде жасалынғанға ұқсайды. Таға жылқының мұзда, тастақты, қатты және жұмсақ жерлерде жүрісін жеңілдету мақсатында жылқының тұяғы ауырсынбас үшін қолданылған. Тағалар жарты ай тәріздес, астында 4 немесе 6 тісті бірнеше тесігі бар. Оларды жылқы малының тұяғына бекіту үшін арнайы шегелер жасалынған.

Қазбадан темірден жасалынған кетпен, соқа тісі, шоттар, балтаның басы секілді еңбек құралдары табылған. Соған қарағанда отырықшы халықтың егін шаруашылығымен айналысқанын аңғаруға болады.

Сонымен қатар қазбадан темірден жасалынған ұсақ құралдар да анықталды. Олардың қатарында шеге, есік бекітпелері, тағаның шегелері және медицина құралдары, пышақтар (скальпель), қысқыш (пинцет) секілді құралдар табылған болатын.

Қайшыны жасау тұрмыстық қажеттіліктен туындағаны белгілі, олардың әр-түрлі көлемдегілері болған. Қайшылардың орташа ұзындығы 20 см, бір-біріне қарама-қарсы орналасқан екі жүзі болады, олардың әр-қайсысының ені 1 см, дәл ортасында бекітілген осы арқылы қайшы емін-еркін қайшыланған екі бөлігінің екі басында саусақ киілетін сақиналары бар.

Ортағасырлық қалалар мен қоныстарды қазу барысында тұрмыстық және еңбек құралдарымен қатар қару-жарақтар да жасалғаны археологиялық қазбалардан анықталған [Байпаков, Таймағамбетов 2009, 290–297]. Олар: қылыш, найза, жебе ұштары, қанжар, сауыт қапсырмалары және басқа да қарулар.

Қастек қалашығын қазу барысында найза ұштарының бірнеше данасы табылған болатын. Найзаның соғыс барысында қашықтықтан лақтыруға және жақын аралықта соғысуға ыңғайлы қару екендігі белгілі. Найза ұшының ұзындығы 15–20 см дейін, жалпақ жерінің ені 3–4 см болады (сур. 1, 6). Найзалы әскер ауыр қаруланған әскер қатарына жатқызылған. Араб деректеріне сүйенсек ортағасырлық түрік тайпаларының найзалары қысқа және ықшамды деп дерек береді [Нуржанов, 2014, 268–291].

Этнографиялық деректерге сүйенсек ертедегі қазақ және қырғыз халықтарында найза ер адамның серігі ретінде қарастырылған. Егерде адам қайтыс болған жағдайда, өлім және жоқтау нышаны ретінде үй ауласына қойылған [Нуржанов, 2014, 268–291].

Қаланы қазу барысында жебе ұштары, оның ішінде үш қырлы жебе ұштары көптеп табылған. Бұл қару түрі қашықтықтан нысанаға шабуыл жасау үшін қолданылғаны бәрімізге белгілі. Жебені соғыс уақытында жаяу әскер және атты әскер, ал бейбіт уақытта аң аулау мақсатында кеңінен қолданған (сур. 1, 7). Екі қырлы жебелерді сауытты тесіп ату үшін қолданғанға ұқсайды.

Суық қару қатарында қанжарлар да кеңінен қолданылған. Олар әр-түрлі көлемде, кейбірінің басы қайқы, кейбірінің басы тіке етіп жасалынған. Қанжарлар бір және екі жүзді болып кездеседі. Мәселен, басы қайқы қанжар бір жүзді, басы тіке қанжар екі жүзді.

Қала қабырғасының оңтүстік-шығыс бөлігіне жақын жерден қанжарға ұқсас қару табылды. Бұл қарудың ерекшелігі бір жүзді, басы ілмек секілді иілген, үшкір етіліп жасалынған. Соған қарағанда бұл кескіш суық қару екендігін аңғартады. Осы секілді қару түрі ортағасырлық Шу-Талас аумағындағы ортағасырлық Тараз қаласынан табылған (сур. 1, 8).

Сонымен қатар қаладан қорғаныс сауытының қапсырмалары қазып алынды. Дегенмен ортағасырларда экономикалық және әлеуметтік жағдайларға байланысты әскерді толық сауыттандыру мүмкін болмаған. Сауыт қапсырмаларының екі түрі анықталды, бірінші түрінің аздап доғалданған жоғарғы бөлігі және төменгі бөлігі тік бұрышты етіліп жасалынған. Ұзындығы 7,0–7,5 см, ені 2,5–2,7 см, қалыңдығы 0,1–0,3 см болады (сур. 1, 9).

Екінші түрінің жоғарғы жағы доғалданған, төменгі жағы тік бұрышты. Қапсырманың ұзындығы 9,5–10 см, ені 2,3–3,0 см, қалыңдығы 0,1–0,2 см болып келеді. Қапсырмалар бір-біріне жалғану үшін арнайы тесікке ілмектер арқылы бекітіліп отырған [Нуржанов, 2014, 268–291].

Келесі қарудың бір түрі пышақтар. Олардың түрі мен көлемі әр түрлі болып келеді, пышақтарды тек әскери қару-жарақ мақсатында ғана емес тұрмыста да қолданған. Ортағасырлық пышақтардың дені бір жүзді. Олардың ұшы тік немесе қайқы етіп жасалынған. Жасалынған пышақтардың жүздерінің ені 1,5–2,0 см, ұзындығы 12–14 см құрайды.

Келесі ерекше қарудың бір түрі үш жұлдызды, жүзі бар үшкір жәдігер. Бұл жәдігер шығыс халықтарында қолданатын кескіш құралына ұқсайды. Бұл қару қалаға сауда арқылы келуі немесе жергілікті өнімнен жасалынған болуы мүмкін (сур. 1, 10).

Ортағасырлық Жетісу – Қазақстанның ірі тарихи-мәдени өңірлерінің бірі. Мұнда қала мен дала, егіншілік пен мал шаруашылығы біртұтас, саяси, шаруашылық-экономикалық және мәдени кешенінің дамығандығын тарих және археологиялық зерттеулерден көреміз. Мақалаға арқау болған ортағасырлық Қастек қаласында бірнеше жыл қатарынан жүргізілген зерттеулер нәтижесінде жинақталған құнды материалдар. Қаладан табылған бұйымдарға қарап, өз кезеңінде қала мәдениетінің дамығандығын аңғартады. 2011 жылдан бергі зерттеулердің нәтижесінде VIII–XIII ғасырларға тән қарлұқтар мен қарахандарға тиесілі мәдени қабаттардан табылған жәдігерлер топтамасы, соның ішінде қыштан, металдан, өңделген сүйек пен тастан жасалынған асханалық және тұрмыстық бұйымдар мен еңбек құралдары барынша қарастырылды. Қаладан табылған мол жәдігерлер қорының әлі де зерттеуді қажет ететіндігі белгілі.

Жетісудағы қалалық мәдениет ерекшеліктері оның жақын және алыс көршілерімен саяси және мәдени даму жолдары қаншалықты көп таралса, соншалықты айқынырақ болғаны. Қастек қалашығының мәдениетін зерттеу, сонымен қатар жалпы өңірдің мәдениетін кешенді зерттеу алдыға қойған жаңа міндет болып табылады. Ескерткішті келешекте ашық аспан астындағы мұражайға айналдырумен қатар, туристік нысан болатын таптырмас ертедегі тарихи кешендердің бірі екендігі қазба жұмыстарынан табылған жәдігерлермен қатар қала құрылысы орындарынан белгілі.

ӘДЕБИЕТ

Ақымбек Е.Ш., Шағирбаев М.С. Шу-Талас өңірлеріндегі ортағасырлық төрткүлдердің зерттелу тарихы // Қазақстан археологиясы. 2019. № 1 (3). 43-60-бб.

Байпаков К.М. Средневековые города и поселения Семиречья (VI–XII вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1966. 22 с.

Байпаков К.М. Кулыт барана у сырдарьинских племен // Археологические открытия 1973 года. М.: Наука, 1974. С. 466-477.

Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы Ғылым, 1998. 212 с.

Байпаков К.М. Великий шелковый путь на территории Казахстана. Алматы: Аруна, 2009. 496 с.

Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К. Средневековые города и поселения Северо-восточного Жетысу. Алматы: Credo, 2005. 188 с.

Байпақов К.М., Таймағамбетов Ж.Қ. Қазақстан археологиясы: жоғарғы оқу орындарының студенттеріне арналған оқу құралы. Алматы: «Қазақ университеті» 2009. 570 б.

Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1897 гг. / Сочинения. Т. IV. М: Наука, ГРВЛ, 1966. 564 с.

Винник Д.Ф. К исторической топографии средневековых поселений Иссык-Кульской котловины // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе: Илим, 1967. С. 91-113.

Қазақстан тарихы (көне заманнан бүгінге дейін). Бес томдық. 1-том. Алматы: Атамұра, 2010. 544 б.

Нуржанов А.А. Средневековый Кастек // Маргулановские чтения – 2014: м-лы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 110 – летию со дня рождения академика А.Х. Маргулана. Алматы–Павлодар: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 268-291.

Нуржанов А.А. Исследования средневекового городища Кастек // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2015. № 6 (298). С. 89-102.

Нуржанов А.А. К вопросу о семиотике пространства средневекового городища Кастек: функциональный анализ артефактов // Археология Казахстана. 2018. № 1 (2). С. 190-199

Нуржанов А.А., Гимранов Д.О. Исследования костных остатков животных из археологического памятника средневекового городища Кастек // Маргулановские чтения – 2019: м-лы Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.). Нур-Султан: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 529-537.

Нуржанов А.А., Терновская Г.А. Керамика с зооморфными и антропоморфными признаками с городища Кастек-1 // Народы и религии Евразии. 2020. Т. I. С. 7-29.

SERHAN CINAR

Serhan Cinar,
Ankara University,
Ankara, Turkey,
serhancinar@mail.ru

DEVELOPMENT and FUTURE of ARCHAEOLOGY IN INDEPENDENT KAZAKHSTAN

Abstract. With the ancient Altai and Ural regions, Zhetysay, Jaxartes, and Balkhash basin and Mangyshlak and *Saryarka* valleys it features, Kazakhstan's geography is among the earliest that has been shaping the Turkish since the archaic period. In these regions, there exist numerous substantial archaeological monuments, kurgans, rock carvings (petroglyphs) and urban remains of Eurasia's Turkish archaeological heritage from the Stone, Bronze and Iron Ages and the Early Medieval Age. Throughout Kazakhstan's deep-rooted and multifaceted past, the *Scythian*, *Hsienpi*, *Kangly*, *Wusun*, *Hsiongnu*, *Kokturk*, *Turgish*, *Karluks*, *Kimek*, *Oghuz*, *Seljuk*, *Kipchak* and *Golden Horde* states ruled in its lands. Five archaeological remains are present in UNESCO World Heritage List of cultural and natural historic sites. To date, the total number of heritages that are critical in terms of history and culture is 219. The list of region's significant historic and cultural statues contains 11273 archaeological remains. The ninth-largest geography of the globe, Kazakhstan offers a unique and multicultural scope to the researchers in archaeological and historical studies. This study shall examine the archaeological researches and finds' contribution to General Turkish History. In this context, we will be examining the studies carried out during the Tsarist Period (1850–1917), USSR Period (1925–1991), and the Independent Kazakhstan Period (1991–2018) and their approaches to the archaeological finds in Kazakhstan.

Keywords: National Archaeology of Kazakhstan, Urbanism, Monument, Kurgan, Petroglyphs

Серхан Чынар,
Анкара Университеті,
Анкара, Туркия
serhancinar@mail.ru

ТӘУЕЛСІЗ ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫНЫҢ БОЛАШАҒЫ

Аннотация. Алтай және Орал өңірлері, Жетісу, Сырдария және Балқаш бассейндері, сондай-ақ Маңғыстау мен Сарыарқа алқаптары, яғни Қазақстанның жері ежелгі түркі тілінің қалыптасқан ең ескі аймақтардың бірі болып табылады. Аталмыш аймақтарда тас, қола, ерте темір және орта ғасырларға жататын көптеген маңызды археологиялық ескерткіштер, қорғандар, жартасқа салынған суреттер (петроглифтер) сияқты түркі мәдениетінің археологиялық мұрасының қалдықтары сақталған. Қазақстанның жерлерінде скифтер, сунну, үйсін, қаңлы, сяньбилер, көктүріктер, түргештер, қарлұқтар, қимақтар, оғыздар, селжұқтар, қыпшақтар және Алтын Орда мемлекеттері өмір сүрді. Қазақстанның бірқатар археологиялық ескерткіштері ЮНЕСКО-ның бүкіләлемдік мұрасының мәдени және тарихи орындарының тізіміне енгізілген. Бүгінгі таңда тарих пен мәдениет тұрғысынан шешуші маңызы бар мұра нысандарының жалпы саны 219 құрайды. Өңірдің маңызды тарихи және мәдени ескерткіштерінің тізімінде 11 273 археологиялық ескерткіш бар. Көлемі жағынан жер шарының тоғызыншы географиялық өңірі болып табылатын Қазақстан археологиялық және тарихи зерттеулер саласында көптеген мүмкіндіктер ұсынады. Бұл мақалада, Қазақстанда жүргізілген археологиялық зерттеулердің ортақ түркі халықтарының тарихына қосқан үлесі баяндалады. Осы тұрғыдан патшалық Ресей тұсында (1850–1917), КСРО уақытында (1925–1991), және Тәуелсіздік жылдарындағы Қазақстанның (1991–2018) жүргізген археологиялық зерттеулері және олжаларға қатысты ғылыми көзқарастар қарастырылған.

Түйін сөздер: Қазақстан археологиясы, урбанизация, ескерткіштер, обалар, петроглифтер

Серхан Чынар,
Университет Анкары,
г. Анкара, Турция,
serhancinar@mail.ru

БУДУЩЕЕ АРХЕОЛОГИИ НЕЗАВИСИМОГО КАЗАХСТАНА

Аннотация. Казахстан является одними из древних географических регионов, где зародилась древнетюркская культура. Регионы Алтая и Урала, водные бассейны Жетысу, Сырдарии (Яксарт) и Балхаша, долины Мангышлака и Сарыарки имеют длительную историю. В этих регионах расположено много важных археологических памятников, курганы, наскальные изображения (петроглифы) и остатки городских построек, которые относятся к различным периодам. Территорию Казахстана населяли скифы, сунну, усунь, канглы, сяньби, тюрки, тюркеш, карлуки, кимаки, огузы, сельджуки, кыпчаки. В наши дни, ряд археологических памятников занесен в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Насчитывается около 219 историко-культурных объектов государственного значения. В списке значимых исторических и культурных памятников региона 11 273 археологических объекта. Поэтому, Казахстан занимающий девятое место в мире по площади, является для исследователей кладовой. В статье рассматриваются некоторые итоги археологических исследований, проводившихся в Казахстане, а также вклад ученых в изучение истории тюркских народов. В данном контексте рассматриваются археологические исследования и научные взгляды на некоторые открытия в период царской власти (1925-1991), во времена СССР (1925-1991) и в годы независимости Казахстана (1991–2018).

Ключевые слова: Археология Казахстана, урбанизация, памятники, курганы, петроглифы

Introduction. The research process on Turkestan region ancient history was launched with European Orientalism's translations of Chinese annals. The studies were carried out with Russian archaeological devoted field researches and archaeological excavations. In light of these researches, Turkestan historical outline started to be revealed for the scientific community. Starting from the early stages where archaeology became acknowledged as a science, the studies continued for a rather lengthy period of nearly 150 years. On account of such dedicated studies by mostly Russian archaeological delegations, across various parts of the Turkestan basin, many crucial historic monuments, kurgans and settlements of archaeological quality that will shape region's history have been reached. The nature of these selfless efforts to enlighten Turkish history's archaic stages was revised per the Marxist theory that dominated throughout the Soviet Union era upon the Bolshevik Revolution in Tsarist Russia. Excavations and examinations to shed light on Turkestan basin's historic geography continued uninterruptedly despite the two great world wars in 1920–1950 and particularly the massacres carried out against Turkestan's Turkish intellectuals based on their nationalist and bourgeois discourses. Following the independence of Turkic Republics upon the disintegration of the USSR in 1990, the essence and approaches of these researches were revised in line with the nationalist Turkish historical perspective, which became influential during the Republican era in the Turkish archaeology.

Enlightening the political and socio-political aspects of Turkestan in the 19th and 20th century and issues such as hunger, exile and repression were prioritized by the researches conducted in the Turkic World. As a result, the studies on the Turkestan region (Central Asia), archaeological field studies, and anthropological researches were not properly recognized and cannot be used by the scientific circles of the Turkish historiography. Thus, transferring the multi-disciplinary studies of the global archaeology circles to the researches on the Turkish cultural history is essential. This study features a general overview of the archaeological studies that are conducted in the Turkestan region in Tsarist Russia and USSR eras yet are not used in the studies on Turkish cultural history of archaic ages.

I. History of the Institutionalization of Archaeology as an Oriental Institution in Russia

Orientalism can be defined as a body of geo-economic views, which is strived to be relayed through philological texts on aesthetics, science, economics, sociology and history [Said 1978: 10]. The innovations

on science and art that gained momentum with the Renaissance and Reform movements that occurred in the European continent at the beginning of the 16th century, became influential in Russia before long. Studies on Orientalism in Russia, on the other hand, were launched as Tsar Peter I's command on execution of research when he came across the Bulgarian ruins in the Idil-Ural area and to this end, the Russian Academy of Sciences was founded in Saint Petersburg in 1732 to train Russian scientists and thus paved the way to the scientific activities in the country. The studies gained a specific mission as Peter I revealed his idea of regional Russian expansionism to seize the riches of the East. With this new momentum, Russian Academy of Sciences' studies developed in terms of orientalism [Barthold 2000: 285]. The very first scientific expeditions aiming for the discovery and conquest of the East were started to be organised in this period. In parallel with the expansion of the Russian Empire, the need for experts on the oriental peoples and their languages arose. Accordingly, Russian Orientalism expanded its scope in the Baltic, Caucasian, Siberian and Turkistan axis [Barthold 1977: 522].

The golden age of Russian orientalism emerged as of the 19th century in direct proportion to the expansion of the political, military and economic boundaries of the Russian Tsarism along the axis of China and India. In this period, the outline of the Great Turkestan's history started to be identified with the translation of the chronicles in Chinese and Persian. The orientalists becoming acquainted with the ancient civilizations and cities particularly on account of the Chinese annals and Medieval chronicles formed various research committees to identify and study these centers. (Barthold 2000: 395). These developments marked the beginning of a new era in Russian archaeology studies. To conduct researches in different regions of the Tsarism in light of the chronicles; several historical and archaeological institutions were established, including and not limited to the «*Imperial Archaeological Commission*» in 1859, the «*Moscow Archaeological Society*» in 1864, the «*Moscow History Museum*» in 1872, «*St. Petersburg Archaeology Museum*» in 1877, the «*Russian Imperial History Museum*» in 1883.

Such developments in Orientalism directly affected the progress of studies on History and Archaeology in Tsarist Russia. Numerous critical archaeological discoveries that are closely linked with the Eurasian and Turkish history were achieved in Siberia, Idil-Ural region and Central Asia, in the period that followed. The destruction of the precious archaeological monuments and treasures by explorers, smugglers and collectors created problems. Russian Tsarism founded the «*Imperial Archaeological Commission*» to prevent such illicit acts and to protect the finds and issued a decree that stipulated the delivery of the finds to this commission [Otchet Tsarskoi Arheologicheskoi Komissi 1921: 24].

The first studies in the fields of history, archaeology and museology were launched in Russia with the launch of this new restriction. Initially, in 1804, the «*Russian History and Antiquities Association*» was established by the Moscow University to compile the manuscripts and archaeological finds [Barthold 1977: 552].

II. Archaeology Studies in Kazakhstani Early (Tsarist Period) Ages

Tsarist Russia regarded itself as the successor of the Roman Empire. Peter the Great's policy on Russian expansionism to access India via Turkestan started with the conquer of Kazan in 1552 during the reign of Ivan the Terrible. The invasion of the Uzbekistan region was completed with the conquering of Hokand in 1839, of Tashkent in 1865, and Samarkand in 1868. Since then, with the establishment of the governorship of Turkestan, the region was divided into various centers as *Transhazar, Samarkand, Syrdarya, Fergana and Yedisu*.

The beginning of history and archaeology studies in Turkistan was shaped in alignment with the history of the development of archaeology as a branch of science in Russia. In general, the course of the developments of archaeological researches in the Turkestan region covers the period between the mid-19th century and the October Revolution of 1917 in Russia [Barthold 1966: 95-96].

Broadly, the translation activities carried out by the Tsarist period Russian oriental studies directly enabled the progress of archaeology in Russia. Yadrintsev's discovery of the Orkhon monuments brought forth the requirement of the analysis of the inscriptions and in this context; studies on Turcology were launched in Russia [Radlov 1892: 85]. With the help of the experiences gained by the Russians in the field studies, the early period social science studies enabled the simultaneous execution of studies on linguistics, archaeology and history (Within this scope, the *Turkestansky Krug Lyubitelei Arheologii* (*Turkistan Archaeology Lovers Association*) was established for performing the first archaeological researches of scientific nature in Turkestan [PTKLA 1900: 19]. The association was established to ensure that the local researchers carried out the archaeological studies in the region; however, the archaeological researches conducted by Tsarist Russia in Turkish geographies served two main purposes. The primary objective was to officially justify the occupation of Turkestan by finding a basis for the Indo-Aryan view perspective and to provide an archaeological and cultural inventory to the imperial museum institutions such as the Hermitage, and the second objective, on the other hand, was to acquire the ancient cultures of Turkestan basin to the scientific realm through the studies (Kastagne 1923: 20). The Anav culture discovered in Turkmenistan [Pumpelly 1908: 10] and the Keltaminar culture in Khwarezm region (Tolstov 1948: 32) were defined as proto period Indian-Arian cultures in Asia [Togan 1942: 8.9].

Russian Orientalists determine the region's archaeological history as the Hellenistic period of 4-1 centuries BC in Turkestan history and as Kushan and Schyrtian periods in 1st century BC and 3rd century AD (Tolstov 1949: 26) due to their receptive approach particularly toward the Schyrtians in the Turkestan region and their rejective approach about the cultural cores of Turkish origin, such as Xiong-nu and Kokturk-Turkic Khaganate [Ögel 1962: 81]. However, since an amateur team, rough and manual, carried out the early excavations methods were used due to the lack of a specific system. The excavations focused on the discovery of charming objects rather than urban settlement arrangements. In this period, the excavations were directed particularly to the areas that offered unusual discovery opportunities.

III. Archaeology Studies in the Soviet Era Kazakhstan

A broad review of Soviet-era Turkestan's archaeology, particularly the period of 1917-1990, reveals that the studies for shedding a light on Turkestan's history and archaeology had been uninterrupted despite the two great world wars Russia experienced [Akishev 1967: 72]. This continuity enabled the formation of a rich archaeological corpus in the Soviet-era scientific literature composed of works such as *The Achievements of Central Asian Archaeology* [Uspehi Sredneaziatskoy Arheologii], *Soviet Archaeological Publications* (Sovetskaya Arheologiya 1939-1990), *Records of the Archaeological Society* (Zapiski Arheologicheskoy Komissi), *The Archaeological Discoveries* (Arheologicheskie Otkrytiya), *The Soviet Archaeological Studies* (Materialy i Issledovanie Po Arheologii SSR), *The Numismatics and Epigraphic Studies* (Issledovaniya Numizmatika i Epigrafii).

During this period, many local archaeologists were trained for the execution of researches on the historical monuments in Turkistan Republics. Among them, Firaye Arslanova working in Kazakhstan is one of the first Turkish women archaeologists in Turkish history [Arslanova 2013:20]. Then again, the historic course of region's archaeology studies was pursued under a totalitarian rule due to Turkestan's Soviet regime acting as an executor of the expansionist policies built by the Russian Tsarism and the establishment of its geo-political boundaries known as the iron curtain.

Soviet regime's oppressive and obstructive approach resulted in uniform academic studies. With the ideologic oppression, politicized science, a series of stereotyped Marxist methodologies, the authoritarian regimes in Russia affected the social sciences and particularly the archaeology area imposed the obligation to remain within a pre-established terminology and caused factionalism in these areas [Baipakov and other, 2006: 37]. Within this scope, the archaeological institutions founded in Turkestan Soviet Republics during the Soviet era were generally isolated because they advocated nationalism and emphasized local historical developments by degrading the external factors [Margulan 1940: 2].

An Overview of Archaeology Studies in Independent (Republican) Period Kazakhstan:

The course of the studies on history and archaeology in post-Soviet Kazakhstan covers a period in which the unpublished works that remained in the archives under the Soviet official ideological rule came to light. In this period where the newly founded national state was being shaped against Marxism and Communism, Kazakhstan's archaeology gained ground in the efforts for creating a new sense of identity in the nation [Baipakov 1996: 232]. Often historical figures and archaeological findings have been used as references when the Kazakhs were imbued with the idea that they were the heirs of a deep-rooted steppe civilization. For instance, when creating the national symbols of the Kazakh Republic, various archaeological findings from the prehistory of Kazakhstan such as the Golden Man were included. These efforts elevated the historic mission of the archaeological finds and monuments to a critical level within the scope of national historiography studies.

Creating an objective picture of the past was among the main factors promoting the national unity and sovereignty of the Republic of Kazakhstan. In line with this new direction, studies on history and archaeology studies in the country have also developed with the support of the state in this period. Kazakhstan adopted various programs such as *Development of the History of Consciousness* project in 1995, the Republic of Kazakhstan *state program again in the historic center of the Silk Road Revitalization* and the *Turkish Speaking States on the Protection of Cultural Heritage* in 1998. The year 1999 was celebrated as the Year of National Unity and History in Kazakhstan. In 2004, Cultural Heritage conservation initiatives were included in the state programs [Memlekettik Medeni Mura 2005: 13]. This process was supported by articles and projects written by the president, such as the Celebrations of the 400th anniversary of the establishment of the Kazakh Khanate in 2014 and the Spiritual Awakening of the Great Steppe [Nazarbayev 2010: 129] and the Seven Features of the Steppe in 2017. Particularly, in his last article titled "Seven Facets of the Steppe" written in November 2018 by Kazakhstan's President, the origins of the steppe civilization were defined while the essential and functional nature of archaeology in historical studies were underlined. Remarkable resources were allocated for researches on history and archaeology along with these projects developed broadly based on building a new identity. Nevertheless, such state-sponsored projects that are usually applied after political crises may be regarded as Kazakh administration's reactive manoeuvres for maintaining the territorial integrity of the country. In this context, the frequent termination of such projects before achieving their goals is observed [Baipakov, Voyakin 2005: 3-4].

Archaeology studies in the Republic period continue with various excavation studies in 112 historical regions. The studies are carried out mainly in the following regions: Mangyshlak Plateau, the northern parts of the Aral Sea, the Eastern and Northern Balkash regions, the Yedisu and Syr Darya Basin and in the east the Kazakhstan Altai. Within the scope of these studies, hundreds of monuments of different types were unearthed, and dating from the Stone Age to the Middle Age many settlements, burial sites, kurgans, monumental works, rock paintings and balbals were discovered. It should be noted that many other already identified kurgans and settlements are waiting to be excavated as they could not be unearthed due to financial bottlenecks and concerns of lack of protection facilities [Baipakov, Taymagambetov 2006: 40].

The main points that stand out in the examination of the Republican Period Kazakhstan Archaeology studies are as follows:

- First of all, the 70-year Soviet past has been an agonizing period which affected every aspect of Kazakhstan. The socio-economical and political changes emerging with the collapse of the Soviet Union have resulted in numerous imbalances in society, including the ideological sphere. Surely, in no one could have thought, "all things were to change" all of a sudden after 1991. Indeed, the early Republican period Kazakh archaeology research and methodology were also affected by this complexity [Baipakov, Voyakin 2005: 4].

- In the Republic Period, though certain legal regulations on the conservation of the archaeological sites for preventing their destruction caused by natural conditions, anthropogenic factors, illegal excavations,

none have been deterrent. In an article published by the leading archaeologists of Kazakhstan in the newspaper *Egemen*, which was directly sponsored by the Presidency of Kazakhstan in 2018, it was stated that there was no legal basis to impose sanctions on metal detectors used in the detection of historical objects of tangible value in the country, therefore, historical sites were easily plundered.

- The progress of Republican era Kazakh archaeology and the actualization of international scientific projects in Kazakhstan failed to achieve the intended level. It could be seen when the SSR and the Republican periods are compared that there were no remarkable changes in foreign participation in scientific studies. Throughout this period, studies were continued mostly with a substantial amount of governmental support [Baipakov 1996: 233].

- Archaeologists who could keep up with the innovative approaches and studies of Europe and the Far East were trained in this period, as Kazakhstan's archaeology transcended its traditional framework. Thanks to these gains, the scope and direction of Kazakh archaeology studies were saved from the Soviets' approach to archaeology. In this context, studies were carried out in an innovative and scientific context.

Conclusion. Turkestan's historiography and archaeological studies in the modern sense were mostly conducted by Russian orientalists. Enlightening ancient Turkestan's history formed the basis of the Orientalists studies in the Tsarist and Soviet eras. Kazakhstani historical and archaeological outline was identified in these researches. During these studies, in addition to archaeological scientific mission, its functional dimension in reinforcing the sovereignty of political hierarchies gained importance. The finds from excavations became one of the main elements used in the attempts to reach and plunder the ancient aryan lands in Tsarist Russia, employed by the Marxist circles to find a basis for Asian production style and finally utilized in national historiography during the independent republic. The studies conducted in the post-Soviet era in particular vary according to the different regions and countries. For instance, while the nature of the studies executed in Kazakhstan complied with Turkish history's philosophy and was identified with the studies carried out in Turkey during the rule of Atatürk, the researches in Kyrgyzstan, on the other hand, are pursued rather in line with the mentality of the former Soviet Union.

The greatest problem is experienced during the researches in the region when defining the basins of culture in Turkestan. Therefore, European, Russian and Turkish scientific approaches on the region varied. While the historical and archaeological studies conducted in Europe are generally based on the origins, historical ties and historical continuity, the studies in Russia have mostly focused on illuminating the aspects of philology and culture. Turkish national archaeology studies have been carried out in two different dimensions in Anatolia and Turkistan. In the context of the foundation of the nation-state in Anatolia, these studies have turned into researches of origin for the ownership of the ancient heritage in the region. Studies in Kazakhstan national archaeology were carried out in a multidisciplinary and secular framework, under the supervision of philology and culture studies, despite the damages in the identification of regional cultures of the Russian scientific world.

LITERATURE

- Akishev K.A.* Arheologiya v Kazakstane za sovetский period // *Sovetskaya arheologiya*. 1967. № 4. P. 62-78.
- Arslanova F.* The sketches of medieval archaeology of the Upper Irtysh. Samashev, Z. (ed.), Khasanova, B. (compl.). Astana: the Branch of the A.Kh. Margulan Archaeology Institute, 2013. 405 p. (in Kazakh, Russian, English).
- Bartold V.V.* Raboty po arheologii, numizmatike, epigrafike i etnografii / *Sochinenia*. Moskva, 1966. № 9. P. 95-104.
- Bartold V.V.* Raboty po istorii vostokovedeniya / *Sochinenia*. Moscow, 1977. № 9. P. 23-67.
- Bartold V.V.* Asya'nın keşfi Rusya'da ve Avrupa'da şarkıyatçılığın tarihi. İstanbul, 2000. 438 p.
- Baipakov K.M.* Arheologicheskie issledovaniya v Kazakstane 1992-1995 // *Rossiyskaya arheologiya*. 1996. № 4. P. 235-245.

- Baipakov K.M., Voyakin D.A.* Tendentsii i perspektivy razvitiya arheologii Kazakstana // *Известия Академия Nauk RK.* 2005. № 3. P. 3-15.
- Baipakov K.M., Taymagambetov Zh.* Arheologiya Kazakstana. Almaty: Bulak Baspa. 2006. 354 p.
- Kastagne J.* Travaux archeologiques executes au Turkestan // *Journal Asiatica.* 1923. № 4. P. 12-25.
- Margulan A.Kh.* Nauchno Issledovatel'skaia Rabota za 20 let // A.Kh. Margulan Archaeology Institute archives. F. 2, op. 44, d. 1, 8 l.
- Memlekettiik Madeni mura Bağdarlaması Boyınşa Arheologiyalıq Zertteuler Jaylı Esetper 2004-2009 jıldarı / Almatı: Alkey Margulan Arheologiya Institutuç 2005. 320 p.
- Nazarbayev N.A.* In The Stream of History. Almaty: Baspalar Üyi. 2010. 250 p.
- Otchetı Tsarskoi Arheologicheskoi Komissi 1850-1917 gg./ Saint Petersburg: İzdatel'svo Dom. 1921. 200 p.
- Ögel. B.* İslamiyet'ten Önce Türk Kültür Tarihi: Orta Asya Kaynak ve Buluntularına Göre. Ankara: Türk Tarih Kurumu. 1982. 403 p.
- Protokoly Zasedaniy Krujok Lyubiteley Turkestanskoy Arheologii 1884–1918 / Moscow: Akademia Nauk, 1900. 150 p.
- Pumpelly R.* Explorations in Turkestan expedition of 1904 prehistoriv civilizations of anau. Washington: Daix Express. 1908. 350 p.
- Radlov W.* Trudi Orhonskoy ekspeditsii i predvaritel'niy otchet dlya arheologicheskogo Issledovaniya basseyna reki Orhona // Tsarski arheologicheskii sbornik. 1892. № 4. P. 10-12.
- Said E.* Orientalism. British library cataloguing. London: Express. 1978. 350 p.
- Togan Z.V.* Bugünkü (Türkili) Türkistan ve Yakın Tarihi. İstanbul: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, 1942. 358 p.
- Tolstov S.P.* Drevniy Khorezm. Moscow: Moscow State University Publ., 1948. 438 p.
- Tolstov S.P.* Periodizatsia Drevnei İstroii Srednei Azii // *Kratkie soobshenia instituta istroii materialnoi kulturi.* 1949. № 28. P. 20-30.

ТАС
және
ПАЛЕОМЕТАЛЛ ДӘУІРІНІҢ
АРХЕОЛОГИЯСЫ

*Археология эпохи камня
и палеометалла*

В.С. ВОЛОШИН

Волошин Валерий Степанович,
Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Нурсултан, Казахстан;
voloshin49@list.ru

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ПАМЯТНИКА ВИШНЁВКА-1

Аннотация. В статье даётся описание палеолитических каменных артефактов, полученных в ходе сборов с поверхности в 1974–1976 годах и раскопок 1981–1983 годов на памятнике каменного века Вишнёвка-1 в верховьях р. Ишим (Северный Казахстан). Изучение стратиграфии памятника, а также состояния сохранности и типологии артефактов позволило выделить два этапа обитания палеолитического человека: ранний этап, относящийся ко времени раннего Верхнего палеолита (или позднего среднего палеолита) и накопления покровных суглинков на поверхности 2-ой надпойменной террасы, и поздний этап, соответствующий заключительным периодам Верхнего палеолита и времени заложения 1-ой надпойменной террасы. К последнему относится фрагментарно сохранившийся нижний культурный горизонт Вишнёвки-1.

Ключевые слова: Вишнёвка-1, памятник, палеолит, артефакт, орудие, нуклеус, алевритовый туффит, терраса

Волошин Валерий Степанович,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының
Нұр-Сұлтан қаласындағы филиалы,
Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан;
voloshin49@list.ru

ВИШНЕВКА-1 ЕСКЕРТКІШІНІҢ ПАЛЕОЛИТТІК МАТЕРИАЛЫ

Аннотация. Мақалада 1974–1976 жылдары жер бетінен жиналу барысында алынған палеолиттік тас артефактілерінің және 1981–1983 жылдары Есіл өзенінің жоғарғы сағасындағы (Солтүстік Қазақстан) Вишневка-1 тас ғасырының ескерткішіндегі қазба жұмыстарының сипаттамасы берілген. Ескерткіштің стратиграфиясын, сондай-ақ артефактілердің сақталу жағдайы мен типологиясын зерттеу палеолит дәуіріндегі адамның өмір сүруінің екі кезеңін бөліп көрсетуге мүмкіндік берді: ерте жоғарғы палеолит (немесе кейінгі орта палеолит) уақытына және 2-ші Жайылма үстіндегі террасаның бетінде жабын саздақтарының жиналуына қатысты ерте кезең және жоғарғы палеолит пен 1-ші Жайылма террасасының салыну уақытына сәйкес келетін кейінгі кезең. Соңғысына Вишневка-1 фрагменттік сақталған төменгі мәдени көкжиек кіреді.

Түйін сөздер: Вишневка-1, ескерткіш, палеолит, артефакт, зенбірек, ядро, алеврит туффиті, терраса

Valeriy Voloshin,
Branch of the A.Kh. Margulan Archaeology Institute,
Nur-Sultan, Kazakhstan;
voloshin49@list.ru

PALEOLITHIC MATERIAL of the MONUMENT VISHNYOVKA-1

Abstract. The article describes Paleolithic stone artifacts obtained during collecting from the surface in 1974–1976 and excavations of 1981–1983 on the Stone Age monument Vishnyovka-1 in the Upper Ishim River (Northern Kazakhstan). The study of the stratigraphy of the monument, as well as the state of preservation and typology of artifacts, made it possible to distinguish two stages of the Paleolithic human habitat: the early stage relating to the time of the early Upper Paleolithic (or late Middle Paleolithic) and the accumulation of cover loam on the surface of the 2nd above flood-plain terrace, and the late stage corresponding to the final periods of the Upper Paleolithic and the time of the 1st above flood-plain terrace. The latter includes the fragmentary preserved lower cultural horizon of Vishnyovka-1.

Keywords: Vishnyovka-1, monument, Paleolithic, artifact, tool, nucleus, aleuritic tuffite, terrace

Открытые местонахождения каменного века Вишнёвка 3, 4–6 в верховьях р. Ишим возле пос. Аршалы (Вишнёвка) отличаются богатством и разнообразием археологического материала, разделенного в предварительном порядке на основании признаков выветривания, а также типологии артефактов на несколько хронологических серий возрастом от верхнего ашеля до неолита. Этот материал собран на поверхности каменистых сопок, сложенных породами девона, и, естественно, начисто лишён здесь стратиграфического контекста. В настоящее время единственным и достаточно скромным восполнением этого природного пробела может служить памятник Вишнёвка-1, расположенный в иной геоморфологической позиции, а именно на поверхности 2-ой надпойменной террасы р. Ишим, (узкая площадка которой на правом берегу реки примыкает к отмеченным выше каменистым сопкам), и также содержащий массовый археологический материал, в том числе бесспорный палеолитический, изготовленный из местных девонских пород (плиточно-обломочный красновато-бурый и серый эпидотизированный и ожелезнённый алевритовый туффит, согласно определению по шлифам геолога Центрально-Казахстанского геологического управления Н.С. Василенко).

Памятник Вишнёвка-1 был обнаружен в 1968 г. [Волошин, 1969]. В 1974–1976 гг. здесь производились обследования, включавшие шурфовку (шурфы 1–6) и сборы подъёмного инвентаря [Волошин, 1976, 1977], а в 1981–1983 гг. – раскопки, общая площадь которых составила 744 кв. м [Волошин, 1983]. Результатом этих работ явилось значительное пополнение коллекции каменных артефактов, а также выяснение стратиграфической ситуации памятника (рис. 1). Так, в шурфе 5 на глубине 1,20 м в слое плотного и неслоистого палево-жёлтого суглинка с пятнами и рыхлыми стяжениями карбоната кальция был обнаружен крупный обломок породы со следами намеренной обработки (слой 4). Этот слой, мощностью 2,80 м, является покровным образованием второй надпойменной террасы; он залегает на аллювиальном сером песке (слой 5) и перекрыт, в свою очередь, слоем 3 – светло-серой супесью с волнисто-слоистым мелкозернистым песком в основании (общая мощность 0,40 м); выше залегают маломощный слой бурого суглинка (0,10 м) и современная почва (рис. 1, Б и В).

В раскопе слой современной почвы удалось расчленить на четыре части (слои 1–4) – все они включали каменные артефакты верхнего культурного горизонта (поздний неолит-ранний энеолит), а также переотложенные артефакты из подстилающего плейстоценового коричневатобурого суглинка, являющегося иллювиальным горизонтом голоценовой почвы (рис. 1, В). В этом последнем суглинке (в его верхних 5–7 см) фрагментарно сохранились остатки нижнего

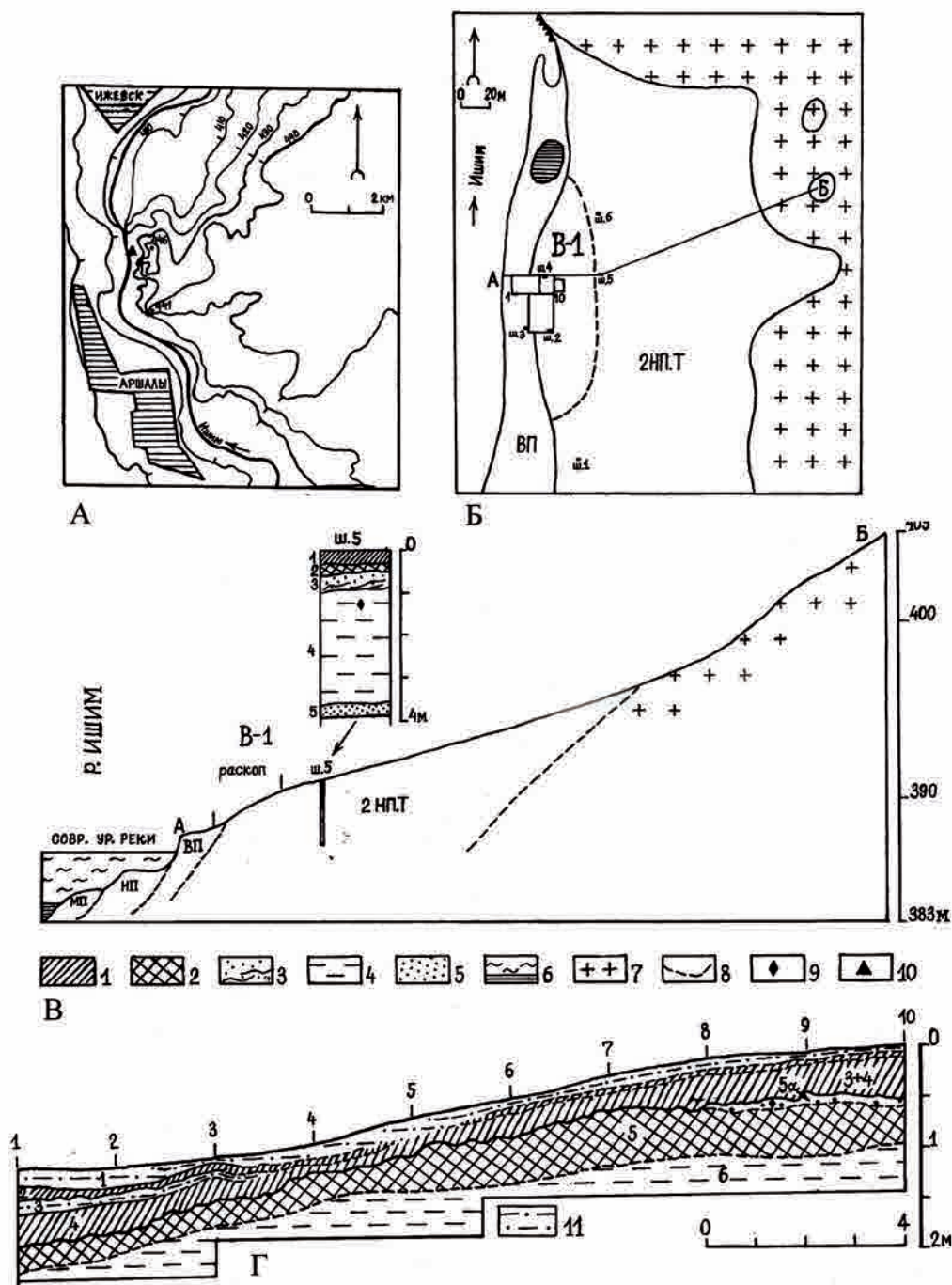

Рис. 1. Памятник каменного века Вишнёвка-1: А – карта; Б – план памятника; В – профиль; Г – стратиграфический профиль раскопа. Условные обозначения: 1 – почва; 2 – бурый суглинок; 3 – слоистый суглинок; 4 – суглинок; 5 – песок; 6 – вода; 7 – коренные породы; 8 – границы памятника; 9 – артефакт; 10 – памятник; 11 – гумусированная супесь

палеолитического культурного горизонта, залегающие в делювии среди тонких линз дресвы и тёмно-серого оглинённого песка (слой 5а). На площади раскопа этот материал рассеян равномерно и довольно редок, но в кв. 12-И и 12-К (раскоп 1982 г.) он образует скопление из 79 артефактов. Предметы здесь залегают скученно: плоскостью, на ребре и в вертикальном положении. На их поверхностях заметны следы незначительной водной окатанности. Часть предметов, вероятно, испытала незначительное перемещение, но в целом, здесь безусловно зафиксирован фрагмент нижнего культурного горизонта. О гомогенности материала свидетельствует то, что все артефакты изготовлены из одной разновидности породы, а именно из красного алевритового туффита, и все они являются продуктами первичного расщепления породы.

В целях более точной фиксации нижнего культурного горизонта отметим следующее: условно выделенный слой 5а с находками отличается от нижележащих «немых» суглинков слоя 5 присутствием дресвы, мелкого окатанного щебня, зёрен кварца и тонкой фиолетовой линзочки мелкозернистого песка. Это обстоятельство можно объяснить, предположив, что в плейстоцене здесь имел место незначительный размыв и переотложение породы слоя 5. В дальнейшем, уже в голоцене, суглинок слоя 5 также неоднократно подвергался склоновой эрозии, при этом артефакты нижнего горизонта регулярно вскрывались и сбрасывались вниз по склону террасы в русло или же переоткладывались в современную почву. Отметим также, что коричневато-бурый горизонт (слой 5) в Вишнёвке-1, сформированный на плейстоценовом делювиальном суглинистом субстрате 2-ой надпойменной террасы за счёт вымывания сверху из современной почвы окиси железа и марганца, не следует путать с известным аккумулятивным горизонтом такого же цвета в разрезах 1-ой надпойменной террасы речек Северного Казахстана. Последний, как известно, в разрезе террасы занимает промежуточное положение между верхней субаэральной частью, включающей несколько ископаемых почв (обычно три), и нижней аллювиальной частью. Учитывая верхнесартанский-позднеледниковый возраст аллювия данной террасы [Аубекеров, Чалыхьян, 1974], можно однозначно решить, что он относится к самому позднему интервалу верхнего плейстоцена (дриасу). В Вишнёвке-1 на месте раскопа, т. е. у внешней бровки террасы иллювиальный горизонт (слой 5) был сформирован на более древнем – сартанском суглинистом субстрате; нижний культурный горизонт здесь приурочен к фазе склоновой эрозии, вероятно, имевшей место внутри сартана. Интересно, что в расположенном выше по склону шурфе 5 фаза эрозии (слой 3) наблюдается на глубине немногим меньше 1,0 м – иллювиальный горизонт (слой 2) наблюдается выше. Археологический материал в обоих слоях отсутствует – шурф расположен за пределами памятника! Исходя из этих наблюдений, можно предположить, что нижний культурный горизонт Вишнёвки-1 приходится на время вреза и начала накопления аллювия 1-ой надпойменной террасы, т. е. внутри-сартанского потепления, сопоставим с нижним культурным горизонтом памятника Экибастуз-4 и несколько древнее «жилых поверхностей» Ангренсора-2 [Волошин, 2020]. Артефакт из верхов слоя 4 в шурфе 5 однозначно занимает ещё более низкое стратиграфическое положение и, следовательно, древнее; предположительно, это уже так называемый «средний вюрм», т. е. время раннего Верхнего палеолита (другая эпоха).

Таким образом, на памятнике зафиксированы, как минимум, два этапа обитания палеолитического человека: ранний, относящийся к эпохе раннего Верхнего палеолита (или позднего среднего палеолита), и поздний, связанный, вероятно, с внутри-сартанским потеплением. Культурного горизонта раннего этапа обитания здесь не сохранилось – от позднего этапа остались только фрагменты такого горизонта. Обитатели обеих стоянок для изготовления орудий использовали одно и то же сырьё в виде блоков, плиток и обломков алевритового туффита, а также отдельных более древних артефактов, приносимых сюда с сопки на месте памятников Вишнёвка 4–6; использовались также предметы, доставленные с русла реки. Так, в нижнем культурном горизонте обнаружен архаичный отщеп со следами значительной водной окатанности, который был вторично переработан под скребковое орудие (рис. 2, 3) – суперпозиция древних сильно заглаженных и

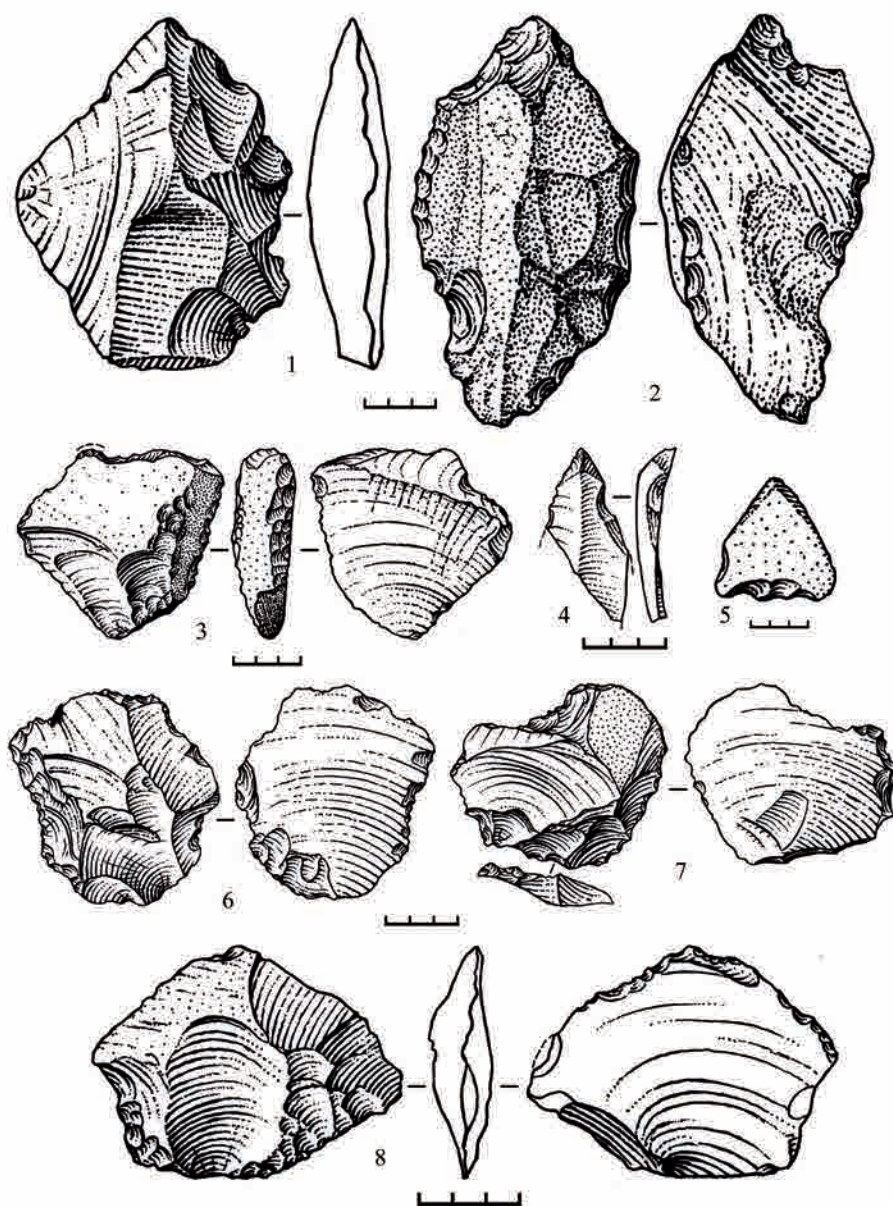

Рис. 2. Вишневка-1. Каменные артефакты: 1, 2 – крупные остроконечные орудия; 3 – скребло; 4 – остроконечное орудие из пластины; 5 – орудие с выступом; 6 – 8 – отщепы с ретушью

поздних «свежих» фасов здесь налицо. Для изготовления крупных орудий раннего этапа обитания (рис. 2, 1, 2) были использованы окатанные блоки породы с русла реки. Выразительные отщепы из красного туффита, исполненные в среднепалеолитической технике, в средней степени заглаженные и выветренные (рис. 2, 6–8), явно были принесены сюда с памятника Вишнёвка-6: на первых двух изделиях отчетливо видны фасы суперпозиции.

Артефактов, связанных с ранним этапом обитания человека в Вишнёвке-1, совсем немного. Почти все они собраны с поверхности террасы. Здесь нужно отметить, прежде всего, два крупных

остроконечных орудия, грубо изготовленных из блоков сизовато-серого туффита отдельными фасадами и фасетками ретуши (рис. 2, 1, 2). Выше был отмечен архаичный массивный отщеп из красного туффита с регулярной чешуйчатой ретушью со спинки на боку (скребло), в древности переотложенный в русло реки и затем переработанный под скребок обитателями нижнего горизонта (рис. 2, 3). Ещё одна находка – это дистальный фрагмент остроконечного орудия из пластины, изогнутой в профиль (рис. 2, 4). Орудие изготовлено из красного туффита и сильно выветрено. Небольшое орудие с угловым выступом (резчик) изготовлено из первичного отщепа (рис. 2, 5). Интересен небольшой черепаховидный отщеп (леваллуа) с двухгранной площадкой и следами ретуши на краях – со средней степенью заглаженности (рис. 3, 1). Другой отщеп леваллуа имеет гладкую площадку и вентральную ретушь на боковых краях (рис. 3, 2) – также со средней степенью заглаженности. Ещё один отщеп леваллуа, такой же степени заглаженности, близок к остриям с желобчатой базальной частью; площадка у него двухгранная (рис. 3, 4). Все эти отщепы леваллуа изготовлены также из красного туффита и с помощью тяжёлого отбойника, оставляющего отчётливые бьюльбы. Наиболее выразительным изделием является крупная и плоская пластина из красного туффита с небольшой гладкой площадкой и следами ретуши на краях (часть ретуши здесь явно более поздняя) – в приготовлении бахромы для снятия этой пластины использовался посредник, но сама пластина снята при помощи лёгкого отбойника (рис. 3, 3). Изделие несёт на себе среднюю степень заглаженности. В заключение опишем небольшой нуклеус из красного туффита, найденный в 1982 г. в стороне от памятника на противоположном берегу реки. Изделие средней степени заглаженности представляет особый интерес в связи с характеристикой индустрии раннего Верхнего палеолита – скорее всего, он изготовлен ранними обитателями стоянки Вишнёвка-1. Это пластинчатый двойной торцовый нуклеус, оформленный боковыми фасадами и с фасетированными площадками на обоих концах; один рабочий фронт у него в начальной стадии утилизации, другой – покрыт негативами правильных пластин, шириной около и немногим более 1 см (рис. 3, 5). Размеры изделия – 7,7×4,0×3,0 см.

Из нижнего культурного горизонта (слой 5а) в раскопе получено 157 каменных артефактов, все они «свежей» фактуры. Среди них нуклеусов – 14 экз. Большинство из них в начальной стадии утилизации. Наиболее выразителен здесь крупный торцовый нуклеус типа углового резца (рис. 4, 1). В коллекции есть ещё три торцовых нуклеуса, в том числе с фасетированной площадкой (рис. 4, 2, 4). Данная форма ядрищ утилизировалась с помощью посредника. Имеется также крупный нуклеус, сочетающий в себе принципы плоскостного и торцового расщепления в начальной стадии утилизации (рис. 4, 3), и три заготовки одноплощадочных плоскостных нуклеусов. Остальные нуклеусы маловыразительны и также в начальной стадии утилизации. К ним нужно добавить два крупных нуклеовидных предмета.

Отщепы составляют следующие группы (46 экз.). В основном это целые предметы, только 14 – фрагментированы (рис. 5, 7, 12). Обычно отщепы грубые, полупервичные, коротких и укороченных пропорций, с натуральной, гладкой или двухгранной площадкой (рис. 5, 10, 11; 6, 2, 5, 7; 7, 6). Характерны желобчатые отщепы (рис. 5, 1; 7, 4), имеются формы, которые можно назвать леваллуазскими (рис. 5, 12; 7, 7). Только у пяти образцов дорзальная огранка приближается к параллельной.

Пластин всего 3 экз. Среди них фрагмент неправильной пластинки (рис. 5, 8), медиальный фрагмент пластины (3,0×1,9×0,6 см), целая пластина с параллельной огранкой, массивным бьюльбом и гладкой скошенной площадкой (шириной 2,7 см) – последняя снята с помощью тяжёлого отбойника.

Предметы со вторичной обработкой (орудия) – 21 экз. Среди них преобладают выемчатые орудия (9 экз.) – обычно это ретушированные скобели (рис. 7, 2), но есть также один клетонский анкош из обломка породы и два изделия с маленькими ретушированными выемками на остром

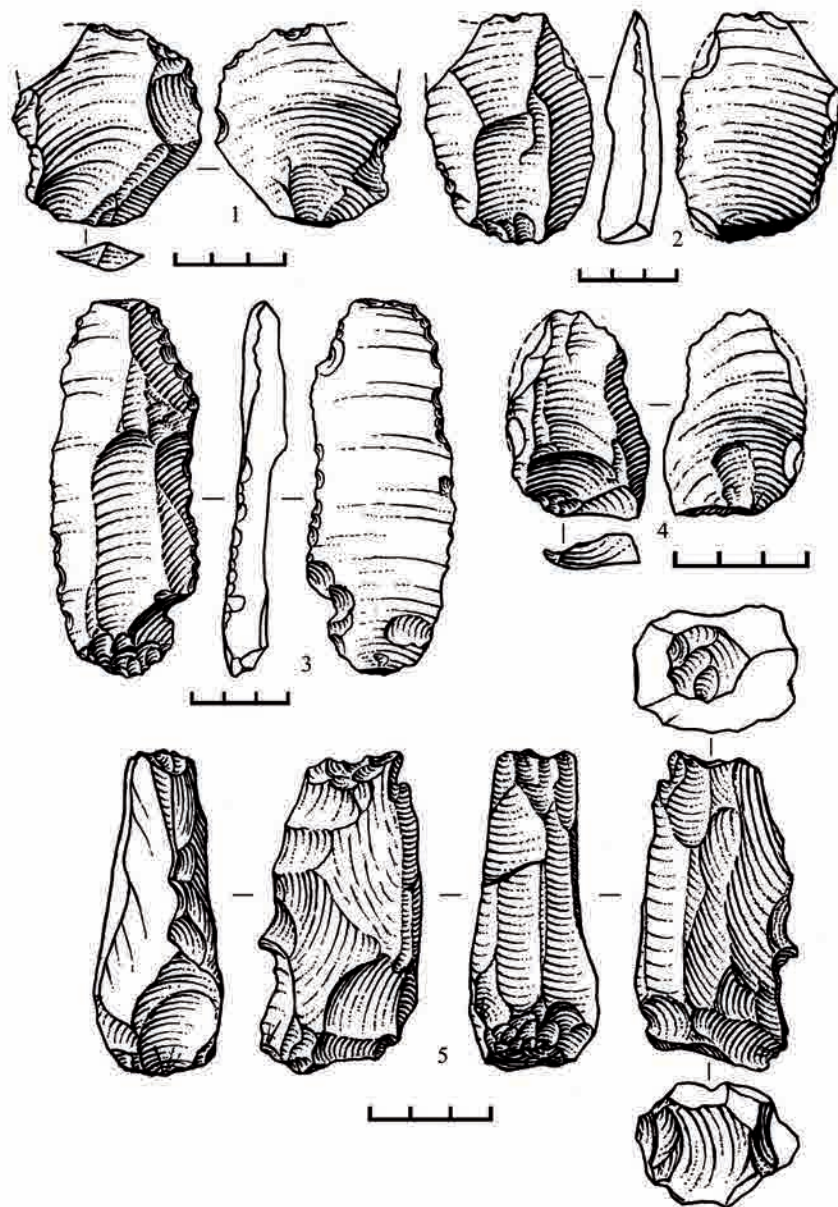

Рис. 3. Вишневка-1. Каменные артефакты: 1, 2, 4 – отщепы леваллуа; 3 – пластина; 5 – нуклеус

участке края (рис. 7, 9) – на изображённом изделии, кстати, частично сохранилась изящная изогнутая и фасетированная площадка. Ножей с боковым обушком – 3 экз. Один из них достаточно выразителен – изготовлен из короткого отщепа прямоугольной формы с бахромой и грубо фасетированной площадкой (рис. 5, 2), натуральный обушок дополнительно притуплен одним фасом. У другого орудия

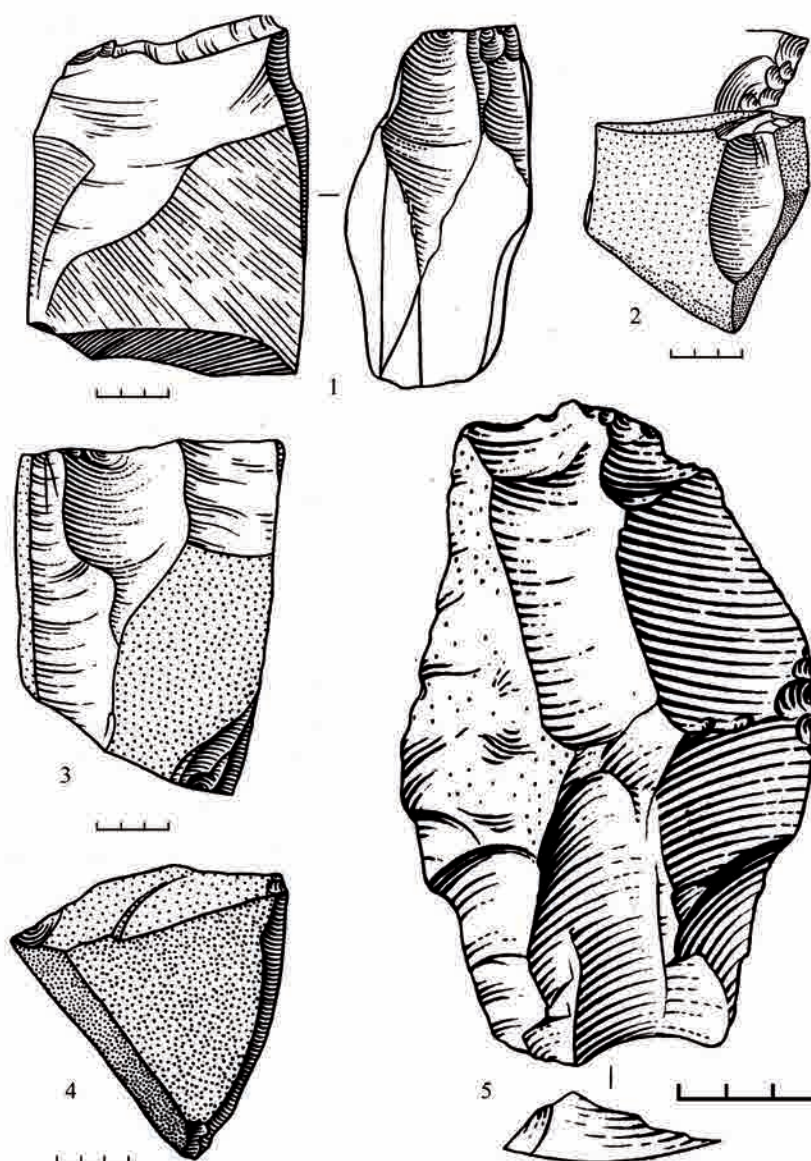

Рис. 4. Вишневка-1. Каменные изделия из нижнего горизонта: 1 – 4 – нуклеусы;
5 – крупная комбинированное орудие из отщепа

с натуральным обушком площадка удалена двумя небольшими дорзальными фасами (рис. 6, 1). Третье орудие имеет вогнутое лезвие (строгальный нож). Угловых резчиков – 3 экз. Одно изделие клювовидной формы изготовлено из сечения плоского отщепа (рис. 5, 6), другое – из небольшого укороченного сечения отщепа (рис. 7, 11), у третьего – лезвие с альтернативной ретушью приготовлено на углу площадки отщепа. Комбинированных орудий – 2 экз. Одно из них представляет собой сочетание на отщепе зубчато-ретушированного лезвия с угловым резчиком, другое – отличается крупными размерами (рис. 4, 5), изготовлено из отщепа и сочетает в себе два скребковидных лезвия с

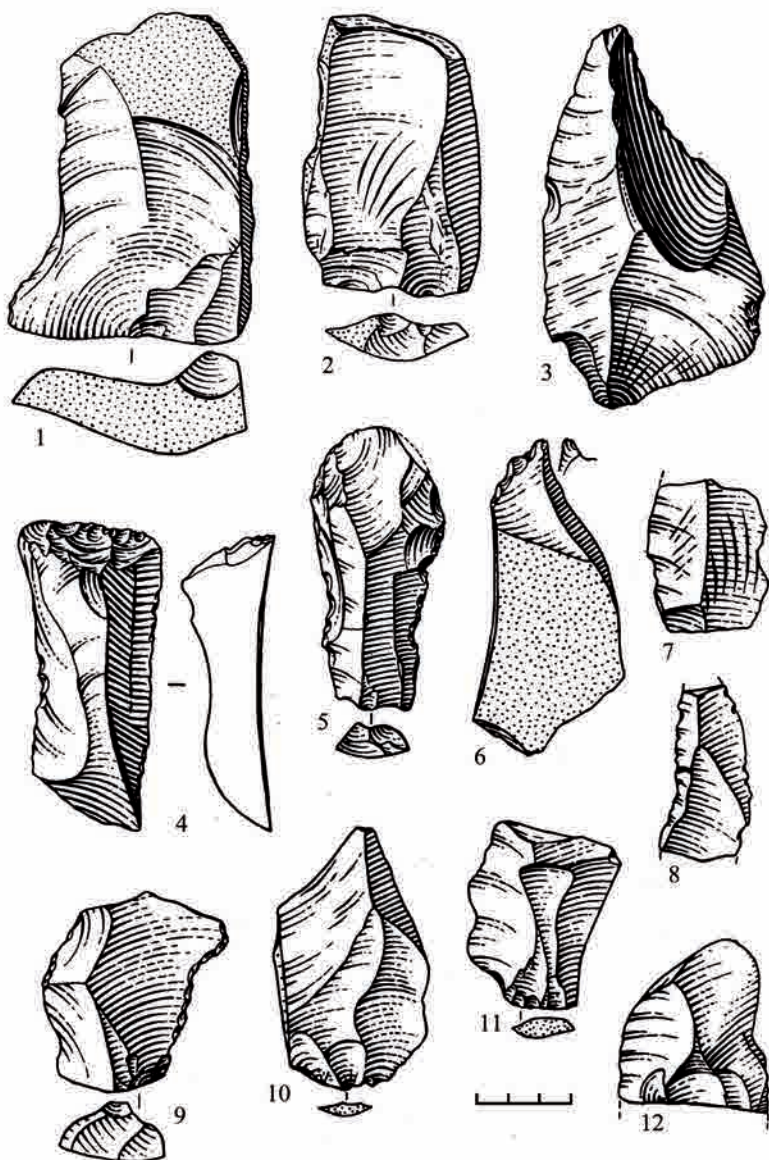

Рис. 5. Вишневка-1. Каменные артефакты нижнего горизонта: 1, 2 – отщепы; 3 – режущее орудие; 4 – концевой скребок; 5 – струг; 6 – клювовидный резчик; 7 – сечение отщепа; 8 – пластинка; 9 – отщеп с ретушью; 10–12 – отщепы

массивным угловым выступом (с режущей кромкой на окончании). Единично представлены в группе орудий маловыразительное скребловидное орудие с неровно-ретушированным трансверсальным лезвием, резцевидное орудие, проколка с коротким жалом на углу отщепа и отщеп с ретушью.

Отдельные группы артефактов составляют обломки и плитки породы с отдельными фасадами и частичной ретушью на краях (20 экз.), блоки и обломки породы, которые явно были принесены на место стоянки и в той или иной степени участвовали в процессах расщепления (17 экз.), а также различные сколы и фрагменты сколов (34 экз.).

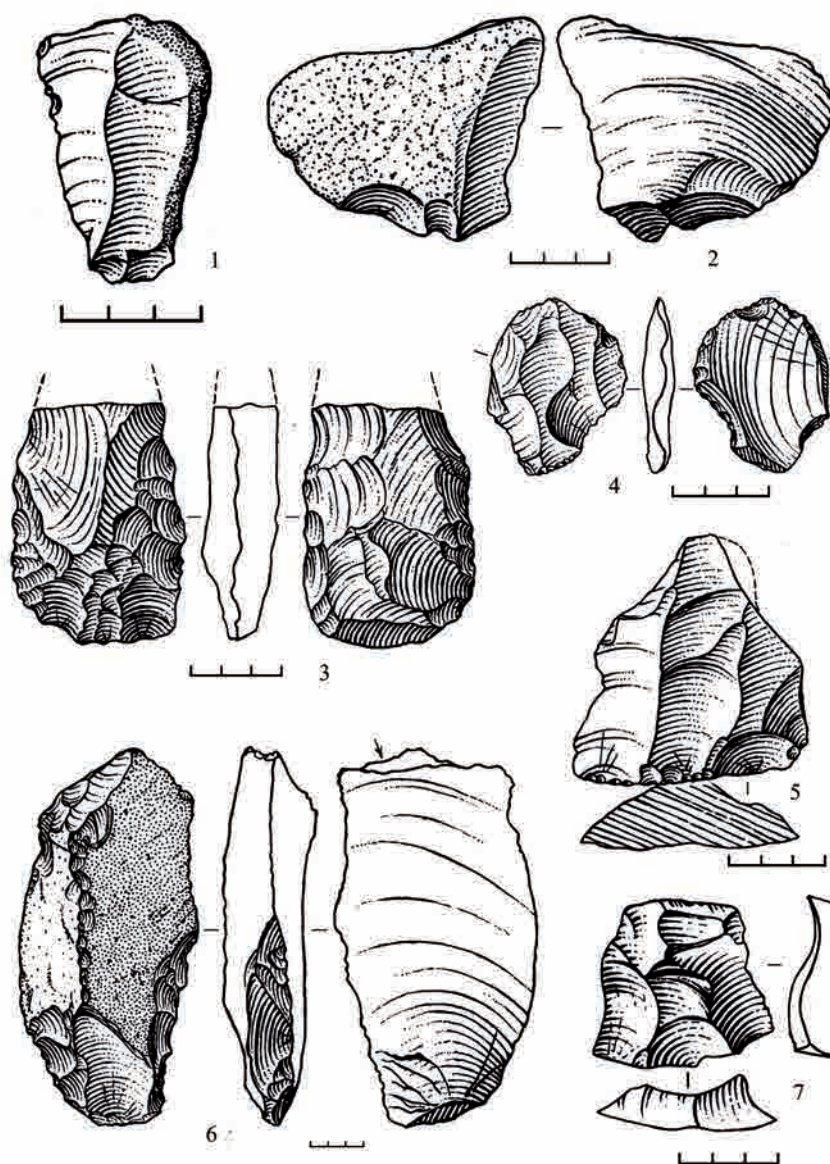

Рис. 6. Вишневка-1. Каменные артефакты нижнего горизонта: 1 – нож с обушком; 2 – отщеп; 3 – фрагмент бифаса; 4 – изделие с черешком; 5, 7 – отщепы; 6 – крупный тесак

Как отмечено выше, значительная часть каменных артефактов нижнего горизонта после размыва слоя 5 была сброшена вниз по склону в русло реки, или же была переотложена в современную почву. Действительно, среди артефактов из слоёв 1–4 некоторые изделия отличаются от основной массы предметов со «свежей» фактурой своим необычным цветом (обесцвеченность поверхностей), лёгкой степенью заглаженности и выветренности. В коллекции из раскопа таких предметов – 152 экз. Поскольку среди материалов Вишнёвки-1 отсутствуют какие-либо следы индустрии мезолита и раннего неолита, то есть высокая степень вероятности того, что эти находки принадлежат нижнему, т. е. палеолитическому горизонту. Основная часть этой группы находок (129 экз.) – из красного

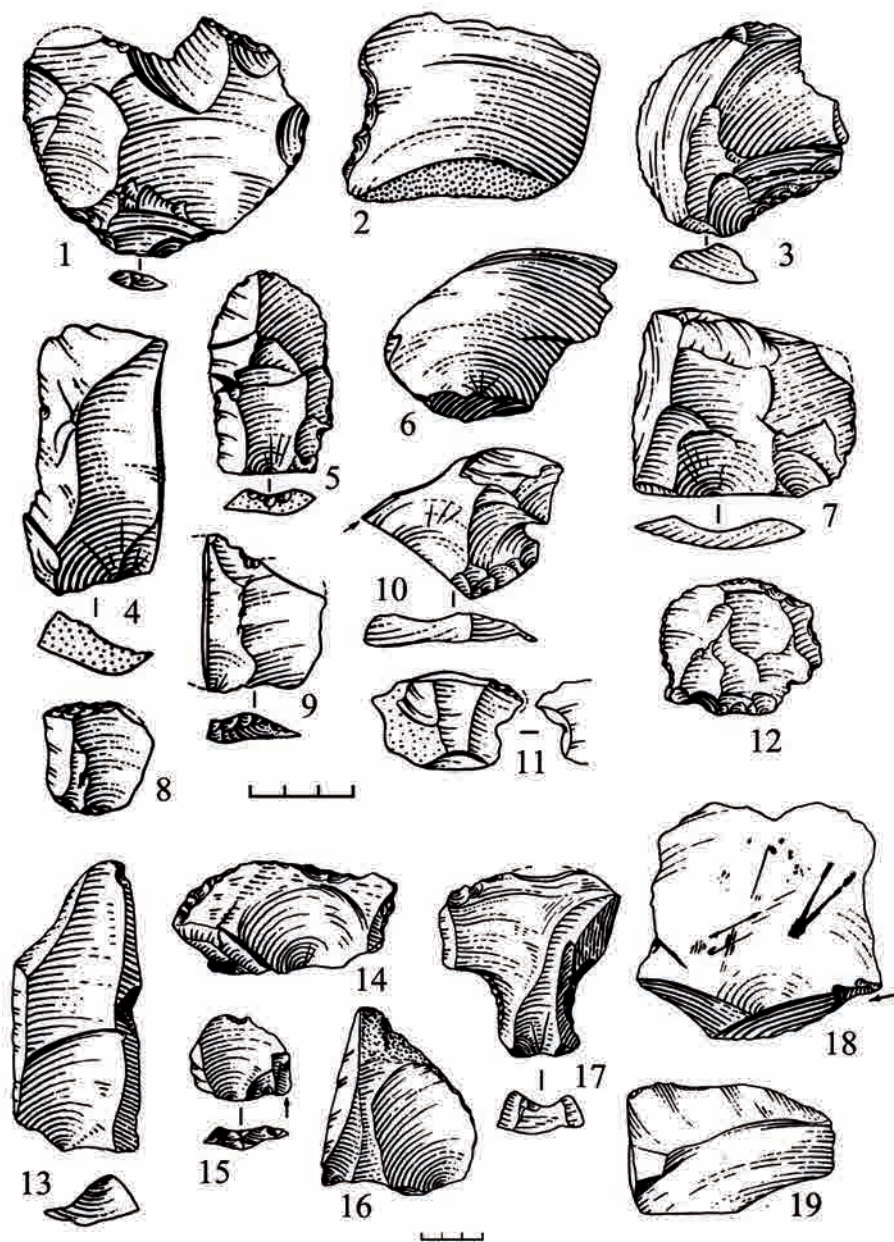

Рис. 7. Каменные артефакты нижнего горизонта Вишневки-1: 1 – скреблышко; 2, 17, 19 – выемчатые скобели; 3–7 – отщепы; 8, 12 – скребки; 9 – фрагмент орудия; 10 – резец; 11 – угловой резчик; 13 – пластина леваллуа; 14 – скребловидное орудие; 15 – выемчатое орудие; 16 – отщеп леваллуа; 18 – гравюра на камне

туффита, что вполне соответствует распределению материала по сырью в самом горизонте. Опишем эти находки подробнее.

Нуклеусы – 7 экз. Здесь присутствует двухфронтальный нуклеус с фаса́ми отщепов, одноплощадочный односторонний нуклеус с серией фасов на уплощённом фронте и пять крупных

нуклеусов в начальной стадии утилизации. К ним нужно добавить четыре нуклеовидных предмета – возможные заготовки нуклеусов.

Отщепы – 44 экз. В основном это грубые и бесформенные заготовки (18 – фрагментов отщепов), но шесть изделий несут параллельную огранку и имеют острый боковой край. Из них – один отщеп леваллуа с изогнутой натуральной площадкой, фасетированной по внешнему краю (рис. 7, 5).

Орудия из отщепов и сколов – 46 экз. Преобладают зубчато-ретушированные орудия (5 экз.), угловые резчики с диагональной острой кромкой (5 экз.), среди которых одно изделие выполнено из желобчатого отщепа с массивным боковым обушком (рис. 5, 1); орудия с ретушированным скребущим участком (7 экз.) – одно скреблышко с мелкой краевой ретушью изготовлено из тонкого черепаховидного отщепа (рис. 7, 1) и ножи или режущие орудия (7 экз.). Среди последних обращает на себя внимание крупное подтреугольное орудие с утончённым лицевыми фасами основанием (рис. 5, 3), орудие с дугообразным лезвием и утончённым фасетками противоположным краем (рис. 7, 3) и небольшой прямоосный отщеп леваллуа с острым боковым краем (рис. 7, 5). Имеются также ретушированные выемчатые скобели (3 экз.), скребки (3 экз.), из которых один концевой из пластины (рис. 5, 4) и два из отщепов (рис. 7, 8, 12); орудия с выступами (2 экз.); резцы (2 экз.), один из которых сделан из сечения тонкого отщепа (рис. 7, 10); комбинированные орудия (2 экз.) и отщепы с ретушью (7 экз.), среди которых обращает на себя внимание образец со скошенной грубо-фасетированной площадкой (рис. 5, 9). Интересно продолговатое орудие из массивной пластины с фасетированной площадкой (рис. 5, 5): орудие приготовлено крутой ретушью на боковых краях, острое выпуклое лезвие расположено на дистальном конце, который намеренно был утончён пологим лицевым фасом (лезвие повреждено). Возможно, изделие выполняло функцию струга. Обращает на себя внимание крупное орудие из массивного продолговатого отщепа, снятого тяжёлым отбойником (рис. 6, 6). Это тесак с боковым лезвием: нижняя часть у него для удобства захватывания рукой оформлена с боков крутыми лицевыми фасами и фасетками, дистальный конец усечён и частично притуплен небольшими фасами. В коллекции орудий из отщепов имеется также крупное и маловыразительное орудие типа пики: верхнее окончание оформлено здесь двумя фасами и небольшими фасетками, в основании – гранёная пятка.

Орудия из обломков – 8 экз. Здесь имеются зубчато-ретушированные скобели (3 экз.), в том числе одно изделие частично-бифасное, а другое – имеет три лезвия; нож с пологими фасами на краю, плитка с оформленным фасетками рубящим лезвием на конце и три комбинированных орудия с сочетанием выемчатого скобеля, углового резчика и режущего лезвия.

Остальные находки представляют собой обломки (3 экз.) и сколы (17 экз.).

В заключение отметим ряд изделий из подъёмного инвентаря памятника, отличающихся от своей основной массы некоторой степенью заглаженности – выветривания поверхностей, что даёт право также допускать возможность их принадлежности к палеолитическому горизонту. Это, прежде всего, широкая пластина леваллуа из сизовато-серого туффита (рис. 7, 13) и подтреугольный отщеп леваллуа с толстой двухгранной площадкой из красного туффита (рис. 7, 16) – первая снята лёгким отбойником, второй – тяжёлым. Далее – скребловидное орудие из укороченного желобчатого отщепа с трансверсальным ретушированным лезвием (рис. 7, 14), выемчато-ретушированное орудие из небольшого желобчатого отщепа с изогнутой фасетированной площадкой (рис. 7, 15), орудие с широкими ретушированными боковыми выемками и острым дистальным концом – возможно, струг (рис. 7, 17), выемчатый скобель с тонкой краевой ретушью на остром краю укороченного отщепа (рис. 7, 19). Все они изготовлены из красного туффита. Несколько особняком в этой группе находится фрагмент выразительного бифаса из сизовато-серого туффита (рис. 6, 3). Он также слегка заглажен и этим, а также типологически вполне отличается от двухсторонних орудий верхнего горизонта.

Редкой находкой на Вишнёвке-1 является массивный и несколько заглаженный отщеп из сизовато-серого туффита с гравюрой на плоской вентральной поверхности (рис. 7, 18): здесь

наблюдаются несколько разнонаправленных прочерченных линий, а также две конвергентные линии с лёгким утолщением на концах, соединённые в одной жирной точке. Весьма вероятно, что изображались стрелы, и рисунок символизирует акт попадания в животного. Аналогичный рисунок известен в пещере Нио [Замятнин, 1961, рис. 1, 2], но там он композиционно связан с изображением животного. В нашем случае, возможно, также имело место изображение животного краской на плоской поверхности отщепы. Данная находка вполне может принадлежать палеолитическому горизонту.

В связи с этим отметим другую интересную находку за пределами памятника Вишнёвка-1 на противоположном берегу Ишима – небольшое ($5,3 \times 4,1 \times 0,9$ см) изделие с черешком в основании (рис. 6, 4). Оно изготовлено из плоского отщепы (красный туффит) при помощи сечения и ретуши, на верхнем окончании вентральной выемкой-фасеткой характерным образом изогнута нить острого лезвия, на нижнем конце выделен черешок. Очевидно, это наконечник стрелы или дротика. Предмет слегка заглажен и с одной стороны покрыт светло-серой карбонатизированной корочкой – очевидно, он долгое время залегал под почвой среди карбонатных суглинков. Весьма вероятно, что по возрасту он соответствует нижнему горизонту Вишнёвки-1. Близкое по форме и размеру изделие с черешком происходит из верхнего культурного горизонта памятника Экибастуз-4, отнесённого к позднеледниковью [Волошин, 2020, рис. 10, 3].

ЛИТЕРАТУРА

- Аубекеров Б.Ж., Чалыхьян Э.В. Кайнозой зоны канала Иртыш-Караганда. Алма-Ата, Наука, 1974. 105 с.
- Волошин В.С. Разведка в Приишимье // АО-1968. М.: Наука, 1969. С. 198.
- Волошин В.С. Работы в Центральном Казахстане // АО-1975. М.: Наука, 1976. С. 516.
- Волошин В.С. Работы по каменному веку в Целиноградской области // АО-1976. М.: Наука, 1977. С. 508-509.
- Волошин В.С. Раскопки стоянки Вишнёвка-1 // АО-1981. М.: Наука, 1983. С. 433.
- Волошин В.С. Верхний культурный горизонт памятника каменного века Экибастуз-4 // Археология Казахстана. 2020. № 2. С. 9-26.
- Замятнин С.Н. Очерки по палеолиту. М.–Л.: АН СССР, 1961. 176 с.: ил.

**В.Ф. ЗАЙБЕРТ,
С.Ш. АЯЗБЕКОВА,
Г.Т. БЕКСЕИТОВ,
К.Г. АБИЛЬМАЛИКОВ,
К.Г. ШАКШАКОВ,
И.С. КУРМАНИЯЗОВ,
Ж.К. БАЯНОВА**

Зайберт Виктор Федорович,
Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Алматы, Казахстан, zaibert_ku@mail.ru;
Аязбекова Сабина Шариповна,
Филиал Московского университета им. М.В. Ломоносова,
Нур-Султан, Казахстан, ayazbekova@mail.ru;
Бексеитов Галымжан Тукумбаевич,
Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Алматы, Казахстан, bek_ok@mail.ru;
Абильмаликов Куаныш Габдолович,
abilmalikov_kuanysh@mail.ru;
Шакшаков Куаныш Гибадатович,
Государственный историко-культурный музей-заповедник «Ботай»,
Айыртауской район СКО, Казахстан, rgkr.botai_museum@mail.ru;
Курманиязов Ислам Серикович,
egypt.993@mail.ru;
Баянова Жанар Колдасбаевна,
monti.zhanar@gmail.com;
Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Алматы, Казахстан

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ БОТАЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ на ПОСЕЛЕНИЯХ БОТАЙ и КРАСНЫЙ ЯР в 2021 г.

Аннотация. В статье изложены результаты комплексных археологических исследований, проведенных на поселениях Ботай и Красный Яр в 2021 г. Ботайской международной археологической экспедицией. Исследование поселения Ботай является одной из важнейших задач для истории Казахстана и Евразии. Общая площадь полевых исследований на поселениях Красный Яр и Ботай составила 296 м². Были обнаружены уникальные археологические артефакты, определяющие контексты культурной деятельности носителей Ботайской культуры. Также в статье рассматривается этап научно-экспериментальных и реконструкционных работ на ботайском жилище.

Ключевые слова: Северный Казахстан, археология, поселение Ботай, поселение Красный Яр, реконструкция

© 2021 г. В.Ф. Зайберт, С.Ш. Аязбекова, Г.Т. Бексеитов, К.Г. Абильмаликов, К.Г. Шакшаков,
И.С. Курманиязов, Ж.К. Баянова

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства культуры и спорта Республики Казахстан,
ИРН проекта № BR10162994

Зайберт Виктор Федорович,
Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ,
Алматы, Қазақстан, zaibert_ku@mail.ru;
Аязбекова Сабина Шариповна,
М.В. Ломоносов атындағы Мәскеу университетінің қазақстандық филиалы,
Нұр-Сұлтан, Қазақстан, ayazbekova@mail.ru;
Бексейітов Ғалымжан Тұқымбайұлы,
Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ,
Алматы, Қазақстан, bek_ok@mail.ru;
Әбілмәліков Қуаныш Қабдолұлы,
abilmalikov.,_kuanysh@mail.ru;
Шақшақов Қуаныш Ғибадатұлы,
rgkp.botai_museum@mail.ru,
“Ботай” мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы,
Айыртау ауданы, СҚО, Қазақстан,
Құрманйазов Ислам Серікұлы,
egypt.993@mail.ru,
Баянова Жанар Қолдасбайқызы,
monti.zhanar@gmail.com;
Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Алматы, Қазақстан,

БОТАЙ ЭКСПЕДИЦИЯСЫНЫҢ БОТАЙ және КРАСНЫЙ ЯР ҚОНЫСТАРЫНДАҒЫ 2021 ЖЫЛҒЫ ЗЕРТТЕУЛЕРІНІҢ НЕГІЗГІ НӘТИЖЕЛЕРІ

Аннотация. Мақалада Ботай халықаралық археологиялық экспедициясының 2021 ж. Ботай және Красный Яр қоныстарында жүргізген кешенді зерттеулерінің нәтижелері берілген. Ботай қонысын зерттеу Қазақстан мен Еуразия тарихы үшін аса маңызды міндеттердің бірі болып табылады. Красный Яр және Ботай қоныстарындағы далалық зерттеулердің жалпы ауданы 296 м2 құрады. Ботай мәдениетін жасаушы өкілдерінің мәдени қызметінің контекстін айқындайтын бірегей археологиялық артефактілер табылды. Сондай-ақ мақалада Ботай тұрғын үйіндегі ғылыми-эксперименттік және қайта жаңғырту жұмыстарының кезеңдері қарастырылады.

Түйін сөздер: Солтүстік Қазақстан, археология, Ботай қонысы, Красный Яр қонысы, қайта жаңғырту

Viktor Zaibert, zaibert_ku@mail.ru,
Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan,
Sabina Ayazbekova, ayazbekova@mail.ru,
Branch of the M.V. Lomonosov Moscow University, Nur-Sultan, Kazakhstan,
Galymzhan Bekseitov, bek_ok@mail.ru,
Kuanysh Abilmalikov, abilmalikov_kuanysh@mail.ru,
Kuanysh Shakshakov, rgkp.botai_museum@mail.ru,
State Historical and Cultural Museum-Reserve “Botay”,
Ayyrtau district, North Kazakhstan region, Kazakhstan,
Yslam Kurmaniyazov, egypt.993@mail.ru,
Zhanar Bayanova, monti.zhanar@gmail.com;
Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan,

The MAIN RESULTS of the STUDY of the BOTAY EXPEDITION in the SETTLEMENTS of BOTAY and KRASNY YAR in 2021

Abstract. The article contains the results of comprehensive archaeological research conducted at the settlements of Botai and Krasny Yar in 2021 by the Botai International Archaeological Expedition. The study of

the Botai settlement is one of the most important tasks for the history of Kazakhstan and Eurasia. The total area of field research in the settlements of Krasny Yar and Botai was 296 sq. m. Unique archaeological artifacts have been discovered that define the contexts of the cultural activities of the Botai culture bearers. The article also discusses the stage of scientific, experimental and reconstruction work on the Botai dwelling.

Keywords: North Kazakhstan, archaeology, Botai settlement, Krasny Yar settlement, reconstruction

Согласно технической спецификации и календарному плану программы: «Археологические научно-экспериментальные исследования на поселении Ботай и моделирование систем обеспечения, образа жизни и мировоззренческо-сакральных контекстов носителей ботайской культуры» археологические работы в 2021 г. проводились на двух памятниках ботайской культуры – поселениях Ботай и Красный Яр.

Полевые археологические исследования на поселении Ботай

На начальном этапе полевого сезона 2021 г. были проведены научно-рекогносцировочные работы по выбору места закладки раскопа. Для археологического исследования был выбран участок правого высокого берега р. Иман-Бурлук, на периферии восточной зоны поселения Ботай, рядом с археологическим раскопом полевого сезона 2020 г.

На поселении Ботай насчитывается более 200 очертаний жилищных конструкций, которые по своему назначению могут делиться на мастерские, складские, жилые, сакральные культовые конструкции. В 2019 г. разведочные работы на восточной границе поселения выявили палеозоологический материал, который дал возможность интерпретировать его как место возможных захоронений у носителей Ботайской культуры [Зайберт, 2020, с. 390–400]. Обнаружение места традиционных массовых погребений ботайцев является одной из главных задач научных

исследований на археологическом памятнике Ботай. Одной из задач также является оперативное изучение правого верхнего берега поселения из-за возможной угрозы обрушения берега и части поселения Ботай (рис. 1–2).

На данной территории была проведена фотофиксация и разметка раскопа (4×4 м) на чертежном плане общей площадью 148 м². Координатная сетка раскопа разбита по линии север-юг и запад-восток. Маркировка квадратов: от линии А-І с востока на запад, от исходной линии - латинские прописные буквы (А, В, С). Направление с севера на юг отмечается римскими цифрами (І, ІІ, ІІІ). Всего было разбито 9 квадратов с целью исследования межжилищного и жилищного пространства.

Затем было произведено вскрытие верхнего гумусно-пластового слоя раскопа с целью дальнейшего вскрытия основного культурного слоя, который начинается с уровня

Рис. 1. Поселение Ботай. Общий вид раскопок сверху. 2021 г.
Фото К.Г. Абыльмаликова

15 см. Первые артефакты – изделия из камня, кремния, яшмо-кварцита начали проявляться уже на глубине 15-20 см. Вместе с ними были зафиксированы палеозоологические материалы в виде скоплений костей и одиночных экземпляров. Все квадраты были подготовлены для дальнейшего научного анализа стратиграфии и планиграфии объекта. С помощью нивелира научными сотрудниками была проведена работа по

Рис. 2. Площадь раскопа на поселении Ботай. 2021 г. Фото К.Г. Абилямаликова

определению топографической неровности на поселении Ботай. Нивелировалась и поверхность раскопа с целью определения перепадов высоты и неровностей на поселении. От 0 точки, расположенной в центре памятника, фиксировались артефакты.

В процессе раскопок выбранный грунт тщательно просеивался специальным ситом на предмет выявления археологического материала. В итоге была зафиксирована коллекция каменных артефактов, фрагментов глиняной посуды и палеозоологического материала. Весь материал прошел камеральную обработку на археологической базе. Палеозоологический материал, обнаруженный во время раскопок, носит фрагментарный характер, большая часть его расщеплена. Но при этом вокруг жилищной конструкции не было выявлено хозяйственных ям и ям для отходов, куда сбрасывались ненужные отходные материалы производства и быта.

Планиграфическая и стратиграфическая ситуации раскопа отражают границы слабо выраженной жилищно-хозяйственной конструкции или следы возможного захоронения. В квадрате А-III были найдены останки человеческого скелета. Обнаруженные остеологические материалы, относящиеся к человеку – фрагмент черепа, фаланги пальцев дают возможность трактовать данную конструкцию как сакральную, где могли проводить ритуалы, разбрасывать кости животных после жертвоприношений. В целом, остатки человеческой деятельности зафиксированы в семи исследованных квадратах.

При вскрытии раскопа в квадратах С-II, В-I на глубине 15 см были обнаружены уникальный обломок диска и кремневые изделия (отщепы с ретушью). Обломок диска находился в задернованном слое почвы, вытолкнутый геохимическими процессами наружу. В квадрате А-III обнаружены отщепы с ретушью, остеологический материал, относящийся к останкам ботайской лошади.

В слое 20-30 см были обнаружены орудия, заготовки и отходы в виде отщепов из яшмо-кварцита. В квадрате А-III, в его северо-восточной части, обнаружены скребок, обломок яшмо-кварцита. В квадрате В-III обнаружены два боласа из песчаника, являющиеся составной частью метательного орудия и оружия. Также на этой же глубине был найден обломок каменного утюжка. В квадрате А-III

БОТАЙ - 2021

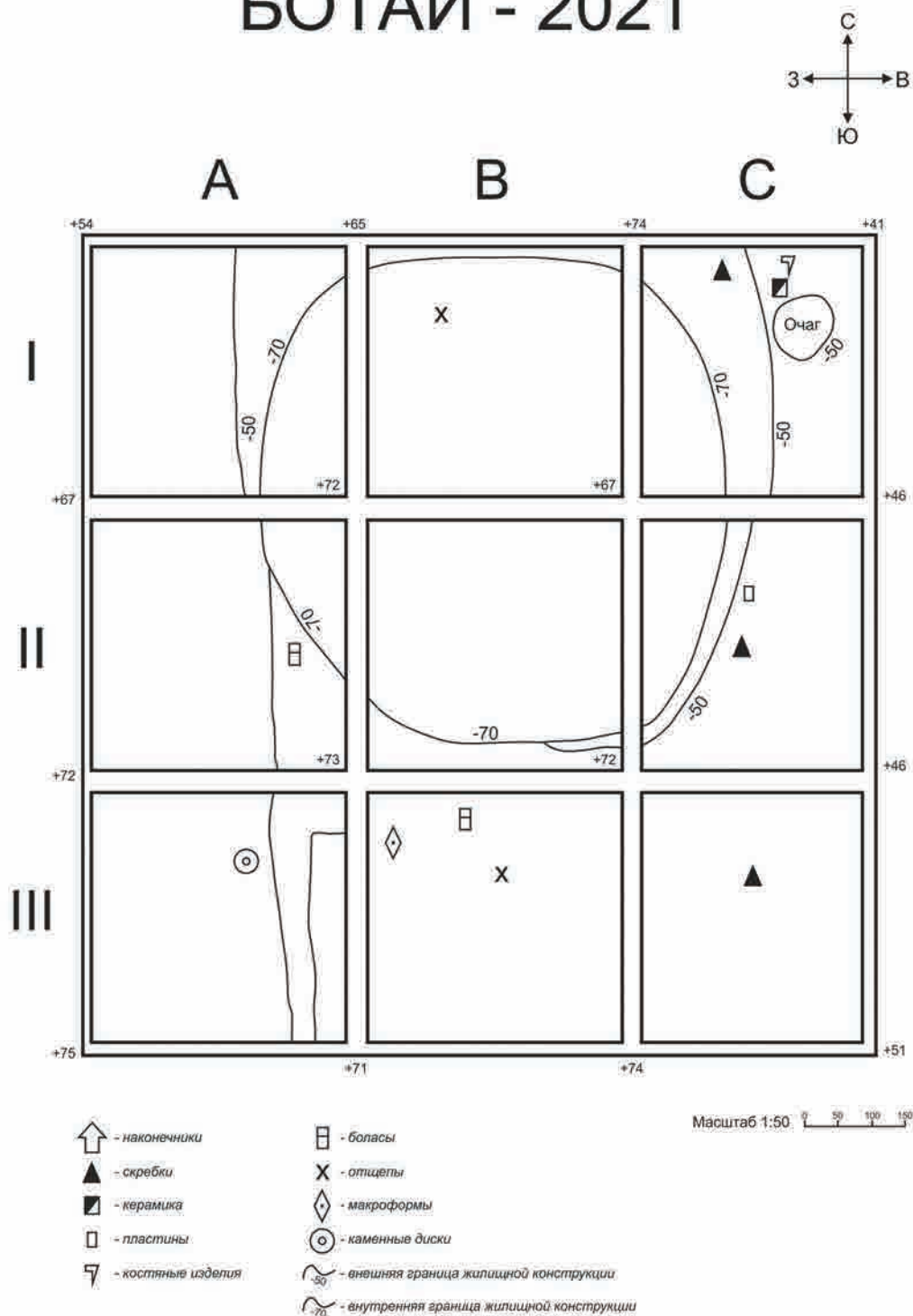

Рис. 3. Поселение Ботай. План раскопа. 2021 г.

обнаружен фрагмент каменного орнаментированного в стиле шагающей гребенки диска (рис. 3).

В слое 20-30 см в квадрате В-II были обнаружены сколы, обломок нуклеуса, обломок с бифасиальной заготовки, ложило из яшмо-кварцита. Также на глубине 30-40 см обнаружено семь костяных проколов, выполненных из грифельных костей ботайской лошади.

В квадрате С-II найдены отщепы с ретушью, обломок бифаса, проксимальная пластина. Наибольшее количество артефактов было обнаружено на глубине 30-40 см в квадратах А-I-II, В-I-II, С-I. Наконечник дротика в квадрате В-II был обнаружен в восточной части квадрата.

В ходе археологических исследований данного участка (9 квадратов размерами 4×4 м) поселения Ботай была выявлена особенность: планиграфия раскопа показывает хорошо задернованную жилищную впадину. При дальнейшем вскрытии, на глубине 50–70 см, были обнаружены границы жилищной конструкции вытянутой овальной формы. Аналогичный тип конструкции был зафиксирован В.Ф. Зайбертом в раскопе № VI 1981 г. поселения Ботай. Данный тип жилища представляет один из спектров ботайского домостроительства в ходе хозяйственной и бытовой деятельности на протяжении годичного календарного цикла [Зайберт, 1993, с. 20; Зайберт и др., 2007, с. 25].

Границы жилищной впадины занимают квадраты А-I-III, В-I-II, С-I-III. В квадрате А-I жилищная впадина занимает восточную часть квадрата, на глубине 50 см прослеживаются внешние границы жилищной конструкции, которые являются развалившимися стенками жилища. На глубине 70 см четко прослеживается внутренняя граница конструкции, занимающая 1/3 пространства квадрата. Северная внутренняя граница жилищной конструкции уходит в восточную бровку. На глубине 70-80 см прослеживается глиняная замазка стен конструкции.

В квадрате В-I жилищная впадина занимает площадь практически всего квадрата, в северной части квадрата фиксируется северная внутренняя граница жилищной впадины на глубине 70 см. В квадрате не было зафиксировано очажных зон, что выдвигает версию о летнем характере жилища. В квадрате были обнаружены мелкие отщепы и скребки из яшмо-кварцита. Небольшое количество отщепов отходного производства и скребков может интерпретироваться как находки в сакральном жилище, использовавшегося в летнее время в качестве места для погребальных обрядов. И версия о возможном сбрасывании усопших в реку может быть подтверждена.

В квадрате С-I фиксируется восточная внешняя граница жилищной впадины, занимающей 2/3 квадрата на глубине 50 см. На глубине 70 см фиксируется внутренняя граница жилищной конструкции, северная часть которой уходит в западную бровку. В квадрате С-I в северо-восточной части квадрата вне границ жилищной впадины был обнаружен летний очаг. В районе очажной зоны ближе к северной бровке обнаружено 36 фрагментов керамической посуды, рядом также были обнаружены расщепленные остатки костей лошади. Фрагменты керамики представлены частями разных сосудов с ямочно-гребенчатым и гребенчатым геометрическим стилями.

В квадрате А-II частично прослеживается юго-западная внешняя граница жилищной впадины на глубине 50 см. Внутренняя граница уходит в восточную бровку на глубине 70 см. Также в юго-восточной части квадрата видно коридорообразное углубление шириной 40 см. Предположительно такой коридор мог использоваться в качестве стока-канализации, который уходил к обрыву реки. В этом же квадрате был обнаружен фрагмент человеческого черепа и фаланги пальца – две промежуточных фаланги и одна пястная кость кисти. В данном квадрате также было обнаружено несколько боласов – метательных снарядов возле внешней границы жилищной конструкции.

В квадрате В-II при вскрытии на глубине 40-50 см был обнаружен вход в жилище, организованный с южной стороны. Рядом со входом были обнаружены костные останки нижней челюсти и конечности собаки. Большая часть квадрата относится к жилищному пространству, в котором также не были обнаружены следы очажной зоны. В культурном слое были найдены отщепы,

сколы, несколько макроформ, обломки яшмокварцита и конкреции. Южная внутренняя граница жилищной конструкции не доходит до южной бровки.

В квадрате С-II внутренняя граница жилищной впадины занимает только северо-западную часть, уходя в квадрат В-II. Граница конструкции прослеживается на глубине 50 см, совпадая с внутренней границей впадины. Вне стен жилищной конструкции были обнаружены скребки разных типов.

Квадраты В-III, С-III относятся к межжилищному пространству, в которых не прослеживаются хозяйственные ямы, характерные для ботайских типов жилищ, расположенных в центре поселения. На этих квадратах были обнаружены разбросанные палеозоологические материалы. Разбросанность костей дает возможность предположить, что в данной жилищной конструкции или рядом проводились ритуальные обряды. Внутри жилищной конструкции не было обнаружено очаговых зон, которые показали бы зимний характер использования конструкции.

Анализируя планиграфическую ситуацию, можно сделать вывод, что стены жилищной конструкции были обвалены строго на север. Фундамент жилищной конструкции закладывался не глубоко, на уровне 70-80 см. Сравнивая жилищные конструкции центральной части поселения, уровень залегания фундамента, можно сделать вывод, что основы жилища закладывались на уровне 100 см. Этот факт связан с высокой береговой линией восточной границы поселения Ботай. При нивелировке планиграфической ситуации высота места раскопа выше на 74 см в сравнении с центральной частью поселения Ботай. Высокая часть берега также отразилась и на высокогумусированном слое почвы, достигающем 50 см.

Стратиграфический анализ велся по двум ориентирам частей света: север и восток. Северные бровки обозначаются линиями I, II, III, восточные бровки обозначаются линиями А, В, С. На глубине 50 см проявилась четкая стратиграфия жилищной конструкции (рис. 4-5).

В полевом сезоне 2021 г. на энеолитическом поселении Ботай было исследовано 148 м² площади. Была исследована одна жилищная конструкция сакрального назначения, подтверждающаяся:

- сакральными артефактами Ботайской культуры – орнаментированные фрагменты каменных дисков;
- строением и месторасположением конструкции;
- отсутствием очажной зоны внутри конструкции;
- наличием останков человека;
- небольшим количеством орудий хозяйственного и бытового назначения;
- отсутствием большого количества отходного производства – отщепов, сколов, хозяйственных ям.

В результате раскопок 2021 г. на поселении Ботай найдено 424 артефакта из кости, камня, керамики.

Полевые археологические исследования на поселении Красный Яр

Поселение Красный Яр было открыто в начале 1990-х гг. В.Ф. Зайбертом и частично исследовано вплоть до начала 2000-х годов в составе Казахстано-американской экспедиции. Подсчитанная площадь поселения Красный Яр составляет около 10 га, ранее предполагаемая площадь поселения составляла 30 га [Зайберт, 1993, с. 20].

Поселение ботайской культуры Красный Яр расположено в 5 км от р. Чаглинка (Шагалалы) на северо-востоке Кокшетауской возвышенности. Оно находится рядом с одноименным населенным пунктом и разделяется грунтовой дорогой, ведущей к поселку. На поверхности археологического памятника повсеместно фиксируются неровности и легкие впадины, всего фиксируется около 60 жилищных впадин.

Площадь поселения хорошо задернована. Дерн очень плотный, образован корнями степной растительности (разнотравие) и темной супесью. Верхний слой представлен темно-серым гумусом с вкраплениями суглинка. Гумусированный слой очень мощный. Материк начинается на уровне 1 м.

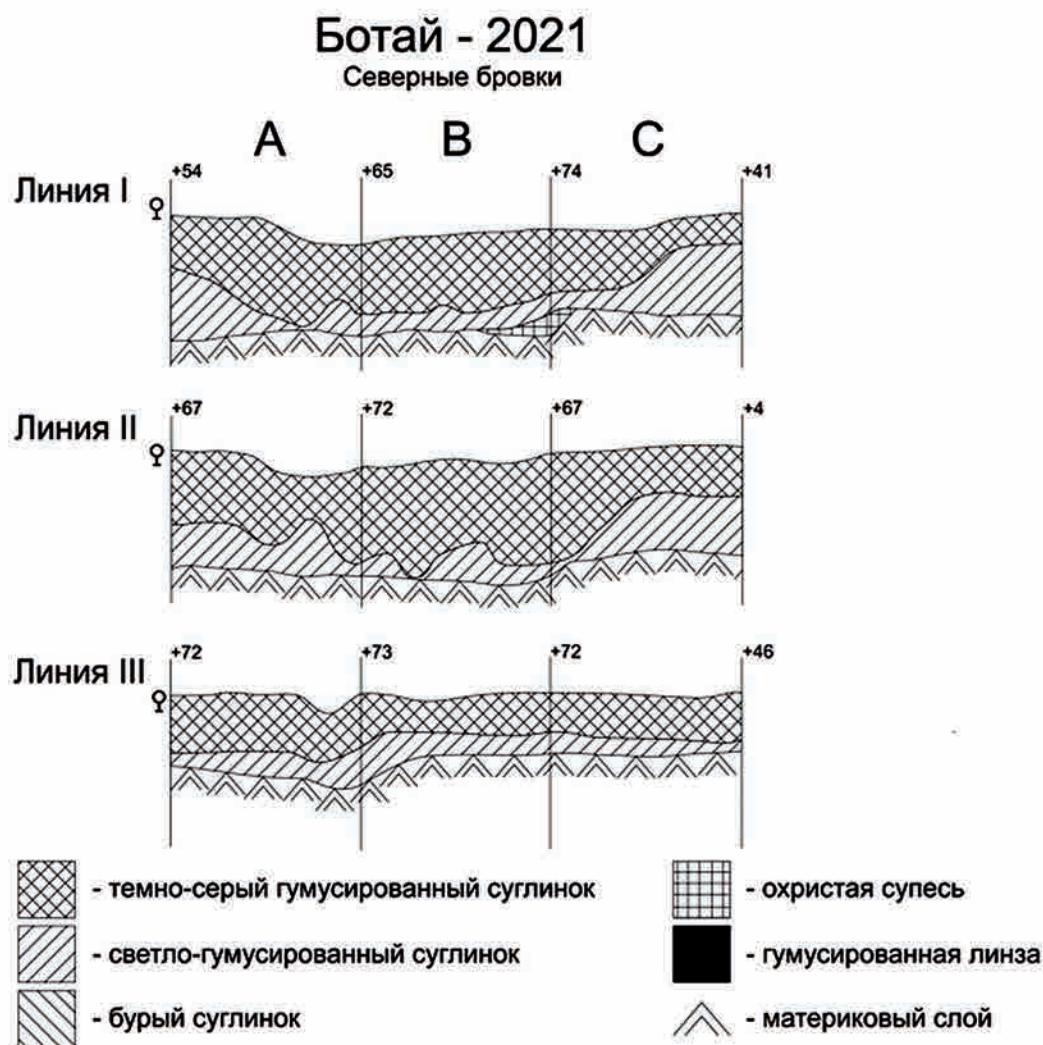

Рис. 4. Поселение Ботай. Северные бровки. 2021 г.

В 2021 г. было исследовано жилище № I, построенное носителями ботайской культуры, которое на рубеже энеолита и бронзового века больше не использовалось. Было исследовано также межжилищное пространство общей площадью в 148 м² в южной части поселения (рис. 6).

В результате полевых исследований было изучено одно жилище с очагом ближе к северной стене и входом, направленным на восток, три хозяйственных ямы с костными останками животных. Жилище было постоянным местом пребывания ботайской семьи, которая специализировалась на изготовлении каменных режущих орудий труда.

Научно-экспериментальные и реконструкционные работы на ботайском жилище

Второй этап археологических исследований 2021 г. заключался в проведении научных экспериментально-прикладных работ на реконструированном ботайском жилище, где основной

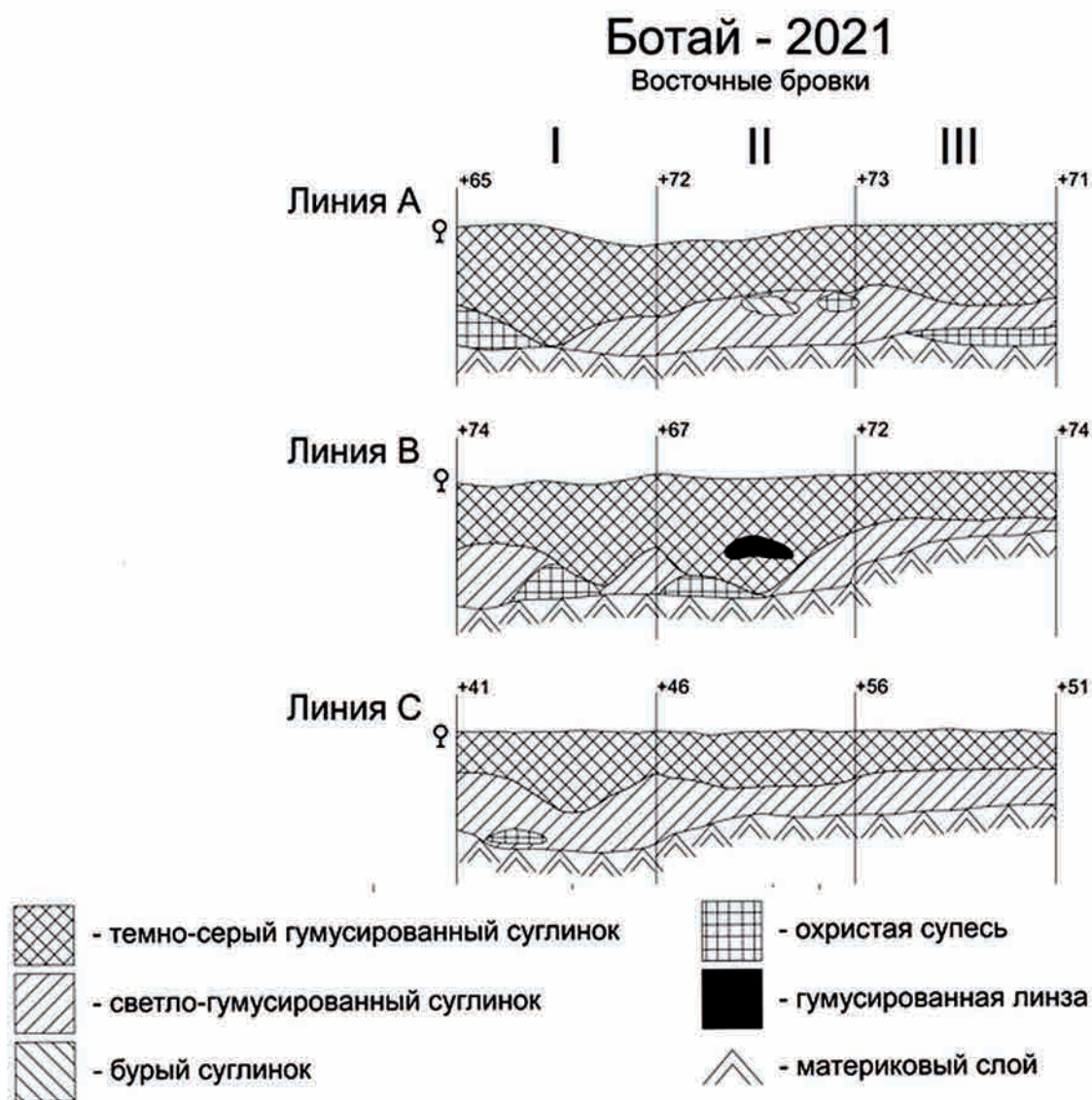

Рис. 5. Поселение Ботай. Восточные бровки. 2021 г.

целью являлось воссоздание внешнего и внутреннего интерьера и системы безопасности жизненного пространства на основе новейших данных стратиграфии и планиграфии. Это тепло- и гидроизоляция во внешней среде, формирование комфортного внутреннего убранства и сложение традиционного степного интерьера (рис. 7-8).

Многолетние наблюдения архитектуры ботайских жилищ позволили определить основные принципы объемной постройки: были проведены уточнения при вскрытии жилищного котлована глубиной до 1 м, обязательно геометрической многоугольной (обычно 6-8 граней), реже квадратной формы (последняя восьмигранная форма использовалась для хозяйственных вспомогательных

Рис. 6. Поселение Красный Яр. Археологический раскоп. 2021 г. Фото К.Г. Шакиакова

построек). Строительство стены как продолжения стенок котлована до высоты 60-80 см и шириной до 1 м. Интересно, что эти параметры соответствуют современным строительным нормам локальных жилищных комплексов.

В 2019 г. был создан экспериментальный макет ботайского жилища с целью проведения научного эксперимента по конструктивным принципам и архитектурным элементам, не только в объемном внешнем облике, но и в отделке внутреннего интерьера. С использованием, на основе древних ботайских архитектурных традиций, современных строительных композитных материалов было успешно реконструировано ботайское экспериментальное жилище.

В ходе многолетних исследований ученые-авторы эмпирическим путем пришли к стилю многоугольно-конической формы жилищ по принципу «Дарбази» и построили несколько макетов в натуральную величину. Чертежи стратиграфии были подвергнуты аналитическому сравнению с чертежами раскопанного древнего жилища, над которым было построено жилое ботайское помещение. Стратиграфия раскопа полностью совпала с предполагаемой конструкцией жилища.

В ходе оглашения научных результатов археологических исследований и обсуждения на ежегодных научно-практических конференциях была поставлена точка в вопросах дискуссии о прямоугольных или многоугольных конусовидных формах ботайских жилищ. На этом этапе изучения ботайской культуры очень важно было убедиться в принципах создания систем жизнеобеспечения как основы культурогенеза, а разнообразие жилищной архитектуры ботайцев отнести к конкретно-историческим или конкретно-ситуационным моментам.

Воздвигаемое экспериментальное жилище-макет в натуральную величину было предназначено для создания модели бытовой и сакральной жизни ботайцев, элементы которой в археологических раскопках восстанавливались по крупицам.

*Рис. 7. Научно-экспериментальное жилище. Ботай, 2021 г.
Фото К.Г. Абильмаликова*

*Рис. 8. Сушка лошадиных шкур на загоне. Ботай, 2021 г.
Фото И.С. Курманиязова*

Нами была изучена вся научная литература по архитектуре жилищ каменного века на территории Средней Азии и Казахстана. Интересно одно из открытий, сделанных по материалам ранне-кельтеминарской культуры в низовьях Амударьи экспедицией С.П. Толстова и М.П. Грязнова, выявившей очень похожие на ботайские жилища. М.П. Грязновым был реконструирован «Джанбаскалинский дом» [Толстов, 1948, с. 60-62; 1962, с. 30-45; Массон, 1966].

В июне-октябре 2021 г. проводились научно-экспериментальные и реконструкционные работы на ботайском жилище 2019 г., согласно задачам научно-исследовательской программы. Основной научно-прикладной задачей реконструкционных работ на ботайском жилище было внедрение в историческую практику домостроительства всех новейших результатов ботайских раскопок для пропаганды уникального историко-культурного наследия Республики Казахстан среди граждан и гостей страны.

По технической спецификации 2021 г. проведение научных экспериментально-прикладных работ на вновь созданном ботайском жилище заключается в реконструкции внешнего и внутреннего интерьера и организации безопасности жизненного пространства в ботайском жилище на основе новейших данных стратиграфии и планиграфии предыдущих лет. Это тепло- и гидроизоляция во внешней среде, формирование комфортного внутреннего убранства и сложение традиционного степного интерьера. В созданном жилище реконструкционные работы проводились под руководством профессора археологии В.Ф. Зайберта научными сотрудниками К.К. Абилямаликовым, И.С. Курманиязовым.

На первом этапе было подготовлено 20 шкур лошадей для сушки, обработки медным купоросом и солью и заготовлен плетневой мат для жилища.

*Рис. 9. Утепление пола экспериментального жилища камышом. Ботай, 2021 г.
Фото К.Г. Абилямаликова*

Второй этап работ: Стены жилища обмазаны красной глиной и конским навозом, обеспечена теплоизоляция и гидроизоляция жилища (рис. 9).

Третий этап работ. Произведено захоронение анатомической копии собаки в ботайском жилище. Оформление интерьера жилища.

Цель всей реконструкционной работы, проводимой в рамках научной программы по теме «Археологические научно-экспериментальные исследования на поселении Ботай и моделирование систем обеспечения, образа жизни и мировоззренческо-сакральных контекстов носителей ботайской культуры» - это сохранение и музеефикация архитектурных сооружений памятника Ботай.

Евразийские степи динамично обеспечивали распространение новаций, которые на периферии данной экосистемы в ярко выраженных ландшафтах с вертикальной зональностью создавали оседлые культурные сообщества и исторически длительные традиции. Речь идет о распространенной на территориях Алтая, Памира, Кавказа, Тянь-Шаня и ареалов, прилегающих к ним, архитектурного стиля типа «Дарбази», сохранившегося с эпохи энеолита до этнографической современности [Зайберт, Баянова, 2020, с. 808-819].

Уникальная схожесть данной архитектуры с реконструированной ботайской системой домостроительства вызвала наш неподдельный интерес к этим аналогиям. Предполагается, что это лишь конвергенция, с чем, увы, мы принципиально не согласны, так как у нас имеется ряд археологических, генетических и исторических примеров культурного взаимодействия степных ботайских коневодов с этносами евразийской степи и ее периферией.

На этом этапе формирования научной знания о мировом значении ботайской архитектуры ставятся вопросы создания банка данных археологических, архитектурно-исторических, литературных источников [Зайберт, 2020, с. 397].

Тысячелетия назад дома в пространстве от Кавказа до Средней Азии выглядели почти так, как сейчас выглядит памирский дом - строение, предназначенное для жилья жителей западной части Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана. Жители этого региона – памирские таджики стараются построить дом, соблюдая древние архитектурные особенности. Многие из них уверены, что прообразом этого дома является Ноев ковчег, который по библейско-кораническим легендам спас человечество от всемирного потопа. И еще, например, жители Памира считают, что именно памирский

Рис. 10. Глхатун традиционный тип жилища, Армения.
Фото А. Акопяна (по: [Глхатун, Интернет-ресурс])

дом помогает сохранить древние реликтовые памирские языки и обычаи, так как все ритуалы, начиная с рождения ребенка и кончая похоронами, должны обязательно проводиться в доме. Интересен сам факт высказываний о связи Ноева ковчега и дома горцев. Нам представляется, что предметом сходства в архитектурной традиции послужило перекрытие (палуба) корабля по принципу «Дарбази» с центральным люком (в «ботайском» варианте и «дарбази» - шанырак для освещения, выхода дыма и наблюдения за небосводом) (рис. 10). Отсюда и происхождение мифологемы о связи Ноева ковчега с жилищами горных народов, испытавших героику последнего потопа, встречу с одомашненным ботайским конём, явившийся сакральным символом возникновения и объединения трёх мирозданий – верхней – средней – нижней сфер. Таким образом, энеолитическая эпоха (V-III тыс. до н.э.) – это историческое время сложения родственных археологических культур в горных ареалах Евразии в процессе культурогенеза на основе последствий планетарных событий – мирового потопа, одомашнивания коня, сакральный переход к триаде в миропредставлении энеолитического человека.

ЛИТЕРАТУРА

Глхатун – армянский национальный дом. URL: <https://antitopor.com/articles/gllhatun-armyanskij-nacionalnyj-dom.html> (дата обращения 10.09.2021).

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск: АН РК, ИА КН МОН РК, 1993. 246 с.

Зайберт В.Ф. Ботай. Алматы: «Балауса баспасы», 2020. 480 б. (қазақша, орысша, ағылшынша).

Зайберт В.Ф., Баянова Ж.К. Феномен сходства стиля ботайского домостроительства и Евразийских архитектурных приемов эпохи позднего каменного века // Мир Большого Алтая. 2020. Т. 6. № 2. С. 808-819.

Зайберт В.Ф., Тюлебаев А.Ж., Задорожный А.В., Кулаков Ю.В. Тайны древней степи. (Исследования поселения Ботай в 2004–2006 гг.). Коллективная монография. Кокшетау: Изд. центр Кокшетауского университета, 2007. 163 с.

Массон В.М. Поселения и жилища // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы / отв. ред. В.М. Массон. М.–Л.: Наука, 1966. С. 135-136.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.–Л.: изд-во АН СССР, 1948. 328 с.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во восточной литературы. 1962. 324 с.

**Д.А. БАЙТЛЕУ,
Ж.С. КАЛИЕВА,
А.Ш. ИСКАКОВ**

**Байтлеу Дархан Айтжанұлы,
Калиева Жанаргүл Сериковна,**
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан;
baitileu@gmail.com; zhkalieva@mail.ru
Искаков Айдар Шарханович,
Национальный историко-культурный
и природный заповедник-музей «Улытау»,
п. Улытау, Казахстан; iskakov.aydar@list.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСЕЛЕНИЯ ТАРАНГУЛ в 2021 г. (предварительное сообщение)

Аннотация. В статье представлены результаты полевых исследований поселения эпохи бронзы Тарангул, локализованного в Актюбинском Приуралье. В ходе археологических работ 2021 г. на памятнике обнаружены уникальные находки, в том числе остатки теплотехнических сооружений (металлургических печей), керамики, металлических, каменных и костяных орудий, литейной формы. Все артефакты позволяют уверенно датировать время функционирования поселения Тарангул периодом позднего бронзового века. В ходе проведенных исследований была дополнена база данных археологических памятников эпохи палеометалла и связанных с ними геоархеологических производственных объектов Урало-Мугалжарского региона. Кроме того, исследовательские работы позволяют провести корреляцию в изучении археологических памятников позднего бронзового века в локальном микрорайоне.

Ключевые слова: археология, Урало-Мугалжарский регион, Орь-Илекская возвышенность, поздний бронзовый век, поселение, археометаллургия

**Байтілеу Дархан Айтжанұлы,
Қалиева Жанаргүл Серікқызы,**
Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ, Қазақстан;
baitileu@gmail.com zhkalieva@mail.ru
Искаков Айдар Шарханұлы,
«Ұлытау» ұлттық тарихи-мәдени және табиғи қорық-мұражайы,
Ұлытау к., Қазақстан;
iskakov.aydar@list.ru

ТАРАНҒҰЛ ҚОНЫСЫНЫҢ 2021 жылғы АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕРІНІҢ НӘТИЖЕЛЕРІ (алдын ала есеп)

Аннотация. Мақалада Ақтөбе облысының Орал маңында орналасқан Таранғұл қола дәуірінің қоныстарын зерттеу нәтижелері көрсетілген. 2021 жылы жүргізілген археологиялық жұмыстар кезінде бұл жерден жылыту қондырғыларының қалдықтары (металлургиялық пештер), керамика, металл, тас

және сүйектен жасалған құралдар мен құю қалыптары бар бірқатар олжалар табылды. Табылған барлық артефактілер Таранғұл қонысының қалыптасуы кейінгі қола дәуірінде болғанын сенімді түрде қосуға мүмкіндік береді. Зерттеу барысында Орал-Мұғалжар аймағындағы палеометалды және соған байланысты геоархеологиялық өндіріс нысандарының археологиялық ескерткіштерінің мәліметтер базасы толықтырылып, сонымен қатар жүргізілген жұмыс жергілікті маңайда қола дәуірінің кейінгі кезеңіне жататын археологиялық ескерткіштерді зерттеуде өзара байланыс орнатуға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: археология, Орал-Мұғалажар аймағы, Ор-Ілек аймағы, кейінгі қола дәуірі, қоныс, археометаллургия

**Darkhan Baitileu,
Zhanargul Kalieva,**
A.Kh. Margulan Archaeology Institute,
Almaty, Kazakhstan;
baitileu@gmail.com; zhkalieva@mail.ru
Aydar Isakov,
National Historical, Cultural and Natural Reserve-Museum «Ulytau»,
Ulytau, Kazakhstan;
iskakov.aydar@list.ru

RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH of the TARANGUL SETTLEMENT in 2021 (preliminary report)

Abstract. The article presents the results of field studies of the Bronze Age settlement Tarangul localized in the Aktobe Urals. During archaeological work in 2021, a number of unique finds were discovered at the site, including the remains of heat engineering structures (metallurgical furnaces), ceramics, metal, stone and bone tools, and a casting mold. All artifacts make it possible to confidently date the operation of the Tarangul settlement to the period of the Late Bronze Age. In the course of the research, the database of archaeological monuments of the age of the paleometal and associated geoarchaeological production facilities of the Ural-Mugalzhar region was supplemented, in addition, the work carried out allows a correlation in the study of archaeological monuments of the Late Bronze Age in the local microdistrict.

Keywords: archaeology, Ural-Mugalzhar region, Or-Ilek Upland, Late Bronze Age, settlement, archaeometallurgy

Введение. В 2021 г. археологическим отрядом Института археологии им. А.Х. Маргулана продолжены исследования на археологическом комплексе Тарангул. Памятник расположен в 6,3 км к северу от п. Кос-Естек в 1,5 км к западу от грейдерной дороги между п. Кос-Естек и п. Эрзерум (бывш. п. Большевик), в 1,4 км к северо-западу от места слияния рек Тарангул и Жалгызгааш (Карагалинский р-н, Актюбинская обл.) (рис. 1).

Отметим, что археологический комплекс Тарангул был обнаружен в 2019 г. [Байтлеу, Хаванский, 2020], а полноценное исследование поселения и могильника, входящего в систему названного памятника, начато в 2020 г. [Байтлеу, Калиева, 2020; Байтлеу, Шагирбаев, 2021].

Поселение занимает ровную площадку первой надпойменной террасы левого берега р. Тарангул и ограничена в западной части небольшой ложбиной от обширной долины, обрамленной низкогорным массивом. С севера площадка поселения прикрыта сопками, южные контуры определяются береговой линией. Размеры террасы подтреугольной в плане формы, занятой поселением, вытянутым в широтном направлении, составляют 170×75 м и маркируются подъемным материалом, представленным преимущественно керамикой, а также костными остатками.

В текущем полевом сезоне продолжены раскопочные работы на поселении с прирезкой к раскопу 2020 г. Исходя из практической необходимости и с целью дальнейшего расширения полевых исследований, а также особенности локализации поселения, было решено расширить раскоп

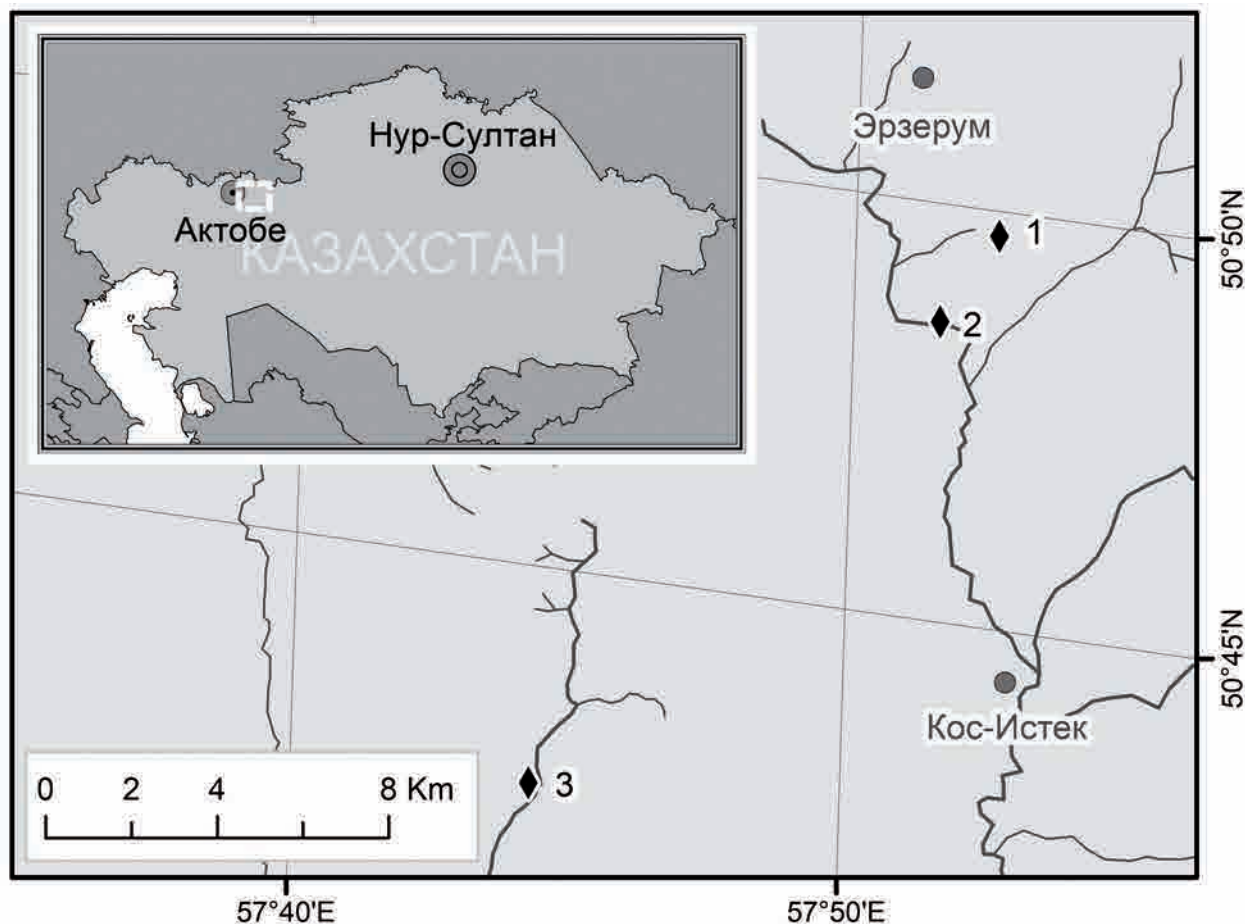

Рис. 1. Локализация поселения Тарангул на карте Казахстана. Исполнитель М.А. Антонов (по: [Байтлеу, Шагирбаев, 2021])

2020 г. в восточном, южном и западном направлениях (рис. 2). Таким образом, разбивка раскопа производилась по квадратам 3×3 м, образующим квадраты площадью 9 кв. м. каждый с бровками-перемычками между ними (шириной 0,3 м). Общая площадь раскопа в 2021 г. составила 81 кв. м. Выборка грунта производилась одновременно во всех квадратах. Культурный слой сохранился во всех квадратах раскопа. Как было отмечено, в прошлом полевом сезоне в северной части раскопа, а именно в квадратах А1–3 по долготе на глубине 0,6 м, фиксируется материковый слой. В текущем полевом сезоне было выявлено, что данная особенность топографии раскопа является конструктивной частью обнаруженного объекта, о котором будет указано ниже.

В ходе расширения раскопа в восточном, южном и западном направлении были выявлены борта производственной площадки, представленной в виде углубления-котлована в плане подпрямоугольной формы, вытянутого с запада на восток. Размеры котлована, профиль которого в виде усеченной линзы, составляют $11 \times 7,5$ м. Глубина от древней дневной поверхности составила 0,5–0,6 м.

Необходимо отметить, что борта котлована с производственной площадкой в восточной и южной (обращенной к реке) части несколько крутые, нежели пологие борта в северной (обращенной к сопке) и западной частях. Наличие столбовых ям указывает на то, что над производственной площадкой или отдельной ее частью было расположено перекрытие или своеобразный навес.

Рис. 2. План раскопа. Поселение Тарангул. Фото Д.А. Байтлеу

В ходе углубления раскопа в квадратах Б,В–2,3 и частично в квадратах Б,В–1 обнаружены три ямы, круглой в плане формы, расположенные в ряд по линии запад–восток, на глубине 1,4 м от современной дневной поверхности (рис. 3).

На данный момент зафиксировано, что ямы расположены в центре условной производственной площадки. Диаметр западной и центральной ямы идентичен и составляет 1,8 м. Необходимо отметить, что западная и центральная ямы в сечении чашевидной формы. Диаметр восточной ямы составляет 1 м. Стенки восточной ямы практически вертикальные, с небольшим расширением при углублении в яму.

В ходе раскопа было выявлено, что западная и центральная ямы внутри имеют оплывы глины, под которыми фиксируются каменные плиты (рис. 4, 5). Оплывы глины несколько отличаются от материковой плотной глины и по составу рыхлые, суглинистые, местами имеют слабо прокаленные участки. Обнаруженные оплывы глины с каменными плитами под ними, вполне вероятно, могут быть обрушившимся куполом свода, под которыми остались плиты перекрытия.

Необходимо отметить, что каждая яма взаимосвязана с примыкающей к ней ямой. На данный момент зафиксированы наземные признаки сообщения между западной и центральной, а также центральной и восточной ямами, которые представлены сложной системой канавок и желобов различных размеров. Остатков горизонтальной дымовыводящей системы на данном

Рис. 3. Поселение Тарангул. Ямы (печи) вид сверху. Фото Д.А. Байтлеу

этапе исследований не обнаружено, но анализ микротопографии близ остатков теплотехнических сооружений указывает на то, что дымоходы могли располагаться к западу от крайней западной ямы. Вместе с тем выявленные скопления камней к югу от восточной и западной ямы, и плита больших размеров у южного борта центральной ямы также могут являться остатками дымоходов.

Говорить о фактической глубине трех ям преждевременно ввиду того, что исследования данных сооружений еще не завершено. На момент раскопа в текущем полевом сезоне глубина залегания оплывов глины западной и восточной ямы идентичны – от древней дневной поверхности их глубина составила 0,8 м. Глубина восточной ямы, судя по стратиграфии, возможно, имеет большие размеры.

По всем внешним признакам данные объекты представляют остатки теплотехнических сооружений. Вполне возможно, мы имеем дело с остатками шахтных металлургических печей трехсекционного типа, схожих с изученными печами поселения Талдысай в Центральном Казахстане [Ермолаева и др., 2019, с. 93]. Обнаружение теплотехнических сооружений в Актюбинском Приуралье происходит впервые, что усложняет процесс нахождения аналогий в данном регионе. Наиболее схожими можно назвать теплотехнические сооружения Синташты и Аркаима [Григорьев, 2013, с. 102–103], но определенные конструктивные отличия (диаметр, глубина, палеопочвенные

Рис. 4. Поселение Тарангул. Центральная яма (печь). Северная экспозиция. Фото Д.А. Байтлеу

Рис. 5. Поселение Тарангул. Западная яма (печь). Западная экспозиция. Фото Д.А. Байтлеу

аспекты) в сооружениях Тарангула, Синташты и Аркаима наталкивают на мысль, что сравнение необходимо проводить с большой осторожностью. Таким образом, определение характера сооружений из поселения Тарангул, а также точная их идентификация, возможны только после окончательного исследования, которое запланировано на последующие годы. На данном этапе ямы раскопаны частично и после предварительных исследований законсервированы для более детального исследования с привлечением специалистов в области геоархеологии и археометаллургии.

Интересными в ходе проведения раскопочных работ в квадратах с ямами выступили материальные остатки, явно указывающие на сакрализацию теплотехнических сооружений древними жителями поселения. Сакральная составляющая выражается в наличии жертвенных участков у расположенных вокруг ям. В ходе раскопа были выявлены скопления нижних челюстей крупного и мелкого рогатого скота, а также скопления астрагалов КРС около остатков теплотехнических сооружений. Свидетельство сакрализации теплотехнических сооружений является отдельной актуальной и сложной темой исследования на поселении Тарангул и будет раскрыта в последующие годы с привлечением широкого спектра данных.

Еще одной существенной находкой полевого сезона 2021 г. на поселении Тарангул является литейная форма, изготовленная из песчаника (рис. 6; 7). Литейная форма была обнаружена в 2 м к западу от остатков теплотехнических сооружений (западной ямы), на древней дневной поверхности, в районе предполагаемой дымовыводящей системы.

Размеры камня с негативами орудий составляют 28,5×21×5 см. Литейные формы орудий расположены на обеих поверхностях камня. На аверсе изготовлены формы для отливки трех серпов разных размеров, на реверсе расположен негатив для отливки небольшого тесла (?).

Предварительный анализ литейных форм для серповидных орудий, а именно расположение литника, размеры матрицы, особенности клинка, в том числе его изгиб, позволяют предположить, что литейная форма использовалась для изготовления серпов так называемого Кундравинского типа [Дергачев, Бочкарев, 2013, с. 42–47]. Основной ареал подобных серпов сосредоточен на Южном Урале, а также встречается в Западной Сибири и Среднем Поволжье. Серпы Кундравинского типа напрямую связаны с алакульской культурой, локальным вариантом которой в исследуемом нами регионе является кожумбердынская культурная группа.

Говоря о литейных формах из поселения Тарангул, необходимо отметить, что еще одна литейная форма из талька была зафиксирована годом ранее прямо над центральной ямой, раскопанной в текущем году [Байтлеу, Калиева, 2020, с. 9]. Обнаружение литейных форм, а также отходов металлургического производства (руды, шлаки и др.) на прилегающих площадках у выявленных ям (печей), еще раз указывает на то, что на поселении Тарангул мы имеем дело с объектами металлургического производства. В целом, анализ объектов и остатков металлургического производства является достаточно сложной проблемой и, соответственно, отдельной темой исследования. В связи с этим рассмотрению металлургической составляющей поселения Тарангул в дальнейшем будет посвящена отдельная статья.

В текущем полевом сезоне на поселении Тарангул обнаружена достаточно многочисленная и представительная коллекция фрагментов керамики и остеологических материалов. В настоящий момент проводятся работы по определению типологии и систематизация обнаруженных находок, в том числе технико-технологический анализ керамики, а также археозоологический анализ. В том числе собрано достаточно материалов для проведения палеопочвенного анализа, анализов шлаков, руд и минералов, обнаруженных близ остатков теплотехнических сооружений.

В целом на данный момент предварительные результаты изучения керамики из поселения во многом подкрепляют выдвинутые ранее положения о том, что керамика поселения Тарангул в полной мере соответствует стандартам кожумбердынского гончарства [Байтлеу, Калиева, 2020, с. 11]. В свою очередь, остеологический материал, полученный в 2021 г., позволяет дополнить предположения и во

Рис. 6. Поселение Тарангул. Литейная форма in-situ. Фото Д.А. Байтлеу

Рис. 7. Поселение Тарангул. Обратная часть литейной формы. Фото Д.А. Байтлеу

многим подтверждает выдвинутые гипотезы о характере хозяйства и животноводства на поселении [Байтлеу, Шагирбаев, 2020, с. 148–149].

Таким образом, в результате проведенных исследований на поселении Тарангул в 2021 г. была дополнена база данных археологических памятников эпохи палеометалла и связанных с ними геоархеологических производственных объектов Урало-Мугалжарского региона. Все проведенные работы и полученные сведения позволяют провести корреляцию в изучении археологических памятников позднего бронзового века в локальном микрорайоне.

ЛИТЕРАТУРА

Байтлеу Д.А., Калиева Ж.С. Результаты исследований археологического комплекса эпохи бронзы Тарангул на севере Орь-Илекской возвышенности в 2020 году // Кадырбаевские чтения–2020: м-лы VI Междунар. науч. конф. (г. Актобе, 27–28 ноября 2020 г.) / отв. ред. А.Б. Уразова. Актобе: Актюбинский областной историко-краеведческий музей, 2020. С. 7–22.

Байтлеу Д.А., Хаванский А.Н. Результаты археологических рекогносцировочных работ в Актюбинской области в 2019 году // Маргулановские чтения – 2020: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Т. 2. С. 115–127.

Байтлеу Д.А., Шагирбаев М.С. Анализ археозоологического материала поселения Тарангул (предварительные данные) // Археология Казахстана. 2021. № 2 (12). С. 141–151.

Григорьев С.А. Металлургическое производство в Северной Евразии в эпоху бронзы. Челябинск: «Цицеро», 2013. 660 с.

Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2002. 348 с.

Ермолаева А.С., Кузьминых С.В., Анкушев М.Н., Дубягина Е.В. Металлопроизводство на поселении Талдысай в Жезказган-Улытауском горно-металлургическом центре // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): м-лы Междунар. конф. (СПб., 18–22 ноября 2019 г.). Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н.э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В. С. Бочкарёва. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, «Невская типография», 2019. С. 92–95.

**Д.А. БАЙТЛЕУ,
М.Н. АНКУШЕВ,
Ж.С. КАЛИЕВА,
М.С. ШАГИРБАЕВ**

Байтлеу Дархан Айтжанұлы,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан;
baitileu@gmail.com

Анкушев Максим Николаевич,
Институт минералогии Уральского отделения РАН,
Миасс, Россия;
ankushev_maksim@mail.ru

**Калиева Жанаргүль Сериковна,
Шагирбаев Мамбет Сапарбекович,**
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан;
zhkalieva@mail.ru; mambet_87@mail.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ГОРНОГО ДЕЛА и МЕТАЛЛУРГИИ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА ЖЕЗКАЗГАН-УЛЫТАУСКОГО РЕГИОНА в 2021 г.

Аннотация. В статье представлены промежуточные результаты комплексных исследований археологических памятников, объектов археометаллургии и геоархеологических производственных объектов эпохи бронзы в Жезказган-Улытауском регионе. В контексте проводимого исследования, с целью реконструкции исторических процессов и определения хозяйственно-культурных типов на поселениях Жезказган-Улытауского региона, был проведен анализ археозоологических материалов, а также анализ керамической коллекции, обнаруженной на поселении эпохи бронзы Балкан, а также проведен сравнительный анализ керамических материалов из поселений названного региона. Кроме того, авторами статьи предлагаются варианты локализации минерально-сырьевого комплекса Жезказган-Улытауского горно-металлургического центра в составе Казахской горно-металлургической провинции. В целом проводимые исследования позволили приблизиться к решению проблемы установления закономерностей локализации медных месторождений различных типов и освоения меднорудных ресурсов для горно-металлургического производства в Жезказган-Улытауском регионе в эпоху палеометалла. Кроме того, материалы из поселения Балкан позволили рассмотреть актуальную тему взаимоотношений древнего населения в пределах конкретного микрорайона и провести историческую реконструкцию древней палеоэкономики локального микрорайона и сложной системы взаимоотношений конкретного культурно-исторического центра и его периферии.

Ключевые слова: археология, Жезказган-Улытауский горно-металлургический центр, поселение, эпоха бронзы, археометаллургия, остеология

Байтілеу Дархан Айтжанұлы,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан,
baitileu@gmail.com

Анкушев Максим Николаевич,
РГА Орал бөлімшесінің Минералогия институты,
Миасс, Ресей;
ankushev_maksim@mail.ru
Қалиева Жанаргүл Серікқызы,
Шағырбаев Мәмбет Сапарбекұлы,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан,
zhkalieva@mail.ru; mambet_87@mail.ru

2021 жылы ЖЕЗҚАЗҒАН-ҰЛЫТАУ Өңірінің ПАЛЕОМЕТАЛЛ ДӘУІРІНДЕГІ ТАУ-КЕН ІСІ және МЕТАЛЛУРГИЯ НЫСАНДАРЫН ЗЕРТТЕУДІҢ НӘТИЖЕЛЕРІ

Аннотация. Мақалада Жезқазған-Ұлытау өңіріндегі археологиялық ескерткіштерді, археометаллургия нысандарын және қола дәуірінің геоархеологиялық өндірістік нысандарын кешенді зерттеудің аралық нәтижелері ұсынылған. Жүргізілген зерттеу мәнмәтінінде Жезқазған-Ұлытау өңірінің қоныстарындағы тарихи үдерістерді қайта жаңарту және шаруашылық-мәдени түрлерін анықтау мақсатында археозоологиялық материалдарға, сондай-ақ Балқан қола дәуірінің қоныстарынан табылған керамикалық жиынтықтарға талдау жүргізілді, сондай-ақ аталған өңірдің қоныстарынан алынған керамикалық материалдарға салыстырмалы талдау жүргізілді. Сонымен қатар, мақала авторлары Қазақстан тау-кен металлургия провинциясы құрамындағы Жезқазған-Ұлытау тау-кен металлургия орталығының минералдық-шикізат кешенін жергіліктендіру нұсқаларын ұсынады. Жалпы, жүргізілген зерттеулер палеометал дәуірінде Жезқазған-Ұлытау өңірінде тау-кен металлургиясы өндірісі үшін әртүрлі түрдегі мыс кен орындарын оқшаулау заңдылықтарын белгілеу және мыс кенді ресурстарды игеру мәселелерін шешуге жолдарына мүмкіндік берді. Сонымен қатар, Балқан қонысынан алынған материалдар белгілі бір шағын аудан ішіндегі ежелгі халықтың өзара қарым-қатынасының өзекті тақырыбын қарастыруға және жергілікті шағын ауданның ежелгі палеоэкономикасын және нақты мәдени-тарихи орталық пен оның шеткері аймағының өзара қарым-қатынасының күрделі жүйесін тарихи қайта құруға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: Жезқазған-Ұлытау тау-кен металлургия орталығы, археология, қоныс, қола дәуірі, археометаллургия, остеология

Darkhan Baitileu,
A.Kh. Margulan Archaeology Institute,
Almaty, Kazakhstan;
baitileu@gmail.com
Maxim Ankushev,
Institute of Mineralogy of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Miass, Russia;
ankushev_maksim@mail.ru
Zhanargul Kalieva,
Mambet Shagirbayev,
A.Kh. Margulan Archaeology Institute,
Almaty, Kazakhstan;
zhkalieva@mail.ru; mambet_87@mail.ru

The RESULTS of the STUDY of MINING and METALLURGY OBJECTS of the PALEOMETAL ERA of the ZHEZKAZGAN-ULYTAU REGION in 2021

Abstract. The article presents the intermediate results of complex studies of archaeological sites, archaeometallurgy and geoarchaeological production facilities of the Bronze Age in the Zhezkazgan-Ulytau region. In the context of the ongoing study, in order to reconstruct historical processes and determine economic and cultural

types in the settlements of the Zhezkazgan-Ulytau region, an analysis of archaeozoological materials was carried out, as well as an analysis of the ceramic collection discovered at the settlement of the Bronze Age of Balkan, as well as a comparative analysis of ceramic materials from the settlements of the named region was carried out. In addition, the authors of the article propose options for localizing the mineral-raw complex of the Zhezkazgan-Ulytau mining and metallurgical center as part of the Kazakhstan mining and metallurgical province. In general, the studies made it possible to approach the problem of establishing the regularities of localization of copper deposits of various types and the development of copper ore resources for mining and metallurgical production in the Zhezkazgan-Ulytau region in the Paleometal era. In addition, materials from the Balkan settlement made it possible to consider the current topic of the relationship of the ancient population within a specific microdistrict and carry out a historical reconstruction of the ancient paleoeconomics of the local microdistrict and the complex system of relations between a specific cultural and historical center and its periphery.

Keywords: Zhezkazgan-Ulytau Mining and Metallurgical Center, archaeology, settlement, Bronze Age, archaeometallurgy, osteology

Введение

В настоящей статье представлены промежуточные результаты комплексных исследований археологических памятников, объектов археометаллургии и геоархеологических производственных объектов эпохи бронзы в Жезказган-Улытауском регионе, исследование которых начато в 2020 г. [Байтлеу и др., 2020; Байтлеу, Анкушев, 2020]. В текущем году в контексте проводимого исследования, с целью реконструкции исторических процессов и определения хозяйственно-культурных типов на поселениях Жезказган-Улытауского региона, был проведен анализ археозоологических материалов, а также анализ керамической коллекции, обнаруженной на поселении эпохи бронзы Балкан, проведен сравнительный анализ керамических материалов из поселений названного региона. Кроме того, проведено исследование локализации минерально-сырьевого комплекса Жезказган-Улытауского горно-металлургического центра (ГМЦ) в составе Казахстанской горно-металлургической провинции.

В ходе исследований были проведены раскопки на поселении Балкан. Материалы исследуемого поселения позволили рассмотреть актуальную тему взаимоотношений древнего населения в пределах конкретного микрорайона и провести историческую реконструкцию древней палеоэкономики локального микрорайона и сложной системы взаимоотношений конкретного культурно-исторического центра и его периферии. Примечательность поселения Балкан заключается в близкой расположенности к известному и достаточно изученному поселению металлургов эпохи бронзы Талдысай.

Основная часть

Одним из приоритетных направлений в рамках научно-исследовательской темы выступало всестороннее изучение и анализ материальной культуры древнего населения Казахстана, в том числе анализ различного инвентаря из памятников эпохи бронзы. Исходя из поставленных задач исследовательской программы, было решено провести комплексные мультидисциплинарные исследования, в том числе технико-технологический анализ как целых керамических сосудов, так и отдельных фрагментов керамики, обнаруженных в разные годы в составе инвентаря погребальных сооружений племен эпохи бронзы Центрального Казахстана. В частности, в ходе теоретической разработки инструментария для определения хозяйственно-культурных типов был произведен технико-технологический анализ керамических изделий, полученных в ходе исследования поселений Балкан и других местонахождений Жезказган-Улытауского региона (поселения Айбас-Дарасы, Талдысай и др.).

Типологический анализ керамики из поселений Улытау-Жезказганского региона позволил выявить три основные группы, а именно федоровская (нуринская), алакульская (атакуская) и валиковая (саргаринско-алексеевская).

Технико-технологический анализ керамики показал, что для изготовления керамических сосудов в Улытау-Жезказганском регионе использовалась ожелезненная глина, внутри которой можно выделить два типа глин, а именно среднепластичную и высокопластичную с естественными примесями известковых соединений (глина, возможно алебастр), слюды, полевых шпатов, кварца. Все примеси в обоих типах глин присутствуют в незначительном количестве. В качестве искусственных добавок в керамике встречаются органические добавки в виде пустот, редко с остатками растительности, примесью шамота и дресвы.

Следы прокаленных участков в керамике наблюдались лишь среди незначительного процента фрагментов обмазки. О том - подвергались ли все образцы воздействию высоких температур - можно судить по следующим признакам: 1) при механическом воздействии на комочки известковых соединений последние превращались в порошок (известно, что комочки разрушаются и превращаются в порошок при температуре выше 100°); 2) растительные добавки в значительном количестве образцов обуглились, в отдельных случаях местами выгорели. Обугливание органических примесей начинается при температуре свыше 250°; полное выгорание их происходит после 600°C (в зависимости от вида растительной добавки). Можно предположить, что фрагменты керамики не подвергались воздействию температуры выше 450°C. В большей части фрагментов органика местами выгорела. Это позволяет предположить, что эти образцы подвергались воздействию более высокой температуры, но очень кратковременно. Кроме того, в коллекции керамики есть фрагменты, не подвергавшиеся термическому воздействию [Курманкулов и др., 2001, с. 33–38].

Таким образом, большой пласт керамических коллекций, полученных из памятников Жезказган-Улытауского региона, дает определенное теоретическое и практическое значение для решения культурно-исторической принадлежности древних племен. Только по результатам исследования керамических коллекций поселения Талдысай можно с уверенностью выделить три типа керамики. Такие как атасуско-алакульская, нуринско-федоровская и алексеевско-саргаринская.

Интересные результаты получены в ходе остеологического анализа археозоологической коллекции поселения Балкан (отдельная статья находится в печати [Байтлеу, Шагирбаев, 2021]). Для остеологического анализа было привлечено 1482 экземпляра костных остатков поселения Балкан. Среди них 394 (26,5%) экземпляра определены до вида. В остеологической коллекции поселения эпохи бронзы Балкан встречаются практически все виды домашних млекопитающих кроме костей верблюда. Среди костных остатков домашних животных преобладают кости мелкого рогатого скота – 220 (60%) экземпляров.

Необходимо подчеркнуть, что остеологический материал из поселений Центрального Казахстана и Жезказган-Улытауского региона в частности практически не подвергался палеозоологическому анализу, а выводы о хозяйственно-культурных типах и характере животноводства племен эпохи бронзы названного региона во многом гипотетичны и чаще всего строятся на косвенных доказательствах. Исключением выступают лишь палеозоологические исследования остеологического материала поселения металлургов эпохи бронзы Талдысай [Артюхова и др., 2013, с. 353–363], которое располагается в низовье реки Бала-Жезды, в 10 км к юго-востоку от исследуемого нами поселения Балкан, что является относительно близкой локализацией двух памятников одного исторического периода (рис. 1).

Изучение остеологического материала поселения Талдысай проведено Л.Л. Гайдученко. Интересными являются выводы ученого о практическом отсутствии животноводства у населения поселения Талдысай [Артюхова и др., 2013, с. 354], что подтверждается результатами анализов. Половозрастной состав domesticiрованного стада и отсутствие костей молодых особей домашних копытных (лошади, верблюда, КРС, МРС) послужило поводом к заключению о том, что домашние копытные находились на поселении Талдысай лишь на передержке, с целью дальнейшего убоя. На первый взгляд, выводы Л.Л. Гайдученко о характере животноводства на поселении Талдысай

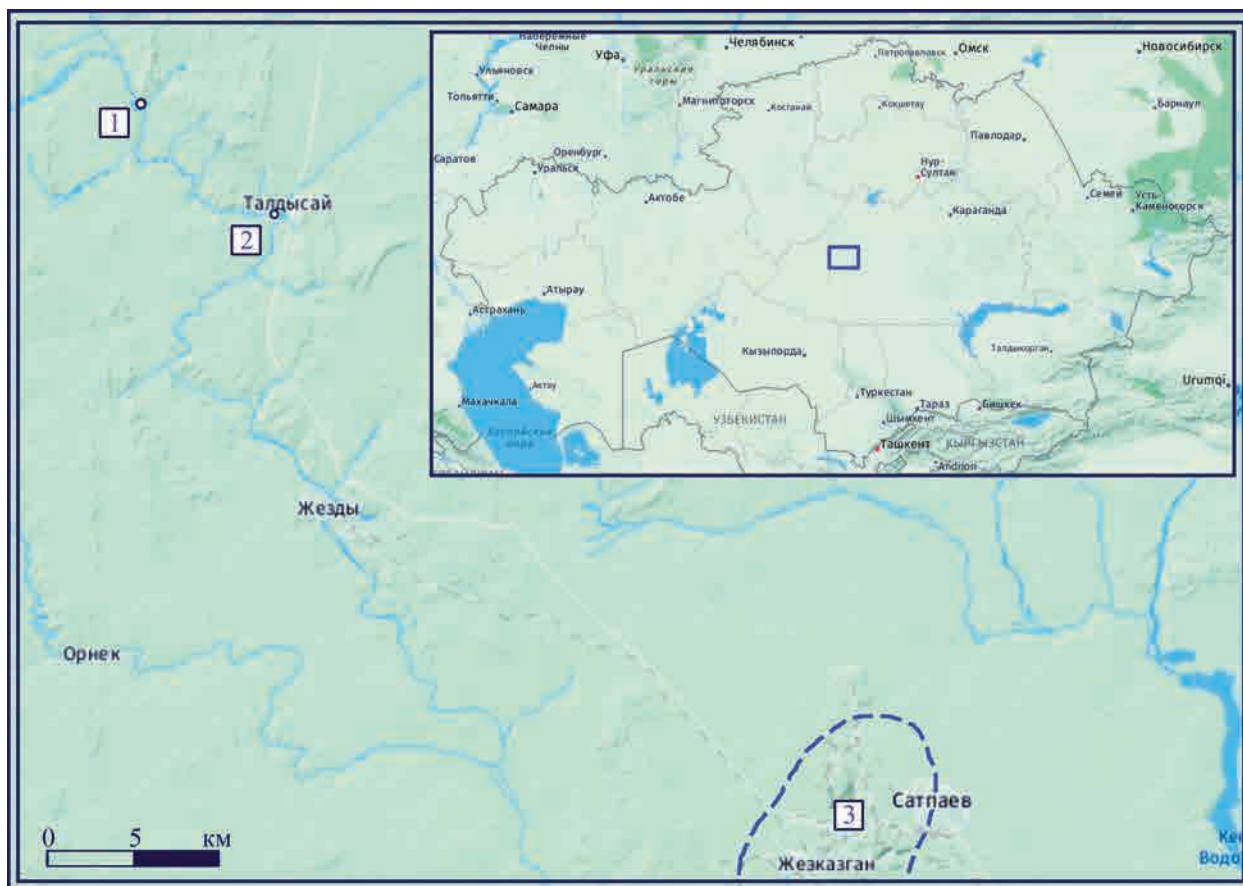

Рис. 1. Локализация поселений эпохи бронзы Жезказган-Улытауского региона: 1 – Поселение Балкан; 2 – Поселение Талдысай; 3 – Локализация поселений в районе «Большого Жезказгана» (поселения Милыкудук, Соркудук, Крестовоздвиженское, Айнаколь, Покровское, Весовая и др.)

противоречат результатам остеологического анализа материалов из поселения Балкан, но в то же время наталкивают на определенные выводы. Можно предположить, что межгорные долины и урочища с богатой флорой и обильными водными источниками, где локализовано поселение Балкан, являлись одним из мест выпаса стада, а население названного памятника было ориентировано на разведении скота для нужд данного микрорайона. Схожий характер животноводства, по сути, находит аналогии в хозяйстве этнографического периода [Масанов, 2011; Орынбаева, 2014].

Вместе с тем, Л.Л. Гайдученко подчеркивает особую роль промысловой охоты для насельников поселения Талдысай, выделяя летнюю мясную и осенне-зимнюю пушно-меховую [Артюхова и др., 2013, с. 354], что в некоторой степени также разнится с результатами, полученными на поселении Балкан, где доля охоты в жизнедеятельности населения очень мала. В данном случае возможно предположить, что продукты промысловой охоты, наравне с продуктами животноводства, также переправлялись от своеобразной периферии микрорайона в центр.

Не менее важные результаты получены в ходе проведения изысканий в сфере изучения проблем археометаллургии региона, а именно в исследовании источников сырья для объектов металлургии Жезказган-Улытауского ГМЦ [Байтлеу, Анкушев, 2021].

Если акцентировать внимание на источниках меднорудного сырья для древнего производства металла, то необходимо отметить, что Центральный Казахстан является регионом весьма богатым

на медное орудение [Месторождения..., 1996]. Самыми крупными являются стратиформные месторождения медистых песчаников: Жезказган, Сарыоба, Итауз, Кипшакпай, Жаман-Айбат, Владимировское и многие другие. В регионе широко развиты также медно-порфировые месторождения: Коунрад, Бозшаколь, Самарское и др. В Карагандинской области и Жезказган-Улытауском регионе присутствуют месторождения в кремнисто-карбонатных формациях: Успенское, Алтынтобе. Медные месторождения, приуроченные к скарнам, представлены Саякским рудным полем. Колчеданные месторождения в Центральном Казахстане представлены слабо.

По результатам исследований, можно судить, что основным источником медных руд для поселений бронзового века Жезказган-Улытауского микрорайона служили медистые песчаники Жезказганского рудного поля. Здесь описано большое количество древних горных выработок различного размера: чаще 10–30 м, редко до 750 м, глубина их достигала 6–8 м, а иногда 12–15 м [Маргулан, 1979; Маргулан и др., 1966], наиболее крупные и глубокие из них, вероятно, разрабатывались также в раннем железном веке и средневековье [Жауымбаев, 1984]. На поселениях Жезказган-Улытауского региона, таких как Крестовоздвиженское, Милыкудук, Соркудук, Айнаколь, зафиксированы металлургические печи и разнообразные артефакты, связанные с металлопроизводством, которые указывают на активное освоение меднорудного сырья в эпоху бронзы [Кузнецова, Тепловодская, 1994].

В целом на основе изучения руд и металлургических шлаков поселений бронзового века Центрального Казахстана можно сделать следующие предварительные выводы: в Жезказган-Улытауском районе основным медным сырьем являлись окисленные малахит-азуритовые и богатые сульфидные руды зоны вторичного сульфидного обогащения медистых песчаников Жезказганского рудного района, также могли применяться и смешанные окисленно-сульфидные концентраты. Активно применялись легирующие примеси мышьяка и олова. Легированные бронзы получали уже на стадии выплавки металла из руд, о чем свидетельствуют их корольки в шлаках и высокое содержание мышьяка и олова в стекле и минералах шлака. Мышьяковые и оловянные минеральные примеси были не местного происхождения, так как они не характерны для медистых песчаников Жезказгана. Наиболее вероятными источниками легирующих примесей служили близлежащие месторождения Улытауского района.

Заключение

Подводя некоторые итоги, отметим, что на данный момент получен ряд сведений в области изучения археологических памятников, объектов археометаллургии и геоархеологических производственных объектов эпохи бронзы в Жезказган-Улытауском регионе. Исследования в области изучения типологии, морфологии, техники и технологии гончарного производства позволили определить хронологию и культурную принадлежность керамических комплексов поселений и могильников в Жезказган-Улытауском регионе.

В настоящий момент проведен анализ керамических изделий в широком хронологическом диапазоне от второй половины II тыс. до н.э. до первой половины I тыс. до н.э. Судя по технологическим характеристикам керамических изделий из памятников эпохи бронзы Улытау-Жезказганского региона, население его не было однородным и статичным. Анализ керамики алакульского и федоровского типов свидетельствуют о длительном сосуществовании и взаимном влиянии древних племен в эпоху бронзы. Но с приходом периода поздней бронзы наблюдается регресс в гончарном производстве. Казалось бы, валиковая керамика, более поздняя, должна была взять все лучшее от предшествующих гончарных традиций и дать образцы дальнейшего поступательного развития гончарного дела. Однако этого не произошло, и валиковая керамика сложилась в результате постепенного смешения разных технологических навыков и культурных традиций. По технологии изготовления валиковая керамика имела много общих черт с керамикой,

характерной для последующей кочевнической эпохи. Возможно, именно переход от оседлости к кочевому образцу жизни изменил ход развития гончарного производства в Улытау-Жезказганском регионе в поздний период и в какой-то степени способствовал регрессу гончарных традиций эпохи бронзы.

Достаточно интересны результаты остеологических анализов материалов из поселения Балкан, которые позволяют рассмотреть актуальную тему взаимоотношений древнего населения в пределах конкретного микрорайона и провести исторические реконструкции древней палеоэкономики локального микрорайона. Безусловно, опираясь лишь на результаты технико-технологического анализа керамики и остеологических исследований, говорить о синхронности памятников и гомогенности населения поселений Талдысай и Балкан преждевременно, для этого необходимо проведение комплексных исследований всего спектра археологических данных памятников. Тем не менее, полученные результаты послужат заделом для дальнейших исследований феномена отгонного и пастушеского скотоводства и, в целом, изучения сложной системы взаимоотношений культурно-исторического центра и периферии в нашем случае своеобразного центра – поселения металлургов эпохи бронзы Талдысай и периферии – поселения Балкан.

Говоря об источниках сырья для горно-металлургических центров, необходимо отметить, что при большом количестве материала из известных поселений с развитой металлургией периода бронзового века в Центральном Казахстане исследователи уделяли мало внимания аналитическим методам, с помощью которых можно установить общие и особенные признаки древней металлургии. К сожалению, изучение коллекций медных руд и металлургических шлаков из археологических памятников региона является эпизодическим. Археологические исследования сконцентрированы на памятниках поселенческого и погребального типа, чаще всего упускаются из виду такие важнейшие геoarхеологические объекты как древние рудники. В связи с этим представляется особенно актуальным проведение комплексных геoarхеологических исследований на поселениях в контексте изучения древних минерально-сырьевых выработок, что позволит дать не только характеристику древним медным рудникам Центрального Казахстана и определить геологическую особенность зоны залегания медных месторождений, но провести теоретическую реконструкцию древнего горно-металлургического процесса.

ЛИТЕРАТУРА

Артюхова О.А., Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е. Комплекс памятников в урочище Талдысай. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 399 с.

Байтлеу Д.А., Анкушев М.Н. Проблемы изучения памятников эпохи палеометалла Жезказган-Улытауского горно-металлургического центра // Мир Большого Алтая. 2020. № 6 (2). С. 843–851.

Байтлеу Д.А., Анкушев М.Н. К вопросу об источниках сырья горно-металлургических центров эпохи палеометалла в Центральном Казахстане // Genesis: исторические исследования. 2021. № 8. С. 19–27. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.8.36343

Байтлеу Д.А., Бермагамбетов А.Ж., Исаков А.Ш., Калиева Ж.С. Предварительные результаты исследований памятников эпохи палеометалла Жезказган-Улытауского региона в 2020 году // Археология Казахстана. 2020. № 3 (9). С. 134–141. DOI: 10.52967/akz2020.3.9.134.141

Байтлеу Д.А., Шагирбаев М.С. Результаты палеозоологического анализа остеологического материала из поселения эпохи бронзы Балкан в Центральном Казахстане // Народы и религии Евразии. 2021. № 4 (27). В печати.

Жауымбаев С.У. Древняя металлургия и горное дело Центрального Казахстана (эпоха бронзы): дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 1984. 181 с.

Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Манапова А.М., Ержанова А.Е., Байтлеу Д.А. Отчет о раскопках поселения Талдысай за 2001 г. / Архив ИА МОН РК, 68 с., с прил.

Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. Алматы: Гылым, 1994. 208 с.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев К.А., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: «Наука», 1966. 455 с.

Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества. Изд. 2-е, доп. Алматы: Print-S, 2011. 740 с.

Месторождения меди Казахстана. Справочник / под ред. А.А. Абдулина, Х.А. Беспяева, С.Ж. Даукеева и др. Алматы: Информационно-аналитический центр геологии, экологии и природных ресурсов Республики Казахстан, 1996. 154 с.

Орынбаева Г.У. К вопросу о кочевом хозяйстве казахов аридных зон в конце XIX – начале XX в. // II Аргынбаевские чтения: м-лы Междунар. науч.-практ. конф. (25 декабря 2014 г.). Алматы: Қазақ университеті, 2014. С. 118–122.

**С.К. САКЕНОВ,
С.А. ЯРЫГИН,
Н.Н. ИЛЬДЕРЯКОВ**

**Сакенов Сергазы Кайырбекович,
Ярыгин Сергей Александрович,**
Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Нур-Султан, Казахстан;
sergazy_82@mail.ru; sergeyarygin80@gmail.com
Ильдеряков Николай Николаевич,
Независимый исследователь,
г. Нур-Султан, Казахстан;
chuvash_nik@mail.ru

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ФЕДОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ из БУРАБАЯ

Аннотация. В статье представлены материалы исследования кургана № 13 могильника Кызылтөбе, открытого в 2021 г. Могильник расположен в одном микрорайоне с ключевыми памятниками федоровской культуры, исследованными А.М. Оразбаевым в окрестностях пос. Бурабай (Боровое) в 50-х годах XX века. Могильник состоит из 61 погребального сооружения, которые относятся к шести различным типам. В кургане № 13 зафиксирован погребальный обряд по типу кремации. Также обнаружен керамический сосуд. Его можно отнести к раннему этапу федоровской керамической традиции Северного Казахстана. Погребение предварительно датируется серединой II тыс. до н.э.

Ключевые слова: Бурабай, эпоха бронзы, могильник, погребение, кремация, федоровская культура

**Сакенов Сергазы Қайырбекұлы,
Ярыгин Сергей Александрович,**
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының
Нұр-Сұлтан қаласындағы филиалы,
Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан;
sergazy_82@mail.ru; sergeyarygin80@gmail.com
Ильдеряков Николай Николаевич,
Тәуелсіз зерттеуші,
Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан;
chuvash_nik@mail.ru

БУРАБАЙДАҒЫ ФЕДОРОВ МӘДЕНИЕТІНІҢ ЖАҢА ЕСКЕРТКІШІ

Аннотация. Мақалада 2021 ж. ашылған Қызылтөбе қорымының № 13 қорғанын зерттеу материалдары берілген. Қорым XX ғасырдың 50-ші жылдары Бурабай кентінің (Бурабай) маңында Ә.М. Оразбаев зерттеген федоров мәдениетінің негізгі ескерткіштері бар шағын ауданда орналасқан. Қорым алты түрлі түрге жататын 61 жерлеу құрылысынан тұрады. № 13 қорғанда кремация түріндегі жерлеу рәсімі тіркелген. Керамикалық

ыдыс та табылды. Оны Солтүстік Қазақстанның Федоров керамикалық дәстүрінің ерте кезеңіне жатқызуға болады. Жерлеу б.д.д. II мыңжылдық ортасымен мерзімделеді.

Түйін сөздер: Бурабай, қола дәуірі, қорым, қабір, мәйітті өртеу, федоров археологиялық мәдениеті

Sergazy Sakenov,

Sergey Yarygin,

Branch of the A.Kh. Margulan Archaeology Institute,

Nur-Sultan, Kazakhstan;

sergazy_82@mail.ru; sergeyyarygin80@gmail.com

Nikolai Ilderyakov,

Independent researcher,

Nur-Sultan, Kazakhstan;

chuvash_nik@mail.ru

NEW MONUMENT of FEDOROV CULTURE from BURABAY

Abstract. The article presents materials from the study of mound no. 13 of the Kyzyltobe burial ground, opened in 2021. The burial ground is located in the same micro district with the key monuments of the Fedorov culture, investigated by A.M. Orazbayev in the vicinity of Burabay (Borovoe) in the during of 1950 years. The burial ground consists of 61 burial structures, which are of six different types. A burial rite of the type of cremation was recorded in mound no. 13. A ceramic vessel was also discovered, which can be attributed to the early stage of the Fedorov ceramic tradition in Northern Kazakhstan.

Keywords: Burabay, Bronze Age, burial ground, burial, cremation, Fedorov culture

Могильник Кызылтобе расположен в 1,5 км юго-восточнее аула Аблайхан, в урочище Кызылагаш (Бурабайский р-н, Акмолинская обл.) (рис. 1). К востоку и юго-востоку от могильника находятся эпонимная сопка и березовая роща. Топографически памятник занимает небольшую ложбину, плавно спускающуюся вниз в юго-западном направлении. По рассказам местных жителей, до 1990-х годов лощина круглый год была заполнена талыми и дождевыми водами. Растительность на территории могильника травяная, невысокая, с «проплешинами» на самых низких участках рельефа. Могильное поле вытянуто по линии 3–В, по его центру идет русло старого родника, берущего начало у подножия сопки.

Памятник состоит из нескольких цепочек курганов и оградок, расположенных по линии ЮЗ–СВ (рис. 1). Площадь могильника около 270×155 м. Всего выявлена 61 каменно-земляная конструкция. Судя по внешнему виду, они относятся к бронзовому веку. В северной части могильника находится цепочка из четырех курганов, которые, вероятно, датируются ранним железным веком.

Погребальные сооружения, относящиеся к эпохе бронзы, имеют разные конструктивные особенности и локализуются в самостоятельные группы на конкретных участках могильника. Всего выделяется шесть типов сооружений:

I тип. Подквадратные или округлые (в связи с оплывом?) в плане насыпи из рваного камня гранитной породы размерами около 20×20 см. По внешнему контуру насыпи прослеживается каменная крепида из вертикально врытых гранитных плит, частично перекрытых оплывом насыпи, образующих в плане квадратную форму. Локализуются в центральной цепочке юго-западной части могильника.

II тип. Квадратные или прямоугольные в плане сооружения из массивных гранитных, вертикально врытых плит, перекрытых каменными, горизонтально уложенными плитами. Локализуются в крайней юго-восточной и крайней северо-восточной цепочках основной группы сооружений.

III тип. Квадратные и прямоугольные в плане конструкции, образованные из вертикально врытых гранитных плит длиной до 1 м, толщиной до 0,1 м. В ряде случаев имеют дополнительные малые пристройки. Локализуются в северо-восточной части могильника.

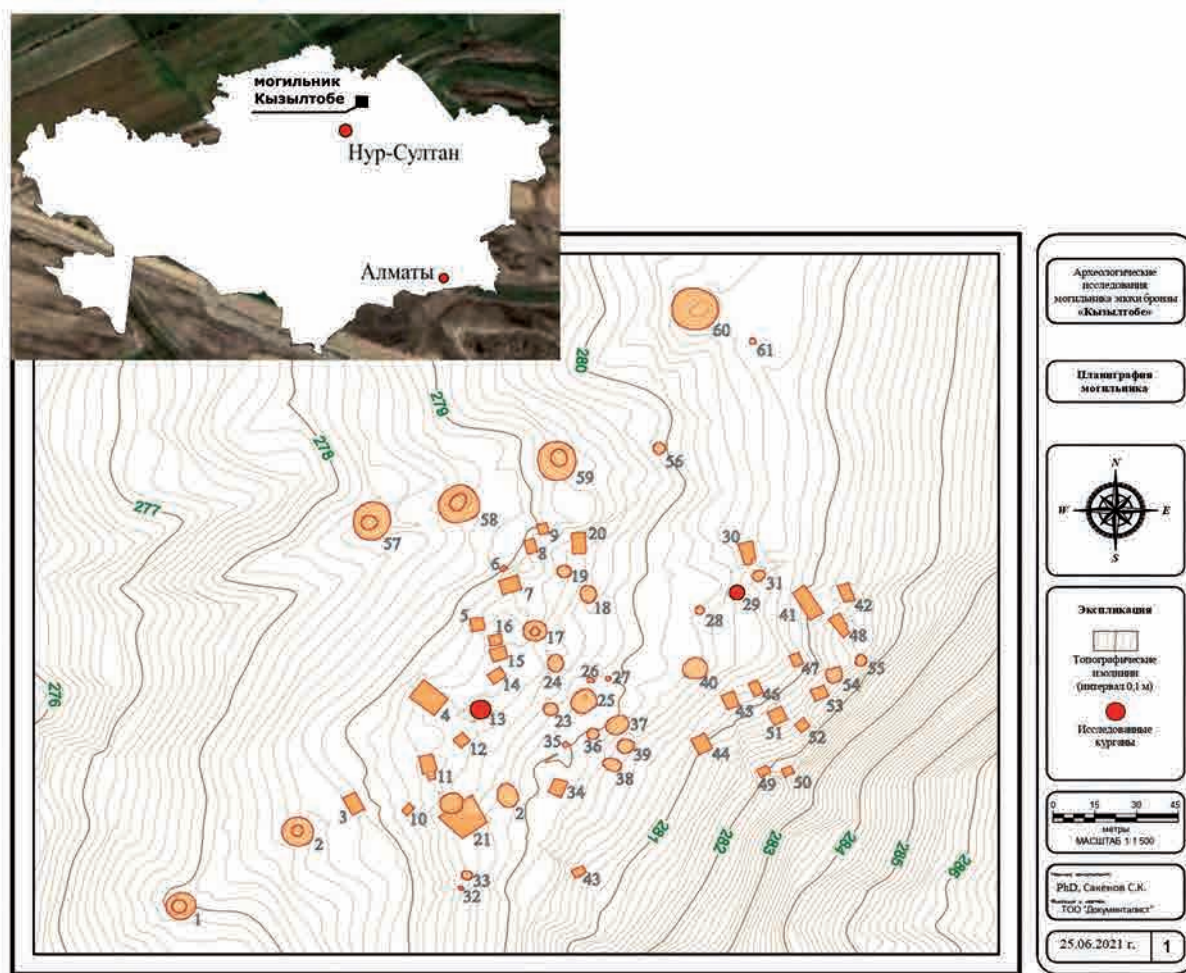

Рис. 1. Месторасположение и топографический план могильника Кызылтабе

IV тип. Круглые в плане выкладки из рваного и окатанного камня до 20 см в диаметре. Конструкции данного типа немногочисленны и расположены по самому низкому участку рельефа в центральной части могильника.

V тип. Небольшие жертвенные выкладки из одного массивного камня или группы камней средней фракции. Данный тип конструкций прослеживается в центральной и северной частях могильника.

VI тип. Округлые в плане и уплощенно-полусферические в профиле каменно-земляные насыпи. Локализуются на северном краю могильного поля.

Для исследования выбран курган № 13, расположенный в юго-западной части могильника, на правом берегу оврага, образованного талыми водами. Насыпь кургана слабо задернована. Сильно оплывшая каменно-земляная насыпь имеет подквадратную форму, ориентированную углами по сторонам света. Размер сооружения составляет 6×6 м (рис. 2, 1). По основанию прослеживается каменная крепида из вертикально врытых гранитных плит или крупных валунов, уложенных в один ряд. В центре кургана фиксируется каменный панцирь из рваного гранита размерами до 20×20 см. По основанию насыпи наблюдается неглубокий ров шириной до 0,6 м, глубиной до 0,15 м.

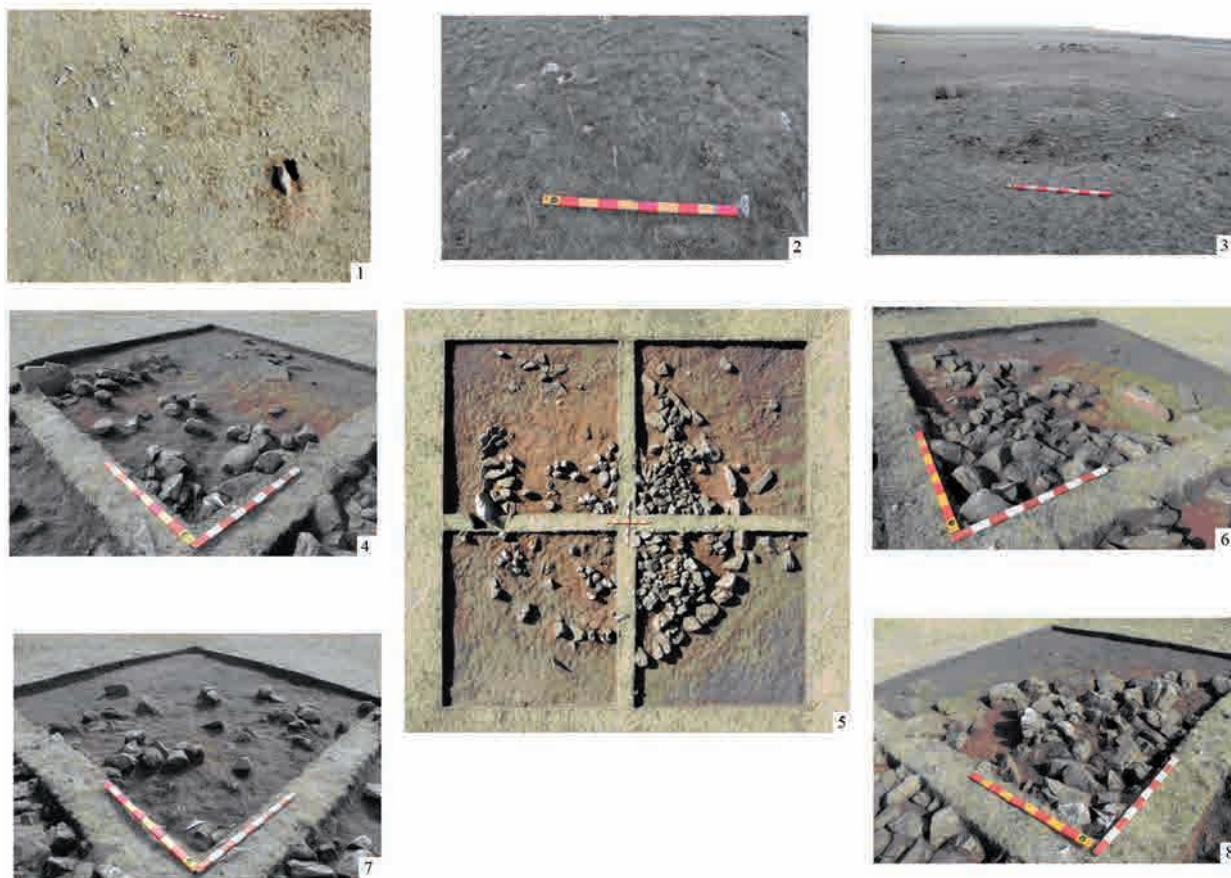

Рис. 2. Могильник Кызылтабе, курган № 13: 1 – общий вид кургана до начала исследований. Вид на восток; 2 – впадины на вершине насыпи. Вид на север; 3 – общий вид курган насыпи. Вид на запад; 4 – сектор III. Вид на юго-запад; 5 – общий вид кургана после снятия дерна; 6 – сектор I. Вид на северо-запад; 7 – сектор IV. Вид на юго-восток; 8 – сектор II. Вид на северо-восток. Фото С.К. Сакенова (1–3, 5), Н.Н. Ильдерякова (4, 6–8)

Исследование насыпи осуществлено путем послойного снятия грунта толщиной до 10 см. Изначально было произведено удаление дернового слоя, позволившее обнажить вершину каменной крепиды и центральную каменную обкладку основной насыпи (рис. 2, 5). После расчистки общие размеры надмогильной конструкции в плане составили 5,7 м по линии СЗ–ЮВ и 6,2 м по линии ЮЗ–СВ. Каменная крепида у основания насыпи представлена преимущественно врытыми вертикально под углом 30–50° гранитными плитами, уходящими ниже уровня погребенной поверхности. Каменная обкладка основной насыпи кургана произведена в один слой путем плотной укладки окатанного гранитного камня среднего размера (0,6×0,4×0,3 м) (рис. 2, 4–8).

С целью исследования крепиды и подкурганного пространства был произведен разбор каменного панциря насыпи и грунтовой насыпи до основания крепиды на глубину 0,2 м от уровня погребенной поверхности (рис. 3). В северо-западной части насыпи каменная крепида представлена врытыми вертикально гранитными плитами размерами до 0,8×0,5×0,1 м. В северо-восточной части сектора, за пределами крепиды, в процессе разбора заполнения линзы темно-серого гумусированного суглинка со скоплением камней на глубине 0,25 м от современной поверхности зафиксирован

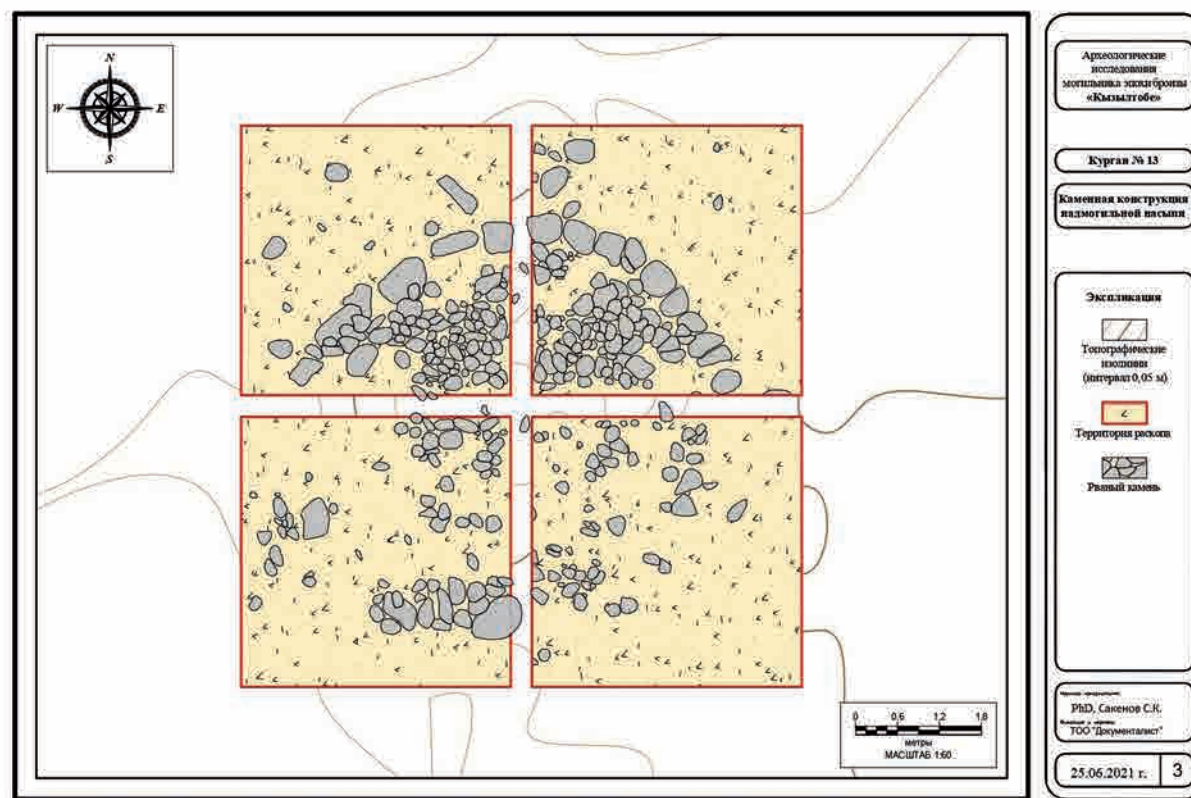

Рис. 3. Могильник Кызылтобе, курган № 13. Каменная конструкция надмогильной насыпи

материковый грунт. В северо-восточной части насыпи крепида сооружена из крупных окатанных гранитных валунов размерами до 0,6 м, уложенных в один ряд на предварительно срезанную на 0,1 м древнюю поверхность. В юго-западной части насыпи, судя по оставшимся участкам, вертикальные плиты были врыты на глубину не более 0,2 м с уклоном 20–45° во внешнюю сторону от центра надмогильной конструкции. В южной половине надмогильной конструкции каменная крепида, вероятно, была сооружена преимущественно из вертикально вкопанных каменных гранитных плит, большую часть которых в прошлом выворотили. С южной стороны выделяется один большой камень размерами 0,7×0,2×0,8 м, поставленный на ребро.

После расчистки подкурганного пространства в его центре выявлен контур могильной ямы прямоугольной формы, размерами 2,2×1,4 м, ориентированный длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Заполнение могильной ямы представлено серым гумусированным суглинком. По внешнему контуру могильной ямы прослеживаются выступающие края гранитных плит (рис. 4).

В процессе выборки заполнения могильной ямы на глубине 0,5 м от уровня погребенной поверхности зафиксированы два керамических фрагмента качественного обжига от сосуда горшечной формы. Фрагменты в изломе крупнозернистые, ручной лепки, с геометрической орнаментацией. По венчикам орнамент представлен композицией из наклонных косых треугольников, в зоне предплечиков – равнобедренными треугольниками. Орнамент нанесен мелким гребенчатым штампом.

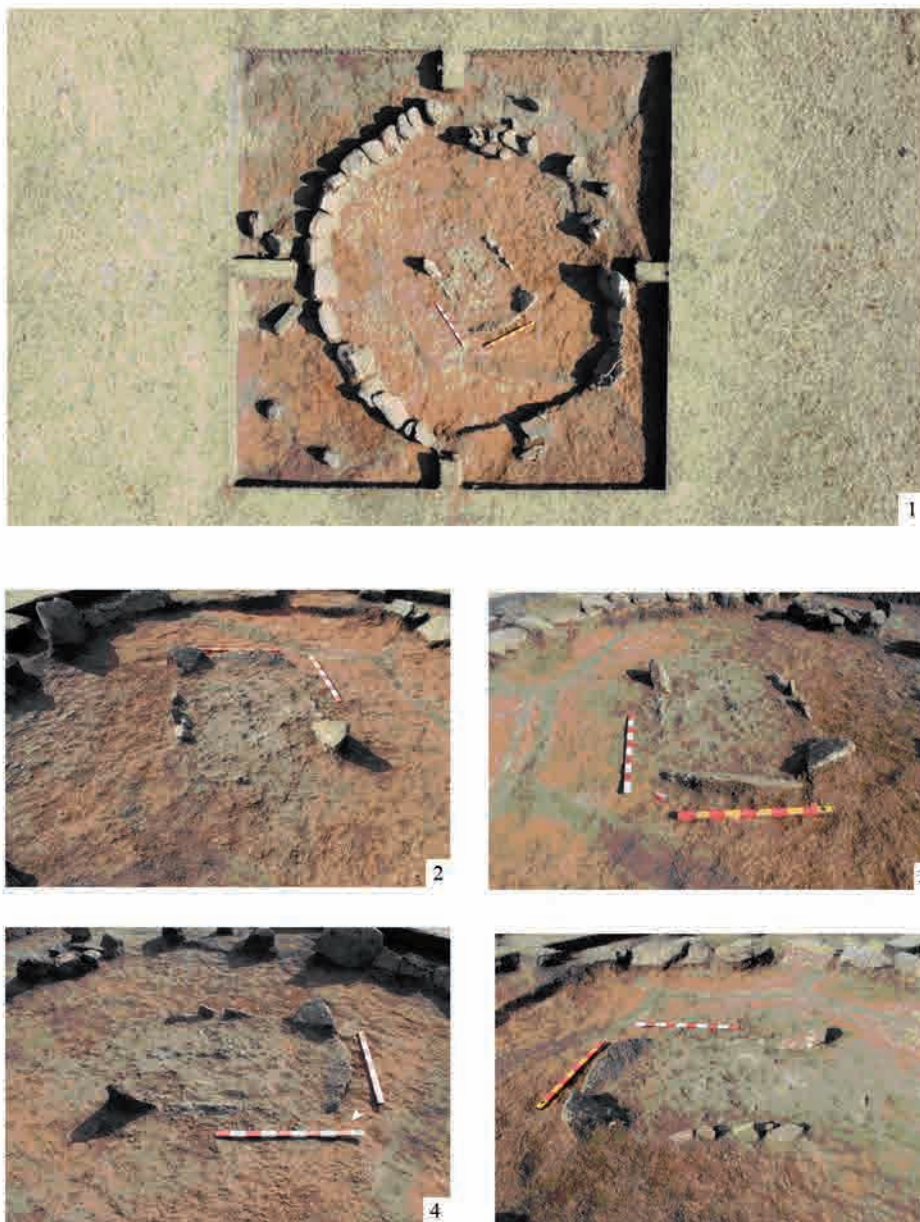

Рис. 4. 1 – общий вид раскопа после разбора бровок. Вид на восток;
 2 – линза могильной ямы с каменным ящиком. Вид на запад;
 3 – линза могильной ямы с каменным ящиком. Вид на восток;
 4 – линза могильной ямы с каменным ящиком. Вид на юг;
 5 – линза могильной ямы с каменным ящиком. Вид на север.
 Фото С.К. Сакенова (1), Н.Н. Ильдерякова (2–5)

На глубине 0,7 м от уровня погребенной поверхности расчищен разрушенный каменный ящик с обвалившимся внутрь перекрытием. Размеры самой крупной плиты перекрытия – 1,05×0,9×0,15 м (рис. 5). Остальные – около 0,75×0,5×0,7 м. На момент фиксации большая их часть была расположена веером от центра могильной ямы.

После разбора плит перекрытия и стенок ящика в северо-восточном углу могильной ямы зафиксировано скопление сильно фрагментированных жженных костей. Толщина скопления костей

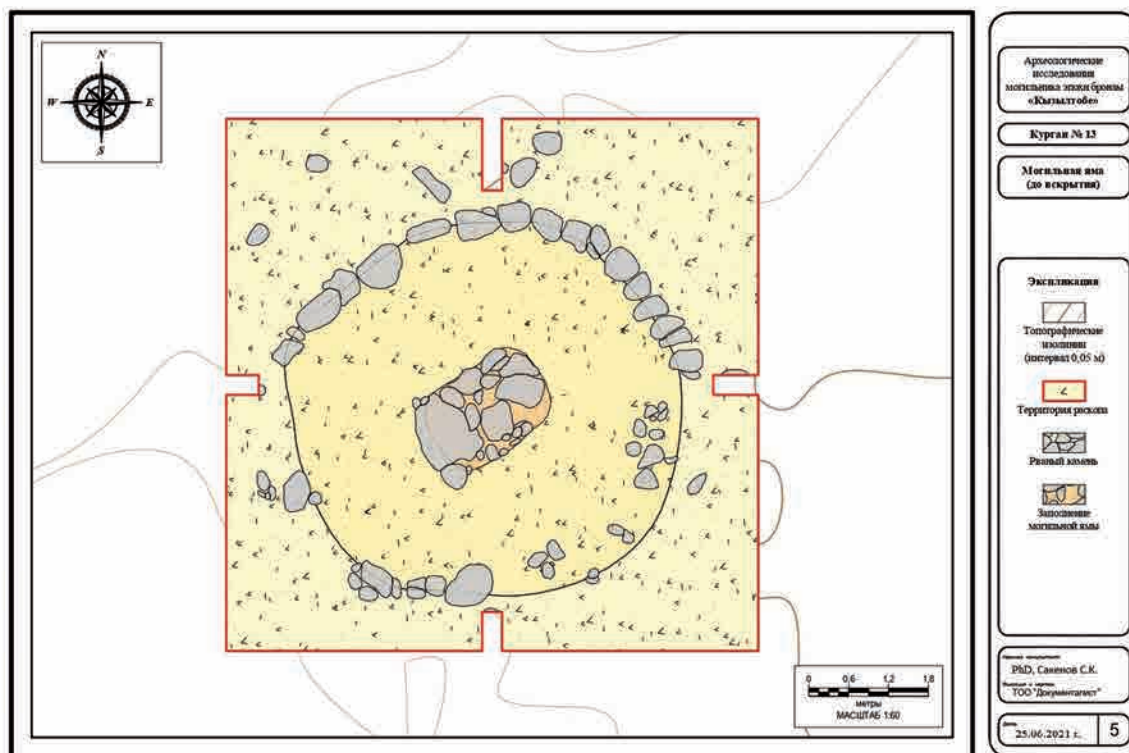

Рис. 5. Могильная яма до вскрытия

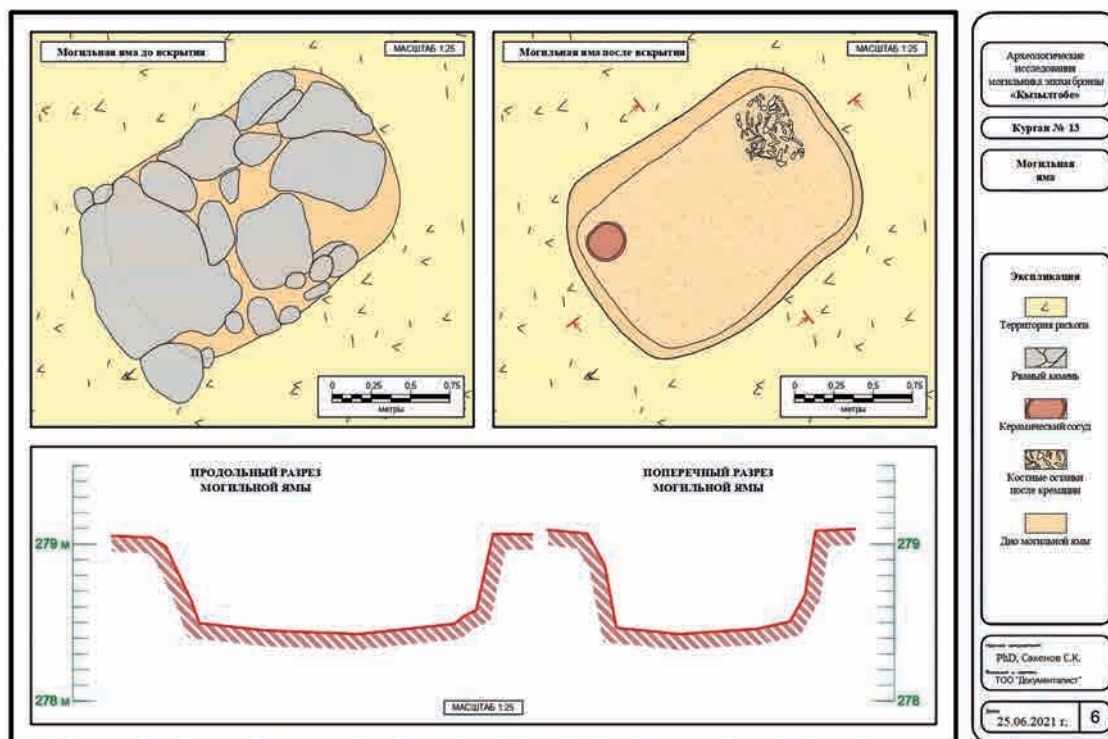

Рис. 6. План и разрез могильной ямы

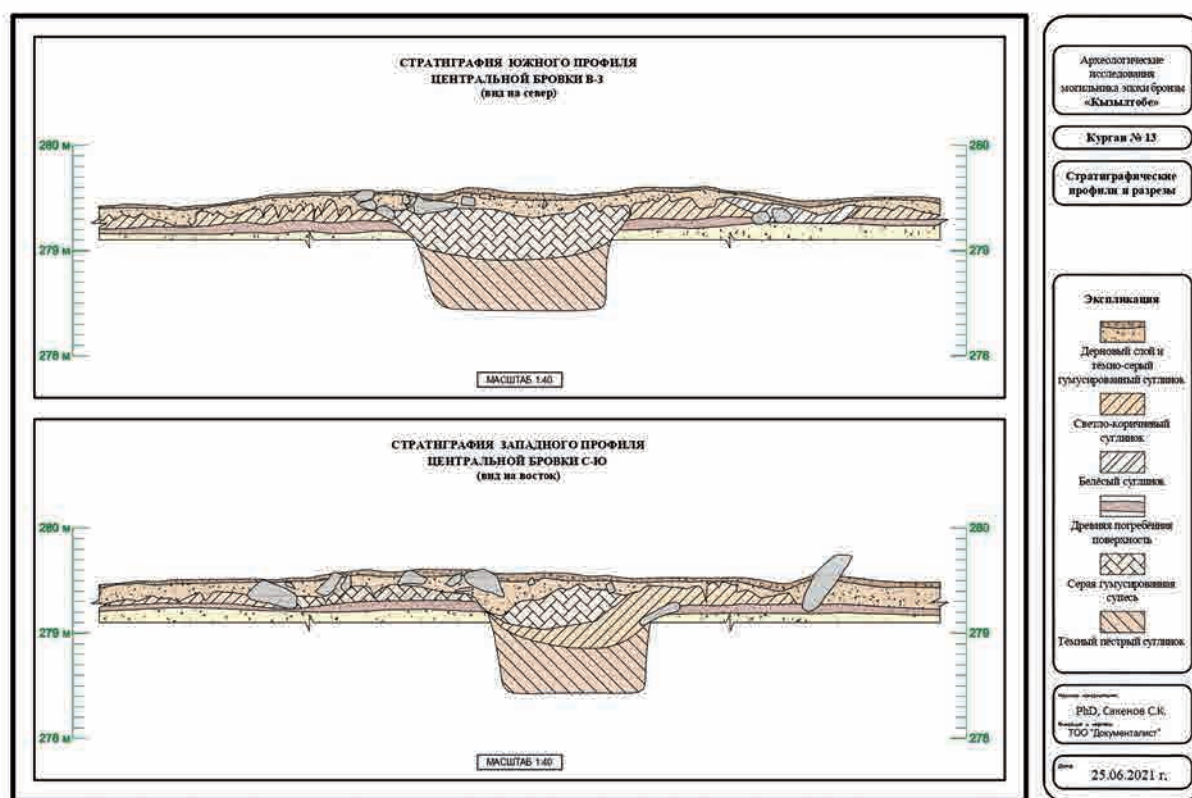

Рис. 7. Стратиграфические профили и разрезы

около 5 см (рис. 6, 2; 8, 2). Скопление размерами 0,5×0,3 м (рис. 7) расположено на гумусированной прослойке прямоугольной формы, вытянутой поперек ямы. Дно ямы выявлено на глубине 0,9 м от уровня погребенной поверхности (рис. 8).

В северо-западном углу могильной ямы расчищен развал керамического сосуда, украшенного геометрическим орнаментом (рис. 8, 2). Сосуд горшечной формы, с плавным профилем. Диаметр горлышка равен 22,5 см, дна – 11 см, высота сосуда составляет 22 см. Шейка орнаментирована наклонными косыми треугольниками, идущими в ряд; плечико и шейка разделены двумя параллельными каннелюрами. По тулову нанесены восемь каннелюр. На поверхность пространства между шейкой и предплечиком нанесен орнамент в виде равнобедренных треугольников, направленных вершинами вниз. Внутреннее пространство треугольных фигур заполнено штрихами. Орнамент нанесен мелким гребенчатым штампом. Придонная часть сосуда отчетливо выделена посредством двух широких каннелюр (рис. 9).

Основываясь на результатах, полученных в процессе проведения археологических работ на кургане, можно восстановить основные этапы сооружения погребального комплекса. Изначально с помощью рва была образована прямоугольная в плане площадка размерами 5,5×6 м. В ее основание были установлены вертикальные каменные плиты или уложены большие валуны. Затем в центре образованного прямоугольника вырыта прямоугольная яма размерами 2,2×1,4 м, ориентированная длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Грунт, извлеченный из ямы, равномерно распределили, и он стал

Рис. 8. 1 – план кургана после раскопа; 2 – сосуд и кремированные останки погребенного.
Фото С.К. Сакенова

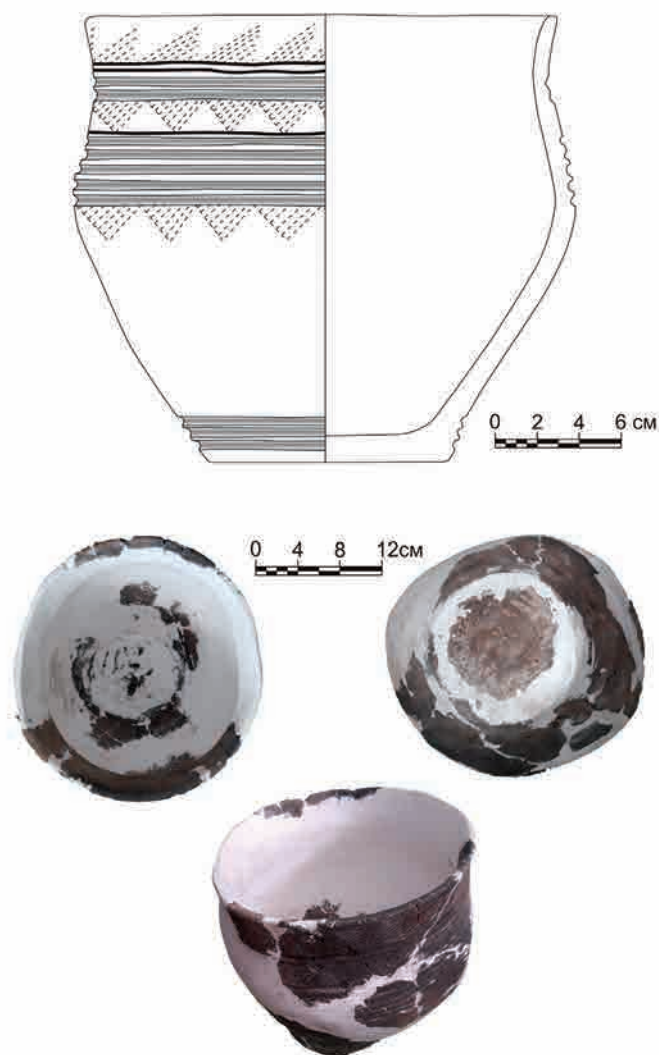

Рис. 9. Реставрированный керамический сосуд. Фото Н.Н. Ильдерякова

основой насыпи надмогильной конструкции. Кремацию покойного провели отдельно, в стороне. После этого пережженные кости умершего сложили в углу могильной ямы, вероятно, на деревянном настиле или подносе. При расчистке фиксировался сохранившийся от него древесный тлен. В противоположном углу установлен сосуд с заупокойной пищей. По окончании процесса погребения могильную яму перекрыли каменными плитами и засыпали грунтом. В завершение получившуюся надмогильную конструкцию усыпали слоем окатанных гранитных валунов.

Погребальный обряд в виде кремации и тип погребальной конструкции позволяют нам отнести погребение к федоровской археологической культуре. Не противоречат этому форма и орнаментация керамического сосуда. Он горшечной формы с плавным профилем, орнаментирован каннелюрами, косыми и равнобедренными треугольниками [Оразбаев, 1958, с. 216–294; Зданович, 2002; Кузьмина, 2008; Ткачев А.А., 2011, с. 155–159; Молодин и др., 2013, с. 260–264].

Ближайшие аналогии с данным обрядом можно обнаружить в могильниках Бурабай (Боровое), Обалы и Буйрекколь. Памятники были исследованы в 1950-е гг. А.М. Оразбаевым в окрестностях Бурабая и предоставили эталонные материалы федоровской археологической культуры. Сходство наблюдается в планиграфии могильника, во внешних признаках погребальных сооружений, в устройстве погребальной камеры и в керамике [Оразбаев, 1958, с. 220, 237].

По основным признакам погребение можно предварительно датировать серединой II тыс. до н.э. Обнаруженный в погребении сосуд имеет черты, характерные для керамических изделий раннего бронзового века – низкий поддон, «скос» по венчику, а также орнаментация ½ части поверхности сосуда. Выявленные признаки исследованного кургана № 13 позволяют отнести его к начальному этапу развития федоровской культуры в Северном Казахстане.

ЛИТЕРАТУРА

Зданович Г.Б. Урало-Казахстанские степи в эпоху средней бронзы: научный доклад в виде дис. на соискание ученой степени докт. ист. наук. Челябинск, 2002. 55 с.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности: монография. Актобе: Принт-А, 2008. 358 с., ил.

Молодин В.И., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Ковыришина Ю.Н., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Наглер А., Мыльникова Л.Н., Хансен С. Вариативность погребального обряда андроновской (федоровской) культуры на памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 260–264.

Оразбаев А.М. Эпоха бронзы в Северном Казахстане // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. 1958. Т. 5. С. 216–294.

Ткачев А.А. К вопросу о соотношении нуринских комплексов Центрального Казахстана // Маргулановские чтения-2011: м-лы Междунар. археол. конф. (г. Астана, 20–22 апреля 2011 г.) / гл. ред. М.К. Хабдулина. Астана: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 2011. С. 155–159.

**И.В. ШЕВНИНА,
А.В. ЛОГВИН**

**Шевнина Ирина Викторовна,
Логвин Андрей Викторович,**
Костанайский региональный университет им. А. Байтұрсынова,
г. Костанай, Казахстан;
shevnina_i@mail.ru; logvin_a@mail.ru

ХАЛВАЙ 4 – ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Аннотация. Работа посвящена результатам исследования поселения Халвай 4. Памятник находится на левом берегу тобольского рукава Каратомарского водохранилища в 7 км к северо-востоку от поселка Халвай и в 0,3 км от синташтинского кургана Халвай 3 (район Б. Майлина, Костанайская обл.). Поселение обнаружено сотрудниками Тургайской археологической экспедиции при обследовании береговой линии Каратомарского водохранилища в 2010 г. В результате полевых работ на территории раскопа были зафиксированы: один котлован жилища, 24 столбовых ямы, 3 очага и ров. Среди находок, полученных с поселения Халвай 4: шлаки, керамические сосуды, бронзовые (серп, долото, скобы), каменные (абразивы, терочники, скребки, пластины и т. д.), керамические (пряслице, лоцило) и костяные (штамп) изделия. В ходе исследования были выполнены палеозоологический и рентгенофлуоресцентный (РФА) анализы. Керамический комплекс поселения Халвай 4 соотносится с синташтинскими, петровскими (раннеалакульскими), по Н.Б. Виноградову) и алакульскими материалами.

Ключевые слова: поселение Халвай 4, Андроновская культурно-историческая общность; алакульская культура, синташтинская керамика, раннеалакульская керамика, петровская керамика

**Шевнина Ирина Викторовна,
Логвин Андрей Викторович,**
А. Байтұрсынов атындағы Қостанай өңірлік университеті,
Қостанай қ., Қазақстан;
shevnina_i@mail.ru; logvin_a@mail.ru

ҚАЛЫБАЙ 4 – ҚОЛА ДӘУІРІНІҢ ҚОНЫСЫ

Аннотация. Жұмыс Қалыбай кентінен солтүстік-шығысқа қарай 7 км жерде және Қалыбай 3 синташты қорғанынан 0,3 км жерде, Қаратомар су қоймасының Тобыл сағасының сол жағалауында орналасқан Қалыбай 4 қонысын зерттеу нәтижелеріне арналған (Қостанай обл., Б. Майлин ауданы). Торғай археологиялық экспедициясы қонысты 2010 ж. Қаратомар су қоймасының жағалау сызығын зерттеу кезінде тапты. Дала жұмыстарының нәтижесінде қазба аумағында: тұрғын үйдің бір қазаншұңқыры, 24 бағаналы шұңқыр, 3 ошақ және ор тіркелді. Қалыбай 4 қонысынан алынған олжалардың ішінде: қождар, қыш ыдыстар, қола (орамалар, қашаулар, қапсырмалар), тас (абразивтер, ұнтақтағыштар, қырғыштар, пластиналар және т. б.), қыш (шайқау, қуыс), сүйек (штамп) бұйымдары бар. Зерттеу барысында палеозоологиялық және рентгенофлуоресценттік (РФА) талдаулар жүргізілді. Қалыбай 4 қонысының керамикалық кешені синташты, Петровка (Н.Б. Виноградов бойынша ерте Алакөл) және Алакөл материалдарымен сәйкес келеді.

Түйін сөздер: Қалыбай 4 қонысы, андронов мәдени-тарихи қауымдастығы, Алакөл мәдениеті, синташты қыш ыдыстары, ерте Алакөл қыш ыдыстары, петров қыш ыдыстары

Irina Shevnina,
Andrey Logvin,

A. Baitursynov Kostanay Regional University,
Kostanay, Kazakhstan;
shevnina_i@mail.ru; logvin_a@mail.ru

HALVAY 4 – BRONZE AGE SETTLEMENT

Abstract. The work is devoted to the results of a study of the settlement of Halvay 4, which is located on the left bank of the Tobol branch of the Karat Omar reservoir (B. Mailin district, Kostanay region), 7 km northeast of the village of Halvay and 0.3 km from the Sintashta mound Halvay 3. The settlement was discovered by the staff of the Turgai archaeological expedition during the survey of the coastline of the Karat Omar reservoir in 2010. As a result of field work on the territory of the excavation, the following were recorded: one dwelling pit, 24 pole pits, 3 hearths and a ditch. Among the finds obtained from the settlement of Halvay 4: slags, ceramic vessels, bronze (sickle, chisel, staples), stone (abrasives, scrapers, plates, etc.), ceramic (spindle, polish) and bone (stamp) products. In the course of the study, paleozoological and X-ray fluorescence (XRF) analyzes were performed. The ceramic complex of the Halvay 4 settlement is related to the Sintashta, Petrovka (early Alakul) ones, according to N.B. Vinogradov and Alakul materials.

Keywords: settlement Halvay 4, Andronovo cultural and historical community, Alakul culture, Sintashta ceramics, early Alakul ceramics, Petrovka ceramics

Введение

Памятник находится на левом берегу тобольского рукава Каратомарского водохранилища, в 7 км к северо-востоку от поселка Халвай, рядом с синташтинскими курганами Халвай 3 и Халвай 5. Поселение обнаружено сотрудниками Тургайской археологической экспедиции при обследовании береговой линии Каратомарского водохранилища в 2010 г. В обрыве был замечен котлован с заполнением серого и темно-серого цвета, у подножия которого были обнаружены фрагменты керамики. Часть памятника оказалась размыта Каратомарским водохранилищем, другая часть подверглась интенсивной распахке.

Полевые и лабораторные исследования памятника

В наиболее разрушенной части поселения был заложен раскоп, с поверхности которого был произведен сбор находок. Сбор с поверхности включает в себя находки, обнаруженные в верхнем перепаханном слое памятника, а также собранные на берегу, в воде, у подножия обрыва, в разрушенной части поселения. Всего было собрано 130 фр. керамики, скоба и серп. Фрагменты керамики орнаментированы каннелюром и прочерчиванием. Узор из-за малых размеров фрагментов восстановить не удалось. Тесто плотное с примесью талька у всех фрагментов. Толщина 5–9 мм. Медная скоба (табл. 1) изготовлена из проволоки прямоугольного сечения 3×1 мм (рис. 5, 9). Бронзовый серп, изготовленный из мышьяковистой бронзы (табл. 1), длиной 240 мм, шириной 35 мм. Толщина 3 мм. По одной стороне нанесены царапины. По характеру царапин видно, что наносились они по еще мягкому металлу. Возможно, данные царапины имеют какое-то смысловое значение (рис. 7, 3).

Таблица 1 – Результаты рентгенофлуоресцентного (РФА) анализа металлических изделий с поселения Халвай 4

№п/п	Место находки	Изделие	Инв. №	Содержание, %							Сумма
				Cu	Sn	As	Pb	Ag	Fe	Bi	
1	Халвай 4	Серп	Хл-4-15/142	99,0	–	0,3	–	–	–	0,7	–
2	Халвай 4	Скоба	6Хл-4-15/3	90,2	–	–	1,6	–	–	1,0	–
3	Халвай 4	Долото	Хл-4-15/1	88,4	6,1	0,1	0,1	–	–	1,8	–

Примечание: Рентгенофлуоресцентный анализ (РФА) выполнен И.А. Блиновым, М.Н. Анкушевым, В.В. Зайковым.

Раскопки поселения Халвай 4 были проведены Тургайской археологической экспедицией в 2015–2016 гг. На территории раскопа были зафиксированы один котлован жилища, 24 столбовые ямы, 3 очага и ров (рис. 1).

Жилище. Южная часть жилищного котлована размыта водохранилищем. В плане жилище, вероятно, имело подпрямоугольную форму. Размеры сохранившейся части жилищного котлована 9,9×6,65 м, площадь – около 49,5 кв. м, глубина до 0,4 м. Котлован заполнен супесью серовато-коричневого цвета с прослойками пепельного оттенка, мощностью до 0,15 м, что, свидетельствует о высоком содержании золы (рис. 1). В полу жилищного котлована зафиксировано 19 столбовых ям диаметром от 0,2 до 0,7 м, глубиной от 0,15 до 0,55 м. На дне восьми столбовых ям зафиксированы камни. В трех ямах найдены фрагменты керамики. Большинство столбовых ям расположено по периметру жилища и в центре жилищного котлована, недалеко от очагов. В центральной части жилищного котлована, в непосредственной близости друг от друга, было зафиксировано три очага. Два очага имеют округлую форму, диаметром 1,1 и 0,75 м, глубиной 0,2–0,9 м. Третий очаг имеет подовальную вытянутую форму, размерами 1,45×0,45 м, глубиной 0,3 м. Во всех очагах зафиксированы камни, а в очаге № 3 обнаружены зубы животного, скопления фрагментов керамики и кусочки шлаков.

В заполнении котлована жилища, вдоль юго-восточной и северо-западной стенок, обнаружены разрозненные камни и их скопления (рис. 1). Все камни и скопления камней расположены в непосредственной близости от столбовых ям. В заполнении котлована жилища зафиксированы фрагменты керамики, изделия из камня, глины, кости и металла, кости и зубы животных (табл. 2), кусочки охры и шлаков, а также фрагменты жженных костей.

Таблица 2 – Определения костных останков животных с поселения Халвай 4

Вид животного				КРС	МРС	Лошадь	Сайга	Акула	Млекопитающее не определено
Место находки	жилище	кол-во костей		65	9	6	1	1	52
			особей	22	4	2	1	-	-
	ров	кол-во		-	-	1	-	-	-
Примечание: Палеозоологические определения выполнены П.А. Косинцевым									

Основную массу находок в жилище составляет *керамика*. В коллекции три развала сосудов и 675 фрагментов керамики (рис. 2–4).

Один плоскодонный сосуд маленьких размеров реконструирован (рис. 2, 4). Верхняя часть шейки отогнута наружу. Срез венчика плоский. Диаметр по шейке 65 мм, по венчику – 60 мм, по днищу – 45 мм. Орнаментирована лишь шейка сосуда тремя прочерченными линиями. Тесто плотное, без видимых примесей. Толщина стенок 4–6 мм, днища – 6 мм.

Второй плоскодонный сосуд также маленьких размеров полностью реконструирован (рис. 2, 2). Шейка не выражена (сосуд баночного типа). Срез венчика приострен. Диаметр по венчику 80 мм, по днищу 60 мм, высота 75 мм. Тесто плотное, без видимых примесей. Толщина стенок 6–8 мм, днища – 8 мм. Орнаментирована верхняя часть сосуда одним рядом наклонных оттисков гладкого штампа.

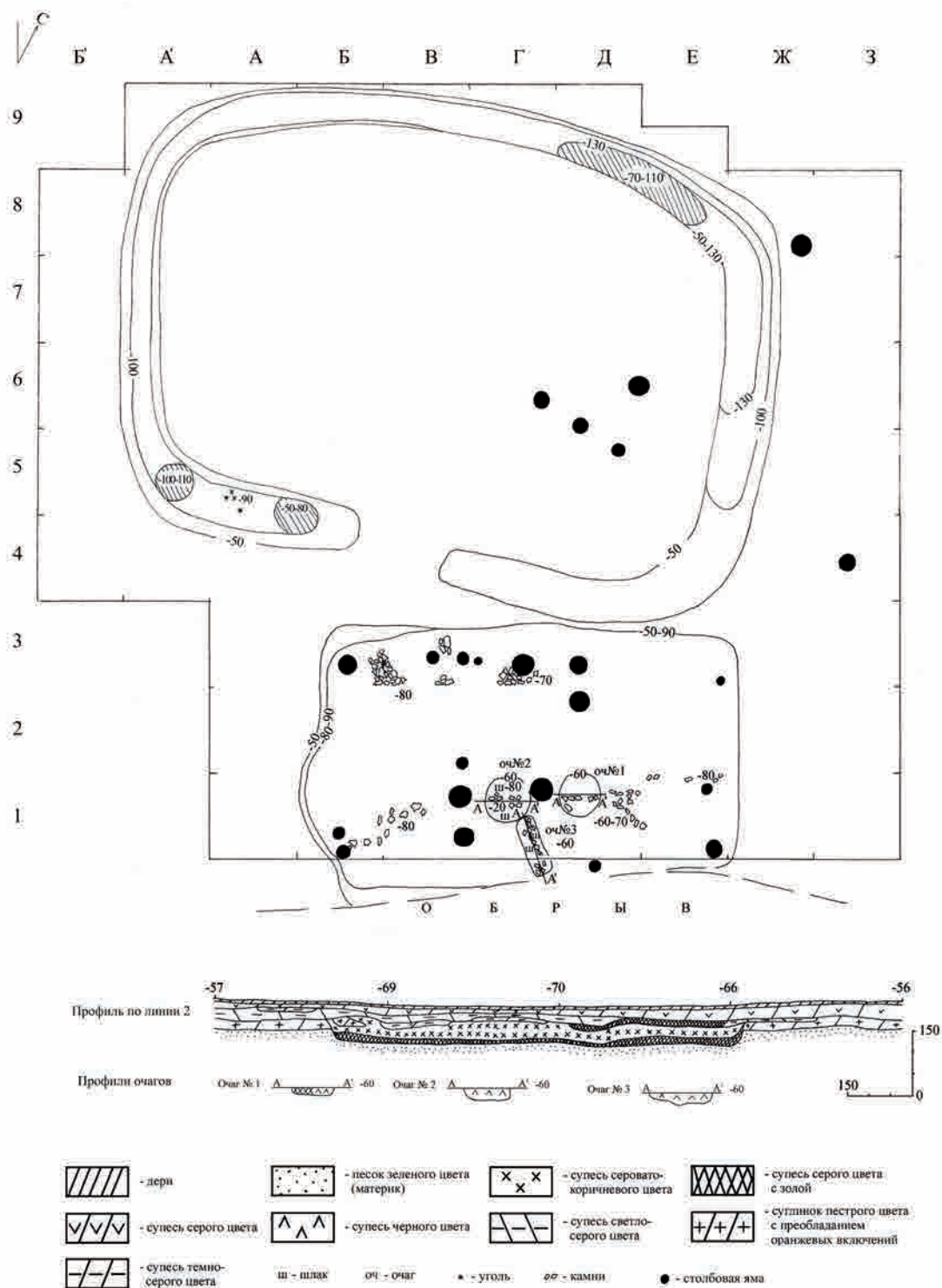

Рис. 1. Поселение Халвай 4. План раскопа

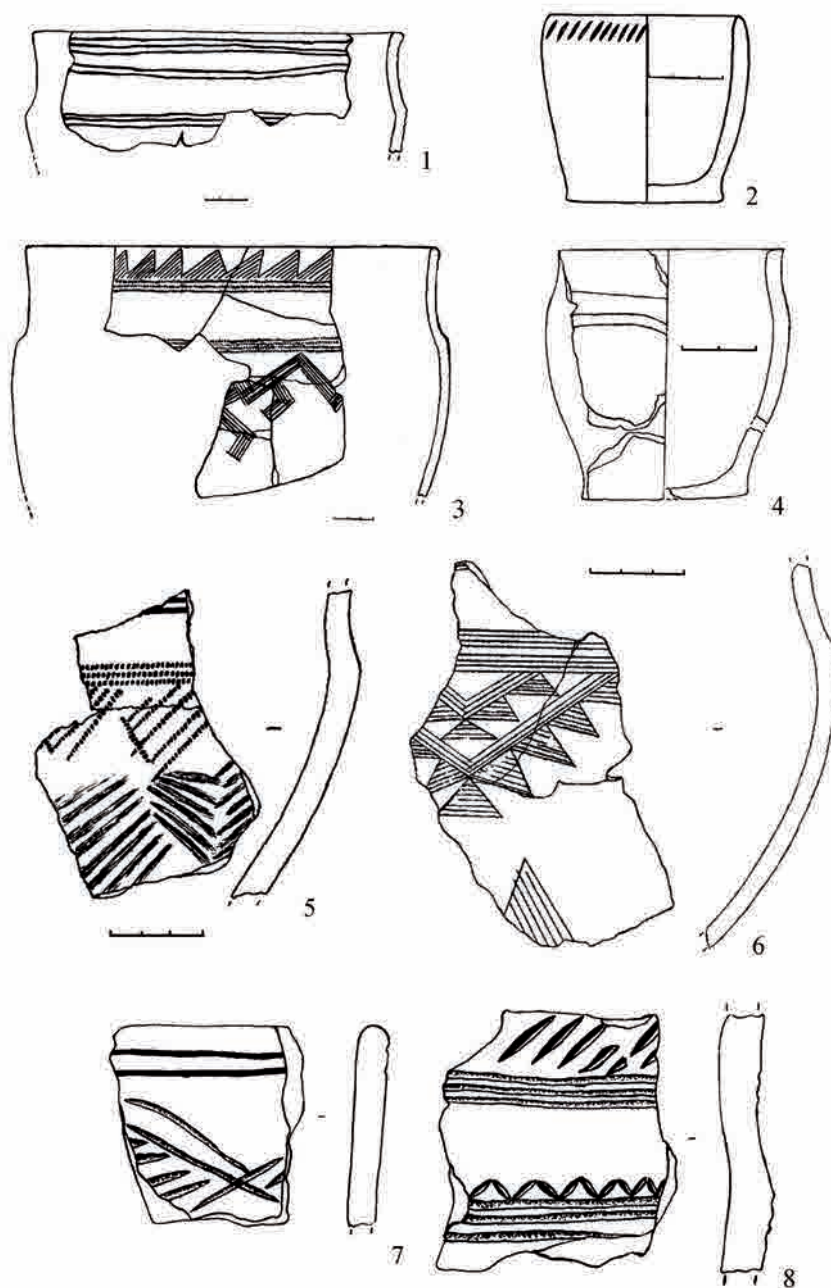

Рис. 2. Поселение Халвай 4. Жилище. Керамика

120 мм. Втулка литая, образована загибанием краев внутрь. Втулка округлая, диаметром 30 мм. Рабочий край раскован. Ширина срединной части долота 19 мм, ширина рабочего края – 25 мм (рис. 5, 10). Изготовлено долото из оловянистой бронзы (табл. 1).

Форму и назначение каменных артефактов (обломки) установить не удалось (рис. 5, 3, 8). В коллекции имеется обломок изделия из кости, возможно, псалия (рис. 5, 7). Среди керамических

Третий частично реконструированный сосуд (рис. 2, 1) в месте перехода от тулова к плечу имеет «уступчик-ребро». Верхняя часть шейки слегка отогнута наружу. Срез венчика округлый. Вся внешняя поверхность сосуда, по видимому, орнаментирована прочерченными линиями. Поверхность сосуда залощена. Тесто плотное, без видимых примесей. Толщина стенок 8–9 мм.

Верхних частей сосудов в коллекции 62 экз., стенок – 573 экз., придонных частей – 40 экз. Орнамент геометрический (треугольники, ромбы, зигзаги и т. д.). Узоры нанесены зубчатым и гладким штампами, резной техникой, прочерчиванием, протасенной гребенкой, вдавлениями. Отмечен рельефный орнамент (каннелюр). Тесто плотное, с примесью талька. Толщина фрагментов – 6–10 мм.

Изделия из бронзы, камня и керамики

Бронзовое втульчатое долото с остатками деревянной рукояти во втулке, длиной

находок – лоцило (рис. 5, 5) и обломок пряслица (рис. 5, 4).

Очаг № 3 содержал 24 фрагмента керамики и три кусочка шлаков. Из них верхних частей сосудов 2 экз., стенок – 22 экз. Орнамент геометрический, выполнен гладким штампом и «щепой». Кроме этого, зафиксирован рельефный орнамент (каннелюр). Тесто плотное, с примесью талька. Толщина фрагментов 5–9 мм.

Столбовая яма № 7. Найден один фрагмент стенки сосуда. Тесто плотное, с примесью талька. Фрагмент орнаментирован прочерчиванием, но из-за малых размеров узор не восстанавливается. Толщина 6 мм.

Столбовая яма № 8. Зафиксирован один фрагмент неорнаментированной стенки сосуда. Тесто плотное, без видимых примесей. Толщина 8 мм.

Столбовая яма № 17. Найдено три фрагмента стенок сосудов. Тесто плотное, без видимых примесей. Один фрагмент украшен прочерченной линией. Два фрагмента не орнаментированы. Толщина 6–7 мм.

Ров расположен почти вплотную к жилищу и представляет собой самостоятельную конструкцию (рис. 1). Он окаймляет подпрямоугольную площадку размерами 14×11,5 м. В южной части имеется разрыв (по всей видимости, вход), шириной 2 м. Глубина доходит до 1,3 м, ширина до 1,5 м. На глубине 1 м ров сужается до 0,4 м. Заполнение рва – супесь серовато-коричневого цвета. В юго-западной и северо-восточной части рва на глубине от 0,7 до 1,1 м зафиксирован мощный слой пепла.

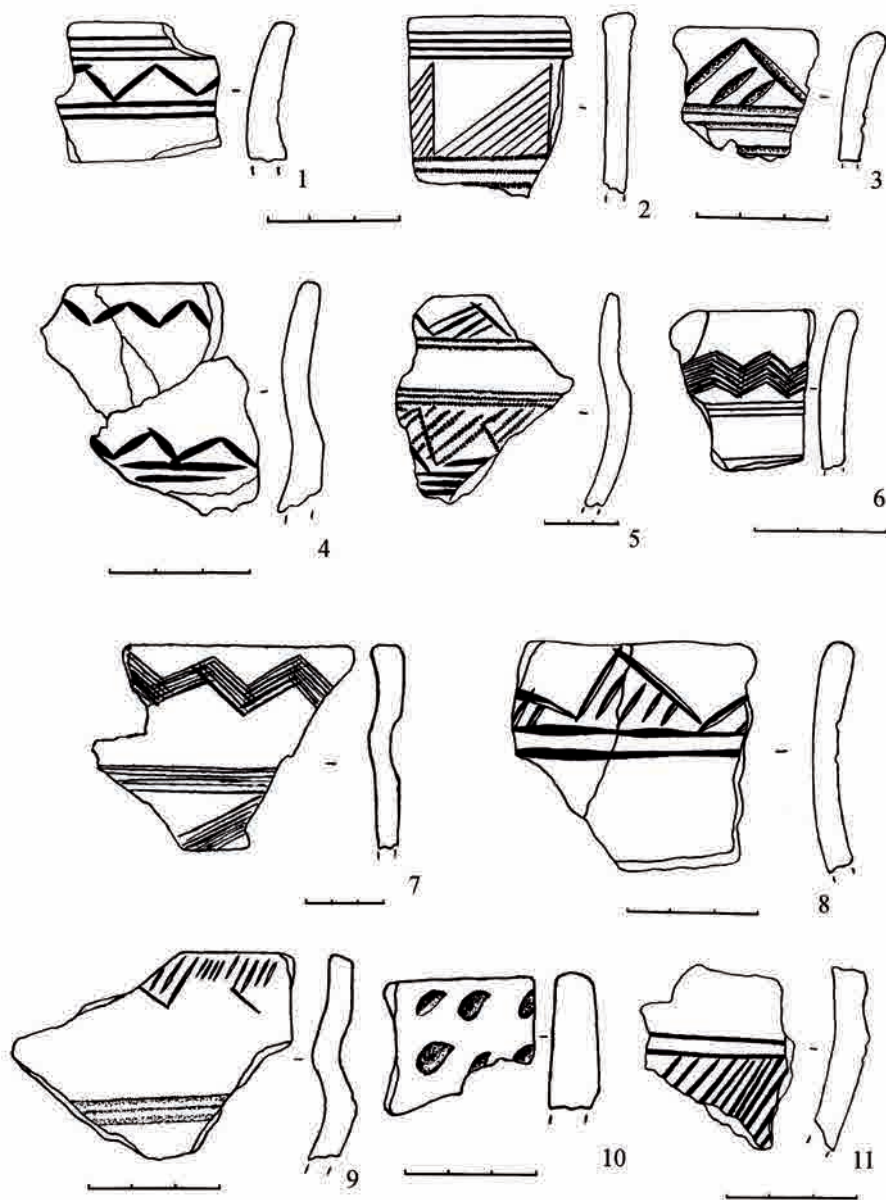

Рис. 3. Поселение Халвай 4. Жилище. Керамика

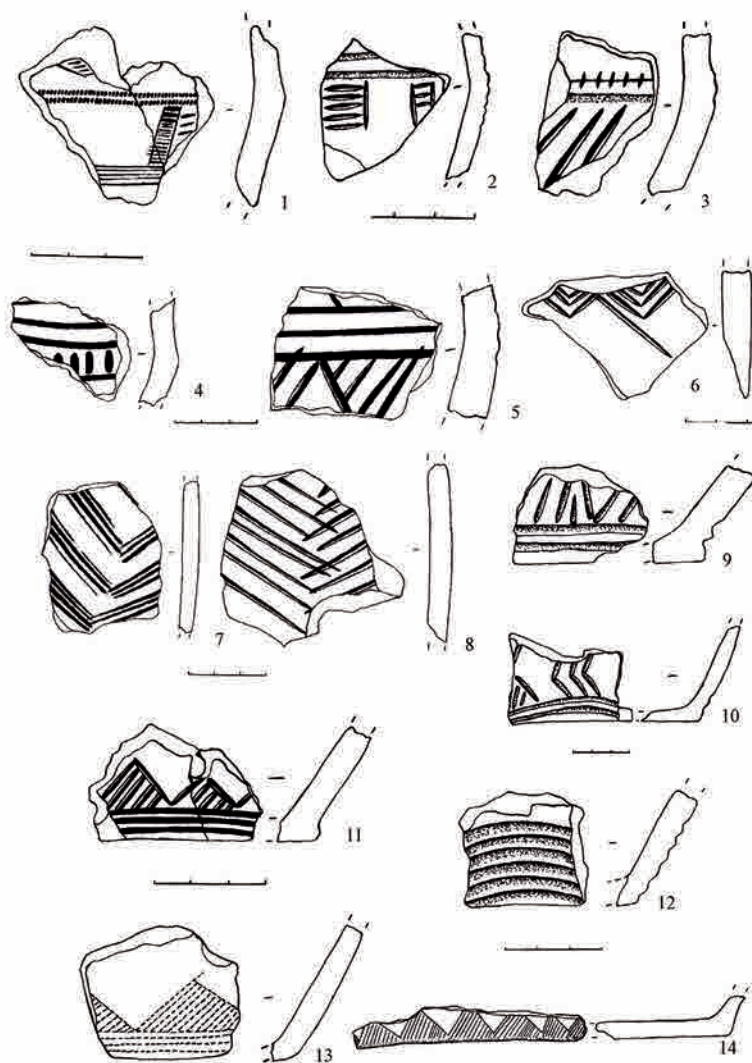

Рис. 4. Поселение Халвай 4. Жилище. Керамика

ны артефакты выше уровня уверенной фиксации жилища и рва и в пространстве между ними. Наиболее многочисленную часть находок составляет керамика. Было выделено 48 фр. верхних частей сосудов, стенок – 410 экз., придонных частей – 21 экз. Шейки имеют «уступчик». В одном случае в месте перехода шейки в тулово отмечено ребро. Узор из-за малых размеров фрагментов не восстанавливается. В технике нанесения орнаменты зафиксированы зубчатый и гладкий штамп, прочерчивание, протраченная гребенка, вдавления, рельефный орнамент (каннелюр). Тесто плотное, с примесью талька. Толщина фрагментов 5–12 мм.

Керамические изделия представлены обломком пряслица, изготовленного из орнаментированной стенки сосуда (рис. 5, б).

Каменные изделия. На площади раскопа было обнаружено незначительное количество находок из камня. Пластины без ретуши – 3 экз.; отщепы без ретуши – 8 экз.; скребок на пластине (рис. 5, 2), обломок острия, абразивы и терочники – 3 экз. (рис. 7, 1, 2, 4).

Во рву обнаружены фрагменты керамики, шлаки и кости животных (табл. 2). Во внутреннем пространстве зафиксировано 4 столбовых ямы диаметром от 0,2 до 0,5 м, глубиной от 0,15 до 0,55 м. Две ямы находятся за пределами рва, в восточной части раскопа. Так как ров имеет разрыв (вход?) и на площадке зафиксированы столбовые ямы, более всего данная конструкция соотносится с загон для скота, хотя возможны и другие объяснения. Сам ров, по всей видимости, использовался как место куда выбрасывался пепел из очагов.

Керамическая коллекция (рис. 6). Верхних частей сосудов в коллекции 9 экз., стенок – 99 экз., придонных частей – 2 экз. Шейки сосудов имеют в месте перехода шейки в тулово ребро и внутреннее ребро. Узор из-за малых размеров фрагментов не восстанавливается. Зафиксирован рельефный орнамент (каннелюр). В технике нанесения орнамента отмечены зубчатый и гладкий штамп, вдавления. Тесто плотное, с примесью талька. Толщина фрагментов – 6–10 мм. Каменное изделие представлено обломком терочника (рис. 6, 10).

Кроме этого были обнаруже-

Костяные изделия представлены маленьким штампом (рис. 5, 1).

Обсуждение и выводы

При анализе керамический комплекс поселения Халвай 4 нами были выделены следующие группы керамики: синташтинская, петровская и алакульская.

Синташтинская керамика (рис. 6, 1, 4, 6, 7, 9) более всего соотносится с материалами курганов Халвай 3 [Шевнина, Логвин, 2015] и Халвай 5 [Логвин и др., 2017] и это не случайно, ведь курганы находятся в непосредственной близости от поселения. Данная группа очень малочисленна, встречена только во рву. Украшена она рельефным орнаментом (глубокими канелюрами-желобками), гладким штампом и вдавлениями. Шейки происходят от сосудов, имеющих внешнее и внутреннее ребро. Тесто с примесью талька.

Для характеристики петровской и алакульской керамики поселения была применена авторская типология Н.Б. Виноградова [Виноградов, 1983, с. 8–13].

Петровская керамика зафиксирована на всей площади

раскопа, в том числе в жилище и во рву (рис. 3, 7, 9; 4, 1–4; 6, 5, 8). Это горшечно-баночная посуда с ребром в месте перехода шейки в тулово. На шейках отмечаются «воротнички». Техника нанесения орнамента представлена в основном гладким штампом, прочерчиванием, каннелюрами. Тесто с примесью талька. Данную группу керамики можно отнести к типу I в системе классификации Н.Б. Виноградова [Виноградов, 1983, с. 8–13; Алаева, 2020, с. 315–320].

Собственно алакульскую керамику можно разделить на две группы. Первая группа характеризуется сосудами горшечно-баночной формы, в месте перехода шейки в тулово которых имеется

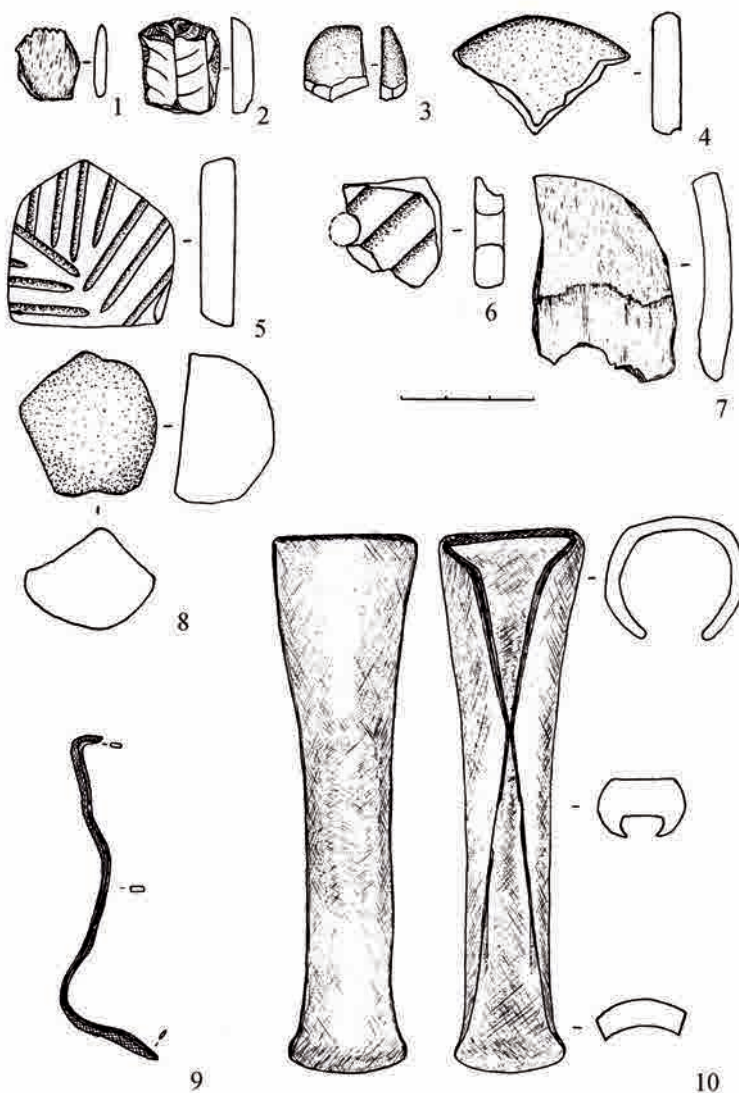

Рис. 5. Поселение Халвай 4. Находки: 3–5, 7, 8, 10 – жилище; 1, 3, 6 – раскоп; 9 – сбор с поверхности. 1, 7 – кость; 2, 3, 8 – камень; 4–6 – керамика; 9, 10 – бронза

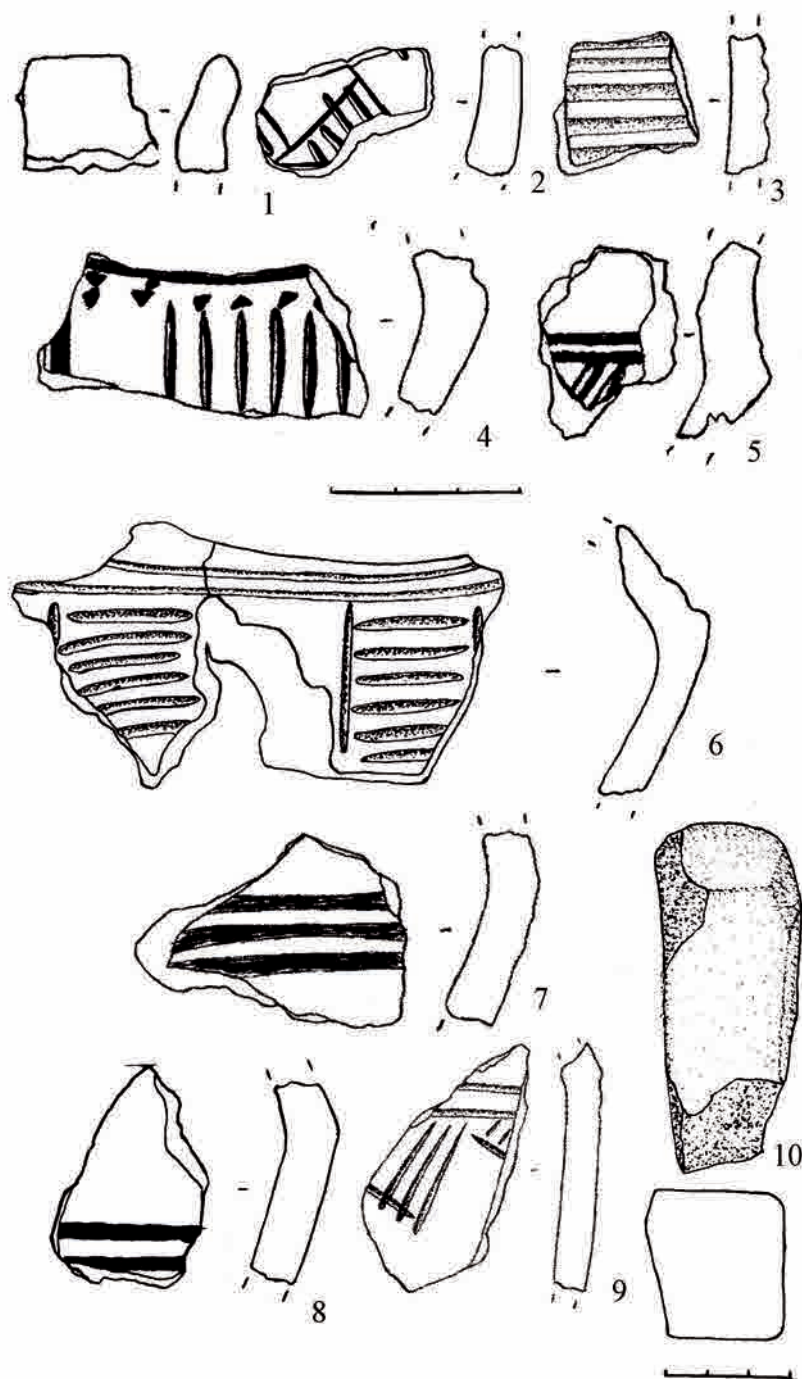

Рис. 6. Поселение Халвай 4. Ров. Находки. 1–10 – керамика;
10 – камень

«уступ» (рис. 2, 1, 8; 3, 4, 5, 6, 8, 11). Шейка часто имеет «неорнаментированную полосу» и небольшое утолщение в верхней части (редуцированный «воротничок»). Орнаментированы сосуды в основном гладким штампом, прочерчиванием, зубчатым штампом. Тесто с примесью талька. Эта группа керамики обнаружена в жилище и за его пределами, при этом отсутствует во рву, относится к раннеалакульской культурной традиции (тип II А) [Виноградов, 1983, с. 8–13; Алаева, 2020, с. 323–326].

Вторая группа – это горшечно-баночные сосуды с «уступом» и «неорнаментированной полосой» на шейке. Сосуды орнаментированы более сложным геометрическим узором (меандры, фестоны), орнамент нанесен в основном зубчатым штампом и протасенной гребенкой, реже прочерчиванием (рис. 2, 3, 5, 6). Тесто с примесью талька. Эта группа керамики отнесена к типу II Б классический алакуль [Виноградов, 1983, с. 8–13; Алаева, 2020, с. 330], зафиксирована она только в жилище.

В целом аналогии материалам жилища довольно обширны и широко известны, отметим лишь один из недавно исследованных памятников – поселение Мочище, где петровский и алакульский керамические комплексы хорошо соотносятся с поселением Халвай 4 [Григорьев и др., 2018].

Тот факт, что алакульская керамика отсутствует во рву, позволяет предположить его более раннее сооружение по отношению к жилищу, однако присутствие петровской керамики и во рву и в жилище не позволяет видеть значительный временной разрыв в сооружении этих конструкций, но может говорить о существовании жилища в постсинташтинское время. В некоторой степени в пользу этого говорит и олово в составе долота, найденного в жилище, что так же характерно для алакульских бронз (табл. 1).

Однослойность жилища, в котором зафиксирована петровская и разные типы алакульской керамики, указывает на большую вероятность синхронного отложения этих материалов и не позволяет нам выстроить последовательную схему, в которой петровские древности являются наиболее ранней стадией алакуля (по Н.Б. Виноградову) [Виноградов, 2011, с. 145]. Проблема соотношения петровских и алакульских древностей решается исследователями по разному и вызывает множество дискуссий, ясности в этот вопрос не удается внести и с по-

мощью анализа массива AMS дат. Как считают Р. Краузе и соавторы, темп культурной эволюции в регионе в эпоху поздней бронзы был столь высок, что не улавливается методами радиоуглеродного датирования [Краузе и др., 2019, с. 61–62]. И это утверждение кажется нам наиболее приемлемым, хотя и возникают закономерные вопросы. Возможна ли такая скорость и интенсивность культурногенетических процессов в регионе, что они не успевали отразиться в стратиграфии памятника? Или же необходимо признать возможность сосуществования петровских и алакульских древностей? Есть ли вероятность того, что на материалах поселения Халвай 4 мы видим эволюционные изменения алакульского керамического комплекса в рамках одного жилища?

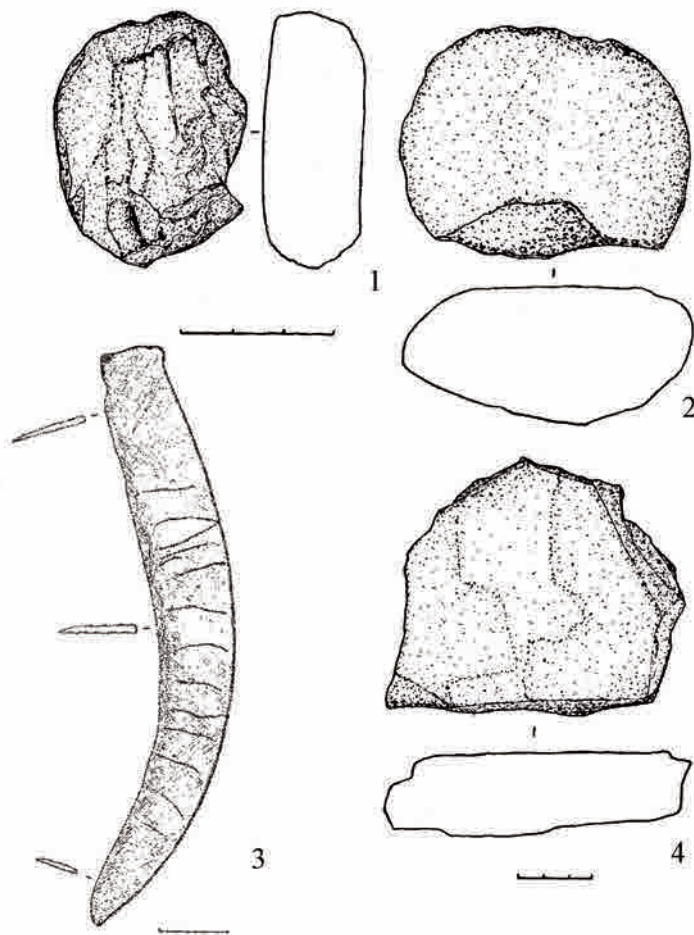

Рис. 7. Поселение Халвай 4. Находки: 1, 2, 4 – раскоп; 3 – сбор с поверхности. 1, 2, 4 – камень; 3 – бронза

ЛИТЕРАТУРА

Алаева И.П. Керамическая коллекция могильника Кулевчи VI // Кулевчи VI – могильник позднего бронзового века в Южном Зауралье. Коллективная монография / под общ. ред. Н.Б. Виноградова. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2020. С. 307–400.

Виноградов Н.Б. Южное Зауралье и Северный Казахстан в раннеалакульский период (по памятникам петровского типа): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва: ИА АН СССР, 1983. 22 с.

Виноградов Н.Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск: Абрис, 2011. 178 с.

Григорьев С.А., Петрова Л.Ю., Плешанов М.Л., Гущина Е.В., Васина Ю.В. Поселение Мочище и андроновская проблема. Челябинск: Цицеро, 2018. 398 с.

Краузе Р., Епимахов А.В., Куприянова Е.В., Новиков И.К., Столярчик Э. Петровские памятники бронзового века: проблемы таксономии и хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. № 1 (47). С. 54–63.

Логвин А.В., Шевнина И.В., Колбина А.В. Курган Халвай 5 – комплекс синташтинской культуры из Северного Казахстана // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 131-139.

Шевнина И.В., Логвин А.В. Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане. Материалы и исследования по археологии Казахстана / под общ. ред. З. Самашева. Астана: изд. гр. ФИА, 2015. Т. VII. 247 с.

**Ұ.Ұ. ҮМІТҚАЛИЕВ,
П.Б. МҰСЫРМАНҚҰЛ**

Үмітқалиев Ұлан Үмітқалиұлы,
Л.Н. Гумилев атындағы Евразия ұлттық университеті,
Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан;
uumitkaliev@bk.ru
Мұсырманқұл Пердехан Бекмағамбетұлы,
Қазақстан Республикасы Ұлттық музейі,
Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан;
pmusilmankul@bk.ru

ШЫҢҒЫСТАУ Өңірінде 2021 жылы қола дәуірі ескерткіштеріне жүргізілген зерттеулердің қорытындылары

Аннотация. Мақалада Л.Н. Гумилев атындағы Евразия ұлттық университетінің «Шыңғыстау археологиялық экспедициясы» (жетекшісі – Ұ. Үмітқалиев) Шығыс Қазақстан облысы Абай ауданы аумағындағы Қырықкүңгір, Қаракемер қорымдарындағы 2021 жылғы далалық маусымында жүргізген археологиялық жұмыстарының нәтижелері баяндалады. 2021 жылғы жазғы археологиялық маусымда 2014 жылдан бастап зерттеліп келе жатқан Қырықкүңгір кешенді ескерткішіндегі № 25 қола дәуірінің тас қоршауына реставрациялау, жаңғырту жұмыстары және құрылысы жағынан ерекше, алты қырлы № 26 қорған-қоршауында қазба жұмыстары жүргізілді. Сондай-ақ, аталған өңірдегі Қаракемер қорымында қола дәуіріне тиесілі екі ескерткіште қазба жұмыстары жүргізіліп, алғашқы нәтижелері анықталды. Соңғы жылдардағы қазба материалдарын Жапонияның Цукуба қаласындағы Цукуба университетінің зертханасында радиоуглеродты және изотопты коллаген бойынша сынама жұмыстары жасалуда.

Түйін сөздер: қола дәуірі, қорым, Шыңғыстау, қорған, қоршау

Умитқалиев Улан Умитқалиевич,
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
г. Нур-Султан, Казахстан;
uumitkaliev@bk.ru
Мусырманкул Пердехан Бекмагамбетович,
Национальный музей Республики Казахстан,
г. Нур-Султан, Казахстан;
pmusilmankul@bk.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ 2021 года ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЧИНГИСТАУ

Аннотация. В статье изложены результаты археологических работ, проводившихся Чингистауской археологической экспедицией Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (рук. У. Умитқалиев) в полевом сезоне 2021 г. на могильниках Кырыкунгур, Каракемер (Абайский р-н, Восточно-Казахстанская обл.). В 2021 г. осуществлены реставрационные работы на кургане-ограде эпохи бронзы № 25, исследование которого ведется с 2014 г.; комплексном памятнике Кырыкунгур, а также проведены

раскопки уникального шестигранного сооружения (курган-ограда № 26). На могильнике Каракемер полевые исследования проводились на двух объектах эпохи бронзы, получены первые результаты. В последние годы сотрудники экспедиции сотрудничают с лабораторией Университета Цукуба (г. Цукуба, Япония), где выполняются работы по радиуглеродному и изотопному анализам.

Ключевые слова: Чингистау, эпоха бронзы, могильник, курган, ограда

Ulan Umitkaliev,
L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Nur-Sultan, Kazakhstan;
uumitkaliev@bk.ru
Perdekhan Musyrmankul,
National Museum of Kazakhstan,
Nur-Sultan, Kazakhstan;
pmusilmankul@bk.ru

RESULTS of 2021 RESEARCH of MONUMENTS of the BRONZE AGE of CHINGISTAU

Abstract. The article describes the results of archaeological work carried out by the “Chingistau Archaeological Expedition” of the L.N. Gumilyov Eurasian National University (head of the expedition – U. Umitkaliev) in the 2021 field season in the burial grounds of Kyrykungur, Karakemer on the territory of the Abay district of the East Kazakhstan region. In the 2021 archaeological season, restoration work was carried out on the Bronze Age burial-fence no. 25 of the Kyrykungur complex, which has been studied since 2014, as well as archaeological excavations were carried out in the unique hexagonal structure of the burial-fence no. 26. Excavations were also carried out on two Bronze Age sites at the Karakemer burial ground, where the first results were revealed. In recent years, the laboratory of the University of Tsukuba in the city of Tsukuba, Japan, has been carrying out work on radiocarbon and isotope collagen analysis.

Keywords: bronze age, burial ground, Chingistau, kurgan, fence

2013 жылдан бастап Л.Н. Гумилев атындағы Евразия ұлттық университетінің, археология және этнология кафедрасының «Шыңғыстау археологиялық экспедициясы» Шығыс Қазақстан облысы Абай, Жарма, Аягөз аудандарына кіретін аумақтарда өз зерттеулерін үздіксіз жүргізіп келеді. Зерттеулердің негізгі мақсаты қазақтың ұсақ шоқылығы саналатын Шыңғыстау, Қалба жоталарының арасындағы үлкен мәдени ошақты кешенді зерттеу. Археологиялық тұрғыда кешенді зерттеулермен қатар, аймақтың ескерткіштеріне барлау жұмыстары жасалып, ескерткіштер тізімі мен тарихи маңызы саралануда. Жоғарғы оқу орыны ретінде маман даярлайтын бағытта, университет студентері мен магистранттарын жазғы археологиялық зерттеулерге, далалық практика жұмыстарына атсалыстырудамыз.

Археологиялық зерттеу жұмыстары негізінен 2012 жылдан бері Абай ауданы территориясында қола дәуірінің Қырыққүңгір (2014–2021) [Үмітқалиев және т.б., 2015], Каракемер (2012), Қорғантас, Олжай, Қаратай (2021) ескерткіштерінде жүргізілсе, ерте темір дәуірінің Қырыққүңгір, Айтуған (2012), Каракемер (2012), Баймағұл (2014), Суықбұлақ (2014) ескерткіштеріне жүргізілді [Үмітқалиев және т.б., 2015].

Аягөз ауданында ерте темір дәуірінің Қырық оба, Қалғұты (2017) ескерткіштері зерттелсе, Жарма ауданында Үшбиік селолық округі территориясында Молбұлақ, Қазқонған (2012), Аршалы селолық округінде Жарықтас ескерткіштері (2018), Шалабай селолық округі территориясында Шалабай ескерткіші (мұртты оба) (2021) зерттелді [Үмітқалиев және т.б., 2018, 200 б.].

Бұл зерттеулердің қорытындылары жеке ескерткіштер түрінде өз кезеңіне қарай мақала ретінде жарияланғанымен толық ғылыми түрде жүйеленіп, ғылыми сараптамалар жасалған жоқ.

2021 ж. жазғы археологиялық маусымда 2014 ж. бастап зерттеліп келе жатқан Қырықүңгір кешенді ескерткішіндегі № 25 қола дәуірінің тас қоршауына реставрациялау, жаңғырту жұмыстары жасалды (сур. 1). Көне тас құрылыс төрт бұрыш формадағы тастан тұрғызылған жерлеу ескерткіші, сыртқы көлемі бұрыштарында биіктігі 1,3 м көлеміндегі ірі тастарды қойып жасалған. Әрбір сыртқы бұрыштарының арасы өте дәлдікпен тұрғызылған 24×24 м құрайды. Көне құрылыстың жалпы биіктігі 1,6 м. Қазбаға дейінгі көрінісі сырты өзеннің малта тасымен жабылған үйінді астында төртбұрышты құрылыс ішінде сатыланып келетін, пирамида тәрізді үш шеңбер қаланған. Әрбір ішкі тас шеңберді ірі тастармен қалап, келесі шеңбермен ортаны бос тастармен толтырған. Ортаңғы адам жерленген тас жәшіктің сыртында сопақшалау болып келген шеңбердің көлемі төмендегідей. Ұзындығы 3,7 м, ені 2,8 м. Осы сопақша болып келген тас шеңбердің ішінде, 1,6 м тереңдіктен тас жәшік қойылған. Тас жәшіктің орналасу бағыты, оңтүстік-шығыстан солтүстік-батысқа қарай ұзынынан қойылған. Тас жәшіктің тастары қызыл түсті жергілікті жердің гранит тасымен қырынан қойылып жасалған. Тас жәшіктің төрт қабырғасындағы тастары бүтін күйінде қойылған. Тас жәшіктің ішінен тоналып кеткендіктен шашылған адам сүйектері мен бірге қыш ыдыстың сынығы табылды.

Биылғы жылы № 25 қорған қоршауға жасалған реставрациялау жұмыстарының қорытындысы бойынша толықтай үш сектор қалпына келтіріліп, тек оңтүстік-батыс сектор қазбаға дейінгі алғашқы күйінде қалдырылды.

Сур. 1. Қырықүңгір қорымы, № 25 қорған-қоршаудың қалпына келтірілген көрінісі.
Фото Ұ. Үмітқалиевтің жеке мұрағатынан

Қырықүңгір қорымынан анықталған адам және жылқы сүйектеріне Жапонияның Цукуба қаласындағы Цукуба университетінің Гуманитарлық және әлеуметтік ғылымдар факультеті зертханасында Ю Итахашидің жетекшілігімен изотопты коллаген бойынша сынама жасалды [Умитқалиев және т.б., 2021, 232–246-бб.]. Радиокоөміртекті сынама нәтижелерін алдағы мақалаларымызда нәтижелерін жариялайтын боламыз.

№ 26 топырақ үйінділі қорған № 25 қорған қоршаудың оңтүстік-шығыс тізбегінде орналасқан. 2019 ж. бастап қазба жұмыстары жүргізіліп келеді (сур. 2). Қорғанның негізгі сыртқы көрінісі топырақтан үйілген, диаметрі 43 м, биіктігі 2,3 м. Топырақ үйінділі қорғанның етек жағына қарай, қорған үйіндісінің ең шетінен алғанда 2,8 м жерден тік тұрған тастардың сұлбасы көрінді. Осы тастардың орналасуына қарай тік бұрыштары бар алты қырлы қорған қоршау екенін көруге болады. 2019–2020 жж. қазба маусымдарында қорғанның солтүстік-шығыс және оңтүстік-шығыс секторларына қазба жұмыстары жүргізілген болатын.

Қазба барысында қазбаға дейін оба үйіндісінен көрініп тұрған алты бұрыштағы тастар, алты қырлы құрылыс екенін көрсетті. Бұрыштарына биіктігі 1,2 м көлеміндегі тастарды қойып арасын 6–7 қатар тастармен жалпағынан қалап қоршау жасаған. Алты қырының арасы өте дәлдікпен қойылып қаланған. Алты қырлы тік бұрышты қоршау ішінде дөңгелек формадағы ішкі екі қоршау жасалған. Ең ортасындағы кіші қоршау тастың диаметрі 6 м, биіктігі 1,7 м. Оның сыртындағы үлкен тас қоршау шеңбердің диаметрі 12 м. Қорғанның тік бұрышты алты қырлы қоршау сыртындағы

Сур. 2. Қырықүңгір қорымы, № 26 қорған-қоршаудың жалпы көрінісі.
Фото Ұ. Үмітқалиевтің жеке мұрағатынан

тастардың қабырғасынан әр түрлі жануарлардың суреттері анықталды. Тастарға салынған суреттер ішінде анық көзге көрінетіні оңтүстік шығыс сектордағы жылқы бейнесі мен белгісіз жабайы аңның бейнесі (сур. 3). Бұл қазба жүргізілген секторларды ашу кезінде белгілі болғандықтан, алдағы уақытта басқа секторлар ашылған кезде олардың тас қабырғасынан да суреттер кезігуі мүмкін. Қазба жұмыстары алдағы маусымда да жалғасатындықтан бұл ескерткіш жөнінде ғылыми қорытындылар жасау әлі ерте.

Қаракемер қола дәуірі ескерткіші

2021 ж. қазба маусымында келесі бір ескерткіш Абай ауданы территориясындағы Кеңгірбай би ауылының оңтүстік-батысына қарай 40 шақырым жердегі Қаракемер қойнауындағы қола дәуірі ескерткіштеріне жүргізілген зерттеулер.

Қорым Барлыбай өзенінің оң жақ жағасы, екінші террасасында, өзеннің арнасынан 150 м жерде орналасқан. Қорымға өте жақын 100 м жерде бұлақ бар, бұлақ суы Барлыбай өзеніне қарай ағады.

Қорым қола дәуіріне тиесілі жеті ескерткіштен тұрады. Олардың формасы әртүрлі болып келген: шеңбер, шаршы және тік төртбұрышты қоршау, тас қоршаусыз әрі толығымен жердің астындағы тас жәшіктер, тас қоршаусыз, бірақ анық бой көрсетіп тұрған тас жәшіктер.

Қорым орнын таулы өлкенің қойнауындағы жазық алқап деп сипаттауға болады. Ескерткіштер дөңестеу болып келген жайылма жерде орналасқан. Қорым орналасқан жер теңіз деңгейінен 1000 м биіктікте жатыр.

Қаракемер ескерткішіне қазба жұмыстары негізінен кездейсоқ басталды. Қаракемер ескерткішінің ерте темір дәуірі обасын қазу кезінде бұлақ басына тігілген археологтар қонысының

дәл жанында бүлінген қоршауды қазу кезінде тас шеңбер қоршау анықталды. Қоршаудың диаметрі 8 м. Қоршау тастары тігінен тұрғызылған жердің бетінен көрінбейді. Қазу кезінде белгілі болғандай, қоршау ортасынан екі тас жәшік анықталды. Солтүстік-батыс жағындағы тас жәшіктің көлемі үлкендеу, онда адам сүйегі анатомиялық күйінде, шалқасынан жатқызылып, басы солтүстік батысқа қаратылған. Адам сүйегімен бірге жылқы сүйегінен жасалған аттың ауыздығының бөлшегі табылды. Жанындағы оңтүстік жақтағы тас жәшіктен жылқы сүйектері батыс жақ шетіне үйілген күйде табылды.

Екі тас жәшіктің айналасынан төрт бұрышынан әр жерлерге үйілген жылқы сүйектері табылды. Қоршау сыртын қазу кезінде, солтүстік-батыс шетінен тас жәшік сыртында жылқы сүйектерімен аралас тағы бір сүйектен жасалған ауыздықтың бөлшегі табылды. Осындай жылқы

Сур. 3. Қырықұңгір қорымы, № 26 қорған-қоршаудың қабырға тастарында жануар бейнесі.

Фото Ү. Үмітқалиевтің жеке мұрағатынан

сүйектері мен сүйектен жасалған ат ауыздығының табылуына байланысты Қаракемер қола дәуірі қорымында қазба жұмыстары ары қарай жалғастырылды.

№ 1 қола дәуіріне тиесілі ескерткіштің сипаттамасы

Ескерткіш Барлыбай өзенінің оң жақ жағасы, екінші террасасында, өзеннің арнасынан 150 м жерде, сипаты жағынан дөңестеу келген жайылма жерде орналасқан.

Қазбаға дейінгі күйінде ескерткіш қоршауының шеңбер формалы екені байқалды. Солтүстік-шығыс пен оңтүстік бойындағы жеті қоршау тастары жер бетінен 3,5–17 см. аралықтағы биіктікте шығып тұрды. Ескерткіш бетіндегі өсімдік қабаты әлсіз болды, бетеге, көде, жусан секілді өсімдіктер өскен.

Ескерткіштің қазбасы 8,70×8,60 м болатын аумақты алды. Шым қабатының қалыңдығы 10–16 см, еденге дейінгі тереңдігі 28 см құрады.

Қоршаудың пішімі шеңбер болып келген, диаметрі – 7 м. Қоршаудың ішінде, солтүстік-шығыс бөлігінде, қоршаудан 18 см арақашықтықта ғұрыптық орын болды. Оның пішімі тіктөртбұрышты, оңтүстік қабырғасы қиғаштау келген. Өлшемі: ені – 62 см, ұзындығы – 95 см, биіктігі – 35 см. Ғұрыптық орын сегіз тастан қойылған, ортақ алынған өлшемдері келесідей: ені – 23,8 см, ұзындығы – 30,6 см, қалыңдығы – 11,7 см.

Қоршау тастардың жалпы саны – 18. Солтүстік-батыс пен оңтүстік бөлігінде 16 тас тізбекпен орналасқан. Оңтүстік-батыс бөлігінде екі тас, батыс бөлігінде бір тас. Ескерткіштің құрылысына тіктөртбұрышты келген сұр түсті құмтас (гранит) қолданылған. Өлшемдері келесідей: ені – 19–51×44–192 – 7–16 см аралығында. Тастар қоршаудың ішіне қарай жантайған күйінде ашылды.

Қоршаудың ішінде, тас жәшік орнынан солтүстікке қарай 0,5 м жерде құрбандыққа шалынған жылқының қабырғалары, жілік сүйектері мен тістері табылды (сур. 4).

Тас жәшіктің бетінде ені 0,9 м, ұзындығы 1,30 м болатын тақтатас жатты. Жәшіктің тастары еден бетінен бой көрсеткен жоқ. Тас жәшіктің орналасқан жерін табу мақсатында ені 1,95 м, ұзындығы 2,75 м, тереңдігі 5 см болатын аумаққа қазба салынды.

Тас жәшіктің өлшемдері келесідей: ені – 1,15 м, ұзындығы – 2,10 м, биіктігі – 1 м. Тас жәшіктің қоршауға қатысты орналасуы келесідей: солтүстіктен – 2,90 м, оңтүстіктен – 3,05 м, шығыстан – 2,55 м, батыстан – 2,45 м.

Ғұрыптық орын ішінен қыш ыдыс сынықтары табылды. Мойын тұсында төрт горизонтальді түзу жолақ, оның астында үш түзу жолақтан тұратын зиг-заг орнамент болды.

Тас жәшіктің ішінде екі адам жерленген: ер¹ және әйел қаңқалары екендігі белгілі болды. Бастары батысқа бағытталған, бір-біріне қаратылып, аяқ-қолдары бүгулі күйінде жерленген. Ер адам сол жақта, әйел адам оң жақта. Адам сүйектері әр түрлі тереңдікте, жақсы сақталған күйде және шашыраңқы түрде табылды (сур. 4).

Әйел адам жатқан тұста, 0,7 м тереңдікте қола моншақ пен ақ моншақтар табылды. Ақ моншақтар бас жақтан, қола моншақтар бас және аяқ жақтан шықты. Сонымен қоса әйел адам жатқан тұстың бас жағынан ракушка табылды.

Ер адам жатқан тұстың аяқ жағында, жәшіктің оңтүстік қабырғасы тұсында, 0,9 м. тереңдікте үш қола жебе, ретушталған тас жебе шықты. Жебе ұштары шығысқа қаратылып, қатар-қатар қойылған түрде кездесті. Жебелердің ағашы нашар сақталған, жебе ұштары жақсы сақталған (сур. 5).

№ 2 қола дәуіріне тиесілі ескерткіштің сипаттамасы

Ескерткіш № 1 ескерткіштен оңтүстікке қарай 5 м арақашықтықта жатыр.

Қазбаға дейінгі күйінде ескерткіш толығымен жер астында болды, жердің бетінде оның бар екеніне нұсқайтын белгілері болмады. Ескерткіш тұрған жердің бетіндегі жалғыз тастың

¹Табылған адам қаңқаларына Англияның Дарем университетінің ассистенті, антрополог-маман А. Раисова антропологиялық сараптама жасады.

Сур. 4. Қаракемер қорымы, № 1 қоршаудағы
гүрптық тас жәшік көрінісі.
Фото Ү. Үмітқалиевтің жеке мұрағатынан

Сур. 5. Қаракемер қорымы, № 1 қоршаудағы
тас жәшіктегі жерленген адам қаңқасы.
Фото Ү. Үмітқалиевтің жеке мұрағатынан

астына қарай шурф қазу барысында жәшіктің тасы көрініп, оның толығымен жердің астында жатқаны анықталды. Ескерткіш бетіндегі өсімдік қабаты әлсіз болды, бетеге, көде, жусан секілді өсімдіктерден тұрды.

Ескерткіштің қазбасы ені – 6 м, ұзындығы – 6,80 м болатын аумақты алды. Шым қабатының қалыңдығы 5 см, еденге дейінгі тереңдігі 20 см құрады.

Ескерткіштің қола дәуірінің жерлеу орындарына тән тас қоршауы болмады. Оның құрылысы тек екі тас жәшіктен ғана тұрды. Жәшіктердің құрылысына тіктөртбұрышты келген сұр түсті құмтас (гранит) қолданылған. Тас жәшіктері тік төртбұрышты келген, параллель орналасқан. № 2 тас жәшік 30 см батысқа қарай алға, шығыс жағы оңтүстікке қарай сәл қиғаштау қойылған. Тас жәшіктердің бір-бірінен арақашықтығы 1 м.

№ 1 тас жәшіктің өлшемі келесідей: ені – 80 см, ұзындығы – 1,80 м, биіктігі – 0,90 м. Жәшік бетінен 0,4–0,5 м тереңдіктен орнаменті бар қыш ыдыс сынықтары шықты. Жәшіктің ішінде екі адам жерленген: сүйектер ер және әйел қаңқалары. Адам қаңқалары әртүрлі тереңдікте, шашыраңқы түрде, нашар сақталған күйде табылды. Алайда бас сүйектер жақсы сақталған болды. Жәшіктің шығыс бойында, 80 см тереңдікте қола моншақтар шықты.

№ 2 тас жәшіктің өлшемі келесідей: ені – 0,70 м, ұзындығы – 1,80 м, биіктігі – 0,8 м. Жәшіктің батыс басында қос құмыра қойылған. Сол жақ тұсында, 0,45 м тереңдікте, ернінен алғандағы диаметрі 0,3 м, ернінің қалыңдығы 9 мм болатын орнаментті, қызыл түсті қыш ыдыс бүтін күйінде табылды. Оның ішінде нашар сақталған сүйектер кездесті.

Бұл қыш ыдыстың жанынан, тас жәшіктің оң жақ тұсынан, 0,60 м тереңдікте, ернінен алынған диаметрі 0,10 м, ернінің қалыңдығы 1 см болатын, мойын тұсында орнаменті бар түсі қара қыш ыдыс бүтін күйінде табылды.

Жәшіктің орта тұсында, 0,5 м тереңдікте адамның бүтін бас сүйегі, 0,55 м тереңдікте анатомиялық реттегі, сол жақ иығына қол-аяғы бүгүлі күйде жатқызылып қойылған әйел

адам қаңқасы анықталды. Жақ сүйегі анатомиялық ретке сай орыннан, жәшіктің батыс жағынан табылды.

Археологиялық зерттеу жұмыстары жүргізілген Шыңғыстау өңіріндегі қола дәуірі қоршауларының ғылыми сараптамалық жұмыстары әлі де жасалуда. Осы қазбалардың материалдары арнайы зертханаларға жіберіліп, қорытындыларын күтудеміз. Қазба жүргізілген Қырықүңгір және Қаракемер қола дәуірі ескерткішінің сыртқы құрылысы мен қыш ыдыстарына қарап және Жапониядан келген сараптама нәтижесіне байланысты ерте Алакөл кезеңі деп мерзімдеп отырмыз [Брынза, Хабдулина, 2017, с. 31–37]. Сыртқы архитектуралық құрылымы жағынан ерте алакөл кезеңіне жататын монументальды архитектуралық құрылыстар Евразия даласында сирек кездесетін ескерткіштер деп сеніммен айта аламыз.

ӘДЕБИЕТ

Брынза Т.В., Хабдулина М.К. Новые материалы к изучению нуринской (федоровской) археологической культуры // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): м-лы междунар. науч. практ. конф. (г. Горно-Алтайск, 22–24 мая 2017 г.) / отв. ред. Ф.И. Куликов. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2017. С. 31-37.

Умиткалиев У.У., Митько О.А., Лбова Л.В. Окрашенные астрагалы эпохи бронзы (Могильник Кырыкунгир, Восточный Казахстан) // Поволжская археология. 2021. № 1 (35). С. 232-246.

Үмітқалиев Ұ., Айтбаев А., Әбдіғали Н., Педрацки М. Шыңғыстаудағы Қырықүңгір кешенді ескерткіші. Астана: Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті; «Алтын тамыр» баспасы. 2018. 200 б. (қазақша, орысша, ағылшынша, полякша).

Умиткалиев У.У., Айтбаев А.Б., Эшбекова Г.У. Шыңғыстаудағы Қырықүңгір қорымында жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары // Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университетінің хабаршысы. 2015. № 5 (108). 78-82-66.

**С.П. ГРУШИН,
ЧЖАН ЛЯНЬЖЭНЬ**

Грушин Сергей Петрович,
Алтайский государственный университет,
г. Барнаул, Россия;
gsp142@mail.ru
Чжан Ляньжэнь,
Нанкинский государственный университет,
г. Нанкин, КНР;
zhlr@nju.edu.cn

ПОСЕЛЕНИЕ ДРЕВНИХ МЕТАЛЛУРГОВ СОВЕТСКИЙ ПУТЬ 1 в КОНТЕКСТЕ КОМПЛЕКСОВ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ОБЬ-ИРТЫШЬЯ

Аннотация: Статья посвящена предварительным итогам археологического изучения поселения поздней бронзы Советский Путь 1, расположенного в степном Обь-Иртышье.

Ключевые слова: поздняя бронза, поселение, колодцы, металлургия, косторезное дело

Грушин Сергей Петрович,
Алтай мемлекеттік университеті,
Барнаул қ., Россия;
gsp142@mail.ru
Чжан Ляньжэнь,
Нанкин мемлекеттік университеті,
Нанкин қ., КХР;
zhlr@nju.edu.cn

ОБЬ-ЕРТІСТІҢ КЕЙІНГІ ҚОЛА КЕШЕНДЕРІ ЕЖЕЛГІ МЕТАЛЛУРГТЕРДІҢ СОВЕТСКИЙ ПУТЬ 1 ҚОНЫСЫ

Аннотация: Мақала Обь-Ертіс даласында орналасқан Советский Путь 1 кейінгі қола қонысын археологиялық зерттеудің алғашқы нәтижелеріне арналған.

Түйін сөздер: кейінгі қола, қоныс, құдықтар, металлургия, сүйек ою ісі

Sergey Grushin,
Altai State University,
Barnaul, Russia;
gsp142@mail.ru
Zhang Lianzhen,
Nanjing State University,
Nanjing, PRC;
zhlr@nju.edu.cn

SETTLEMENT OF ANCIENT METALLURGISTS SOVIETSKIY PUT' 1 in the CONTEXT of LATE BRONZE COMPLEXES OB-IRTYSH

Abstract: The article is devoted to the preliminary results of archaeological study of the late Bronze settlement Sovietskiy Put' 1, located in the steppe Ob-Irtysh.

Keywords: late Bronze, settlement, wells, metallurgy, bone-carving art

На территории степного и лесостепного Обь-Иртышья в период поздней бронзы складывается этнокультурная ситуация, характеризующаяся культурным разнообразием археологических памятников. Два больших этнокультурных массива определяли облик региона во 2 пол. II тыс. до н.э. – ирменская и саргаринско-алексеевская историко-культурные общности, граница между которыми проходит в Обь-Иртышском регионе, первая тяготеет к степным, вторая к лесостепным ландшафтам. Кроме ирменских и саргаринско-алексеевских комплексов открыты своеобразные типы памятников, обозначенные как бурлинский, бегазы-дандыбаевский и др., соотношение которых вызывает дискуссии среди специалистов. Особенностью залегания культурных слоев поздней бронзы рассматриваемого региона является их сопричастность с культурными отложениями средней бронзы (андроновская культура). Стратиграфические наблюдения не позволяют однозначно ответить на вопрос о характере соотношения данных культурных комплексов, подтверждая лишь тот факт, что население в период поздней бронзы проживало на тех же местах, что и в предшествующее андроновское. В контексте обозначенных проблем следует рассматривать материалы одного из крупных поселений поздней бронзы на восточной периферии саргаринско-алексеевского культурного ареала – поселения Советский Путь-1.

На протяжении последних нескольких лет международная археологическая экспедиция Алтайского государственного университета, совместно с Нанкинским университетом (КНР), осуществляет исследование данного памятника. Поселение расположено в 1,7 км к северо-востоку от центральной части с. Советский Путь к северу от совхозного сада, на левом берегу Алея (Локтевский р-н, Алтайский край, РФ) (рис. 1). Памятник был обнаружен в ходе обследования берега Алея в 70-х гг. прошлого века местным краеведом Н.Ф. Володиным, который периодически производил сборы подъемного материала в виде фрагментов керамической посуды и костей животных. Вероятно, в краеведческом музее г. Горняк хранится небольшая коллекция керамики, которая происходит с этого же памятника и собрана местными жителями в этот период [Казаков и др., 1996, с. 112-113]. В 1994 г. место находок было обследовано сотрудниками Барнаульского педагогического университета П.И. Шульгой и С.М. Ситниковым. В 1995 г. ими была вскрыта площадь 50 кв. м., где была собрана небольшая коллекция каменных изделий и найден керамический предмет дисковидной формы с отверстием в боку [Ситников, Шульга, 1995, с. 59–62]. В 1996 г. исследователями было раскопано 60 кв. м. площади поселения. В ходе работ обнаружено большое количество изделий из кости, камня и бронзы, также собрана большая коллекция керамического материала, которую уже тогда авторы раздели на две группы: андроновскую и саргаринско-алексеевскую [Гельмель, Ситников и др., 1996, с. 103; Ситников, 1998, с. 71]. Работы были продолжены в 1997 г., тогда было разбито два раскопа общей площадью 184 кв. м. В результате в раскопе № 1 кроме поселенческого материала было раскопано девять погребений раннескифского времени с сопроводительным инвентарем в виде бронзовых зеркал, украшений, фрагментов конской упряжи, изделий, использовавшихся в быту [Ситников, Шульга, 1998, с. 64-71]. При исследовании раскопа № 2 зафиксирован зольник, в котором было встречено большое количество костей животных, керамического материала, различных изделий из кости, бронзы, камня, а также множество фрагментов металлургического шлака. Позже полевые исследования памятника были прерваны на десятилетие.

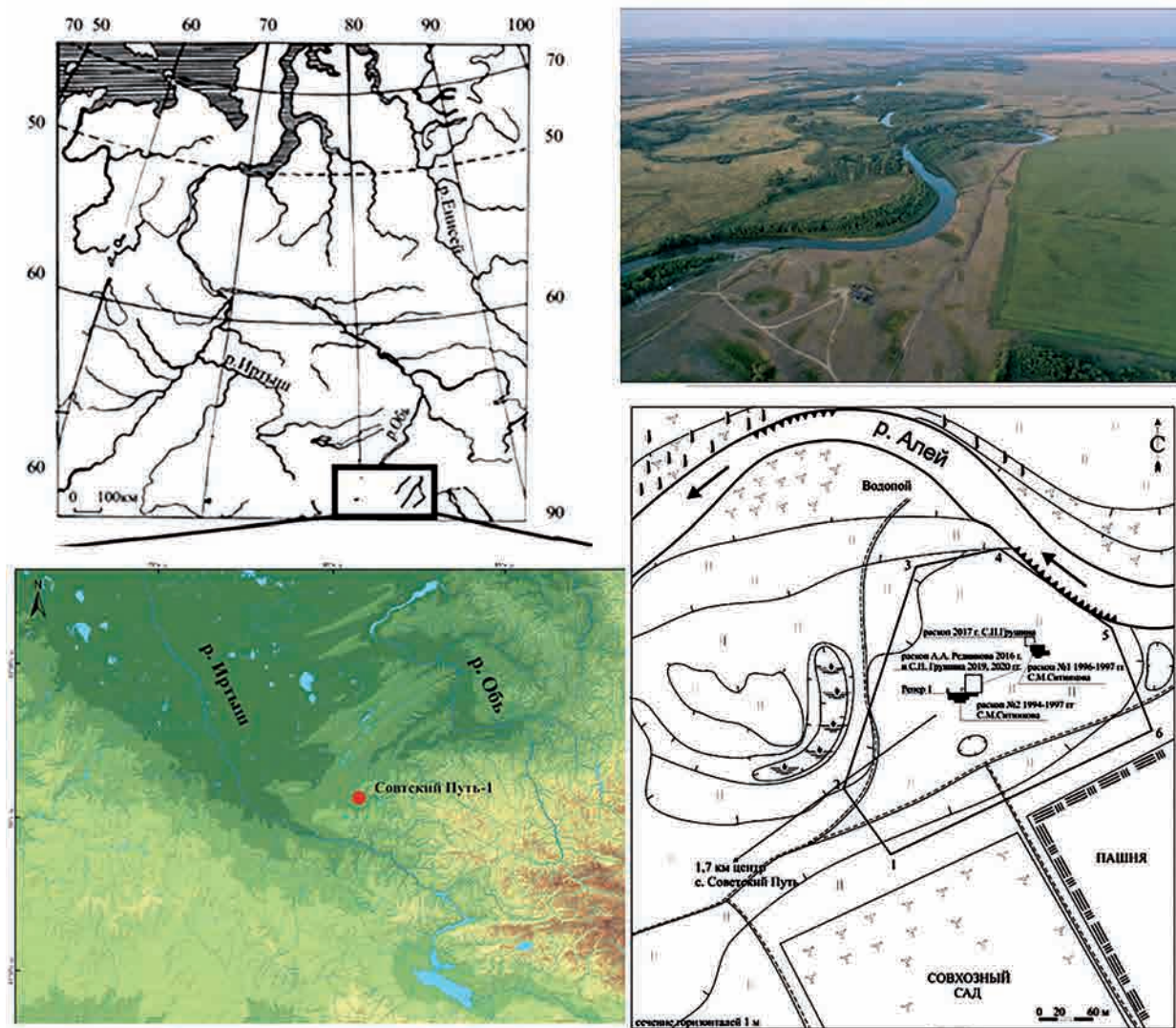

Рис. 1. Месторасположение памятника Советский Путь 1

В 2016–2020 гг. Международной экспедицией Алтайского и Нанкинского университетов было продолжено полевое изучение памятника. Данная работа посвящена кратким итогам исследования памятника последних лет. В этот период проведены междисциплинарные исследования, включающие как традиционные археологические подходы, так и методы естественных наук: радиоуглеродный, спектральный, технологический, трасологический, палеопочвенный и др. Предварительные результаты проделанной работы уже были опубликованы ранее [Тишкин, Грушин, Чжан, 2015; Тишкин, Редников, Чжан и др. 2017; Тишкин, Чжан, Грушин и др., 2018]. Археологические раскопки на площади 384 кв. м памятника позволили получить многочисленный археологический материал и выявить интересные объекты. Раскоп выявил древнюю хозяйственно-производственную площадку, о чем свидетельствовали насыщенный находками культурный слой и зафиксированные остатки сооружений. Центром площадки являлись два объекта в виде глубоких ям с вертикальными стенками, глубиной до 3,5 м в материке (рис. 2).

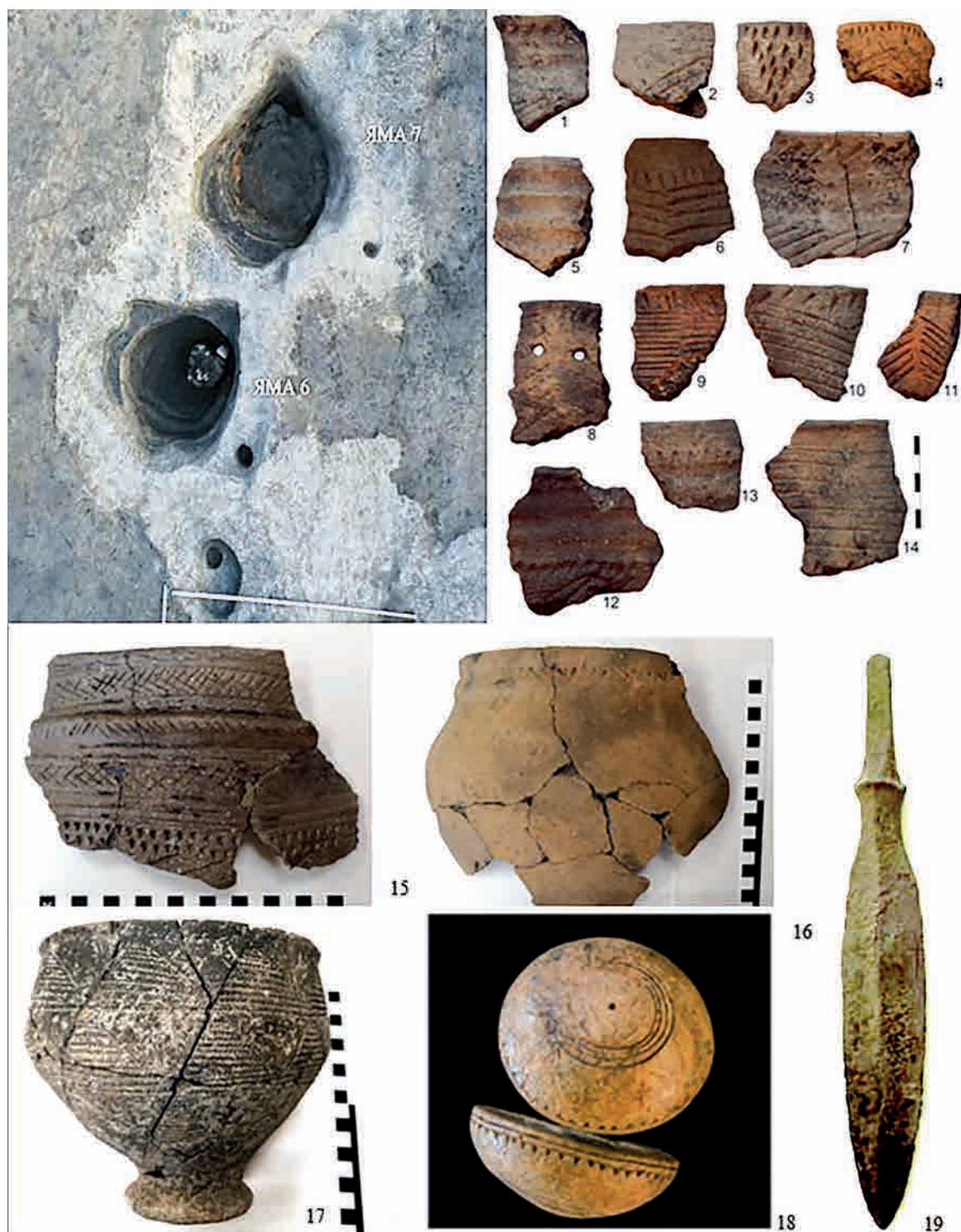

Рис. 2. Поселение Советский Путь 1. Исследованные колодцы и находки

Яма № 6 имела округлую форму диаметром 220 см и была углублена в материк на 337 см. Стенки ямы - вертикальные. На глубине -157 см от уровня материка, вдоль юго-западной стенки ямы, была зачищена крепиды, сооруженная из небольших камней, ее сохранившаяся часть имела размеры 80×20 см. Яма перерезала несколько природных слоев, была заполнена мешанным грунтом с вкраплениями прокаленного грунта, золы, крупными углистыми прослойками. Ниже яма была заполнена темно-голубой глиной, вперемешку с костями животных и керамикой. На глубине -337 см зафиксирован слой темно-желтого речного песка, который маркировал дно ямы. В заполнении обнаружены многочисленные фрагменты костей животных, керамики, костяные, бронзовые предметы. Среди них костяные бусина и наконечник стрелы. Дно ямы представляло собой желтый речной песок.

Яма № 7 примыкала с юго-запада к яме № 6 и имела четырехугольную форму размером 290×240 см. Объект был вытянут длинной осью по линии СВ-ЮЗ, углублен в материк на 362 см. Стенки ямы - вертикальные. В юго-западной стенке ямы имелась ступенька размерами 100×100 см, глубиной 23 см от уровня материка, напротив нее в яме было зачищено скопление размерами 80×50 см, состоящее из небольших рваных камней. Оно было найдено на глубине 25–73 см от уровня материка. В заполнении ямы обнаружены следующие находки: фрагменты венчиков керамических сосудов, костяное изделие, изделие из глины, бронзовое шило. Яма перерезала несколько природных слоев, была заполнена мешанным грунтом с вкраплениями прокаленной почвы, золы, крупными углистыми прослойками. Ниже заполнение объекта представлено темно-голубой глиной, вперемешку с костями животных и керамикой, костяными и бронзовыми предметами. Дно ямы представляло собой желтый речной песок.

В 6,5 м к юго-востоку от ям № 6 и 7 был частично исследован аналогичный им объект – *яма № 8*. Она имела округлую форму диаметром 90 см, половина объекта «уходила» под восточную стенку раскопа. Объект был углублен в материк на 300 см. Стенки ямы - вертикальные. Яма была заполнена мешанным грунтом с вкраплениями прокаленной почвы, золы, крупными углистыми прослойками. Ниже заполнение объекта представлено темно-голубой глиной, вперемешку с костями животных и керамикой. Дно ямы представляло собой желтый речной песок. В заполнении ямы обнаружены кости животных, развал керамического сосуда.

Над ямами № 7, 8 был устроен навес, который крепился на четырех вертикальных столбах-опорах, столбовые ямы от которых были исследованы. Вопрос о функциональном назначении данных сооружений пока остается открытым, но морфологические особенности, характер заполнения объектов может свидетельствовать о том, что они первоначально функционировали как колодцы. Устья колодцев и стенки на небольшую глубину были выложены камням, остатки таких элементов фиксировались при исследовании ям № 7 и 8.

После того как колодцы были заброшены, они использовались как зольники и как хозяйственные мусорные ямы, об этом свидетельствует заполнение объектов – битая керамика, кости животных, прокаленная почва, зола с углями. Большое количество скоплений керамики и костей животных отмечается в «предвходовой» части сооружений. Таким образом, можно говорить о двух фазах использования объектов: 1 фаза – колодцы; 2 фаза – зольники. Если учесть, что на поселении встречен материал двух культурно-хронологических комплексов, можно предположить, что первая фаза связана с андроновским периодом освоения площадки, вторая – с саргаринско-алексеевским. Косвенным подтверждением данного предположения является то обстоятельство, что ямы, которые интерпретируются нами как колодцы, были заполнены преимущественно материалами поздней бронзы, андроновская керамика в них практически полностью отсутствовала.

Колодцы на поселениях средней и поздней бронзы широко известны на территории степной зоны Северной Азии в частности в материалах срубной, синташтинской и алакульской культур [Алаева, 2002]. В функциональном отношении они рассматриваются как система колодец-

печь, в которой колодец играет особую роль как в металлургическом производстве, в качестве «холодильников», так и для целей водоснабжения [Григорьев, Русанов, 1995, с. 147–158; Григорьев, 2000, с. 443–525]. Колодцы на поселении Советский Путь 1 по функциональному назначению и по морфологическим особенностям ближе к колодцам алакульским и срубным. Они встречаются как внутри хозяйственных построек, так и под навесами во дворе, на дне и в заполнении имеют множество культурных остатков. В систему с печами они не увязаны, как и с металлургическим процессом. Основная функция – водоснабжение. Особенностью колодцев на поселении Советский Путь 1 можно считать их парность, два колодца практически соприкасались друг с другом. Нет оснований считать их разновременными, вероятно, они функционировали в один временной интервал. Судя по всему, такая система «двух колодцев» могла иметь практическое значение, суть которого еще предстоит выявить. Интересно отметить, что в современном строительстве используется система «двух фильтрационных колодцев» для отчистки и утилизации канализационных стоков. Такую интерпретацию на данном этапе исследования можно рассматривать как гипотезу, требующую дополнительного обоснования, но если учесть, что население в период позднего бронзового века достигло «предгородского» уровня социально-экономического развития, данная гипотеза, на наш взгляд, не лишена смысла. Во всяком случае, если и не идея канализации, то идея очистки грунтовых вод и улучшения качества воды в период поздней бронзы в условиях аридизации климата вполне может найти в будущем фактическое подтверждение.

Таким образом, в результате полевых работ на поселении Советский Путь 1 в 2016–2020 гг. был получен разнообразный археологический материал, который включал в себя большое количество костей животных, камней, керамический материал. Также нами получена обширная коллекция индивидуальных находок – керамика, резная кость, обработанный камень, бронзовые предметы (рис. 2). Обнаруженные в процессе раскопок материалы датируются в пределах XVI–IX вв. до н.э., что соответствует периодам средней и поздней бронзы. В культурном отношении керамический комплекс четко делится на две составляющие, хотя стратиграфически и планиграфически он не разделяется. Первая группа это керамика андроновского (федоровского) типа, вторая – саргаринско-алексеевского и бегазы-дандыбаевского типа. Андроновская керамическая посуда делится на две группы: нарядно-ритуальная посуда и хозяйственно-бытовая. Андроновская керамика абсолютно преобладает во всем керамическом комплексе. Она представлена баночными формами и горшками. Вторая группа (керамика саргаринско-алексеевского и бегазы-дандыбаевского типа) представлена горшечными формами. Этот позднебронзовый комплекс широко встречается как в степном Алтае, так и в Восточном, Центральном и Южном Казахстане [Кадырбаев, Курманкулов, 1992; Бейсенов, Ломан, 2009; Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014; Ситников, 2015 и др.].

Характер находок на памятнике Советский Путь 1 позволяет судить о специализации поселка. Обнаружение большого количества бронзовых изделий, а также различных изделий для шлифовки металла, возможно, свидетельствует о том, что население поселка достигло уровня ремесленного производства отдельных категорий бронзовых предметов, а находки металлургического шлака и металлических всплесков могут свидетельствовать о высоком уровне металлургического производства. В таком случае крайне перспективным направлением исследования памятника является поиск и изучение металлургических горнов и рабочих мест мастеров. Кроме металлургического производства, на исследованном участке зафиксированы следы косторезного дела и обработки рога. Такие находки концентрировались в «предвходовой» части колодца (яма № 7). Они представляли собой скопление рогового и костяного сырья с различными следами обработки. Кроме того, на поселении обнаружены великолепные орнаментированные костяные и роговые предметы – пуговицы, бляшки, застежки, а также бронзовые инструменты – резчики для нанесения орнамента.

Саргаринско-алексеевское население достигло высокого уровня социально-экономического развития, об этом свидетельствует не только уровень развития животноводства, металлургического

производства, но и наличие крупных хозяйственно-культурных, административно-культовых поселений. Подобным центром в восточном ареале культуры было Семиарское поселение, расположенное на правом берегу Иртыша [Мерц, 2017]. Небольшие поселки, расположенные на периферии, могли иметь различную хозяйственную специализацию. Поселение Советский Путь 1 в силу своего географического положения – близость к меднорудным источникам сырья Западного Алтая - специализировалось на металлургическом производстве и, вероятно, косторезном деле и обработке рога. Совокупность перечисленных факторов делает поселение Советский Путь 1 значимым объектом для понимания культурно-исторических процессов, проходивших на юге Западной Сибири, в Казахстане и Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы. Необходимо дальнейшее комплексное научное изучение этого объекта с обязательным привлечением специалистов из областей естественных наук.

ЛИТЕРАТУРА

Алаева И.П. Колодцы поселений бронзового века Урало-Казахстанского региона // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 7-9.

Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 192 с.

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы: «Инжу-Маржан» полиграфия, 2009. 264 с.

Гельмель Ю.И., Ситников С.М., Шульга Н.Ф., Шульга П.И. Аварийные раскопки в Локтевском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: м-лы науч.-практ. конф.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. Вып. VII. С. 100-106.

Григорьев С.А. Металлургическое производство на Южном Урале в эпоху средней бронзы // Древняя история Южного Зауралья. Т. 1. Челябинск: Рифей, 2000. С. 444–531.

Григорьев С.А., Русанов И.А. Экспериментальная реконструкция древнего металлургического производства // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. / Сост. Н.О. Иванова; науч. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: Изд-во Чел. гос ун-та. 1995. С. 147-158.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата: Гылым, 1992. 247 с.

Казаков А.А., Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Локтевский район. Памятники археологии. // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Сб. ст. Барнаул: НПЦ «Наследие»; Алтайский гос. ун-т; НИИ ГИ, 1996. С. 99-113.

Мерц В.К. Семиарское поселение бронзового века в контексте проблемы формирования протогородской культуры в Верхнем Прииртышье // Мир Большого Алтая. 2017. № 3 (4). С. 495-509.

Ситников С.М. Некоторые результаты исследования поселения Советский Путь 1 // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 71–84.

Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 254 с.

Ситников С.М., Шульга П.И. Работы на юго-западном Алтае // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 59–62.

Тишкин А.А., Грушин С.П., Чжан Л. Перспективы изучения древних металлургических традиций в Центральной Азии // Интеграция археологических и этнографических исследований. / Гл. ред. М.Н. Тихомирова, Н.Н. Серегин. Барнаул; Омск: Изд. дом «Наука», 2015. С. 319-322.

Тишкин А.А., Чжан Л., Грушин С.П., Редников А.А., Шуй Т., Серегин Н.Н. Исследовательская программа междисциплинарного изучения поселения эпохи бронзы Советский Путь-1 // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Сб. науч. ст. / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 131-138.

Тишкин А.А., Редников А.А., Чжан Л., Шуй Т. Рентгенофлюоресцентный анализ металлических находок, шлака и руды с поселения эпохи бронзы Советский Путь-1 в предгорьях Алтая // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 26-31.

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКК –	Археологическая карта Казахстана
АН КазССР –	Академия наук Казахской ССР. Алма-Ата
АН РК –	Академия наук Республики Казахстан. Алматы
АН СССР –	Академия наук СССР. Москва
АО –	Археологические открытия. Москва
БФАН СССР –	Башкирский филиал Академии наук СССР. Уфа
ВДИ –	Вестник древней истории. Москва
ВКО –	Восточно-Казахстанская область Республики Казахстан
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева –	Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева. Астана, Нур-Султан
ИА АН СССР –	Институт археологии Академии наук СССР. Москва
ИА КН МОН РК –	Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки МОН РК. Алматы
ИАК –	Императорская археологическая комиссия. Санкт-Петербург
ИАС –	История и археология Семиречья. Алматы
ИАЭт СО РАН –	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Новосибирск
ИИАЭ АН КазССР –	Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР. Алма-Ата
ИМКУ –	История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
КСИА –	Краткие сообщения Института археологии. Москва
МАЭ –	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Санкт-Петербург
МИА –	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва–Ленинград
МИАР –	Материалы и исследования по археологии России
МИЦАИ –	Международный институт центральноазиатских исследований. Самарканд
НИИ им. К.А. Акишева ЕНУ им. Л.Н. Гумилева –	Научно-исследовательский институт им. К.А. Акишева при ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Астана, Нур-Султан
НИЦ –	Научно-исследовательский центр «Археология и этнография» Кызылординского университета имени Коркыт Ата. Кызылорда

НИЦИА «Бегазы-Тасмола» –	Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола». Алматы
ОГПУ –	Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург
ПТКЛА –	Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент
РА –	Российская археология. Москва
СКО –	Северо-Казахстанская область Республики Казахстан
СҚО –	Солтүстік-Қазақстан облысы
СЭ –	Советская этнография. Москва
ТАКЭ –	Термезская комплексная археологическая экспедиция
ТОУАК –	Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург
ТХАЭЭ –	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
УАВ –	Уфимский археологический вестник. Уфа
УАС –	Уральское археологическое совещание
УрО РАН –	Уральское отделение Российской академии наук. Екатеринбург
ФИА –	Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астане, г. Нур-Султане
ЮКАЭ –	Южно-Казахстанская археологическая экспедиция
ЮККАЭ –	Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция

МАЗМҰНЫ

СОДЕРЖАНИЕ – CONTENT

<i>Құрманғалиева Ж.</i> Құттықтау сөз	9
<i>Құрманғалиева Ж.</i> Приветственное слово	12
Редакциялық алқадан	14
От редколлегии	15

ОТАНДЫҚ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР ТАРИХЫНАН. ҒЫЛЫМДАҒЫ ТҰЛҒАНЫҢ РӨЛІ

Из истории археологического изучения Казахстана. Роль личности в науке

<i>Маргулан Д.А.</i> А.Х. Маргулан и его вклад в исследование памятников Улытау-Жезказганского региона	19
<i>Байтанаев Б.А.</i> К юбилею Института археологии им. А.Х. Маргулана: основные итоги деятельности за 2011–2021 гг.	23
<i>Көмеков Б.Е., Ақымбек Е.Ш.</i> Академик К.М. Байпаковтың «Қазақстанның ежелгі және орта ғасырлардағы урбанизациясы (Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясының зерттеу материалдары бойынша)» еңбегіне шолу	43
<i>Зиняков Н.М.</i> Городская культура и урбанизация средневекового Казахстана в научном наследии К.М. Байпакова	55
<i>Артюхова О.А.</i> Основные идеи А.Г. Медоева в палеолитоведении Казахстана	67
<i>Нигматова С.А.</i> Роль Б.Ж. Аубекерова в развитии геоархеологии Казахстана	80
<i>Бисембаев А.А., Ахатов Г.А.</i> История изучения памятников ранних кочевников Приаральско- Мугалжарского региона в период суверенитета (1991–2021 гг.)	95
<i>Талеев Д.Ә.</i> Қаратаудың теріскейіндегі қалалар жазба деректер беттерінде және олардың баламалануы	109
<i>Плешаков А.А.</i> Исследования в Северном Казахстане археологических памятников Золотоордынского периода	115

Жумашиев Р.М., Усманова Э.Р., Бедельбаева М.В.	
Открытие и формирование научного исторического знания о знаке Амира Тимура на сопке Алтыншоки	124
Ержигитова А.А., Бейсембаева Л.С.	
Из истории изучения городища Сауран	137
Мусаева Р.С.	
Поселения срубной культуры Западного Казахстана: история изучения и краткие выводы	145
Алтаев М.А.	
Ұлы Жібек жолы бойында орналасқан ортағасырлық қалалардың материалдық мәдениеті Қастек қалашығы негізінде	153
Serhan Cinar	
Development and future of archaeology in Independent Kazakhstan	162

ТАС ЖӘНЕ ПАЛЕОМЕТАЛЛ ДӘУІРІНІҢ АРХЕОЛОГИЯСЫ

Археология эпохи камня и палеометалла

Волошин В.С.	
Палеолитический материал памятника Вишнёвка-1	171
Зайберт В.Ф., Аязбекова С.Ш., Бексеитов Г.Т., Абильмаликов К.Г., Шакиаков К.Г., Курманиязов И.С., Баянова Ж.К.	
Основные результаты исследований Ботайской экспедиции на поселениях Ботай и Красный Яр в 2021 г.	184
Байтлеу Д.А., Калиева Ж.С., Искаков А.Ш.	
Результаты археологических исследований поселения Тарангул в 2021 г. (предварительное сообщение)	198
Байтлеу Д.А., Анкушев М.Н., Калиева Ж.С., Шагирбаев М.С.	
Результаты исследования объектов горного дела и металлургии эпохи палеометалла Жезказган-Улытауского региона в 2021 г.	207
Сакенов С.К., Ярыгин С.А., Ильдеряков Н.Н.	
Новые памятники федоровской культуры из Бурабая	215
Шевнина И.В., Логвин А.В.	
Халвай 4 – поселение эпохи бронзы	226
Үмітқалиев Ұ.Ұ., Мұсырманқұл П.Б.	
Шыңғыстау өңірінде 2021 жылы қола дәуірі ескерткіштеріне жүргізілген зерттеулердің қорытындылары	237
Грушин С.П., Чжан Ляньжэнь	
Поселение древних металлургов Советский Путь 1 в контексте комплексов поздней бронзы Обь-Иртышья	245
Қысқартулар тізімі – Список сокращений	252

Ғылыми басылым

Марғұлан оқулары–2021:

Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 30 жылдығына
және Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының 30 жылдығына арналған
«Этномәдени зерттеулер контекстіндегі Ұлы Дала»
атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары
(Алматы қ., 26–27 қазан 2021 ж.).
3 томдық. Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2021. 1-том.

Научное издание

Маргулановские чтения–2021:

материалы международной научно-практической конференции
«Великая степь в контексте этнокультурных исследований»,
посвященной 30-летию Независимости Республики Казахстан
и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана
(г. Алматы, 26–27 октября 2021 г.).
В 3-х томах. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2021. Т. 1.

Scientific publication

Margulan readings–2021:

proceedings of the International scientific and practical conference
“The Great Steppe in the Context of Ethnocultural Research”,
dedicated to the 30th anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan
and the 30th anniversary of the A.Kh. Margulan Archaeology Institute
(Almaty, October 26–27, 2021).
In 3 volumes. Almaty: A.Kh. Margulan Archaeology Institute, 2021. Vol. 1.

Компьютерлік беттеу және дизайн – О.В. Кузнецова
Компьютерная верстка и дизайн – О.В. Кузнецова
Computer layout and design – O.V. Kuznetsova

Түпнұсқа макет Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтында дайындалды.
050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
Баспаға 01.11.2021 жылы қол қойылды. Пішім 84×108 1/16
Шартты б.т. 26,9. Times New Roman Гарнитурасы. Таралымы 100 дана.

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии им. А.Х. Маргулана
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Подписано в печать 01.11.2021 г. Формат 84×108 1/16
Усл. п. л. 26,9. Гарнитура Times New Roman. Тираж 100 экз.

Original layout prepared at the A.Kh. Margulan Archaeology Institute
050010 Almaty, Dostyk Ave., 44
Signed to print 01.11.2021. Format 84×108 1/16
Printed sheet 26,9. Times New Roman headset. Circulation 100 copies.

«Хикари» баспаханасында басылған
Отпечатано в типографии «Хикари»
Printed in the printing house «Hikari» hikari.kz24.online